This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

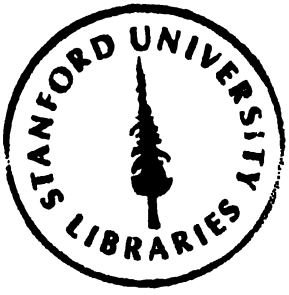
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`


STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

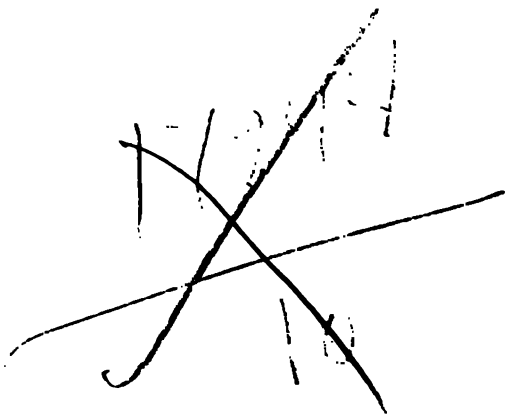
МАРКЕВИЧЪ.

ІНЕНІЯ Б. М. МАРКЕВИЧА, XI.

Б. М. МАРКЕВИЧЪ.

80 140
4

Mh
6392



Markevich, B. M.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

Б. М. МАРКЕВИЧА.

ТОМЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія (бывшая) А. М. Котомина, Фонтанка, д. № 93.
1885.

PG 3467
M327
1885
v. 11

Содержаніе

ОДИННАДЦАТАГО ТОМА:

	стран
Чадъ жизни	7

Разсказы и очерки.

Иванъ Сусанинъ у Мироваго	121
Цыганка Таня	131
Въ вагонѣ	141
По телеграфу	157
Въ окна	175
Дуэлисты старыхъ временъ	189
Изъ Петербургской жизни. (Домовладѣльческіе типы)	201
Изъ Петербургской жизни. (Почему Павелъ Павлычъ Ѳедосеевъ не попалъ въ камеръ-юнкеры къ Святой)	227
Свободная душа	245
Бѣлокурая красавица	287
Анекдотистъ	303
Утро карьериста	305
Изъ прожитыхъ дней I. Августъ мѣсяцъ	337
„ „ „ II. Профили старыхъ временъ	355
„ „ „ III. На югѣ въ сороковыхъ годахъ	387
„ „ „ IV. Бальзакъ и его женитьба	419

ДРАМА

и

РАЗСКАЗЫ И ОЧЕРКИ.

ЧАДЪ ЖИЗНИ.

Драма въ пяти дѣйствіяхъ.

(Заимствована изъ романа „ПЕРЕЛОМЪ“).

Маріи Гавриловнѣ

САВИНОЙ.

Въ первые десять томовъ предлагаемаго читателямъ изданія вошли всѣ большія беллетристическія произведенія, написанныя Б. М. Маркевичемъ въ теченіе *семнадцати лѣтъ* непрерывавшейся литературной его дѣятельности, считая съ 1867 по 1884 годъ.

Въ послѣдній, одиннадцатый томъ внесены въ хронологическомъ порядкѣ мелкіе разсказы и очерки, написанные имъ за тотъ же періодъ времени, но, такъ сказать, между дѣломъ, шутя и наскоро, и напечатанные въ разныхъ изданіяхъ, за тою или другою подписью, или совсѣмъ безъ подписи. Большую часть этихъ разсказовъ онъ самъ перепечаталъ, съ небольшимъ за годъ до своей кончины, въ особомъ изданіи маленькаго формата, подъ названіемъ: *Повѣсти и разсказы Б. М. Маркевича* *). Прибавка на титульной страницѣ этого изданія: *Выпускъ первый* свидѣтельствуетъ, что онъ имѣлъ намѣреніе продолжать перепечатку и другихъ, наскоро написанныхъ имъ въ пору полной литературной зрѣлости, мелкихъ разсказовъ своихъ.

Первое мѣсто въ XI томѣ отдано драмѣ „*Чадъ жизни*“, какъ единственному произведенію въ дра-

*) Тип. Товар. Общ. Польза. СПБ. 1883.

матической формѣ, передѣланному авторомъ изъ „одного изъ главныхъ эпизодовъ“ его романа „*Переломъ*“.

Немногія мелкія сценическія его произведенія, въ ранней молодости составленныя имъ однимъ, или въ сотрудничествѣ съ кѣмъ-либо и бывшія въ свое время на сценѣ, не внесены въ это изданіе.

Литературно-критическія и публицистическія его статьи и замѣтки, а равно и переписка съ литературными друзьями составятъ особое изданіе.

МНОГОУВАЖАЕМАЯ МАРІЯ ГАВРИЛОВНА,

Выраженное Вами мнѣ желаніе и чаяніе, что „роль Ольги Елпидифоровны Ранцовой станетъ лучшею ролью Вашего репертуара“, окончательно, побудили меня передѣлать для сцены одинъ изъ главныхъ эпизодовъ моего романа „Переломъ“. Сильный Вашимъ поощреніемъ, я принялся съ любовью за работу, читалъ Вамъ мою драму актъ за актомъ, и благодарно и послушно руководился при этомъ Вашими вполнѣ артистическими и драгоцѣнными для меня съ технической стороны указаніями. Нѣкоторыя даже замѣченныя мною мѣстами въ піэсѣ длинноты я счелъ нужнымъ оставить въ цѣлости въ виду замѣчанія Вашего, что „урѣзки могутъ быть полезно дѣлаемы только на репетиціи, когда самый процессъ исполненія и сценическое чутье исполнителей укажутъ съ достодолжной вѣрностью, *гдѣ и что̀ именно* должно быть исключено, или даже измѣнено для успѣшнѣйшаго хода и интереса піэсы“.

Драма моя должна была итти въ Вашъ бенефисъ и уже этимъ самымъ привлечь на первое представленіе ея воспитаннѣйшую и просвѣщеннѣйшую часть нашей публики...

Лица, которымъ ввѣрены нынѣ судьбы русскаго театра, рѣшили иначе:—драма моя была „отвергнута“ литературно-театральнымъ комитетомъ.

Но, неисправимый оптимистъ, я вѣрю, что существующіе нынѣ для постановки на Императорскую сцену піэсъ порядки долго продолжаться не могутъ и что на нихъ обратятъ, наконецъ, серьезное вниманіе тѣ, кому объ этомъ вѣдать надлежитъ. Придетъ часъ, и онъ, быть можетъ, близокъ, когда

для добронамѣренныхъ писателей станетъ возможенъ доступъ къ этой сценѣ. Когда настанетъ этотъ часъ, Вамъ будетъ дано исполнить роль, желанную Вами, а мнѣ—въ числѣ безчисленныхъ поклонниковъ Вашихъ восторженно рукоплескать Вамъ въ ней.

Позвольте пока покорнѣйше просить Васъ принять посвященіе Вамъ произведенія, которое безъ Вашего рѣшающаго вызова никогда, по всей вѣроятности, не увидѣло бы свѣта.

Глубоко уважающій Васъ

Б. Маркевичъ.

ЧАДЪ ЖИЗНИ.

ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ *).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Елпидифоръ Павловичъ **Акулинъ**, отставной частный приставъ.
Ольга Елпидифоровна **Ранцова**, дочь его.
Никаноръ Ильичъ **Ранцовъ**, камеръ-юнкеръ, бывшій армеецъ.
Графъ Леонидъ Александровичъ **Наташанцевъ**, большой чинъ Двора.
Владиміръ Петровичъ **Ашанинъ**, московскій молодой человѣкъ.
Князь Василій Михайловичъ **Шастуновъ**, гусарскій офицеръ.
Княгиня Аглая Константиновна **Шастунова**, мать его.
Баронесса Надежда Ѳедоровна **Фицгеймъ**, свѣтская особа.
Анфиса, экономка Акулина.
Стороженко, ходатай по дѣламъ.
Терхаріанцевъ, армянинъ, купецъ.
Докторъ **Ѳирсовъ**.
Ѳедька, слуга Акулина.
Даша, горничная Ранцовой.
Алексѣй, слуга въ гостиницѣ.
Слуги.

1, 2, 3 и 5 дѣйствія происходятъ въ Москвѣ, 4—въ Петербургѣ. Между 4-мъ и 5-мъ дѣйствіями проходитъ полтора года.

---

*) Впервые напечатана въ „Приложеніи къ газетѣ Гражданинъ“ за Январь 1884 года.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Въ Москвѣ, въ домѣ Акулина (во второй половинѣ августа). Кабинетъ Акулина. Вправо отъ зрителя входная двустворчатая дверь. По той же сторонѣ венеціанское раскрытое окно. По лѣвой отъ зрителя сторонѣ едва замѣтная, оклеенная обоями подъ стать стѣнамъ комнаты (желательно краснаго цвѣта), небольшая дверь въ комнату Анфисы; за нею—другая двустворчатая дверь. На заднемъ планѣ, прямо противъ зрителя, отдергивающаяся на кольцахъ занавѣсь во всю высоту, отдѣляющая кабинетъ отъ алькова—спальни хозяина. Стѣны комнаты покрыты картинами въ потускнѣвшихъ рамахъ. Мебель сборная, цѣнная, всякихъ эпохъ и формъ; по правой рукѣ отъ алькова большой баютъ старинной рѣзьбы; на немъ всякія вазы, фарфоръ и кубки; по лѣвой—невысокій шкафъ, на которомъ графинъ съ водою, рюмка и нѣсколькихъ аптекарскихъ стклянокъ. Между дверями лѣвой стороны еще шкафъ (или старинный письменный столъ съ этажерками), на которомъ стоятъ бронзовые часы style Empire. Посреди сцены небольшая кушетка, кресло и довольно большой столъ на ножкахъ. Комната должна вообще носить характеръ нагроможденности и артистическаго безпорядка мастерской художника.

При поднятіи занавѣса Анфиса, женщина лѣтъ 28-ми, повязанная шелковымъ платкомъ по головѣ, въ шелковой кофтѣ старокупеческаго покроя, съ выбивающимися изъ плечевыхъ отверстій широкими и подобранными рукавами бѣлой сорочки, стоитъ на порогѣ алькова въ глубинѣ сцены. Занавѣсь отдернута, и зритель можетъ видѣть за нею большое кресло на колесахъ, въ которомъ спитъ Акулинъ, громоздкій человѣкъ лѣтъ 55-ти, съ большою пуховою подушкой за спиною и другой съ лѣвой стороны, на которой лежитъ недвижно парализованная рука.

СЦЕНА I.

Анфиса (*одна*). Умаялся наконецъ, заснулъ... А то, думала, и конца этому не будетъ (*задергиваетъ занавѣсь и выходитъ на сцену*). „Чего ея, дочери, до сихъ поръ нѣтъ“? А почемъ я знаю! Можетъ и вовсе пріѣхать не захотѣла... Хнычетъ, ноетъ... Ажъ истомилъ всю!.. А тутъ опять тотъ придетъ, Степа,—сказывалъ, будетъ сегодня,—съ ножомъ къ горлу пристанетъ: „исполни“, скажетъ... Исполни! Петлю онъ мнѣ, дьяволъ, на шею надѣлъ,—вотъ что! Разѣ легко на такое дѣло рѣшиться?.. (*оборачивается на шумъ шаговъ въ глубинѣ сцены*) Вотъ онъ самъ и есть!..

СЦЕНА II.

Анфиса и Стороженко.

Стороженко (*осторожно оглядываясь*). Анфиса Дмитріевна!...

Анфиса (*дѣлаетъ ему знакъ рукой*). Тише, тсс!...

Стороженко. Что это, спитъ?

Анфиса. Започивалъ только.

Стороженко. Дочку его ждете?...

Анфиса. А ты ужь знаешь!

Стороженко. Ѳедька сейчасъ въ передней сказывалъ... (*мрачно*) По телеграммѣ, по докторской, значитъ?

Анфиса. Стало быть! Вчера отъ нея отвѣтъ полученъ. „Буду-молъ завтра, радуюсь увидѣть“... Я тебѣ говорила: все равно, вторую пошлетъ, какъ если-бъ на первую молчекъ...

Стороженко (*озираясь*). Какъ же вы теперь думаете (*не договариваетъ*)...

Анфиса. Чего это?

Стороженко. Сами понимать должны.

Анфиса (*тоскливо*). Ты на счетъ все того же...

Стороженко. А то какъ еще!...

Анфиса (*со вздохомъ*). Ахъ, лукавая твоя душа; мало тебѣ, воръ ты этакой, что изъ-за тебя я совѣсть потеряла, благодѣтелю моему, замѣсто благодарности, обманомъ заплатила... а ты еще...

Стороженко (*не давая ей продолжать, ядовито*). Какому „благодѣтелю-то“? Хопугѣ этому полицейскому, что̀ васъ пять лѣтъ духомъ и тѣломъ къ крѣпости держалъ! Такъ такого „благодѣтеля“ по Владимiркѣ погнать стоитъ, а не то что...

Анфиса (*перебивая*). Оставьте! Каковъ для другихъ—не знаю, а для меня благоволительный былъ господинъ завсегда. Покудова съ тобою не связалась, какъ за кремлемъ каменнымъ жила за нимъ, что лучше не надо женщинѣ.

Стороженко (*хихикая*). Это и точно:—помретъ, такъ вы, почитай, нищая изъ дому изъ его этого выйдете, когда у него, чорта стараго, тутъ (*кивает на баютъ въ глубинѣ сцены*) тысячъ, можетъ, сто денегъ лежитъ.

Анфиса (*невольно*). Побольше будетъ.

Стороженко. Вотъ видите!... И все это его богатство, значитъ, законной наслѣдницѣ, дочери, перейти должно... А у нихъ у самихъ съ мужемъ деньги куры не клюютъ. (*Тише, близко подходя къ ней*) И про деньги эти отцовскія она ничего даже и не знаетъ,—сами вѣдь сказывали вы.

Анфиса. Окромя меня и никто не знаетъ: ото всѣхъ скрывалъ...“

Стороженко (*горячимъ шопотомъ*). Чего-же вы смотрите! Аль и впрямь счастія своего не желаете, и всѣ ваши слова любовныя обманъ одинъ?... Такъ я этого терпѣть болѣе не хочу... За тѣмъ и пришелъ, чтобы сказать вамъ... Измаялся я отъ этого характера вашего заячьяго? Какъ если вы и сейчасъ не согласны будете,—Богъ съ вами, за двадцать тысячъ верстъ отъ Москвы уѣду!...

Анфиса (*вскрикивая*). Куда это?

Стороженко. Въ Туркестанскомъ краѣ суды новые открываются,—мѣсто тамъ получить мнѣ можно.

Анфиса. Вѣдь это гдѣ-жь, въ Азіи никакъ, Степа?...

Стороженко. Говорю: тысячъ двадцать верстъ отселева будетъ.

Анфиса (*заламывая руки*). Степа, для чего же это ты теперича меня мучаешь? Совѣсть у тебя гдѣ?...

Стороженко (*перебивая*). Эхъ, Анфиса Дмитріевна, что намъ все эту старую канитель тянуть! Какъ если бы дѣйствительно у насъ съ сами было тысячъ 70, 80, больше не надо,—поженились бы мы въ тотъ же часъ, хуторочекъ бы себѣ *пидъ Пилтавою*, на родинѣ моей, аль на Сулѣ купили, „*садокъ вишневій коло хаты*“, да и сховались бы тамъ отъ всего свѣта, голубонька моя!... (*Нѣжно обнимаетъ ее.*) А вотъ какъ въ карманѣ нѣтъ ничего,—лучше врозь, чѣмъ сердце только дармо терзать!...

Анфиса (*очень взволнованно*). Ахъ, не слушала-бъ я никогда эти рѣчи твои змѣиныя! Душу ты мнѣ всю вымоталъ, мучитель ты мой, злодѣй!... (*сильное колебаніе*) Какъ же я, самъ посуди, шкапъ-отъ этотъ отворю, когда ключъ у него на шеѣ, съ крестомъ на цѣпочкѣ, виситъ?

Стороженко (*шопотомъ*). А развѣ снять нельзя и съ цѣпочкой? Спитъ онъ вѣдь. Все въ вашихъ рукахъ сейчасъ... и мы съ вами на вѣкъ счастливые... (*Занавѣсь алькова слегка волнуется будто отъ прикосновенія чьей-то руки.*)

Анфиса (*съ ужасомъ*). Да что ты ошалѣлъ, что-ли, чтобъ я теперь, *сейчасъ* хочешь?...

Стороженко. А чего-жь время-то упущать! Мало еще его потеряли?... Послѣ этого его удара, сами знаете,—заснетъ, такъ хоть изъ пушекъ подъ ухомъ пали, не услышитъ... Минута одна вѣдь: цѣпочку сняли, шкафъ отперли... потомъ опять на него надѣнете,—и не узнаетъ николи... Я тутъ постерегу у дверей...

Анфиса (*въ сильномъ волненіи*). Да развѣ это возможно, діаволъ ты, коли дочку его, Ольгу Елпидифоровну, съ минуты на минуту ждать сюда надо. Мужъ когда еще за нею поѣдетъ.

Стороженко (*указывая на часы*). Не будетъ она сегодня: первый часъ на исходѣ, видите! Какъ бы если пріѣхала,

давно-бъ ей здѣсь надо быть... Ступайте... говорю, одна минута всего.

Анфиса (*отчаянно*). Не могу... что хочешь дѣлай, не могу!..

Стороженко. А не можете—такъ прощайте... Пропадай все пропадомъ!... (*Хочетъ итти*).

Анфиса (*кидаясь за нимъ*). Степа, куда же ты? Господи, такой грѣхъ на душу принять!...

Стороженко. На свою принимаю, на свою... (*Указывая на альковъ*). Ступайте, коли любите!...

Анфиса. Ахъ ты мой мучитель, мучитель!... (*Идетъ, шатаясь, къ алькову. Стороженко крадется на цыпочкахъ за нею. Она вдругъ останавливается*). Слышишь, идутъ... Они,—пріѣхали!... Уходи ты скорѣе, уходи!...

Стороженко (*злобно*). Ахъ, чтобъ васъ всѣхъ!...

Анфиса (*тревожно*). Черезъ мою свѣтелку ступай,—нечего тебѣ ей въ глаза попадаться (*идетъ за нимъ къ двери въ ея комнату*).

Стороженко (*на порогѣ*). Глядите же: можетъ, ночью случай выйдетъ... Я зайду завтра навѣдаться... А коли вы опять на попятный, такъ и знайте: не видать вамъ меня въ жисть.

Анфиса. Да уходи ты, діаволъ, уходи!... (*Вталкиваетъ его въ свою комнату*).

СЦЕНА III.

Анфиса и Ранцовъ (*быстро входитъ*).

Ранцовъ (*радостно Анфисѣ*). Жену привезъ... Что батюшка?

Анфиса (*подавляя волненіе*). Только-только започивали... Маялись все, ожидаючи Ольгу Елпидифоровну, безпокоились, что онѣ и вовсе не пріѣдутъ, или что, не дай Богъ, съ поѣздомъ случилось...

Ранцовъ. Пріѣхала, пріѣхала благополучно, во-время... Только, знаете, пока тамъ въ гостиницѣ устроилась... ну, и туалетъ этотъ ихъ дамскій, какъ вамъ извѣстно... (*Смѣется*).

Анфиса. Въ гостиницѣ? Для чего-жь онѣ у насъ не пристали? Комнаты имъ, сами изволили видѣть (*указываетъ на дверь рядомъ съ дверью въ ея комнату, по лѣвой сторонѣ*), рядомъ съ вашею приготовлены. Самъ Елпидифоръ Павлычъ устраивали. Что̀ лучшаго у насъ въ домѣ изъ небели и прочаго—перенести туда велѣли.

Ранцовъ (*смутно*). Знаю, Анфиса Дмитріевна, знаю, бонбоньерку ей настоящую уготовилъ, чего ужь лучше.... Только, знаете,—барыни: у нихъ также свое... Все же, говоритъ, не у себя буду, не хозяйка.

Анфиса (*протягивая*). Та-акъ-съ! (*минута молчанія*) Чѣмъ же этто онѣ у отца роднаго, да не хозяйкою будутъ?... Если онѣ, къ примѣру, на счетъ меня, можетъ, сумлѣваются, такъ вѣдь это напрасно, сами знаете, Никаноръ Ильичъ, потому хотя я изъ купецкаго званія, а все та же слуга у папеньки у ихняго и завсегда у нихъ въ покорности остаться должна.

Ранцовъ (*поспѣшно*). Что этo вы, помилуйте, Анфиса Дмитріевна, она нисколько... Такъ, знаете, своевольице свое дамское... Привыкла въ Петербургѣ, да за границей, чтобъ на полной своей волюшкѣ, ничѣмъ не стѣсняясь.

Анфиса (*оглядываясь*). Такъ гдѣ же онѣ теперича? Вы изволите говорить, пріѣхали онѣ...

Ранцевъ. А она тамъ въ гостиной на картины залюбовалась... Я побѣжалъ впередъ,—думалъ предварить батюшку, чтобъ не взволновался онъ нечаянностью... Да вотъ и она!... (*Идетъ навстрѣчу появляющейся изъ входныхъ дверей женѣ*).

СЦЕНА IV.

Тѣ-же и Ольга Елпидифоровна.

Ольга Елп. (*входя*). У него тутъ рѣшительно цѣлый музей въ домѣ,—какія чудесныя вещи! Откуда это все?.. (*Ранцовъ смущенно опускаетъ глаза и слегка приподнимаетъ плечи.*)

Ольга Елп. (*глядитъ прищуриваясь на Анфису, которая отвѣшиваетъ ей глубокій поясной поклонъ. Оборачивает-*

ся къ мужу и скороговоркой). Это она? (*Ранцовъ утвердительно киваетъ.*)

Ольга Елп. (*Анфисѣ*). Что батюшка?

Анфиса. Почиваютъ-съ.

Ольга Елп. А!.. Такъ, когда проснется, вы, пожалуйста, милая, придите сказать намъ. (*Анфиса кланяется и уходитъ къ себѣ въ комнату.*)

Ольга Елп. (*садясь въ кресло къ столу и снимая перчатки*). Красивая женщина... Я ея прежде у него не видала.

Ранцовъ (*стоя и глядя на нее съ восхищеніемъ*). Стыдилася тебя, Оленька, пряталась должно быть... Она ужь давно у батюшки живетъ... (*Минута молчанія; Ольга Елпидифоровна хмурится.*)

Ольга Елп. Вы изъ деревни когда сюда пріѣхали?

Ранц. Третьяго дня, вечеромъ. Утромъ эстафету получилъ, сейчасъ же и выѣхалъ.

Ольга Елп. Здѣсь и остановились!

Ранц. Здѣсь, Оля; батюшка настоятельно просилъ...

Ольга Елп. Что съ нимъ было, ударъ?

Ранц. (*озабоченно*). Въ этомъ родѣ, Оленька, да,—лѣвыя рука и нога отнялись... А впрочемъ докторъ не отчаивается, электричество прописалъ... Голова у него второй день совсѣмъ свѣжая, про тебя все говоритъ.

Ольга Елп. Упалъ духомъ?

Ранц. Не то чтобы... А видно—занятъ мыслью на счетъ будущаго. Говоритъ, боится, что если насъ тутъ не будетъ, растащатъ у него все. (*Минута молчанія.*)

Ольга Елп. Ну, а у васъ какъ,—въ Рай-Никольскомъ?

Ранц. (*смущенно отворачивая глаза*). Да нехорошо, Оленька.

Ольга Елп. (*рѣзко*). Все та же пѣсня!.. Денегъ мнѣ привезли?

Ранц. (*чуть слышно*). Тысячи полторы собралъ.

Ольга Елп. Только? До какихъ же поръ?

Ранц. Ну, ужь право не знаю, Олечка; раньше ноября, когда хлѣбъ продамъ, никакой получки въ виду не имѣется.

Ольга Елп. Чѣмъ же я буду жить, пока у васъ будутъ опять деньги? Полторы тысячи мнѣ едва на мѣсяцъ хватитъ.

Ранц. (*опускаясь въ кресло подлѣ нея и нагибаясь къ ней*). Ты не должна сердиться на меня, Оленька, потому, сама знаешь, я всей душой, и, кажется, ты видѣла и видишь... Только мы такъ больше не можемъ, потому сама знаешь...

Ольга Елп. (*передразнивая его гнѣвно*). Что я „знаю", что „не можемъ"?

Ранц. Такъ жить, Оленька, какъ по сихъ поръ... потому доходовъ не хватаетъ, и подъ-конецъ такимъ манеромъ можно по міру пойти.

Ольга Елп. Прелестно, превосходно! Послѣ восьми лѣтъ замужства, любезный супругъ предлагаетъ мнѣ въ перспективѣ нищенскую суму.

Ранц. (*чуть не плача*). Я знаю, Олечка, что ты вспыльчива и нервонно гнѣваешься часто,—только ты пожалѣла бы меня немножко, потому это мнѣ хуже, чѣмъ ножомъ... Мнѣ ничего не нужно, лишь бы тебя успокоить. Какъ ты всегда желала, я ни слова противъ, никогда. Сама знаешь,—доходовъ въ годъ 25, 30 тысячъ, а мы сорокъ, да и всѣ пятьдесятъ иной годъ проживали... Дошло наконецъ до того, что имѣніе все кругомъ у насъ заложено и обернуться нечѣмъ... Пойми ты это, Олечка.

Ольга Елп. (*послѣ тяжелаго раздумья*). Какой же доходъ разсчитываете вы получать на будущее время?...

Ранц. Если, какъ теперь вотъ я, входить во все самому, тысячъ 15 вѣрныхъ всегда можно получить, Оля.

Ольга Елп. (*презрительно смѣясь*). Пятнадцать тысячъ; развѣ съ этимъ можно существовать?

Ранц. (*робко*) Конечно, Олечка... если-бъ ты согласилась въ деревню, или даже сюда, въ Москву.

Ольга Елп. Не жить въ Петербургѣ?—Никогда!

Ранц. (*растерянно*). Такъ какъ же быть, когда доходы...

Ольга Елп. (*перебивая его насмѣшливо*). Доходы! У васъ никогда доходовъ не будетъ, вы не умѣете... Я вижу, мнѣ самой надо за дѣло приняться...

Ранц. (*недоумѣло*). За что это „приняться", Олечка?

Ольга Елп. Аферы дѣлать.

Ранцевъ. Какія!

Ольга Елп. (*нетерпѣливо*). Мало-ли! Развѣ вы не знаете, что въ теперешнее время женщины все могутъ, и все черезъ нихъ дѣлается,— а вы, кажется, видѣли, какіе люди мнѣ друзья и что у меня черезъ нихъ руки вездѣ.

Ранц. (*нѣжно цѣлуя ее руку*). Это точно, Олечка; ты у меня умница, всякую тонкость понимаешь, и я дѣйствительно знаю, какіе козыри у тебя въ игрѣ... Только все же, другъ мой...

Ольга Елп. (*перебивая*). Шш!... Батюшкинъ голосъ, кажется. (*За занавѣсью алькова слышится явственно голосъ Акулина:* Ан-фи-суш-ка!...)

Ольга Елп. (*вставая*). Проснулся.

Анфиса (*поспѣшно выбѣгаетъ изъ своей комнаты и отдергиваетъ занавѣсь*). Сейчасъ, батюшка мой... Ольга Елпидифоровна изволили прибыть.

СЦЕНА V.

Тѣ-же и Акулинъ.

Акулинъ (*Съ мѣста*). Оля, дочь, голубушка ты моя! Наконецъ-то!... Запоздала что?... (*Она направляется къ нему, Анфиса въ то-же время забѣгаетъ за спинку кресла и вкатываетъ его на сцену.*)

Ольга Елп. (*наклоняясь поцѣловать его*). Да такъ случилось... Все равно впрочемъ, вы вѣдь спали... Ну, вотъ и я, папа, здравствуйте, здравствуйте.

Акулинъ (*истерически всхлипывая*). Оля, Олечка!

Ольга Елп. Что это вы, папа, какъ не стыдно! Видите, вотъ я пріѣхала и очень счастлива васъ видѣть, и нечего вамъ плакать.

Акулинъ (*указывая на недвижную свою руку*). Видишь, вотъ каковъ я.

Ольга Елп. Это ничего, пройдетъ... Электричество очень помогаетъ въ этихъ случаяхъ. (*Анфиса проходитъ въ это*

время къ шкафику, на которомъ стоятъ аптекарскія стклянки, рюмка и графинъ съ водою, изъ котораго наливаетъ въ рюмку воды и капаетъ въ нее капли изъ пузырька.)

Акулинъ. Да вотъ шестой день, а все лучше нѣтъ.

(*Анфиса подходитъ къ нему съ рюмкою въ рукѣ.*)

Ольга Елп. (*вперяясь въ нее взглядомъ*). Что это такое?

Анфиса (*спокойно*). Капли-съ.

Ольга Елп. Докторъ прописалъ?

Анфиса. Такъ точно-съ.

Ольга Елп. Покажите сигнатурку. (*Анфиса идетъ къ столу и приноситъ пузырекъ съ сигнатуркой.*)

Акулинъ. Успокоительное. (*Ольга Елп. беретъ сигнатурку, наклоняется на мигъ къ рюмкѣ, которую Анфиса держитъ въ рукѣ.*)

Ольга Елп. Это лавровo-вишневыя капли, успокоиваютъ, дѣйствительно... (*Акулинъ выпиваетъ съ помощью Анфисы, поддерживающей его руку. Ольга Елпидифоровна садится неподалеку отъ него; Ранцовъ далѣе, подлѣ кушетки.*)

Акулинъ. Олечка, давно вѣдь какъ, давно не видалъ я тебя!

Ольга Елп. Да, безъ малаго три года. Изъ Петербурга такъ трудно вырваться; потомъ заграницей я была, недавно вернулась только... А какъ у васъ здѣсь хорошо, папа (*обводитъ кругомъ глазами*).

Акулинъ (*вздыхая*). Ты не была у меня еще здѣсь... Да, собралъ кое-что, собралъ на аукціонахъ, да по случаю.

Ольга Елп. Давно все это у васъ?

Акулинъ. Да вотъ какъ выдалъ тебя, а самъ сюда на должность поступилъ, въ городскую часть, скука одолѣла... Ну, говорю, случаи были, началъ потихоньку, потомъ пристрастился... Домикъ купилъ, отдѣлывать сталъ. Что пріобрѣсти удастся, бывало, сюда вотъ и отправляю, ты не видала поэтому ничего на старой-то квартирѣ... Да, вотъ, думалъ, Олечка, подъ старость отдохнуть въ укромномъ уголкѣ, любуясь на эту прелесть художественную... Миньяръ тутъ у меня чудесный, погляди: портретъ маркизы Севинье; надъ шкафикомъ вотъ, надъ этимъ.

Ольга Елп. (*встаетъ и разглядываетъ*). Ахъ, да, прелесть. Лицо какое умное!... Съ нами въ поѣздѣ ѣхалъ какой-то восточный человѣкъ, любитель всякихъ старыхъ и цѣнныхъ вещей... Просто brocanteur, должно быть... Вотъ ему бы показать все это—во что бы онъ оцѣнилъ... Пресмѣшной этотъ армянинъ... Я, кажется, имѣла счастіе произвести на него впечатлѣніе: онъ пилъ чай подлѣ меня на станціи и тутъ же предложилъ мнѣ одну огромную бирюзу у него купить за какую-то баснословно дешевую цѣну.

Акулинъ (*весело*). Не удивляюсь,—гляди, какая ты у меня красавица! Не то бирюзы,—большаго рубина стоишь.

Ольга Елп. (*кланяется ему, смѣясь*). Вы любезнѣйшій изъ отцовъ во всей Россійской имперіи, папа. Это хоть любому изъ моихъ *паричковъ* подъ стать!

Акулинъ. Кто же это такіе, твои „парички"?

Ольга Елп. (*все также*). А у меня ихъ цѣлая коллекція: генералъ-адъютанты, дипломаты, статсъ-секретари разные... Все изъ старенькихъ, я потому ихъ такъ и зову „паричками"; я молодыхъ не люблю.

Акулинъ (*со смѣхомъ*). Такъ и надо, дочка, такъ и надо: мужу не такъ подозрительно. Какъ ты объ этомъ скажешь, Никанорушка?

Ранц. (*глядя страстно на жену*). Мнѣ что же,—я въ Олечкѣ увѣренъ...

Акулинъ. Вотъ это настоящее, какъ и слѣдуетъ быть,—хвалю! Не устала ты отъ дороги, Оля?

Ольга Елп. Нѣтъ... Я успѣла выспаться—и очень весело ѣхала. Мнѣ въ Петербургѣ дали цѣлое отдѣленіе, и я расположилась какъ дома. Только вѣдь одной въ вагонѣ—тоска, я и пригласила къ себѣ одну вашу московскую даму, Лукоянову, съ дочерью, съ которыми я познакомилась случайно въ Царскомъ Селѣ у графини Бородиной... да еще одного нашего стараго съ вами, папа, знакомаго, котораго я съ замужства не видала,—помните вы, онъ съ нами еще въ Сицкомъ въ *Гамлетѣ* игралъ,—Ашанинъ одинъ?

Акулинъ. Какъ не помнить! Я съ нимъ не разъ потомъ и здѣсь, въ Москвѣ, встрѣчался,—красавецъ такой, брюнетъ.

Ранц. (*какъ бы невольно*). Пустой человѣкъ!...

Ольга Елп. (*покосясь на него*). Презабавный. Онъ насъ вчера до поздняго вечера потѣшалъ своими уморительными разсказами... (*Подымаетъ глаза на стоящую за кресломъ отца Анфису*). Вы, должно быть, устали, милая, стоять. Можете себѣ итти; если что нужно батюшкѣ, я тутъ.

Анфиса. Ничего-съ, постоимъ.

Ольга Елп. (*нетерпѣливо*). Ступайте, ступайте, васъ призовутъ, если нужно будетъ. (*Анфиса кланяется и медленно уходитъ въ свою дверь. Акулинъ съ болѣзненнымъ выраженіемъ въ лицѣ слѣдитъ за ея удаленіемъ. Дочери*):

Акулинъ. За что̀ это ты, Оля, за что̀?

Ольга Елп. (*морщась*). Что̀ такое?

Акулинъ (*жалобнымъ голосомъ*). Обидѣла... женщину...

Ольга Елп. (*пристально уставясь на него*). Да что̀ она у васъ такое, слуга или...

Акулинъ. Э... экономка у меня она...

Ольга Елп. И, какъ видно, нѣчто еще болѣе намъ близкое?

Акулинъ (*смущенно*). Что̀ же, Оля, всѣ мы люди, всѣ человѣки.

Ольга Елп. (*съ иронической усмѣшкой*). И вы ее даже боитесь!

Акулинъ (*отыскиваетъ глазами Ранцова и манитъ его къ себѣ. Тотъ поспѣшно подходитъ къ нему. Акулинъ ему взволнованно шопотомъ:*) Никанорушка, погляди за дверью (*киваетъ на дверь Анфисы*) и запри на ключъ, да потише... (*Ранцовъ исполняетъ приказаніе*). Садись... ближе... (*Зять и дочь подсаживаются къ нему. Онъ тѣмъ же шопотомъ:*) Вотъ ты сейчасъ сказала, Оля, я боюсь... Я точно, Оля... Недужный, какъ видишь, сталъ. Поразилъ меня Господь за прегрѣшенія. Одинъ, на чужихъ рукахъ, страшно, дѣйствительно.

Ранц. Помилуйте, батюшка, чего вамъ бо... (*не договариваетъ, остановленный взглядомъ жены.*)

Ольга Елп. Давно у васъ эта женщина?

Акулинъ. Пять лѣтъ безъ малаго... Привыкъ, весь домъ ей на руки сдалъ.

Ольга Елп. Кто она, откуда?

Акулинъ (*вздыхая*). Изъ мелкоты, изъ купеческой... Молоденькая за прикащика одного, пропоицу горькаго, выдана была. Промучилась она съ нимъ года три... Нищею послѣ него осталась... Вотъ съ тѣхъ поръ она у меня и... хозяйкой... Всѣмъ мнѣ, могу сказать, обязана, поена, кормлена, холена... Не ждалъ я отъ нея черноты такой (*захлебывается слезами*).

Ольга Елп. Вы говорили мужу, боитесь, чтобъ васъ не обокрали? Вы ее подозрѣваете?

Акулинъ (*болѣзненно*). Измѣнница она, неблагодарная! За мою привязанность... съ кѣмъ связалась! Есть тутъ одинъ... Вотъ Никанорушка знаетъ... видѣлъ его у меня... Змѣй! Путаетъ онъ ее, наущаетъ.

Ольга Елп. Да вы что же, узнали что-нибудь, замѣтили? Когда: давно, или теперь только?

Акулинъ (*стараясь вспомнить*). Погоди!.. Боленъ я сегодня шестой день, а ты объ этомъ когда депешу получила?

Ольга Елп. Третьягодня вечеромъ, поздно.

Акулинъ. Вотъ оно, вотъ доказательство! Раньше не получала?

Ольга Елп. Никакой.

Акулинъ. А я... когда это вотъ со мной случилось (*указываетъ на парализованную руку*), я, какъ только отошла голова,—на другой же день, значитъ,—говорю *ей* при *немъ*—языкъ-то у меня едва еще ворочался тогда: „Олѣ сейчасъ дай телеграмму, говорю, въ Петербургъ“. — „Хорошо, говоритъ, сейчасъ“. А *онъ* тутъ же съ услугою. „Позвольте, говоритъ, я напишу и отвезу самъ для вѣрности на телеграфъ“... Сѣлъ, дѣйствительно, къ столу, написалъ, показалъ мнѣ и ушелъ съ написаннымъ-то... Это, значитъ, еще въ понедѣльникъ было,—ноньче пятница... Тутъ опять сонливость на меня напала, безъ малаго двое сутокъ головы не могъ отъ подушки оторвать. И сплю я, и не сплю, а глазъ растворить не могу, лежу трупомъ безчувственнымъ... И ужь не знаю, утромъ-ли рано, ночью-ли, только слышу я вдругъ, — шепчутся, а въ уши такъ ясно мнѣ голоса звенятъ: „Не встать ему ни за что“! Это говоритъ *онъ*. „Это про меня“, думаю, и такъ страш-

но стало мнѣ тутъ; кому-жь онъ это говоритъ? Только опять слышу, *ея* ужь голосъ: „А ты послалъ ей депешу?“ *Ты!* — Она ему „*ты*“, можете себѣ представить! Я бы ее, кажется, въ другое время... а я и вѣкой моргнуть не въ силахъ, и чувствую только, лучше бы, кажется, умереть мнѣ сейчасъ...

Ольга Елп. Что же, папа, дальше?

Акулинъ. Не разслышалъ я, или забылъ, что за этимъ было, только, помню опять, она говоритъ: „Грѣхъ!“ А онъ ей на это: „А у него-то самого — у меня, то есть, значитъ, — откуда деньжищи-то“? Тутъ я опять въ безчувствіе впалъ. А пришелъ я въ себя наконецъ настоящимъ образомъ третьягодня,—въ среду, значитъ. И спрашиваю я тутъ Анфису: сколько я спалъ и какой нынче день? — „Среда“, говоритъ.—Есть отъ Оли отвѣтъ? спрашиваю. „Нѣту“.—Видно, говорю, депеша пропала, Оля непремѣнно бы отвѣтила. Молчитъ. Странно это мнѣ показалось. Докторъ тутъ былъ въ это время. Сдѣлайте милость, говорю, Акинфій Николаевичъ, вы около самаго телеграфа живете, отвезите депешу дочери, я вамъ сейчасъ продиктую. Онъ сѣлъ, написалъ. Эстафету я тутъ же продиктовалъ ему къ Никанору въ деревню... Докторъ взялъ ихъ съ собою и отправилъ.

Ольга Елп. А первую депешу вашу ко мнѣ они очевидно уничтожили.

Акулинъ (*шопотомъ*). Слушай, мало того,—вотъ сейчасъ, передъ тѣмъ, какъ ты пріѣхала, слышу опять сквозь сонъ голоса ихъ... Вотъ тутъ, въ комнатѣ, шепчутся, а все-жь ко мнѣ доходитъ нѣсколько: „Мучитель“, говоритъ, показалось мнѣ, „мучитель ты мой“... А онъ опять: „Все въ вашихъ рукахъ, говоритъ, и мы съ вами навѣкъ счастливы“... Это я добре слышалъ; руку даже, помню, къ занавѣси протянулъ, крикнуть хотѣлъ, да страхъ тутъ вдругъ на меня нашелъ и слабость, и я въ скорости снова въ сонъ впалъ.

Ольга Елп. Все это совершенно ясно теперь: они сговорились обобрать васъ.

Акулинъ (*плачущимъ голосомъ*). Все онъ, Оля, все онъ!..

Ольга Елп. Да кто онъ, скажите пожалуйста, откуда вы его добыли?

Акулинъ. Не добывалъ я его, дочь моя любезная, самъ онъ ко мнѣ за кускомъ хлѣба пришелъ. Писаремъ я его къ себѣ взялъ, пригрѣлъ, дѣлу научилъ. По мировымъ дѣламъ теперь „аблакатствуетъ“... И подбился онъ къ ней теперь, негодяй, не изъ чего больше, какъ изъ алчности своей безконечной. Вѣдь если-бъ рѣшилась она на это пойти, онъ одинъ всѣмъ бы попользовался, а ее, бѣдняжечку, ни съ чѣмъ бы по міру пустилъ...

Ранц. Зачѣмъ вы такого человѣка пускали къ себѣ, батюшка?

Акулинъ. Да развѣ я могъ подозрѣвать, Никанорушка! Вѣдь я ей вѣрилъ, какъ въ Христа ей вѣрилъ! (*Плачетъ.*)

Ольга Елп. Что же вы думаете теперь дѣлать, папа? Разъ уже въ васъ зародились такія серьезныя подозрѣнія, нельзя такъ оставаться, особенно при теперешнемъ состояніи вашего здоровья; надо на что-нибудь рѣшиться... Ее слѣдовало бы удалить, по-моему.

Акулинъ (*вздрогнувъ и испуганно*). Пожалѣй ты меня, Оленька, пожалѣй меня!.. (*Ранцовъ смотритъ на жену умоляющими глазами*).

Ольга Елп. Не я, батюшка, а вы хозяинъ въ вашемъ домѣ: я сказала вамъ мое мнѣніе, а остальное — ваше дѣло! Во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, что вамъ слѣдовало бы принять мѣры, чтобы этотъ искуситель и его интересная жертва не имѣли болѣе повода соблазняться тѣмъ, что вамъ принадлежитъ.

Акулинъ (*быстро кивая головой*). Да, да!.. Ты всегда была умна, Олечка!..

Ольга Елп. У васъ есть списокъ вашимъ вещамъ?

Акулинъ. Есть, умница моя, есть! Акуратнѣйшимъ манеромъ все записано.

Ольга Елп. И деньги? Много у васъ денегъ здѣсь?

Акулинъ (*съ самодовольною улыбкою*). Есть малая толика, Олечка, есть!

Ольга Елп. Она знаетъ, гдѣ онѣ?

Акулинъ (*кивая на баютъ, стоящій у задней стѣны*). Тутъ онѣ у меня.

Ольга Елп. Ключъ у васъ?

Акулинъ. На мнѣ; сними цѣпочку! (*Отдѣляетъ голову отъ подушки.*)

Ольга Елп. Вы хотите сейчасъ?

Акулинъ. Сейчасъ, сейчасъ! Для васъ же берегъ... Берите сейчасъ, чтобъ и духу ихъ здѣсь не было!

Ранц. (*изумленно*). Какъ же такъ брать, батюшка! что мы съ ними будемъ дѣлать?

Ольга Елп. (*глядя на него недовольными глазами*). Развѣ нельзя отвезти въ банкъ на сохраненіе?

Ранц. Можно, конечно. На ваше имя, батюшка, не иначе.

Ольга Елп. (*ему рѣзко*). Безполезныя слова все говорите!..

Акулинъ (*нетерпѣливо*). Бери ключъ, Оля, отворяй!

(*Ольга Елпидифоровна снимаетъ у него съ шеи ключъ на цѣпочкѣ и идетъ съ нимъ къ бауту. Дверцы его отворяются со звономъ.*)

Акулинъ (*Ранцову*). Помоги, средній ящикъ надо вынуть. (*Ранцовъ исполняетъ приказаніе.*) Тутъ пуговку поищи, направо будетъ, и нажми пальцемъ.

Ранц. (*съ мѣста*). Другой ящикъ оттуда показался.

Акулинъ. Ну вотъ; его вынь!.. Неси сюда, и давайте какой нибудь столъ поближе; да карандашъ вонъ тамъ возьми, Оля, и бумаги. Станешь записывать, а мужъ считать будетъ.

(*Ольга Елпидифоровна подвигаетъ къ креслу отца столъ; Ранцовъ несетъ обѣими руками и ставитъ на этотъ столъ ящикъ съ уложенными въ немъ конвертами довольно большаго размѣра.*)

Акулинъ (*съ веселымъ оживленіемъ*). Ну, давайте, давайте! Считай, братъ Никаноръ, считай, а ты записывай, дочка.

Ранц. (*вынимаетъ одинъ изъ пакетовъ*). Билеты „Восточнаго займа“ 1-го выпуска.

Акулинъ. Сколько? Восемьдесять пять должно быть.

Ранц. Такъ точно; купоны за три года не отрѣзаны. (*Передаетъ женѣ, она записываетъ.*)

Акулинъ. Дальше.

Ранц. (*вынимая другой пакетъ*). Облигаціи „Главнаго

Общества желѣзныхъ дорогъ"; (*пересчитываетъ*) сорокъ пять штукъ; Курско-кіевской дороги...

Акулинъ. Сто штукъ, и считать нечего,—помню; удалось очень выгодно купить... Тутъ же и внутренняго займа билеты должно быть.

Ранц. (*вынимая опять пакетъ*). Тутъ-съ.

Акулинъ. И тѣ помню, сто двадцать штукъ перваго, да пятьдесятъ втораго; купоны отрѣзаны,—на нихъ новые билеты покупалъ. Бумаги солидныя! (*Ухмыляется*).

Ранц. Общества „Русскаго Ллойда"—пять штукъ; компаніи „Самолетъ" десять акцій.

Акулинъ. Ну, тамъ теперь все мелочь пойдетъ,—считать не стоитъ; на конвертахъ карандашемъ Анфисиной рукой цифра написана,—видѣла, Оля?

Ольга Елп. Да, я поэтому и записывала.

Акулинъ. Умница! Итогъ подведи теперь!

Ольга Елп. Сто пятьдесятъ пять тысячъ шестьсотъ пятьдесятъ два рубля (*оборачивается въ изумленіи на отца*). Откуда это у васъ столько денегъ, папа?

Акулинъ (*заливается грузнымъ смѣхомъ*). А все трынка Оля, все въ трынку набилъ.

Ольга Елп. Что это такое?

Акулинъ. А игра такая дурацкая есть; купцы научили,—я ихъ и наказалъ вотъ.

Ольга Елп. И такъ много выиграть могли?

Акулинъ. А я фортель ужь такой надумалъ: что ни сядутъ со мной играть бородачи, я ихъ и взлуплю (*продолжаетъ хохотать*).

(*Шорохъ за дверью Анфисы, которую будто кто хочетъ отворить изнутри.*)

Ольга Елп. Шш! (*громко*). Насъ подслушиваютъ. (*Шорохъ смолкаетъ. На лицѣ Акулина внезапно изображается тревога.*)

Акулинъ (*торопливымъ шопотомъ, указывая глазами на пакеты*). Забирай скорѣе все, Никанорушка, вези въ банкъ!.. Тутъ въ шкафу портфель; вали туда, и съ Богомъ!.. (*Ранцовъ*

достаетъ портфель и складываетъ туда пакеты съ деньгами.)

Рандовъ. Росписку вамъ дать, батюшка?..

Акулинъ (*поспѣшно машетъ рукой*). Что это ты! Отъ себя вези, на свое имя клади, на свое!

Рандовъ. Да для чего же, батюшка?

Акулинъ (*упавшимъ голосомъ*). Вѣрнѣе такъ, вѣрнѣе, зятюшка мой любезный!.. Самого себя боюсь, пойми ты... Отдамъ вѣдь!.. А вы ее послѣ меня не оставите?

Ольга Елп. (*строго мужу*). Отправляйтесь скорѣе и дѣлайте, какъ вамъ сказано. (*Рандовъ вздыхаетъ, беретъ портфель подъ мышку и уходитъ.*)

СЦЕНА VI.

Акулинъ и Ольга Елпидифоровна (*Акулинъ, видимо утомленный, валится головой на подушку*).

Ольга Елп. Вы устали, папа?

Акулинъ. Утомился, да... слабъ сталъ... ко сну клонитъ...

Ольга Елп. Хотите на постель лечь?

Акулинъ. Нѣтъ... не люблю... Я такъ... Скажи Анфи...

Ольга Елп. Что?

Акулинъ (*съ закрытыми глазами*). Анфис...

Ольга Елп. (*наклонясь надъ нимъ*). Заснулъ... мгновенно какъ! (*Задумывается, глядя на него*) Vieillard qui beaucoup dort,—mort, говорятъ французы... Эта женщина совсѣмъ извела его, бѣднаго. (*Оборачивается взглядомъ къ окну*) Солнце на склонѣ и прямо ему въ лицо... Надо повернуть кресло...

СЦЕНА VII.

Тѣ-же и Ѳедька.

Ѳедька (*съ порога входной двери*). Извощикъ васъ, барыня, спрашиваетъ.

Ольга Елп. (*быстро оборачиваясь*). Тише, не видишь

развѣ (*киваетъ на спящаго отца*)?.. Поди сюда, помоги мнѣ кресло его откатить!..

(*Ѳедька торопливо и неловко подбѣгаетъ къ ней. Они откатываютъ, поворачивая, кресло Акулина, такъ что спинка его скрываетъ совершенно спящаго отъ зрителя.*)

Ольга Елп. (*проходя на авансцену*). А теперь говори: съ чѣмъ ты пришелъ?

Ѳедька. Извощикъ, значитъ, каретный, что̀ привезъ вашу милость, не обѣдалъ, говоритъ; такъ позволите-ли ему, спрашиваетъ, отъѣхать на часокъ?

Ольга Елп. Отъѣдетъ и пропадетъ до вечера, знаю я это,—а я сама на обѣдъ звана... Развѣ нельзя его здѣсь накормить?

Ѳед. (*глупо усмѣхаясь*). Для чего-жь нельзя! Какъ если Анфиса Дмитріевна прикажутъ, кухарка ему сичасъ щей отольетъ и прочаго всего... потому у насъ насчетъ пищи вдосталь...

Ольга Елп. Ну, такъ скажи ей!

Ѳед. Анфисѣ Дмитріевнѣ доложить надоть, потому, извѣстно, кухарка безъ нея разѣ осмѣлится.

Ельга Елп. (*досадливо*). Кому знаешь „докладывай“, только чтобъ сдѣлано было!..

Ѳед. Слушаю-съ (*уходитъ*).

СЦЕНА VIII.

Ольга Елп. (*одна*). Что̀ за провинція эта Москва!.. А я однако вѣ-время пріѣхала: эта синеглазая Цирцея со своимъ любезнымъ обобрали бы меня дочиста... Такія деньги у папа,—мнѣ и въ голову никогда не приходило!..

СЦЕНА IX.

Акулинъ (*спящій*). **Ольга Елпидифоровна и Ашанинъ** (*показывается въ окнѣ*).

Ашанинъ. Тѣ же и я!

Ольга Елп. (*Быстро оборачивается на голосъ и, вспле-*

нувъ руками, со смѣхомъ). Сумасшедшій!.: Какъ вы сюда попали... и для чего?

Ашан. Спрашивать „для чего“ — такое лицемѣріе съ вашей стороны, что я не удостою васъ даже на это никакимъ отвѣтомъ. А „какъ“—очень просто: отыскалъ домъ, прошелъ въ садъ, для краткости, увидалъ открытое окно,—подмостился на какой-то кадкѣ,—и, какъ видите, предстою предъ вами во всей моей невинности.

Ольга Елп. (*смѣется*). Почему же, невинный человѣкъ, могли вы знать, что я тутъ непремѣнно буду?

Ашан. „Почему“? Да развѣ я когда нибудь въ жизни дѣлалъ себѣ подобные вопросы! Вы *должны* были тутъ быть, я зналъ это такъ вѣрно, какъ то, что сегодня пятница,—на то звѣзда у меня!.. (*Вскакиваетъ въ окно, схватываетъ ея обѣ руки и покрываетъ ихъ поцѣлуями*). Прелесть моя, прелесть, Ольга!..

Ольга Елп. (*вырываясь*). Оставьте, что вы дѣлаете... у меня тутъ отецъ больной спитъ!..

Ашан. (*растерянно*). Отецъ, гдѣ?

Ольга Елп. Вотъ! (*Указываетъ на кресло*).

Ашан. Елпидифоръ Павловичъ почтенный... артистъ великій! Помните, какъ онъ Полонія игралъ въ *Гамлетѣ* у Шастуновыхъ? Лучшаго я не видалъ никогда. А давно какъ этому,—девять лѣтъ... Что за время счастливое то было! (*шопотомъ*). Послѣ спектакля, помните?.. (*Не договариваетъ, наклоняясь къ ней и глядя на нее во всѣ глаза*).

Ольга Елп. (*смущенно улыбаясь*). Къ чему помнить? Мертвый въ гробѣ мирно спи...

Ашан. Это что же „въ гробѣ“-то?

Ольга Елп. Прошлое... Я впрочемъ въ особенности относительно васъ говорю это.

Ашан. Благодарю за отличіе. А сами вы...

Ольга Елп. Что я?

Ашан. (*страстно глядя на нее*). Вы! Вы все: прошлое, настоящее, будущее... Вы эсбукетъ, тройной экстрактъ; квинтъ-эссенція женщины! Любить васъ—свѣтъ, не любить—тьма... Довольно вамъ этого?

Ольга Елп. (*смѣясь, машетъ рукой*). Неисправимъ, хоть брось!.. Послушайте, вамъ нельзя однако здѣсь оставаться: отецъ можетъ проснуться съ минуты на минуту; сейчасъ долженъ вернуться мужъ мой, у насъ тутъ дѣла... Уходите, какъ пришли!

Ашан. Слушаю-съ!.. Но позвольте, у меня къ вамъ порученіе: мы обѣдаемъ съ вами сегодня у спутницы нашей, Вѣры Яковлевны Лукояновой?

Ольга Елп. Конечно: объ этомъ было условіе дорогой.

Ашан. Такъ вотъ просила она меня заранѣе извѣстить васъ, чтобъ вы не сердились на нее. Узнавъ, что вы въ Москвѣ, навязалась къ ней обѣдать съ вами старая наша знакомая, княгиня Аглая Константиновна Шастунова.

Ольга Елп. (*хохочетъ*). Аглая? о, дурища непроходимая! Она все та же?

Ашан. Обязательно. Горитъ нетерпѣніемъ допытать у васъ, восколько обходится актриса Lucie Ladrague сыну ея, извѣстному „Basile mon fils“.

Ольга Елп. Послушайте, да вѣдь это пытка будетъ! Я не поѣду на этотъ обѣдъ!

Ашан. Это нельзя,—вы Москвы не знаете!

Ольга Елп. (*все также смѣясь*). Ну, какъ хотите, а я послѣ этого обѣда тотчасъ же уѣду!

Ашан. И этого нельзя: свяжутъ и не пустятъ. Раньше вечера не выберетесь.

Ольга Елп. Это, то-есть, когда же?

Ашан. (*лукаво щурясь на нее*). Будетъ зависѣть...

Ольга Елп. Отъ чего?

Ашан. А отъ того, когда васъ голодъ пройметъ...

Ольга Елп. Что вы за вздоръ говорите! (*Анфиса выходитъ изъ гостиной: подходитъ къ креслу больнаго и наклоняется надъ нимъ, незамѣченная говорящими*).

Ашан. Нисколько. Между поваромъ Вѣры Яковлевны и знаменитой Локустой временъ Нерона — разница только въ намѣреніи, а отрава отъ ихъ кухни все одна. Вы ничего тамъ ѣсть не станете, я наперегъ знаю, а потому въ данный моментъ вечеромъ вамъ непремѣнно ужинать захочется.

Ольга Елп. (*глядя на него прищурившись*). Вы полагаете?

Ашан. (*подчеркивая*). Уповаю... Въ гостинницѣ Дрезденъ, гдѣ вы остановились, вечеромъ кухни нѣтъ вовсе, а потому...

Ольга Елп. (*хохочетъ*). А потому вы приглашаете меня ужинать?

Ашан. (*съ преувеличенно низкимъ поклономъ*). Если вамъ угодно будетъ удостоить меня этой чести.

Ольга Елп. (*пожимая плечами*). Il ne doute de rien!... Куда же это, напримѣръ: въ настоящій Московскій трактиръ, съ органомъ, половыми въ рубашкахъ и подовыми пирогами?

Ашан. Безо всякаго органа и малѣйшихъ половыхъ, un petit souper fin, въ укромномъ мѣстечкѣ, гдѣ мы будемъ одни, гдѣ можно было бы попробовать воскресить то прошлое, которое вы полагаете умершимъ...

Ольга Елп. (*полушутливо*). Гдѣ же эта обѣтованная земля, гдѣ встаютъ мертвые изъ гробовъ?

Ашан. Тутъ на Софійкѣ есть одинъ благодѣтельный пріютъ (*близко наклоняется къ ней и беретъ ее за руку*)...

Ольга Елп. (*отдергивая ее*). Послушайте, Владиміръ Петровичъ, пора перестать съ этой mauvaise plaisanterie! Вы такъ привыкли къ легкимъ побѣдамъ, что въ вашихъ понятіяхъ никакая женщина ни въ чемъ вамъ отказать не можетъ.

Ашан. (*невиннымъ тономъ*). Зачѣмъ же имъ и отказывать мнѣ, Ольга Елпидифоровна?

Ольга Елп. (*хохочетъ*). Съ вами рѣшительно нельзя серьезно говорить.

Ашан. (*тѣмъ же тономъ*). Я вѣдь и не прошу, чтобъ вы серьезно, какъ въ университетѣ, а такъ просто.

Ольга Елп. Довольно однако, уходите! Ни одной минуты больше я не позволю вамъ здѣсь оставаться.

Ашан. (*комически вздыхая*). Какъ на то будетъ воля ваша... (*Идетъ къ окну и перекидываетъ ноги за подоконникъ. Оборачиваясь*). Продолженіе слѣдуетъ?..

Ольга Елп. Ну, мы это еще увидимъ. (*Подбѣгаетъ къ окну*). Не оцарапайте лица, смотрите—тутъ кусты.

Ашан. (*за окномъ, поетъ*) „Любовь хранитъ меня всегда“...

Цѣлъ и невредимъ!.. (*Анфиса, прислушивающаяся все время къ разговору, уходитъ теперь въ свою комнату*).

СЦЕНА X.

Ольга Елпидифоровна (*одна*). Все тотъ же онъ, — старый школьникъ, вѣтреникъ, дерзкій, какъ въ тѣ дни первой моей молодости, когда я познакомилась съ нимъ на репетиціяхъ въ Сицкомъ.. и онъ поймалъ меня какъ-то разъ одну въ уборной, схватилъ и поцѣловалъ въ самыя губы... а потомъ, послѣ спектакля... (*качаетъ головой съ полуусмѣшкой*) „Пустой человѣкъ“, справедливо говоритъ про него мужъ мой... (*Вздыхаетъ и задумывается*). А, какъ подумаю, кого-же, кромѣ этого, *первaго*, любила я дѣйствительно въ жизни?...

СЦЕНА XI.

Ольга Елпидифоровна, Анфиса (*выходитъ изъ своей комнаты съ салфеткою въ рукѣ*), **затѣмъ Ранцовъ.**

Ольга Елп. (*Анфисѣ*). Что это вы?

Анфиса. Кушать имъ пора, Елпидифору Павловичу.

Ольга Елп. Погодите немного: видите, онъ спитъ.

Анфиса. Все равно-съ, накрою пока (*накрываетъ столъ салфеткою, идетъ затѣмъ къ шкафику, вынимаетъ оттуда приборъ и медленно устаиляетъ столовыя принадлежности одну за другою, внимательно прислушиваясь къ послѣдующему разговору. Входитъ Ранцовъ съ портфелемъ*).

Ольга Елп. А, вы изъ банка? Внесли батюшкины деньги?

Ранц. Внесъ, Оля, какъ сказано было... Только-только успѣлъ, а то-бъ и закрыли...

Ольга Елп. (*одобрительно кивая*). Расписку получили?

Ранц. Само собою, мой другъ.

Ольга Елп. Гдѣ она?

Ранц. Тутъ у меня въ портфелѣ.

Ольга Елп. Покажите! (*Ранцовъ вынимаетъ записку изъ портфеля и передаетъ ей*).

Ольга Елп. (*читая громко и слѣдя въ то же время за Анфисой*). Принято... года... мѣсяца... числа на храненіе отъ коллежскаго совѣтника Никанора Ильича Ранцова процентныя бумаги различныхъ наименованій, а именно: подъ N... а всего на сумму 155,652 рубля. Такъ!

Ранц. (*какъ бы извиняясь*). На мое имя выдано, какъ батюшка приказывалъ.

Ольга Елп. Такъ и слѣдовало, разъ онъ намъ эти деньги отдалъ... А я росписку къ себѣ возьму. Вѣрнѣе будетъ. (*Тарелка, которую несла Анфиса, выпадаетъ у нея изъ рукъ; она наклоняется на мигъ, какъ бы съ тѣмъ, чтобы поднять ее, но не въ силахъ это сдѣлать, и быстро уходитъ къ себѣ въ комнату. Ранцовъ поспѣшно подбираетъ куски и кладетъ ихъ на столъ*).

Ольга Елп. (*болѣе мягкимъ тономъ*). Куда это она ушла однако? Она ему нужна будетъ.

Ранц. (*робко*). Не трогать бы ее ужъ, Оля...

Ольга Елп. Кто же вамъ сказалъ, что я ее хочу „трогать“! Попросите ее сюда, пожалуйста. (*Ранцовъ идетъ къ двери Анфисы и хочетъ открыть ее; она оказывается запертою на крючекъ изнутри*).

Ранц. (*наклоняясь къ щелочкѣ, вполголоса*). Анфиса Дмитріевна! (*громче*) Анфиса Дмитріевна!... Не откликается.

Ольга Елп. (*иронически*). Разгнѣваться изволили!...

Ранц. А, можетъ быть, просто куда-нибудь по хозяйству пошла.

Ольга Елп. Ну, это все равно, придетъ... (*щурится съ мѣста на часы*). Который часъ?

Ранц. (*вынимая свои изъ кармана*). Безъ четверти четыре.

Ольга Елп. Ахъ, Боже мой, я опоздаю; мнѣ надо еще заѣхать къ себѣ переодѣться. Я обѣщала непремѣнно этой m-me Loukoianof пріѣхать къ ней обѣдать... (*почти нѣжно*) Вы не разсердитесь за это на меня, Никсъ?

Ранц. (*страстно прижимаясь губами къ ея рукѣ*). Помилуй, другъ мой, что-жь тебѣ тутъ скучать! Батюшка спитъ, видишь, — ночь всю глазъ не смыкалъ, досыпаетъ теперь... Когда еще проснется опять!.. Поѣзжай себѣ, голубка моя!..

Я ему скажу, что ты... Развѣ вотъ вечеромъ какъ-нибудь урвешься, на минутку заѣдешь, взглянуть на него...

Ольга Елп. Ну, не знаю... Я вѣдь тоже устала, рано спать лечь хочу... А вы вотъ что: устройте, чтобы все попрежнему, какъ привыкъ папа, чтобы эта Анфиса подала ему обѣдать и все, и оставалась при немъ все время... Вѣдь вы тутъ же будете?

Ранц. Само собою тутъ, Оля, куда же мнѣ! Не безпокойся: я ужь постараюсь, чтобъ все какъ слѣдуетъ.

Ольга Елп. Ну, и прекрасно! До завтра, значитъ, Нисинька! *(Надѣваетъ шляпу.)*

Ранц. *(помогаетъ ей надѣть накидку)*. Съ тобою, Олечка, мой Сергѣй за лакея можетъ поѣхать, я его привезъ съ собою изъ Никольскаго.

Ольга Елп. Безъ ливреи! *(вскидываетъ плечами)* Такъ я его и возьму! И для чего мнѣ лакей, — извощики здѣсь всѣ мѣста знаютъ. *(Уходитъ.)*

Ранц. *(идя за нею)*, Вели только осторожнѣе ѣхать: мостовыя здѣсь хуже петербургскихъ. *(На сцену на минуту безмолвно)*.

Акулинъ. *(громко)*. Анфисушка!

СЦЕНА XII.

Тѣ-же безъ Ольги Елпидифоровны; затѣмъ Ѳедька.

Ранц. *(быстро возвращаясь)*. Никакъ голосъ батюшки...

Акулинъ. Анфиса!

Ранц. *(подбѣгая къ креслу)*. Что, проснулись, батюшка; какъ вамъ?

Акулинъ. Ничего выспался... Поверни-ка меня къ свѣту, Никанорушка!

(Ранцовъ оборачиваетъ кресло лицомъ къ зрителямъ.)

Ранц. Хорошо такъ?

Акулинъ. Отлично!.. Что, поздно?

Ранц. Четвертый часъ.

Акулинъ. А Оля гдѣ же?

Ранц. Все время тутъ сидѣла... Только вотъ, только въ карету сѣла, къ Лукояновой къ этой, о которой она говорила, поѣхала... Упросила ее та пріѣхать обѣдать къ ней сегодня...

Акулинъ. Лукоянова,—знаю. Боровиковскаго портретъ у нея есть одинъ... (*машетъ здоровою рукой*). Заглядѣнье! Подсылалъ я къ ней съ разныхъ сторонъ, хорошія деньги предлагалъ. Да нѣтъ, не продаетъ... фамильный, говоритъ. Изъ тѣхъ она, что еще этимъ дорожатъ... Такъ это къ ней Оля поѣхала?.. Засидится тамъ...

Ранц. Если не удержатъ ее слишкомъ поздно, она думала еще заѣхать къ вамъ вечеромъ, батюшка.

Акулинъ. Чего „заѣхать“: ночевать же вѣдь пріѣдетъ?

Ранц. (*смущенно*). Она, батюшка, никогда еще въ домѣ у васъ здѣсь не была, не знала... удобно-ли вамъ будетъ, если ей остановиться тутъ,—а потому она въ гостиницѣ Дрезденъ заняла нумеръ...

Акулинъ (*пристально глядя на него со вздохомъ*). Приготовилъ вѣдь я ей комнаты, видѣлъ самъ; отдѣльная бы ей, какъ есть, половина была съ тобой... ничего бы, кажись, этакого не могло прикоснуться до нея... А впрочемъ, она, конечно, большая очень барыня теперь стала, съ генералъ-адъютантами въ Петербургѣ возиться привыкла... (*перемѣняя тонъ*) Выпьемъ-ка мы съ тобой съ горя чайку, Никанорушка!..

Ранц. Вамъ обѣдать накрыто, батюшка (*указываетъ на накрытый Анфисою столъ*).

Акулинъ. Не хочу я обѣдать, апетиту совсѣмъ нѣтъ. А вотъ чайку выпить не вредно будетъ; у меня со сна во рту совсѣмъ сухо стало...

Ранц. Я сейчасъ прикажу.

Акулинъ. Ты скажи Анфисѣ, она сама обыкновенно въ эту пору чай пьетъ... Заваренъ ужь у нея должно быть. И что это ея здѣсь нѣтъ?.. (*озирается съ безпокойствомъ*) Я звалъ...

Ранц. (*идетъ къ двери Анфисы и берется за замокъ; она оказывается запертою изнутри; онъ слегка стучится въ нее*). Анфиса Дмитріевна (*молчаніе*)... Анфиса Дмитріевна!..

Анфиса (*за дверью тягучимъ голосомъ*). Чего вамъ, баринъ?

Ранц. Батюшка чаю проситъ.

Анфиса (*такъ же*). Хорошо, пришлю сейчасъ...

Акулинъ (*волнуясь въ своемъ креслѣ*). Что она говоритъ, что?

Ранц. Подадутъ, говоритъ, сейчасъ.

Акулинъ. Скажи, чтобъ сама шла, чтобъ сама!..

Ранц. (*наклоняясь опять къ двери*). Батюшка проситъ васъ, Анфиса Дмитріевна, самимъ притти сюда.

Анфиса (*за дверью нехотя*). Хорошо!..

Ранц. (*отходя къ креслу*). Придетъ, говоритъ. (*Акулинъ жаднымъ взглядомъ приковывается къ двери, откуда ждетъ Анфису. Она отворяется; выходитъ Ѳедька, держа подносъ съ двумя налитыми стаканами чаю и корзинкою съ сушками*).

Акулинъ (*Ѳедькѣ, подходящему къ нему съ подносомъ*). Это что такое, что это, а?

Ѳедька. Чай-съ.

Акулинъ. Чай! Развѣ я такъ пью! Гдѣ кипятокъ, гдѣ чайница?.. И зачѣмъ ты, зачѣмъ ты?..

Ѳед. (*ухмыляясь*). Не могу знать-съ; послали меня подать.

Акулинъ. Кто послалъ, кто послалъ, болванъ ты этакой!

Ѳед. Извѣстно кто-съ: Анфиса Дмитріевна послали... Я имъ сейчасъ самоваръ принесъ, онѣ заварили себѣ, а какъ вы изволили потребовать, налили вотъ: „Неси имъ“, говорятъ...

Акулинъ (*заметавшись въ сильномъ волненіи*). Не смѣй, не смѣй!.. Вонъ, мурло дурацкое, вонъ, и чтобъ не смѣлъ ты никогда входить ко мнѣ!.. Анфиса, Анфиса!..

(*Ѳед. поспѣшно уходитъ въ дверь направо*).

Ран. (*наклоняясь къ тестю*). Успокойтесь, батюшка, ради Бога!..

Акулинъ (*отстраняя его здоровою рукой*). Оставь!.. Анфи-са!..

СЦЕНА XIII.

Тѣ-же и Анфиса. Подъ конецъ сцены Ѳедька.

Анф. (*появляется на порогѣ своей комнаты*) Что это вы крикомъ кричите, Елпидифоръ Павловичъ? только себѣ вредъ дѣлаете!

Акулинъ (*мгновенно утихая*). Ты не сердись, Анфисушка, безъ тебя порядку нѣтъ совсѣмъ: чаю я спросилъ, а тутъ, замѣсто тебя, Ѳедька этотъ... (*Анфиса не двигается съ мѣста*). Да что ты тамъ статуей стоишь! Подойди, скажи слово! (*Анфиса дѣлаетъ нѣсколько шаговъ впередъ и останавливается*).

Анф. Какихъ вамъ еще отъ меня словъ нужно, Елпидифоръ Павловичъ?

Акулинъ. Что это ты говоришь, сердишься что-ли? За что, Анфисушка? Говори, не томи ты мою душу!

Анфиса (*качая головой, съ глубокимъ вздохомъ*). Было времячко—да прошло, пѣла пташечка—да улетѣла. Не Анфисушка я вамъ Елпидифоръ Павловичъ, ни что!.. Была хороша, а теперь не нужна стала. Богъ съ вами!

Акулинъ (*перепуганно; волненіе его растетъ все сильнѣе*). Что это говоришь ты, что?

Анф. (*безстрастно*). Что мнѣ говорить-то? извѣстно, прощайте, счастливо вамъ оставаться!

Акулинъ. Да ты... ты съ ума сошла, ты (*языкъ его путается*).

Ранц. Батюшка, ради Бога, успокойтесь!.. Я право не понимаю, что это вздумалось Анфисѣ Дмитріевнѣ...

Анфиса. И ничего мнѣ не „вздумалось“, баринъ, это вы напрасно... А только что безъ меня *вѣрнѣе* будетъ: и сами вы себѣ спокой найдете, и прочіе всѣ...

Ранц. (*смущенно и торопливо*). Если вы это насчетъ того, что жена моя сказала давеча, такъ вы не такъ поняли, Анфиса Дмитріевна, повѣрьте слову!.. Потому она и сейчасъ вотъ, какъ уѣзжала, просила меня, чтобы непремѣнно вы остались при батюшкѣ, чтобы какъ попрежнему все. Она очень

хорошо понимаетъ, какъ онъ привыкъ къ вамъ, и что все это... такъ у васъ хорошо... Она понимаетъ, даю вамъ слово... а если иной разъ что скажетъ, по живости своего характера, такъ вы не обижайтесь на нее, прошу васъ, потому она, порѣрьте, самая прекрасная по душѣ женщина...

Анфиса (*глядя на него съ жалостью*). Вамъ лучше знать, баринъ: не даромъ, знать, мужемъ ихнимъ прозываетесь. А мнѣ что-жь на нихъ обиждаться! Коли-бъ еще ровня, а то вѣдь не по одной дорожкѣ бѣжимъ, не изъ одной миски хлѣбаемъ... Иная скажетъ, дѣйствительно, что ножемъ пырнетъ, да и забыла тутъ же, поѣхала со милымъ дружкомъ на Софійку въ нумера проклажаться, а у другой отъ этого слова сердце все, можетъ, кровью изойдетъ...

Ранц. (*съ горячими глазами прерывая ее*). Это вы про кого же говорите? кто въ нумера ѣздитъ?..

Анфиса. Къ примѣру, баринъ, говорю, потому каждая свою политику ведетъ, а я тоже свою честь понимать должна... (*подходитъ ближе къ Акулину*). Простите, Елпидифоръ Павлычъ, какъ если чѣмъ провинилась предъ вами... А впрочемъ пять, почитай, годковъ рядышкомъ продышали, не жаловался. Счастливо вамъ оставаться! Кому прикажете хозяйство сдать?

Акулинъ (*дрожа всѣмъ тѣломъ*). Да ты что, обезумѣла... уходить вздумала... я... я не хочу... я не пущу тебя... Не смѣй!..

Анфиса (*надменно*). Я вамъ не раба, Елпидифоръ Павловичъ, — вольная я птица, вдова купецкая: куда хочу, туда и и иду.

Акулинъ (*внѣ себя*). А, ты къ Степкѣ своему, къ подлецу Стороженкѣ!..

Анфиса (*вздрогнувъ*). А и опять на то моя воля: захочу къ кому, къ тому и пойду. (*Оборачивается и идетъ къ своей двери*).

Акулинъ (*крича крикомъ*). Анфиса (*Она продолжаетъ итти, не обертывая головы. На крикъ Акулина выбѣгаетъ на сцену испуганный Ѳедька*).

Ранцовъ (*кидаясь къ тестю*). Батюшка, что это вы!

Акулинъ. Анфи... (*валится безжизненно головой черезъ ручку кресла*).

Ранцовъ (*Ѳедькѣ*). За докторомъ лети скорѣй, за докторомъ!

Анфиса (*оборачиваясь разомъ и кидаясь въ свою очередь къ креслу*). Елпидифоръ Павловичъ, родной мой, простите!

(*Она и Ранцовъ закрываютъ собою Акулина отъ зрителей*).

КОНЕЦЪ 1-го ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Нумеръ въ гостиницѣ. Обстановка подержанная, но чистая. Коверъ. Входная дверь въ глубинѣ сцены. Въ углу направо отъ зрителя каминъ; надъ нимъ зеркало. По той же сторонѣ окно съ опущенными занавѣсями, а параллельно съ нимъ кушетка и кресло. Диванъ съ мягкими подушками. Ближе къ авансценѣ круглый столъ, накрытый на три прибора, на которомъ горятъ двѣ свѣчи. Кресла и стулья у стѣнъ.

СЦЕНА I.

Алексѣй, слуга гостиницы. Затѣмъ Ашанинъ. *(Алексѣй во фракѣ и бѣломъ галстукѣ укладываетъ салфетки на кругломъ столѣ, накрытомъ на три куверта.)*

Ашан. (*въ шляпѣ на головѣ, быстро входитъ и внезапно останавливается*). Алексѣй, что это значитъ? нумеръ этотъ занятъ?

Алексѣй (*спѣша къ нему*). Такъ точно, Владиміръ Петровичъ.

Ашан. (*досадливо*). Вѣдь это чортъ знаетъ что такое! Сколько разъ просилъ тебя оставлять его всегда въ резервѣ, на случай я пріѣду.

Алексѣй (*смущенно.*) Не моя вина, Владиміръ Петровичъ, повѣрьте слову! Хозяинъ безъ меня отдалъ утромъ еще сегодня одному тутъ.

Ашан. (*прерывая*). Кому это?

Алексѣй (*Презрительно*). Кто-жь его знаетъ! Изъ ар-

мянъ пріѣзжій... Въ 5-й нумеръ пожалуйте,—тамъ вамъ покойно будетъ.

Ашан. (*машетъ рукою*). Не хочу я въ твой 5-й нумеръ, у васъ тамъ мебель при царѣ Горохѣ строена, ни сѣсть, ни прилечь удобно не на чемъ... У васъ только и есть одна порядочная комната—эта, съ приличною обстановкой... Ну, терять мнѣ однако съ тобою время некогда! Восточнаго этого человѣка своего ты сунь, куда хочешь, а нумеръ я оставляю за собою.

Алексѣй. Помилуйте, какъ же я осмѣлюсь сдѣлать, когда хозяинъ самъ съ нимъ тутъ были и...

Ашан. (*нетерпѣливо*). Говорю тебѣ, мнѣ некогда! Дѣлай, какъ знаешь, а чтобъ было, какъ я сказалъ! Я черезъ полчаса буду сюда обратно.

Алексѣй (*таинственно*). Съ дамой-съ?

Ашан. Само собой!.. Накрыть на два куверта. Меню: саладъ изъ ершей, котелетъ-де-волайль и фрукты, какіе только есть теперь. Бутылку шампанскаго въ вазѣ со льдомъ на столъ и канделябръ въ четыре свѣчи. На каминѣ лампу... (*Въ дверяхъ показывается Терхаріанцевъ.*)

СЦЕНА II.

Тѣ же и Терхаріанцевъ.

Терхаріанцевъ (*съ порога*). Артэмій Давидычъ не пріѣзжалъ еще?

Алексѣй (*тихо Ашанину*). Самый вотъ этотъ и есть армянинъ. Попросите его честью сами, Владиміръ Петровичъ, на счетъ комнаты-съ: онъ, полагаю, согласенъ будетъ. (*Идетъ къ Терхаріанцеву*). Кого изволите спрашивать?

Терхаріанцевъ (*входя*). Артэмій Давидычъ, спрашиваю, Аварганцкаранитидовъ фамилія будетъ ему.

Алексѣй. Не знаемъ такого-съ.

Терхаріанцевъ. Артэмій Давидычъ, не знаете! Балшой торговля имѣйтъ, раскошный чалаэкъ, первый фамилья у Нахычеванъ. Я ему на ужынъ сюда приглашеньемъ давалъ.

Ашан. (*подходя къ нему*). Милостивый государь, извините меня,—вы желаете ужинать здѣсь, въ этомъ нумерѣ?

Терхаріанцевъ. Желаю, гаспадинъ, желаю, это ваша слова истинна.

Ашан. Я бы васъ просилъ,—не можете-ли вы мнѣ сдѣлать удовольствіе перейти въ другое помѣщеніе, а эту комнату оставить мнѣ?

Терх. Тц, тц, гаспадинъ, зачѣмъ оставлять, когда я самъ эта комната выбиралъ и хозяинъ задатокъ три рубля давалъ!..

Ашан. Я съ радостью готовъ вамъ сейчасъ задатокъ этотъ возвратить, и даже...

Терх. (*глядитъ на него*). Пазволте, гаспадинъ,—вы севодни со мной одинъ поѣздъ изъ Питербургъ у Москва ѣхалъ,—я сичасъ васъ фигуромъ узнавалъ.

Ашан. Да, я сегодня пріѣхалъ.

Терх. Съ харошенка дама у семейный вагонъ сидѣлы... Ахъ, какой хорошенка будетъ! Глаза какъ вышня спѣлый,—подать на блюда за ужынъ—вкусна кушанья будетъ... (*Смѣется и лукаво подмигиваетъ*).

Ашан. (*усмѣхаясь*). Понравилась она вамъ?

Терх. (*одобрительно цыкая*). Тц, тц! Красавецъ-женщинъ, настоящій... Раскошный одна бырюза у меня будетъ,—хотѣлъ ей за свой цѣна отдавать,—ей-богу! (*лѣзетъ въ карманъ*).

Ашан. Послушайте, мнѣ некогда; еще разъ прошу васъ, уступите мнѣ эту комнату... Хоть отступнаго берите, если вамъ нужно.

Терх. (*вытаскивая изъ кармана и развертывая бумажный пакетъ*). Смотри, гаспадинъ, бырюза — первый сортъ; сто рублей—послѣдній цѣна будетъ.

Ашан. (*Не глядя*). Я готовъ взять ее у васъ, если вы только сейчасъ же перейдете отсюда въ другое мѣсто.

Терх. (*любуясь камнемъ*) Харрошъ бырюза, гаспадинъ, харрошъ! Въ кольцо можна, у браслетъ можна, свой душенька подарить,—она за это много поцалуй давать будетъ!.. Бери, гаспадинъ,—себѣ самому сто рублей стоитъ, ей-богу!

Ашан. (*быстро вытаскивая бумажникъ изъ кармана и шаря въ немъ*). Вотъ вамъ 35,—больше со мной нѣтъ, — бе-

рите въ задатокъ. Камень удержите у себя покамѣстъ и приходите ко мнѣ потомъ за остальными. (*Указывая на Алексѣя*). Отъ него можете мой адресъ узнать.

Терх. (*кивая*). Эта можна, гаспадинъ, эта можна!..

Ашан. Но вы уйдете сейчасъ же отсюда!

Терх. Отчего не уходить, гаспадинъ, и эта можна... Ужынъ все равно гдѣ кушать.

Ашан. (*тихо Алексѣю*). За нумеръ и ужинъ скажи хозяину мнѣ на счетъ записать; послѣднія деньги стащилъ съ меня этотъ пучеглазый чортъ... (*Шаритъ въ карманахъ и достаетъ трехрублевую бумажку*). На, на твое счастье нашлось еще что-то... Смотри же, гляди въ корридорѣ, когда я назадъ буду, чтобъ кто-нибудь не встрѣтился... (*Быстро уходитъ*).

Алексѣй (*идя за нимъ*). Будьте покойны, Владиміръ Петровичъ!..

СЦЕНА III.

Терхаріанцевъ и Алексѣй.

Алексѣй (*возвращаясь*). Пожалуйте, господинъ купецъ, я васъ проведу.

Терх. А ты напередъ говори минѣ, какъ этотъ Уладыміромъ Петровичъ фамылія будетъ?

Алексѣй. Прозваніе имъ Ашанинъ значится.

Терх. А-ша-нинъ; понымаю... Знатный человѣкъ?

Алексѣй. Какъ есть господинъ настоящій, по всей Москвѣ извѣстенъ.

Терх. Раскошный?

Алексѣй. Это на счетъ чего-съ?

Терх. Большой имѣніе имѣетъ?

Алексѣй (*смѣясь*). Какъ если у васъ лишнія деньги есть, можете имъ подъ проценты предложить: не откажутся взять. (*Идетъ къ столу, снимаетъ одинъ приборъ и переноситъ его на другой столъ въ глубинѣ комнаты*).

Терх. (*щелкая пальцемъ въ воздухъ*). Въ труба вылетѣлъ, понымаю,—послѣдній деньга изъ пуртфолъ выныналъ, мнѣ за

бырюза отдавалъ (*смѣется и подмигиваетъ*). Съ мадамъ своя сейчасъ на ужинъ пріѣдетъ?

Алексѣй. Этого не могу знать-съ. (*Переноситъ на столъ стоящій на каминѣ большой канделябръ.*)

Терх. Вы не знайте, а я знаю (*тыкаетъ себѣ пальцемъ въ лобъ*), у мэне балшой воображенья у голова; въ Нахичеванъ армяне всѣ даже удывляются (*подмигиваетъ опять*)... Я этотъ дама его видалъ. Харрошенка! Глаза какъ вишня спѣлый... Не толстая только,—жалко! У Артэмій Давыдычъ... Вы Артэмій Давыдычъ знаете?

Алексѣй. Не знаю-съ.

Терх. Знатный человѣкъ, первая лавка съ восточной товаръ на Ильинка улица, земликъ мой съ Нахичеванъ. Фамылія ему Аваріанцкаранитидовъ будетъ. Я ему приглашеніемъ давалъ сегодня сюда на ужинъ съ его душенкомъ... Раскошный женщинъ, 5 пудъ 30 фунтъ вѣситъ; онъ такія женщинъ любитъ, балшой вкусъ имѣетъ человэкъ!..

Алексѣй (*прерывая*). Такъ ваша компанья, господинъ купецъ, можетъ ужь пріѣхала, а вы здѣсь попусту проклажаетесь...

Терх. (*торопливо*). Эта точно ваша слова, я немножко у голова спуталъ съ бирюза этомъ и прочимъ дэломъ... Не дай Богъ, Артэмій Давыдычъ со своимъ душенкомъ пріѣзжали, а мэня нэтъ прынимать ихъ; балшой для мэне стыдъ будитъ, балшой стыдъ!.. Комната уступилъ, другая не знаю куда итти. Показывай дорога, гаспадинъ офыціантъ!..

Алексѣй. Я васъ сейчасъ, почтеннѣйшій, другому человѣку сдамъ,—онъ васъ проведетъ и прислуживать вамъ будетъ, а я при этомъ самомъ нумерѣ нахожусь. (*Уходитъ вслѣдъ за Терхаріенцевымъ и тотчасъ же возвращается съ зажженною лампою, которую ставитъ на каминъ.*)

СЦЕНА IV.

Алексѣй (*одинъ, у камина*). Какъ если, къ примѣру, этакой азіатъ необразованный, такъ не то что изъ-за его двугривеннаго на водку, — потому, извѣстно, больше отъ него не

жди,—а давай онъ хоть синенькую, не согласенъ бы, кажется, итти ему служить. Потому унизительно даже... (*вздыхаетъ*) И то сказать, что по нонѣшнему времени, почитай, все саврасы, либо вотъ такіе пошли (*вздыхаетъ*). Настоящихъ господъ самая малость осталось... Послѣдній даже, можно сказать, этотъ вотъ самый Владиміръ Петровичъ (*смѣется*) орелъ!.. Что̀ этого одного, къ примѣру, женскаго пола съ нимъ у насъ перебывало—страсть! Графини всякія, или изъ балета,—настоящія, значитъ, что за нее иной господинъ тысячи готовъ заплатить,—а она его даромъ любитъ, потому, извѣстно, ловокъ, на что̀ ужь ловокъ! (*прислушиваешся*) Никакъ привезъ ужь,—его шаги (*быстро выбѣгаетъ*).

СЦЕНА V.

Ольга Елпидифоровна, Ашанинъ; затѣмъ Алексѣй.

Ольга Елп. (*быстро входитъ, укутанная, отъ макушки до стана, большою кружевною мантиліею*). Онъ меня узналъ, навѣрное узналъ!

Ашан. Чего вы испугались?

Ольга Елп. Развѣ вы не видѣли? въ корридорѣ этотъ восточный человѣкъ... Онъ съ нами вчера на поѣздѣ ѣхалъ, пилъ подлѣ меня чай на станціи и бирюзу мнѣ предлагалъ купить... (*идетъ къ зеркалу въ углу комнаты*).

Ашан. Онъ васъ узнать не могъ подъ этимъ вашимъ кружевомъ... Да и какое вамъ до него дѣло! (*Алексѣй входитъ съ вазой, въ которой стоитъ во льду бутылка шампанскаго, и ставитъ ее на столъ.*)

Ашан. (*шопотомъ ему*). Не могъ ты убрать раньше этого дьявола-армяшку? Стоитъ у дверей прямо противъ насъ, выпучивши буркулы...

Алексѣй. Помилуйте, Владиміръ Петровичъ, я его отсюда-то насилу выжилъ: расположился тутъ, языкомъ чешетъ, поди ты съ нимъ... Азіатъ, извѣстно!.. Ужинъ когда прикажете подавать?

Ашан. (*указывая глазами на колокольчикъ, стоящій на*

столъ). Я позвоню, когда нужно будетъ... А ты постой тамъ въ корридорѣ, чтобъ не ткнулся сюда кто-нибудь...

Алексѣй. Будьте благонадежны, Владиміръ Петровичъ, не впервой вѣдь (*уходитъ*)...

Ольга Елп. (*стоитъ у зеркала, пробуя вытащить булавку, закалывающую мантилію подъ подбородкомъ*). Ушелъ онъ?

Ашан. Кто: армянинъ этотъ?

Ольга Елп. Non, le domestique.

Ашан. Ушелъ; мы совершенно одни (*подходитъ и хочетъ взять ее за руку*).

Ольга Елп. (*отстраняясь отъ него и нетерпѣливо откидывая на затылокъ мантилію.* Послушайте (*оборачивается къ нему*): знайте, что я здѣсь не по своей доброй волѣ, что съ вашей стороны это былъ обманъ и насиліе... Можно-ли себѣ представить такое лукавство и дерзость! Начинаетъ у Лукояновыхъ жаловаться человѣкъ, что у него смертельно голова болитъ, беретъ шляпу, со всѣми прощается и исчезаетъ. — Черезъ полчаса я сама прощаюсь,—скука была невыносимая, эта Аглая со своимъ „Basile mon fils“ можетъ васъ довести до отчаянія! Ухожу, счастливая, что отъ нея наконецъ избавилась, спускаюсь съ лѣстницы, сажусь въ карету и уѣзжаю... И вдругъ на какой-то улицѣ лошади разомъ останавливаются, отворяется дверца, кто-то вскакиваетъ... Я хочу крикнуть, мнѣ закрываютъ ротъ...

Ашан. (*перебивая ее*). Не рукою только, согласитесь, — приличіе соблюдено.

Ольга Елп. (*невольнымъ движеніемъ проводитъ себѣ рукою по губамъ*). Да, дерзкій! У меня губы до сихъ поръ горятъ... Былъ-ли когда другой человѣкъ, способный дѣлать то, что вы сейчасъ сдѣлали!

Ашан. Если бы вмѣсто того, чтобы вскочить въ карету, я кинулся подъ нее, вамъ бы это больше понравилось?

Ольга Елп. (*смѣясь*). Можно было обойтиться и безъ того, и безъ другого.

Ашан. Никакъ! (*Поетъ:*)

Лови, лови часы любви,
Пока огонь горитъ въ крови!

Помните, какъ вы пѣвали это въ тѣ дни, въ Сицкомъ?.. Я съ ума сходилъ тогда!..

Ольга Елп. (*лукаво*). А теперь, вы въ полномъ разумѣ, полагаете?

Ашан. Не спрашивайте, пожалуйста! Вѣдь вы еще прелестнѣе, чѣмъ тогда были: всѣ обѣщанія сдержаны, всѣ лепестки распустились, разцвѣтъ полный... А я... знаете вы, *Осень*, Алексѣя Толстаго: „Не могу я высказать, какъ тебя люблю!“

Ольга Елп. (*садясь на кушетку*). У васъ одно несомнѣнное качество есть: вы горите какъ солома или смола, — весь и разомъ. Подтопокъ не нужно вамъ: кинута спичка, — вы вспыхнули и горите до конца, безъ остатка... За то и не долѣе, какъ этотъ feu de paille... Правда вѣдь?

Ашан. (*смѣясь*). Почти что... Не всегда впрочемъ... Васъ я никогда забыть не могъ!

Ольга Елп. Такъ-ли, и чему я это обязана?

Ашан. Я вамъ скажу откровенно (*опускаясь на кресло подлѣ нея*). Вы сказали мнѣ разъ какъ-то тогда: „Я не изъ тѣхъ, кого кидаютъ, я кину первая“... И вы, дѣйствительно, первая кинули меня,—чего со мною до тѣхъ поръ въ жизни ни разу не бывало! И я поэтому ни одной женщины такъ не любилъ, какъ васъ!

Ольга Елп. (*хохочетъ*). Какъ это на васъ похоже!

Ашан. Вы приняли тогда предложеніе вашего теперешняго мужа... Помните, какъ вы жестоко поступили со мной?...

Ольга Елп. Когда это?

Ашан. Я пріѣхалъ изъ Сицкаго въ вашъ городъ нарочно, чтобы только взглянуть на васъ. Отецъ вашъ и женихъ куда-то уѣхали. Вы были однѣ дома и пѣли... Я подошелъ съ улицы къ окну, назвалъ васъ по имени... До сихъ поръ не могу забыть, какъ сурово, какъ гнѣвно отвѣтили вы мнѣ на это и какъ безжалостно прогнали меня тутъ же.

Ольга Елп. А развѣ вы другаго стоили! Развѣ тогда (*чуть-чуть конфузливо*) послѣ представленія Гамлета, когда... мы видѣлись... одни... я не просила васъ, а вы не обѣщали торжественно, что послѣ этого вы смущать меня не будете...

Вѣдь я была невѣстой другаго, человѣка, котораго я не могла не уважать... И вдругъ вы являетесь опять неожиданно... съ этими вашими лукавыми глазами... И для чего? Развѣ я не знала, что вы не удовольствуетесь (*передразниваетъ его*) „Только взглянуть на меня“...

Ашан. (*комически вздыхая*). Не удовольствовался бы, Ольга Елпидифоровна, ваша правда!... Я никогда этимъ не довольствуюсь.

Ольга Елп. (*смѣясь*). А потомъ что̀? Разрывъ съ человѣкомъ, который любилъ меня посерьезнѣе, чѣмъ вы на это способны, и гарантировалъ мнѣ на всю жизнь безбѣдное существованіе, тогда какъ съ вами...

Ашан. (*договариваетъ*). Мы питались бы дикимъ медомъ и акридами,—это точно! Вы всегда были умны, Ольга Елпидифоровна, и тогда еще обѣщали стать тѣмъ, чѣмъ сдѣлались теперь...

Ольга Елп. Чѣмъ это?

Ашан. Политическою женщиной.

Ольга Елп. Вамъ про меня это говорили въ Петербургѣ?.. (*Смѣется*) Это потому, что у меня бываютъ люди высокопоставленные, какъ говорится теперь въ газетахъ, des hommes au pouvoir. Ну да, у меня салонъ интересный, скажу вамъ прямо, и всѣ они у меня бываютъ, эти люди, и очень любятъ меня и ухаживаютъ, и я много знаю... и могу черезъ нихъ... Кислыя ихъ grandes dames жены бѣсятся на меня за то, что я отбиваю будто бы у нихъ мужей, и дѣлаютъ мнѣ, гдѣ могутъ, всякія avanies,—mais je m'en fiche!...

Ашан. И очень вы счастливы всѣмъ этимъ?

Ольга Елп. (*раздумчиво*). Счастлива?—это другой вопросъ; но меня льститъ, не скрываю... Вы—старый другъ, съ вами можно говорить по душѣ. Ну да, я честолюбива... или какъ это назвать?... Сколько я себя помню, съ института, меня всегда влекло къ верхамъ, мнѣ все кругомъ меня мелко, мизерно казалось,все сіяли впереди блескъ, роскошь, блестящее положеніе... Это очень гадко—говорятъ добродѣтельные люди. Не спорю, можетъ быть,—но что̀ же дѣлать, когда я такая, и не могу быть иною? Мнѣ все это нужно, безъ этого, какъ

безъ воздуха,—мнѣ жизнь не въ жизнь... И я добьюсь всего, всего, я знаю, пока только у васъ, у мужчинъ, искорки вотъ эти (*указываетъ пальцемъ на глаза*) будутъ прыгать въ глазахъ, говоря со мною...

Ашан. До конца вашего, то-есть?

Ольга Елп. (*смѣясь*). Не дологъ будетъ этотъ мой вѣкъ, я знаю... Но мнѣ это все равно,—девизъ мой все тотъ же, помните, courte, mais bonne!.. А ужь чего я достигла—вы видите! Вамъ извѣстно, съ чего я начала. Отецъ исправникъ, я—въ родѣ приживалки въ домѣ у этой дуры Аглаи... Нашелся мужъ—чиномъ отставной армейскій капитанъ. Вы его знаете,—онъ со средствами былъ, правда, но простой, не свѣтскій человѣкъ; положенія онъ мнѣ никакого дать не могъ. Надо было создавать все самой... И я создала; переѣхала съ нимъ въ незнакомый намъ обоимъ Петербургъ, гдѣ въ первое время не за кого и не за что рѣшительно было уцѣпиться,—а вы знаете, легко-ли тамъ при такихъ условіяхъ выбраться изъ неизвѣстности!.. Я все превозмогла, нашла пути, связи, доставила мужу придворное званіе, и сама... Меня весь Петербургъ теперь знаетъ, обо мнѣ говорятъ во дворцахъ... Свѣтскія барыни ненавидятъ меня, это правда; но отцы ихъ, братья, мужья,—все это у моихъ ногъ, все это каждый день сиднемъ сидитъ у меня,—и дипломаты называютъ мою синюю гостиную самымъ вліятельнымъ салономъ въ Петербургѣ.

Ашан. Весело вамъ, по крайней мѣрѣ, со всею этой компаніей?

Ольга Елп. (*не сейчасъ*). Нѣтъ, не хочу лгать,—весело рѣдко бываетъ... Ни со старыми, ни съ молодыми! Не знаю, что такое въ нихъ, но... точно недодѣланные всѣ они... Разные вѣдь они у меня: есть умные, злые, сентиментальные,—старички все больше сентиментальны, ужасно любятъ становиться на колѣни и все просятъ поцѣловать le bout de ma pantoufle, — все равно... какъ-бы это выразить?.. всѣ они сдобные какіе-то и вязкіе, точно выборгскій крендель... Любви добиваются, точно орденъ на шею себѣ просятъ... Одинъ только есть тамъ, — графъ Наташанцевъ, первый чинъ Двора, un grand seigneur,—и при этомъ идеалистъ, сказочный рыцарь...

„Обломокъ старыхъ поколѣній“, знаете! (*Усмѣхается.*) Наше положительное время такихъ ужь не родитъ болѣе...

Ашан. (*комично*). Да, но что же вамъ дѣлать, съ „обломкомъ“?.. Вы вѣдь не членъ археографической комиссіи?

Ольга Елп. (*вскидывая плечомъ и смѣясь*). Ну да, вы этого не поймете! для васъ ничего въ мірѣ не существуетъ, кромѣ все того же вашего...

Ашан. (*не давая ей договорить, соскакиваетъ со своего кресла, становится предъ нею на колѣни и захватываетъ обѣ ея руки*). Воистину такъ, потому что это *мое* одно вѣчно какъ міръ; все же остальное не надежно какъ вѣтеръ, какъ тучи въ небѣ (*привлекаетъ ее къ себѣ.*)

Ольга Елп. (*тихо*). Послушайте, вѣдь я... я *кину*, какъ и тогда...

Ашан. Что же! „Одинъ лишь мигъ“... Вы тоже это пѣли изъ Глинки...

Ольга Елп. (*качаетъ головой*). И какіе глаза при этомъ дѣлаетъ!.. (*Закрываетъ ему глаза ладонью.*) Зачѣмъ у васъ такіе глаза?

Ашан. А что отвѣчаетъ на это въ сказкѣ волкъ Красной Шапочкѣ, помните?

Ольга Елп. (*смѣется*). „Чтобъ лучше смотрѣть на тебя, внучка“...

Ашан. Вотъ видите!.. А дальше какъ?

Ольга Елп. (*также*). „Бабушка, зачѣмъ у тебя такія большія уши“?

Ашан. „Чтобы лучше слушать тебя, внучка“... И послѣднее?..

Ольга Елп. „Бабушка, зачѣмъ у тебя такой страшный ротъ“, кажется...

Ашан. Чтобъ зацѣловать тебя въ конецъ, моя прелесть! (*Закидываетъ ей обѣ руки за станъ.*)

Ольга Елп. (*быстро подымаясь съ мѣста и отталкивая его*). Встаньте... довольно! (*проходитъ на авансцену*) Какъ жарко! Дайте мнѣ воды напиться!

Ашан. (*бѣжитъ къ накрытому столу*). Съ шампанскимъ хотите?

Ольга Елп. Нѣтъ, воды просто.

Ашан. (*наливаетъ воды въ стаканъ и несетъ ей*). Я велю ужинать подать сейчасъ.

Ольга Елп. (*отпиваетъ глотокъ воды, который онъ уноситъ на столъ. Она пытается вытащить булавку, закалывающую ея кружевную мантилію*). Помогите мнѣ прежде всего вытащить булавку, которая зацѣпилась у меня въ кружевѣ... Я никакъ не могу.

(*Ашанинъ становится передъ ней и, низко наклонившись, обѣими руками расцѣпляетъ кружево. Въ эту минуту за входною дверью раздаются взволнованные голоса*).

СЦЕНА VI.

Тѣ же, Ранцовъ и Алексѣй.

Алексѣй (*за дверью*). Нельзя, господинъ, помилуйте, занято...

Ранц. (*врываясь въ комнату*). Прочь! (*вбѣгаетъ и останавливается. Черезъ силу, женѣ*). Вы, здѣсь!.. У васъ отецъ умираетъ, а вы... Гдѣ вы!..

(*Ашанинъ, отпрянувъ отъ Ольги Елпидифоровны, глядитъ полусмущенно, полуотважно на Ранцова, полуобернувшись спиною къ зрителю*).

Ольга Елп. (*мантилья падаетъ у нея съ плечъ наземь*). Никсъ!.. (*Ранцовъ безмолвно, тяжело дыша, глядитъ на нее*). Безъ скандала, прошу васъ! (*подходитъ къ нему*). Не для меня, такъ хоть для имени вашего... которое я ношу до сихъ поръ... (*Къ Ашанину*) Владиміръ Петровичъ, прошу васъ уйти... (*На лицѣ Ашанина колебаніе*). Прошу васъ... меня не тронутъ... (*Мужу*). Пропустите Владиміра Петровича!..

(*Ранцовъ машинально двигается съ мѣста*).

Ашан. (*проходя мимо него, шопотомъ*). Я всегда къ вашимъ услугамъ.

Ранц. (*дрожа отъ сдержаннаго гнѣва*). Если... не знаю какъ... вы еще живы... Вотъ вамъ дверь! (*Договариваетъ жестомъ*).

(*Ашанинъ медленно удаляется.*)

Ольга Елп. (*опускаясь въ кресло около кушетки, самоувѣреннымъ голосомъ*). Объясните мнѣ теперь пожалуйста, какъ вы сюда попали... и къ чему вся эта трагедія?

Ранц. (*путаясь въ словахъ*). Какъ попалъ, спрашиваете, какъ попалъ? Съ отцомъ вашимъ второй ударъ былъ... До десятаго часа бились... Докторъ все надежду подавалъ... Наконецъ, „нѣтъ", говоритъ, „до утра не проживетъ"... Я за вами кинулся... У Лукояновой въ домѣ говорятъ—васъ нѣтъ, уѣхали... Я къ вамъ въ гостиницу,—нѣтъ и слуха... Мнѣ было сказано сегодня про васъ одно слово... Я не вѣрилъ, не хотѣлъ вѣрить... И вдругъ тутъ, какъ есть, на Софійкѣ, у подъѣзда карета... вашъ извозчикъ... Господи, у васъ отецъ отходитъ, а вы... вы—здѣсь, въ этой грязи!..

Ольга Елп. (*растерянно*). Отецъ отходитъ... я не поняла сначала... Ѣдемте скорѣе! (*Озирается на упавшую мантилью*) Подымите мою мантилью! (*Ранцовъ исполняетъ приказаніе и машинально надѣваетъ ей мантилью на плечи. Она укутывается въ нее*). Никсъ, я не хочу съ вами ссориться, не хочу, чтобы вы подозрѣвали меня Богъ знаетъ въ чемъ... Ну да, я сумасшедшая, я сдѣлала глупость, согласилась ѣхать ужинать съ Владиміромъ Петровичемъ... и не вдвоемъ, должны были пріѣхать еще молодые люди, — мы тамъ у Лукояновой сговорились...

Ранцовъ (*горько, указывая на столъ*). Къ чему неправда! На два прибора накрыто.

Ольга Елп. (*смущенно*). Тѣ не пріѣхали... и Владиміръ Петровичъ...

Ранцовъ (*прерывая*). Полноте! Сюда только парами и ѣздятъ,—мѣсто по всей Москвѣ извѣстное...

Ольга Елп. Такъ онъ меня обманулъ. Я не москвичка, я не знаю...

Ранцовъ (*отводя отъ нея глаза*). И не обманывалъ онъ васъ:—какой онъ человѣкъ—вы еще съ дѣвушекъ знаете!..

Ольга Елп. (*порывисто*). Никсъ, вы мнѣ простите?.. (*Ранцовъ глядитъ на нее во всѣ глаза и судорожно смѣется*). Что же это должно значить?

Рандовъ (*встряхивая нервно плечами*). И къ чему спрашиваете! Извѣстно, вамъ одна дорога, а мнѣ...

Ольга Елп. (*вскрикивая*). Никсъ! (*Сначала сцены въ непритворенныя половинки входныхъ дверей выглядываютъ Алексѣй и другіе слуги гостинницы. Вслѣдъ за крикомъ Рандовой Алексѣй вбѣгаетъ въ комнату съ перепуганнымъ лицомъ*).

Рандовъ (*оборачиваясь на шумъ шаговъ*). Чего тебѣ? Деньги требуются?

Алексѣй. Никакъ нѣтъ, господинъ,—все заплачено.

Рандовъ (*бѣшено*). Врешь, заплачу я удовольствіе! (*Выхватываетъ бумажникъ изъ кармана и, забравъ изъ него пачку денегъ, швыряетъ ихъ въ лицо слуги, который бросается поднимать ихъ съ пола. Къ женѣ:*) Идемте!.. Закройте лицо,—нечего людямъ показывать!.. (*Быстро уходятъ.*)

КОНЕЦЪ 2-го ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Декорація перваго акта (*на столѣ шкатулка, бюваръ, колокольчикъ, чернильница и перья*).

СЦЕНА I.

Даша, горничная Ольги Елпидифоровны, выходитъ изъ двери налѣво, ведущей въ покои Ольги Елпидифоровны; затѣмъ Анфиса.

Даша. Къ экономкѣ къ этой сходить. Тутъ кажется (*идетъ къ двери Анфисы и стучится въ нее*).

Анфиса (*въ черномъ, выходя изъ своей комнаты*). Звали меня?

Даша. Извините за безпокойство. Барыня въ монастырь на могилу покойнаго папеньки ихъ уѣхамши; назадъ обѣщалися сейчасъ быть, а меня въ отель, въ Дрезденъ, откуда мы сюда переѣхали, посылаютъ,—сундукъ у насъ тамъ изъ Парижа съ платьемъ большой оставленъ, такъ очень просятъ онѣ васъ подождать ихъ, что онѣ съ вами разговоръ желаютъ имѣть.

Анфиса. Пообожду, хорошо-съ!

Даша (*жеманно*). Позвольте васъ спросить: что мужъ барынинъ, не знаете, Никаноръ Ильичъ, дома? Во флигелѣ они теперь поселились, ничего намъ про нихъ не извѣстно.

Анфиса. Сейчасъ вернулись; изъ свѣтелки моей видно. Въ монастырь тоже ѣздили.

Даша (*съ любопытствомъ*). Не слыхали вы,—Сергѣй мнѣ ихній говорилъ,—правда, что они съ бариномъ собираются завтра назадъ въ деревню ѣхать?

Анфиса. Не могу вамъ сказать, потому не знаю.

Даша. Занятно это очень, почему они (*смѣется, покачивая головой*)... Отправляться мнѣ однако пора, барынину коммиссію исполнить... До пріятнаго свиданія! (*Присѣдаетъ и уходитъ въ выходную дверь направо.*)

СЦЕНА II.

Анфиса, затѣмъ Стороженко.

Анфиса (*оглядываясь кругомъ*). Пусто! Покончился сердечный мой, оставилъ меня сиротой сирою... И какъ жить-то мнѣ теперь съ этимъ съ гвоздемъ въ сердцѣ, что черезъ меня, можетъ, и Богу-то душу ранѣе времени отдалъ онъ... Жжетъ всю, какъ объ этомъ вспомню только... (*Дверь изъ комнаты Анфисы осторожно пріотворяется и въ ней показывается голова Стороженки.*)

Сторож. (*шопотомъ*). Анфиса Дмитріевна!

Анфиса. Степа!

Сторож. (*входя*). Можно? Ваша-то барыня петербургская уѣхала; сейчасъ мнѣ въ каретѣ встрѣтилась.

Анфиса. Наконецъ-то ты вздумалъ, а то и лица твоего не видала съ самаго дня съ этого... На похоронахъ даже у него не былъ.

Стороженко. Нельзя было, въ пятомъ участкѣ въ тотъ самый часъ купца одного обѣлялъ: въ пьяномъ видѣ ухо женѣ откусилъ... Ну-съ, а дѣла тутъ у васъ какъ?

Анфиса (*опуская голову*). Какъ видишь: съ чѣмъ была, съ тѣмъ и осталась.

Стороженко (*злобно*). Да?.. Богатство-то (*не договариваетъ и показываетъ на шкафъ*)...

Анфиса. Въ самый тотъ день, какъ скончаться ему, все, до копѣйки, въ банкъ отвезли.

Стороженко (*быстро*). Кто, кто отвезли?

Анфиса. Дочка съ мужемъ.

Стороженко. Вы-жь мнѣ говорили, что они про тѣ деньги ничего даже не знали.

Анфиса. И не знали точно... Только какъ ты ушелъ тогда, выслала *она* меня изъ комнаты... Самъ онъ, должно, боясь часа смертнаго, открылъ имъ, и деньги взять велѣлъ... Разговоръ у нихъ былъ большой... Слушала я, да черезъ дверь не разслышала... Только сказала потомъ при мнѣ барыня эта безстыжая, что „такъ", молъ, „вѣрнѣе будетъ"... Это на счетъ, то есть, что увезли они эти деньги, меня опасались, значитъ.

Стороженко (*со злобнымъ смѣхомъ*). Благодарю, не ожидалъ... То есть, впрочемъ, совсѣмъ наоборотъ сказать требуется, потому отъ васъ всегда этого самаго ожидать надо было!.. Дочиста, значитъ, дали обобрать себя?

Анфиса. Что-жь „обобрать",—не мои вѣдь были!

Стороженко (*передразнивая ее*)... „Не мои"! Извѣстно, какъ если были у васъ въ рукахъ козыри всѣ, а вы и тутъ съумѣли себя въ дурафьяхъ оставить... (*Минута молчанія*).

Анфиса. Степа!

Стороженко. Я!

Анфиса (*оборачиваясь къ нему*). Что же теперь, Степа?

Стороженко. А что!

Анфиса. Какое твое на счетъ меня рѣшеніе будетъ?

Стороженко (*кривя губы*). Сами, кажется, должны понимать, не маленькія! „Якъ ни у тѣбе, ни у мѣни ни гроша въ кишѣни", какъ говорятъ у насъ въ Полтавѣ (*разводитъ руками*). И радъ бы въ рай, Анфиса Дмитріевна, да грѣхи не пускаютъ.

Анфиса (*долго и зорко смотритъ на него, протяжно*). Такъ сердце мое и чуяло... А деньги же гдѣ, Степанъ Акимовичъ?

Стороженко. Какія деньги?

Анфиса. Какія! Всѣ, что были у меня, три тысячи, всѣ тебѣ передала... Съ возвратомъ бралъ, — всю душу-то свою, почитай, проклялъ, божившись, что отдашь.

Стороженко. Такъ эти деньги въ дѣлѣ у купца, не разъ, кажется, говорилъ вамъ.

Анфиса. Слышала! Документъ все обѣщалъ принести; сегодня, да завтра,— а и по сю пору нѣтъ.

Стороженко. А на что вамъ документъ?

Анфиса (*со взрывомъ негодованія и презрѣнія*). Плутъ ты, плутъ безстыжій! Проклятъ будь тотъ день, какъ забыла я, на пагубу свою, совѣсть мою съ тобой!

Стороженко. Позвольте, Анфиса Дмитріевна. Что вы, однако, такъ отчаянно...

Анфиса (*съ горькою и высокомѣрною насмѣшкою*). Небось, въ пролубь, думаешь, кинусь, черезъ большое отъ тебя горе? И не мни, — на зло тебѣ жить стану! Только ты отъ нынѣшняго часа и встрѣчаться со мною не моги, чтобъ я тебѣ при всемъ народѣ подлеца не сказала.

Стороженко (*иронически*). Встрѣчаться-то не зачѣмъ! Авось и безъ встрѣчъ вѣкъ проживемъ... Мое вамъ почтеніе! Извините, что черезъ вашъ апартаментъ опять для осторожности пройду (*уходитъ въ ея комнату*).

Анфиса (*одна, схватываясь обѣими руками за голову*). Ахъ, я бездольная, безталанная, изъ-за кого душу-то свою погубила!... (*Приходя въ себя и прислушиваясь*) Идутъ никакъ?.. Сама... Наслѣдница!.. (*Уходитъ въ ту же дверь своей комнаты*).

СЦЕНА III.

Ольга Елпидифоровна (*вся въ черномъ*); за нею Ѳедька.

Ольга Елп. (*входя*). Что, Даша уѣхала?

Ѳедька. Дѣвушка ваша, значитъ?

Ольга Елп. Да.

Ѳедька. За извощикомъ посылали меня, какъ же-съ, потому онѣ у насъ по Москвѣ улицъ не знаютъ... Я имъ привелъ, онѣ и поѣхали сейчасъ... Баринъ про васъ спрашивали.

Ольга Елп. Кто?

Ѳедька. Баринъ, Никаноръ Ильичъ.

Ольга Елп. А! они дома?

Ѳедька. Сею минутою прибыли...

Ольга Елп. Хорошо, ступай! (*Ѳедька уходитъ.*)

Ольга Елп. (*одна*). Спрашивалъ сейчасъ... А три дня видимо избѣгалъ... Видѣла я его только на панихидахъ, да при отпѣваніи,—стоитъ въ углу, молится, и тотчасъ же исчезаетъ вслѣдъ за этимъ... Теперь онъ, говорила мнѣ Даша, собирается будто бы завтра опять въ Никольское... Что-жь это будетъ?.. Я сама хочу не позднѣе, чѣмъ завтра, уѣхать въ Петербургъ; на кого же я домъ этотъ оставлю, и вещи, и распоряженія всѣ?.. И для чего онъ ѣдетъ? (*съ тревожною усмѣшкой*). Не думаетъ же онъ, въ самомъ дѣлѣ, разводиться со мною! (*Садится къ столу.*)

СЦЕНА IV.

Ольга Елпидифоровна и Ранцовъ.

Ранц. (*входя изъ средней двери съ листомъ бумаги въ рукѣ*). Не мѣшаю?

Ольга Елп. (*поспѣшно и любезно*). Нисколько, Никсъ,—чѣмъ же можете вы мнѣ мѣшать!.. Что вамъ?

Ранц. (*кладетъ предъ ней на столъ бумагу*). Довѣренность.

Ольга Елп. На что это?

Ранц. На полученіе бумагъ изъ банка.

Ольга Елп. Расписка у меня вѣдь?

Ранц. На мое имя положены, какъ было желаніе покойнаго, вамъ извѣстно.

Ольга Елп. Такъ не все-ли равно?

Ранц. Не мои-съ,—ваши. Полу́чите, на свое имя положите опять, или какъ вамъ будетъ угодно?

Ольга Елп. (*отпихивая отъ себя бумагу*). Да я этого вовсе не хочу,—пусть останется, какъ есть.

Ранц. Этого нельзя-съ. Мнѣ вашего не нужно, а какъ у насъ дѣтей нѣтъ, родственники мои, въ случаѣ смерти, могутъ явиться съ претензіями.

Ольга Елп. (*съ насильственною веселостью*). Не собираетесь же вы умирать завтра?

Ранц. Для чего собираться! А что только въ животѣ и смерти Богъ воленъ, такъ все предвидѣть надо... (*помолчавъ*). Если васъ это безпокоитъ, такъ пожалуйте документъ; я съѣзжу,—на ваше имя перепишутъ.

Ольга Елп. (*молящимъ голосомъ*). Никсъ, вы все еще сердитесь на меня?.. Вы мнѣ простить не можете.

Ранц. (*чуть слышно*). На что вамъ мое прощеніе!.. (*громко*). Пожалуйте документъ, я сейчасъ съѣзжу.

Ольга Елп. (*пылко*). Нѣтъ, это невозможно, намъ надо объясниться!.. Правду-ли я слышала,—вы хотите уѣхать, вы меня кинуть хотите?

Ранц. Свободу предоставить вамъ хочу.

Ольга Елп. Какую свободу?

Ранц. Какъ пожелаете... потому какъ жить намъ попрежнему ужь не приходится...

Ольга Елп. Я никакъ не желаю! Я хочу, чтобы вы перестали дуться... (*Ласкательно*) Слышите? сейчасъ, сейчасъ перестать, Никсенька!

Ранц. (*съ отчаяніемъ*). Не мучьте! (*Отвертывается отъ нея, подходитъ къ окну и приникаетъ къ нему лбомъ. Оборачивается опять на нее.*) Къ чему напрасныя слова говорить! Любилъ-ли я васъ,—сами знаете... Всю душу, всѣ мысли, все... Девять лѣтъ... Ежели когда и приходило что въ голову, такъ я и допустить не хотѣлъ... вѣрилъ, молился на васъ, какъ (*проводитъ рукой*)...

Ольга Елп. (*плача*). Никсъ, для чего вы это мнѣ говорите?

Ранц. Что же мнѣ чужой вѣкъ заѣдать! Человѣкъ я темный, не свѣтскій вашъ. Понималъ я это хорошо, только думалъ: все-жь никто изъ нихъ... никто покоить ее такъ не способенъ. А тутъ... Обманъ-то зачѣмъ, обманъ! Сказали бы просто,—развѣ бы я не понялъ! Срамиться зачѣмъ?... Вѣдь, кажется, весь открытъ былъ, насколько меня видѣли. Сказали бы прямо: „Отступитесь“!... Вы его еще дѣвушкой любили... Вы, можетъ, полагаете на счетъ состоянія... такъ мнѣ

на что,—ваше все, берите, идите за него... я все на себя возьму.

Ольга Елп. (*рыдая*). Вы съ ума сошли! Мнѣ не нужно вашего состоянія, у меня у самой теперь есть... Но вы меня за какую-то дуру почитаете,—можете-ли вы воображать, что я пошла бы когда-нибудь замужъ за него!... Если-бъ я захотѣла... разойтись съ вами, развѣ не съумѣла бы я найти себѣ кого-нибудь лучше этого... вѣтрогона?... Но я не хочу расходиться... Я васъ люблю, Никсъ, вы добрый, благородный, вы меня вотъ до слезъ довели,—я хочу, чтобы... Пожалуйста, Никсенька, чтобъ все оставалось попрежнему...

Ранц. Да развѣ это возможно, развѣ возможно!

Ольга Елп. Все можно, Никсъ, все! Забудьте, умоляю васъ!

Ранц. (*горько усмѣхаясь*). Забыть! А довѣріе прежнее гдѣ взять?

СЦЕНА V.

Тѣ же и Даша *(входитъ изъ двери направо).*

Ольга Елп. (*досадливо*). Что вамъ нужно?

Даша. Сундукъ привезли, сударыня.

Ольга Елп. (*тѣмъ же тономъ*). Хорошо, нечего было съ этимъ входить безъ зова.

Даша (*подаетъ двѣ депеши*). На ваше имя въ гостиницѣ двѣ депеши получены были; извольте получить. (*Отходитъ и останавливается у дверей налѣво.*)

(Ранц. *глядитъ въ окно, обратившись спиной къ зрителямъ.*)

Ольга Елп. (*вскрываетъ одну изъ депешъ, читаетъ*). „Въ Петербургѣ не осталось ни одного розана, ни камеліи, всѣ цвѣтутъ у васъ на квартирѣ и ждутъ васъ. Ѣзжу туда каждый день, тоска безъ васъ хуже смерти. Если не будете, какъ обѣщали, завтра, прилечу самъ въ Москву, пасть къ вашимъ ногамъ. Отвѣтъ за сорокъ словъ уплаченъ. Базиль Шастуновъ". (*Усмѣхаясь*). Какой сумасшедшій мальчишка!... (*Беретъ другую депешу*). А это отъ кого? (*вскрываетъ*) „Лео-

нидъ"... Отъ графа! Ахъ, онъ милый! (*читаетъ*): „Не извѣстили о своемъ отъѣздѣ. Полагаю, случилось что-нибудь для васъ непріятное. Безпокойству нѣтъ мѣры. Телеграфирую съ поѣзда, самъ ѣду въ Москву". (*Задумывается*). И старый, и молодой!... (*Обертывается къ Дашѣ*) Хорошо, ступайте!

(*Даша уходитъ въ дверь налѣво.*)

Ольга Елп. (*отыскивая глазами мужа*). Никаноръ Ильичъ!

Ранц. (*медленно подходя къ ней*). Что прикажете?

Ольга Елп. Вы, кажется, говорили сейчасъ, что потеряли довѣріе ко мнѣ,—да?

(Ранц. *только вздыхаетъ въ отвѣтъ*).

Ольга Елп. Значитъ, вы меня разлюбили, потому что нѣтъ любви безъ довѣрія. Если-бъ у васъ оставалась ко мнѣ хоть капля привязанности, вы бы не рѣшились сказать мнѣ то, что сказали.

Ранц. (*упавшимъ тономъ*). Что же говорить мнѣ было, послѣ того, какъ... (*не имѣетъ силы договорить*)...

Ольга Елп. (*иронически*). Ну да, само собою: вы рѣшились... Я рѣшилась тоже!.. Что же дѣлать, Никаноръ Ильичъ, насильно милъ не будешь!.. Вы предлагаете мнѣ разводъ, — замѣтьте *вы*, а не я... Мнѣ остается только повиноваться...

Ранц. (*мѣняясь въ лицѣ со взрывомъ, кивая на депеши*). „Нашли", значитъ, себѣ теперь мужа—настоящаго?

Ольга Елп. (*смутясь на мигъ, но затѣмъ тотчасъ оправившись*). Какое вамъ дѣло до этого, разъ вы находите, что жить намъ попрежнему не приходится, — вѣдь сами вы сказали! (*Отвѣчая на судорожное движеніе Ранцова*). Вы не въ правѣ сердиться; *вы*, повторяю, предложили мнѣ развестись съ вами. Я просила васъ помириться. Я дошла до того, что просила, наконецъ, у васъ прощенія... въ небывалой винѣ... Вы и выслушать меня не хотѣли, вы мнѣ отказали на-отрѣзъ... А я не такая женщина, чтобъ это забыть (*подчеркивая*) и простить.

Ранц. (*съ обезображеннымъ лицомъ дѣлаетъ два шага къ ней; она въ испугѣ вскакиваетъ съ мѣста. Онъ, останавливаясь, вдругъ съ судорожнымъ хохотомъ*). За что же Анфису-то эту вы такъ хаяли?

Ольга Елп. (*садясь опять*). Не забывайте, Никаноръ Ильичъ, что оскорблять женщину низко... низко, да!

Ранц. (*приходя въ себя*). „Оскорблять“... Это я васъ оскорбляю!.. А впрочемъ... (*кланяется*). Такъ какъ же прикажете?

Ольга Елп. (*не сейчасъ*). Вы въ самомъ дѣлѣ собираетесь сегодня въ деревню?

Ранц. (*утвердительно киваетъ*).

Ольга Елп. Какъ же я однако останусь съ этимъ домомъ и вещами? И съ этимъ наслѣдствомъ опять всякія формальности; я ничего не понимаю,—кто же этимъ всѣмъ займется? Я сама хочу черезъ день или два ѣхать въ Петербургъ: не пропадать же мнѣ здѣсь со скуки!

Ранц. Нужныя вамъ бумаги вы найдете въ шкафу, гдѣ деньги лежали у покойнаго Елпидифора Павловича. А насчетъ формальностей, я былъ уже у одного присяжнаго повѣреннаго,—Черновъ Николай Ивановичъ—хорошій человѣкъ, давно знаю. Онъ обѣщалъ быть сюда сегодня. Можете ему довѣриться... (*Чрезъ силу*). А я ужь сегодня уѣду!..

Ольга Елп. (*кивая на лежащую на столѣ довѣренность*). А съ этимъ какъ же?

Ранц. Дана съ передовѣріемъ; можете тому же Николаю Ивановичу Чернову поручить, если не желаете сами въ банкъ съѣздить.

Ольга Елп. Нѣтъ, я бы желала, чтобы вы ужь сами это сдѣлали; вѣрнѣе такъ.

Ранц. Чтобъ я въ банкъ съѣздилъ?

Ольга Елп. Да, будьте такъ любезны (*вынимаетъ изъ шкатулки банковую расписку и передаетъ мужу*).

Ранц. Хорошо-съ. (*Вкладываетъ расписку въ бумажникъ, киваетъ, не подымая глазъ, и уходитъ въ дверь направо*).

Ольга Елп. (*быстро направляется къ столу, садится къ нему, раскрываетъ бюваръ и принимается писать*). „Царское Село. Лейбъ-гусарскій полкъ, князю Шастунову. Вы сумасшедшій, но очень милый человѣкъ. Летѣть вамъ въ Москву совершенно безполезно. Буду скоро. Видѣла вашу матушку. Просила меня заняться спеціально вами. Я обѣщала. Думаю, вы за это не разсердитесь. Ольга“... А тотъ, самъ ѣдетъ.

Ахъ, какой онъ милый, какой прелестный! Вотъ человѣкъ, на привязанность котораго можно вполнѣ положиться! (*Звонитъ. Изъ двери налѣво выходитъ Даша*).

Ольга Елп. Даша, это надо сейчасъ послать съ кѣмъ-нибудь на телеграфъ; за это уже заплачено въ Петербургѣ.

Даша. Кого послать-то? Человѣкъ вѣдь одинъ здѣсь... Самой съѣздить развѣ...

Ольга. Елп. Хорошо, съѣздите!.. Ахъ да, что же женщина эта, Анфиса, дома она, не знаете?

Даша. Дома, какъ же-съ, я ей приказаніе ваше передала.

Ольга Елп. Что она, печальна очень?

Даша. Да-съ, видать... Сергѣй вотъ бариновъ говоритъ, собрала всѣ свои вещи въ сундукъ, сѣла на него и плачетъ. А серебро и все, что у нея было на рукахъ, она еще вчера, какъ вы приказывать изволили, сдала намъ съ Сергѣемъ, все аккуратно, по описи.

Ольга Елп. Сходите къ ней сейчасъ и попросите ее,—поучтивѣе и поласковѣе, прошу васъ,—притти ко мнѣ. Скажите, что я хочу ее *поблагодарить*. Поняли?

Даша. Слушаю-съ (*Уходитъ въ комнату Анфисы*).

(*Ольга Елп. отворяетъ свою шкатулку и роется тамъ.*)

Даша (*выходя*). Идетъ, сударыня.

Ольга Елп. Оставьте меня съ нею. (*Даша уходитъ въ дверь направо.*)

СЦЕНА VI.

Ольга Елпидифоровна и Анфиса.

Анфиса (*выходя изъ своей комнаты и останавливаясь*). Изволили спрашивать?

Ольга Елп. Я хотѣла поговорить съ вами, Анфиса Дмитріевна... Подойдите пожалуйста, вы очень устали, кажется. Утромъ вы, я знаю, въ монастырѣ были.

Анфиса. Да-съ, на могилку на ихнюю помолиться ходила.

Ольга Елп. Вы очень... преданы были батюшкѣ, я знаю.

Анфиса. Это точно-съ, потому какъ они мнѣ, можно ска-

вать, благодѣтелемъ были. Очень я несчастная была, когда мужъ мой померъ, такъ они меня тутъ вызволили.

Ольга Елп. Покойный говорилъ мнѣ отъ этомъ... Вы, можетъ быть, обо мнѣ дурно судили до сихъ поръ, но я желаю доказать вамъ, что вы ошиблись и что у меня не черствое сердце.

Анфиса. Какъ же я судить васъ смѣю, сударыня, когда, можетъ, сама я грѣшница передъ вами. Во имя Христа, Спаса нашего, простите великодушно (*кланяется въ поясъ*).

Ольга Елп. (*тронутая, подходитъ и обнимаетъ ее*). Всѣ мы грѣшны, всѣ мы нуждаемся въ прощеніи... Я бы желала поговорить съ вами о васъ, о томъ, что вы думаете дѣлать... Я думала было вамъ предложить остаться здѣсь, въ этомъ домѣ, на покоѣ, и смотрѣть за нимъ. Но вы еще такъ молоды и хороши, вы можете замужъ выйти...

Анфиса. Наплакалась я, сударыня, вдосталь и въ первый-то разъ. Лучше ужь въ монастырь, за Божью ограду иттить, потому на міру соблазнъ одинъ, да обманъ.

Ольга Елп. Неужто вы, милая моя, серьезно думаете въ монастырь итти? Я никакъ этого допустить не могу,—вамъ непремѣнно надо замужъ (*Съ лукавымъ оттѣнкомъ*). Развѣ у вамъ никого въ предметѣ нѣтъ?

Анфиса (*подымая глаза стремительно*). Можетъ и есть такой человѣкъ, что я его проклясть должна, а не то что итти за него.

Ольга Елп. (*нѣсколько смущенно*). Я вѣдь не знаю, я только такъ сказала... Я желаю вамъ добра, Анфиса Дмитріевна... Скажите мнѣ откровенно; я знаю, что батюшка былъ щедръ,—остались у васъ какія-нибудь средства?

Анфиса. У меня свои деньги были, по наслѣдству достались, отъ дяди, за пять лѣтъ, почитай, на всемъ готовомъ жила у покойнаго, жалованье сколотила, да какія къ праздникамъ въ награду жаловалъ. Три тысячи слишкомъ было... А теперь вотъ (*вынимаетъ изъ кармана портъ-моне*) двѣ красненькія, да мелочи сколько-то осталось.

Ольга Елп. Остальныя же деньги гдѣ?

Анфиса (*усмѣхаясь*). Кому повѣрила, не отдалъ, значитъ, и нѣтъ.

Ольга Елп. (*поспѣшно*). Послушайте, милая, я не допускаю, чтобы вы вышли нищая изъ этого дома. Если бы папа зналъ о вашемъ положеніи и не умеръ бы такъ внезапно, онъ, вы понимаете, непремѣнно бы обезпечилъ васъ... И я, во имя его и воспоминаніе, прошу васъ принять за ваши заботы о немъ полторы тысячи рублей; они вамъ на черный день пригодятся.

Анфиса. Спасибо вамъ, барыня, за милости ваши... Только это напрасно будетъ.

Ольга Елп. Какъ напрасно?!

Анфиса. Потому какъ не нужно мнѣ этого. Поминать-то его въ молитвѣ и такъ каждоденно стану, на что тутъ деньги.

Ольга Елп. (*нѣсколько обиженно*). Я вамъ ихъ и не предлагаю въ награду за ваши молитвы,—я прошу васъ ихъ принять отъ меня во имя его, на случай нужды, какъ онъ бы ихъ вамъ далъ въ такомъ случаѣ.

Анфиса (*печально усмѣхаясь*). Коли бы захотѣла я, сударыня, въ-время, онъ не то, чтобы... онъ мнѣ, можетъ, все бы отдалъ... И мнѣ теперича награды не нужно... (*растроганно*) Мнѣ можетъ, сударыня,—надумалась я такъ, — самая она и есть, награда настоящая, что какъ вошла я въ этотъ домъ нищая, такъ и ухожу теперь; можетъ, такъ отъ Господа и положено, чтобы мнѣ за грѣхи мои нужду терпѣть, такъ это я чувствовать должна.

Ольга Елп. (*изумленно смотритъ на нее*). Я, конечно, принудить васъ не могу, Анфиса Дмитріевна; но прошу васъ знать, что я положу на ваше имя въ банкъ полторы тысячи рублей и билетъ на нихъ вы можете получить во всякое время отъ меня, когда вамъ понадобится.

(*Анфиса кланяется и молчитъ. Ольга Елп. смотритъ на нее. Довольно продолжительное молчаніе*).

Анфиса. Позволите иттить?

Ольга Елп. Вы думаете ужъ отправляться совсѣмъ?

Анфиса. Такъ точно, собралась совсѣмъ.

Ольга Елп. Для чего вы спѣшите? могли бы пожить здѣсь пока... А впрочемъ, какъ знаете. Прощайте въ такомъ случаѣ.

Анфиса. Счастливо вамъ оставаться, сударыня, дай вамъ Господь въ жизни вашей благополучія и всякаго споспѣшествованія. (*Подходитъ къ ручкѣ, Ранцова не допускаетъ и лѣзетъ съ нею щека въ щеку. Анфиса низко кланяется и уходитъ*).

Ольга Елп. (*одна, задумчиво*). Этотъ ея любезный должно быть дѣйствительно величайшій негодяй: онъ, очевидно, обобралъ ее и кинулъ теперь, лишившись надежды обокрасть покойнаго черезъ ея посредство... А она—раскольница какая-то! Отъ „награды“ отказалась и о предстоящей нуждѣ говоритъ чуть не съ восторгомъ... Пойми, поди, эти русскія души!..

СЦЕНА VII.

Ольга Елпидифоровна и Ѳедька.

Ѳедька (*стремительно вбѣгая*). Сударыня, васъ спрашиваютъ!

Ольга Елп. Кто?

Ѳедька. Баринъ какой-то, немолодые ужь. „Скажи“,—говорятъ,—„Левонъ Александрычъ Фартопьянцевъ, изъ Питербурга, очѣнно желаю, молъ, видѣть ихъ, такъ можно-ли къ нимъ“?

Ольга Елп. „Фартопьянцевъ“,—ахъ, какъ ты глупъ! Это графъ Наташанцевъ навѣрное, Леонидъ Александровичъ?

Ѳедька. Такъ точно-съ.

Ольга Елп. Проси скорѣе, проси!

Ѳедька. Слушаю-съ! (*Бѣжитъ такъ же поспѣшно назадъ, оставивъ за собою двери открытыми. Слышенъ вдали его голосъ*). Пожалуйте-съ, пожалуйте-съ, просятъ!

СЦЕНА VIII.

Ольга Елпидифоровна и графъ Наташанцевъ.

Ольга Елп. (*идя ему навстрѣчу*). Cher comte! И это правда, la vraie vérité,—вы изъ-за меня, для меня рѣшились пріѣхать сюда изъ Петербурга?

Наташ. (*цѣлуя ея руку*). Вы жестокая женщина! Какъ же было не предупредить стараго друга о причинѣ вашего внезапнаго отъѣзда? Пріѣзжаю къ вамъ на квартиру, узнаю отъ швейцара, что вы уѣхали съ 2-хъ-часовымъ поѣздомъ въ Москву, — и никакого объясненія при этомъ: онъ ничего не знаетъ, говоритъ, кромѣ того, что наканунѣ была получена вами какая-то телеграмма. У меня сердце такъ и сжалось: какое-нибудь несчастіе—думаю!.. И голова такъ и заработала, ни спать, ни ѣсть не могу à la lettre,—все о васъ безпокойство... Это такъ сдѣлалось несносно, наконецъ, что я рѣшился ѣхать въ Москву самъ, узнать, что съ вами; не могу-ли пригодиться я вамъ на что-нибудь... И, какъ оказывается, предчувствіе не обманывало меня: вы въ траурѣ?

Ольга Елп. (*садясь и приглашая его жестомъ занять мѣсто подлѣ себя, скорбнымъ тономъ*). Я имѣла несчастіе потерять отца...

Наташ. (*вздыхая*). Я узналъ сейчасъ объ этомъ въ отелѣ „Дрезденъ“, гдѣ вы стояли нѣсколько дней.

Ольга Елп. Да, я переѣхала сюда только, когда его не стало...

Наташ. Давно это случилось?

Ольга Елп. Два дня, какъ мы его похоронили (*Утираетъ глаза платкомъ*).

Наташ. Бѣдная вы! (*Беретъ обѣ ея руки въ свои и нѣжно смотритъ ей въ глаза*). Старъ ужь онъ былъ?

Ольга Елп. Какое старъ! Пятьдесятъ лѣтъ съ чѣмъ-то, la mâturité à peine... И добрый, живой, — гвардеецъ, знаете, „нихъ хорошихъ временъ,—страстный художникъ въ ду-

шѣ. Un homme de goût... Мы въ его кабинетѣ, — можете о немъ судить по тому, что вы здѣсь видите...

Наташ. (*оглядываясь съ удивленіемъ*). Да, тутъ есть вещи прелестныя, вижу... Какъ хорошъ этотъ Lancert, напримѣръ!

Ольга Елп. Онъ всю жизнь это собиралъ... Вышелъ рано въ отставку, поселился въ Москвѣ и весь отдался наслажденію искусствомъ.

Наташ. (*тихо и нѣжно*). Вы его очень любили?..

Ольга Елп. Не могла не любить: онъ былъ такъ добръ, такъ нѣженъ и такъ снисходителенъ ко мнѣ... А я къ этому не привыкла...

Наташ. Вы! имѣете-ли вы право жаловаться?

Ольга Елп. Нѣтъ, если рѣчь идетъ о такихъ милыхъ, о такихъ преданныхъ друзьяхъ, какъ вы (*она протягиваетъ ему руку, онъ цѣлуетъ ее*)!.. Но вѣдь не одни друзья у меня, — есть и поближе...

Наташ. (*Невольно*). Мужъ?

Ольга Елп. (*какъ бы растерянно*). Да, мужъ... Но нѣтъ пожалуйста, не будемъ говорить объ этомъ...

Наташ. Нѣтъ, напротивъ, будемъ... Вы сейчасъ назвали меня преданнымъ другомъ; вы правы; вы должны быть въ этомъ увѣрены такъ же твердо, какъ въ томъ, что земля кругла, что лѣтомъ жарко... Вы должны быть откровенны со мною, какъ были бы съ покойнымъ отцомъ вашимъ... Я однихъ лѣтъ съ нимъ.

Ольга Елп. Развѣ у васъ есть лѣта! Вы очаровательный человѣкъ, больше ничего!

Наташ. (*усмѣхаясь*). Тѣмъ развѣ, что во мнѣ въ эту минуту, „какъ солнце въ малой каплѣ водъ“, отсвѣчивается то очарованіе, которое производите вы на мнѣ... Но мы уклонились въ сторону. Я возвращусь къ тому, съ чего началъ: — вамъ не по себѣ, я это вижу... И это помимо тоски по отцѣ... Я прямо, грубо поставлю вопросъ: у васъ съ мужемъ неладно, какъ говорятъ у насъ въ простонародьи? (*Нѣжно наклоняется къ ней*). Да?

Ольга Елп. Увы, да, неладно, очень неладно (*какъ бы съ усиліемъ*)... Мы разстаемся, кажется...

Наташ. (*въ видимымъ волненіемъ*). До того дошло!

Ольга Елп. Онъ самъ этого желаетъ...

Наташ. Онъ! онъ хочетъ... онъ способенъ *желать* разойтись съ вами. Съ такимъ существомъ, какъ вы!.. Да онъ послѣ этого что же: безумецъ, или...

Ольга Елп. (*останавливая его движеніемъ руки*). Не продолжайте! я не хочу, чтобы вы о немъ дурно говорили!

Наташ. Я и не намѣренъ былъ,—я его такъ мало знаю!— Я хотѣлъ только выразить мое удивленіе. Какъ, имѣя счастіе быть вашимъ мужемъ, не умѣть оцѣнить всю вашу прелесть!

Ольга Елп. (*усмѣхаясь*). „Прелесть", c'est trop dire, можетъ быть, но есть, положимъ, кое-какія привлекательныя стороны, которыя признаютъ во мнѣ такіе люди, какъ вы... Ну, а если онъ ихъ и вовсе не видитъ, не способенъ видѣть. Виноватъ-ли онъ въ этомъ? Вѣдь не станете же вы упрекать слѣпаго за то, что онъ не отличаетъ красокъ?.. А онъ? ce pauvre Ранцовъ, онъ именно не въ состояніи видѣть, а тѣмъ менѣе „оцѣнить", какъ вы говорите, тѣ краски, которыя милы *вамъ* во мнѣ... Для этого нуженъ другой кругозоръ, другое воспитаніе...

Наташ. Да, именно воспитаніе, а когда этого нѣтъ... Я не разъ, не разъ съ тоскою думалъ о васъ по этому поводу, бѣдный ангелъ мой...

Ольга Елп. Я его не виню впрочемъ, говорю опять:—онъ въ сущности хорошій, честный человѣкъ и любитъ... любилъ, по крайней мѣрѣ, меня по-своему... Если-бъ я могла измѣнить свою натуру, смотрѣть на вещи его глазами... Но я не могу, другъ мой, не могу! Я живое существо, голова моя, воображеніе требуютъ пищи, обмѣна мыслей съ умными, образованными людьми... Я умерла бы, просто умерла отъ тоски, если бы принуждена была—а онъ этого хочетъ,—зарыться на вѣки въ глуши деревни,— одна, съ человѣкомъ, для котораго весь интересъ существованія заключается въ томъ, какъ бы нанять рабочихъ подешевле и продать купцу хлѣбъ подороже,—даже безъ дѣтей, которыхъ у меня нѣтъ, и которыя, по крайней мѣрѣ, могли бы служить мнѣ тамъ занятіемъ и утѣшеніемъ!..

Dites, cher, неужели я такъ виновата, что не могу рѣшиться на это?..

Наташ. (*пылко*). Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ!.. Отъ васъ требуютъ самоубійства; вы не соглашаетесь,—вы правы. Но скажите, неужели *онъ*, изъ-за того только, что вы не рѣшаетесь похорониться въ деревнѣ, думаетъ серьезно... разлучиться съ вами?..

Ольга Елп. (*чуть-чуть смущенно*). Изъ-за этого, да и... и изъ-за своей ревности, изъ-за безсмысленной ревности... которая такъ глубоко оскорбляетъ меня...

Наташ. (*взволнованно*). Отъ ревности!.. Къ кому?

Ольга Елп. (*вскидывая плечами*). Ахъ, право, и говорить не стоитъ...

Наташ. Нѣтъ, прошу васъ, говорите, говорите все!..

Ольга Елп. (*съ кокетливою грустью*). Вы этого желаете, другъ мой, — я повинуюсь... Въ одномъ поѣздѣ со мною изъ Петербурга, когда я ѣхала сюда, былъ одинъ молодой человѣкъ...

Наташ. (*быстро*). По фамиліи?..

Ольга Елп. (*небрежно*). Вы его не можете знать... Ашанинъ одинъ, здѣшній...

Наташ. Кто онъ такой?

Ольга Елп. (*съ усмѣшкой*). Кто? это трудно опредѣлить... Изъ московскихъ коптителей неба, одинъ...

Наташ. (*смѣется*). У васъ такія словечки! „изъ московскихъ коптителей неба“,—какъ это вѣрно!.. Вы съ нимъ познакомились тутъ, на желѣзной дорогѣ?..

Ольга Елп. Я его знала, когда была еще дѣвушкой... Я встрѣчала его въ деревнѣ у одной сосѣдки нашей, княгини Шастуновой,—матери этого гусарчика, котораго вы встрѣчали у меня въ Петербургѣ.

Наташ. (*смѣясь*). Который, изъясняясь по-французски, говоритъ „moi je“, какъ негры?

Ольга Елп. (*хохочетъ*). C'est ça!.. Извѣстный „Basile, mon fils“,—сынокъ достойный своей маменьки, феноменальной дуры, сказать кстати.

Наташ. И что же, этотъ вашъ „коптитель неба“ влюбленъ былъ въ васъ, само собою?

Ольга Елп. (*улыбаясь*). Само собой!

Наташ. (*тревожно*). А вы?..

Ольга Елп. (*быстро*). Никакъ! Я съ нимъ кокетничала на смерть, каюсь... Это у меня въ природѣ было. Но влюбиться я не могла. У меня съ самыхъ юныхъ лѣтъ существовало какое-то инстинктивное недовѣріе, чуть не враждебность, къ очень молодымъ людямъ; тому доказательство, что, когда этотъ Ашанинъ вздумалъ просить моей руки, я ему наотрѣзъ отказала...

Наташ. Вы встрѣчались съ нимъ послѣ?

Ольга Елп. Я вскорѣ затѣмъ вышла замужъ, переѣхала тогда же съ мужемъ въ Петербургъ и въ теченіи цѣлыхъ девяти лѣтъ ни разу не встрѣчалась съ нимъ. Въ первый разъ послѣ этого увидѣла я его, какъ сказала вамъ, на поѣздѣ, а на другой день мы провели вечеръ вмѣстѣ у одной здѣшней madame Loukoianof...

Наташ. (*полушутливо, полутревожно*). И вы, въ воспоминаніе прежняго, закокетничали опять „на смерть“ съ московскимъ „коптителемъ“, а онъ пуще прежняго влюбился въ васъ?

Ольга Елп. (*качая головой*). Ни то, ни другое. У него страшно голова болѣла, и онъ уѣхалъ съ вечера ранѣе меня. А я... вы знаете, что я разучилась кокетничать съ тѣхъ поръ, какъ поняла... какъ заставила васъ признаться, что это... вамъ не нравилось во мнѣ.

Наташ. (*глядя на нее съ восхищеніемъ*). Вы *однимъ* словомъ умѣете околдовать человѣка... вы очаровательница, une enchanteresse!.. Да, я говорилъ и говорю: въ васъ слишкомъ много содержанія, чтобы вамъ размѣнивать себя на мелкую монету кокетства, на которое обыкновенно отвѣчается такою же мелочью. А этого ли, скажите, заслуживаете вы (*страстно*), вы, имѣющая право требовать, чтобы человѣкъ, избранный вами, отдалъ бы вамъ всего себя, всю жизнь свою по малѣйшему вашему знаку!..

Ольга Елп. О, я такъ много не требую!.. Немножко до-

вѣрія, немножко нѣжности и снисхожденія къ моимъ маленькимъ женскимъ слабостямъ... Но когда изъ-за вздора... изъ-за случайной встрѣчи съ этимъ сумасбродомъ Ашанинымъ меня оскорбляютъ самыми ужасными подозрѣніями и говорятъ мнѣ: „Вамъ одна дорога, а мнѣ другая,—я возвращаю вамъ вашу свободу“... (*плачетъ*) Чего еще могу я ждать послѣ этого?..

Наташ. (*взволнованно*). Мужъ вамъ сказалъ, что возвращаетъ вамъ свободу... И это серьезно, совершенно серьезно?..

Ольга Елп. (*утирая глаза платкомъ*). Да! Онъ при этомъ даже великодушіе хотѣлъ показать: „Я“, говоритъ онъ мнѣ, „все на себя возьму, а вы можете выходить за *вашего* Ашанина“... За *моего*... Онъ просто искалъ предлога отдѣлаться отъ меня: такая жена, какъ я, ему въ тягость... Иначе надо быть самому безумнымъ, или меня почитать за совершенную сумасшедшую, представляя себѣ, что я могу подумать итти замужъ за перваго встрѣчнаго вѣтрогона, за провинціальнаго донъ-Жуана... Не къ такой цѣнности людямъ я привыкла, не такого *избрала* бы я человѣка, если-бъ получила возможность еще разъ располагать своей рукой...

Наташ. (*пылко*). Вы получите ее теперь, — если только мужъ вашъ не откажется отъ своего рѣшенія.

Ольга Елп. (*живо*). О, нѣтъ, этого бояться нечего! Рѣшено и подписано: я сама ни за что не хочу быть больше его женой.

Наташ. Остается поэтому только одна формальная сторона дѣла—и вы свободны...

Ольга Елп. (*слегка вздрагивая*). Да; но мнѣ страшно, какъ только объ этомъ подумаю.

Наташ. Страшно! Чего?

Ольга Елп. *Разведенная* женщина, — представьте себѣ только! Что толковъ, что злословія пойдетъ, какъ начнутъ позорить и рвать меня на части!..

Наташ. Кто это, что вы это воображаете себѣ?

Ольга Елп. Кто? Да всѣ ваши большія барыни первыя, вся женская половина петербургскихъ *сливокъ*, ненавидящая меня за то, что люди, какъ вы, напримѣръ, предпочитаютъ

дышать свободно въ моей гостиной, чѣмъ умирать со скуки въ ихъ salons huppés.

Наташ. Какое вамъ до нихъ дѣло! Зависть ихъ и злословіе безсильны повредить вамъ.

Ольга Елп. (*печально*). Вамъ это легко говорить, милый графъ... Я сама смѣялась до сихъ поръ, когда до меня доходило, какъ онѣ бранятъ меня. Но я была ограждена моимъ положеніемъ замужней женщины; у меня былъ законный покровитель и отвѣтчикъ... А теперь... теперь я безоружно осуждена стоять предъ клеветою. „Разведенная", скажутъ, „мужъ бросилъ, или она его бросила", — все равно, — клюйте ее вволю!.. Меня защищать даже никто не въ правѣ; выступи за меня рыцаремъ кто-нибудь изъ моихъ друзей, онъ повредилъ бы только себѣ и мнѣ... Вы сами, вы, стоящій такъ высоко и такъ уважаемый въ свѣтѣ человѣкъ, лучше, благороднѣе, прелестнѣе котораго я не встрѣчала никогда,—сами вы не вышли бы цѣлы изъ травли, которая поднялась бы на насъ, если бы вамъ вздумалось открыто вступиться за меня!.. Уже и до этого, вы знаете, что говорили о моихъ отношеніяхъ къ вамъ,— говорили въ вашей же семьѣ...

Наташ. (*горячо прерывая ее*). Что говорили, что могли они говорить! Что дороже васъ нѣтъ для меня существа въ мірѣ,—они говорили правду.

Ольга Елп. (*глядя на него нѣжно-благодарными глазами*). Говорили, что я „влюбляю" васъ въ себя съ честолюбивыми цѣлями, чтобы найти себѣ опору въ свѣтѣ, чтобы добиться черезъ васъ приглашеній во дворцы... А теперь, когда я окажусь свободною, въ правѣ вступить въ новый бракъ, скажутъ (*прерываетъ, какъ бы внезапно смутившись*)...

Наташ. (*торопливо*). „Скажутъ"?.. Договаривайте, договаривайте все, прошу васъ...

Ольга Елп. (*машетъ рукою*). Къ чему!.. Для меня ужаснѣе всего то, что насъ могутъ поставить съ вами въ такое положеніе, другъ мой, что мы увидимъ себя, наконецъ, въ необходимости не видѣться болѣе, чтобы не давать дальнѣйшаго повода къ толкамъ.

Наташ. (*испуганно*). Какъ не видѣться! что вы говорите?

Ольга Елп. Да, потому что злословіе не пощадитъ и васъ вмѣстѣ со мною, потому что если съ одной стороны будутъ разсказывать, что я развелась съ мужемъ въ безумномъ разсчетѣ выйти замужъ за васъ, то съ другой—скажутъ, что вы подстрекнули меня развестить съ нимъ для того...

Наташ. Для того...

Ольга Елп. (*смущеннымъ голосомъ*). Чтобы обладать мною безъ раздѣленія...

Наташ. (*восторженно*). Обладать вами—величайшее блаженство, какое можетъ быть здѣсь дано человѣку! Но я его никогда не принималъ иначе, какъ полнымъ, законнымъ предъ Богомъ и людьми. Я васъ любилъ, какъ только можетъ любить человѣкъ въ мои годы,—свято, безкорыстно, не смѣя разсчитывать на взаимность, не смѣя и мечтать о ней... Вы были замужемъ,—для моей любви будущаго не было; *я зналъ*— и покорялся... Но теперь... теперь, когда такъ неожиданно для меня ваши узы порваны... Ольга, ангелъ Ольга (*падаетъ передъ нею на колѣни*), дозвольте мнѣ посвятить всю жизнь мою вашему счастію!..

Ольга Елп. Графъ... Леонидъ Александровичъ, что вы дѣлаете?..

Наташ. (*такъ же*). Я знаю, я старъ, я вамъ въ отцы гожусь... вы можете встрѣтить человѣка лучше, моложе, болѣе достойнаго быть любимымъ... Но мужа, друга, раба, который любилъ бы васъ такъ преданно, такъ безконечно, какъ я,— нѣтъ, вы не найдете такого во всей вселенной, клянусь вамъ въ этомъ божественнымъ Творцомъ ея!..

Ольга Елп. (*въ радостномъ волненіи*). Что это, или брежу я, это не шутя... вы серьезно хотите, чтобы я была ваша жена?.. О, милый! (*порывисто схватываетъ его за голову обѣими руками, цѣлуетъ въ лобъ и тутъ же отталкиваетъ и вскакиваетъ съ мѣста*)... Нѣтъ, это не возможно!..

Наташ. (*вставая съ отчаяніемъ*). Вы не согласны!.. Я долженъ былъ это предвидѣть...

Ольга Елп. (*со внезапнымъ порывомъ*). Предвидѣть! О, великодушный, о слѣпой въ своемъ великодушіи человѣкъ!

Наташ. Что съ вами, ради Бога! (*схватывая ея руку*).

Ольга Елп. Что? Вы спрашиваете... Я дурная, тщеславная, испорченная женщина, а вы говорите: „я долженъ былъ это предвидѣть“... Что предвидѣть? Что ваше предложеніе подымаетъ меня на высоту, которой я не достойна, и что я этого добивалась всѣмъ существомъ моимъ!.. Я дурная, испорченная, говорю вамъ,—но у меня все же *это* не совсѣмъ еще умерло (*показываетъ на сердце*), и вы пробудили все, что тамъ еще оставалось хорошаго... Я чрезъ минуту одумаюсь, можетъ быть,—я за себя не ручаюсь,—и заговорю иначе; но вы теперь слушайте, слушайте, пока говоритъ этотъ остатокъ хорошаго во мнѣ. Быть вашею женой—это вѣнецъ моихъ желаній, но вы сами раскаялись бы въ этомъ потомъ, а я всю жизнь не могла бы простить себѣ, что была причиною вашего несчастія. Развѣ я вамъ жена, я?... Вамъ нужна чистая, безупречная, идеальная, какъ сами вы, женщина, а не грѣшница, не *авантюріерка*, какъ я... „Авантюріерка“, — это дочь ваша, княгиня Андомская, про меня сказала... и это правда!..

Наташ. О, бѣдная Магдалина моя, если бы мнѣ нужны были какія-нибудь еще новыя причины обожать васъ,—я бы ихъ нашелъ въ вашемъ смиреніи! Вы каетесь, вы называете себя грѣшницею... и тѣмъ отвратительнымъ названіемъ, которое, говорите вы, дано вамъ моею дочерью (*со внезапнымъ гнѣвомъ*). Я, впрочемъ, защищать ее не стану: она холодная, безсердечная и къ тому же ограниченная женщина; она могла сказать это,—она не знаетъ границъ своему высокомѣрію, ни удержу своей злости. Она дала себѣ трудъ родиться и не въ состояніи понять, какъ естественно, какъ законно такимъ натурамъ, какъ вы, въ силу данныхъ имъ свыше даровъ, стремиться къ тѣмъ вершинамъ, на которыхъ пребываютъ она и ей подобныя, единственно благодаря случайности этого своего рожденія...

Ольга Елп. (*всплескивая руками и глядя на него съ глубокимъ умиленіемъ*). Господи, есть-ли еще другой такой человѣкъ на свѣтѣ!.. Вы, кажется, готовы все извинить, все простить!..

Наташ. (*съ тихою улыбкой*). „Все понять—все простить,

значитъ", давно и хорошо кѣмъ-то сказано. А вамъ и прощать нечего...

Ольга Елп. (*пылко*). Мнѣ!.. Вы думаете... (*останавливаясь вдругъ*). О другъ мой, мой безцѣнный другъ, сколько любви, сколько безконечной преданности лежитъ на обязанности той женщины, которую вы назовете своею!

Наташ. Но вы не хотите (*печально*) быть этою женщиной!..

Ольга Елп. „Не хочу"!.. Скажите: не смѣю...

Наташ. Хотя бы изъ жалости! Въ мои годы не переносятъ такихъ ударовъ.

Ольга Елп. (*быстро*). Не говорите этого, ради Бога!... Милый, неужели это такъ сильно?

Наташ. Я не перенесу, чувствую.

Ольга Елп. (*поднося руку ко лбу*). Боже мой, что же мнѣ дѣлать?

Наташ. Сказать *да*.

Ольга Елп. Нѣтъ, умоляю васъ, дайте мнѣ притти въ себя... У меня въ головѣ туманъ, сердце бьется такъ, будто выскочить хочетъ изъ груди... Оставьте, оставьте меня одну теперь!..

Наташ. (*склоняя голову*). Когда позволите явиться къ вамъ за отвѣтомъ?

Ольга Елп. Завтра, на желѣзной дорогѣ; я ѣду утромъ съ почтовымъ поѣздомъ... Вы тоже?

Наташ. Еще спрашиваете!..

Ольга Елп. До завтра, значитъ... (*Наклоняетъ къ нему лобъ*).

Наташ. (*цѣлуя ея лобъ, тихо*). До завтра, моя нареченная, моя будущая жена... Такъ?

Ольга Елп. (*быстрымъ порывомъ схватывая его руки и глядя ему въ глаза*). И вы не будете раскаяваться?.. Поклянитесь, что вы никогда, никогда не раскаетесь въ этомъ!

Наташ. Клянусь всѣмъ, что для меня дорого и свято въ жизни,—клянусь любовью моею къ вамъ!

Ольга Елп. Помните же,—а не то я не перенесу, я..

Наташ. Вы ангелъ, ангелъ! (*Уходитъ*).

Ольга Елп. (*одна послѣ долгаго раздумья*). Я буду графиня Наташанцева. А вы, свѣтскія надменницы и злючки, не хотѣвшія знать меня,—увидимъ теперь!..

КОНЕЦЪ 3-го ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Гостиная Ольги Елпидифоровны въ Петербургѣ. Роскошная обстановка. Прямо противъ зрителя въ глубинѣ сцены вѣходная дверь. Въ правомъ углу открытый рояль,—на пульпетѣ развернутая тетрадь нотъ. По той же сторонѣ два задрапированныя окна; между ними большое зеркало надъ мраморнымъ каминомъ, на которомъ стоятъ бронзовые часы. Налѣво двѣ задрапированныя же двери, ведущія одна въ столовую, другая въ спальную; въ углу горка съ цвѣтами и растеніями и рядомъ съ нею шкафъ-буль. Между дверями письменный столъ. Посреди сцены круглый диванъ (пуфъ), кресла и золоченые стулья у фортепіано, подлѣ дивановъ и у стѣнъ. Коверъ во всю комнату.

СЦЕНА I:

Ольга Елпидифоровна *(сидитъ у рояля; играетъ или поетъ, по выбору актрисы);* **затѣмъ княгиня Шастунова.**

Слуга (*въ ливрейномъ фракѣ, у входныхъ дверей, докладывая*). Княгиня Шастунова.

Ольга Елп. (*полуоборачиваясь*). Кто?

Слуга. Княгиня Шастунова, пріѣзжая изъ Москвы.

Ольга Елп. (*съ легкою гримасою и не сейчасъ*). Просите (*слуга уходитъ*).

Княгиня (*входя*). Ахъ, ma chère Ольга, какъ я рада, что застаю васъ дома. Я ужь нѣсколько дней въ Петербургѣ и все къ вамъ собиралась, но у меня все такія непріятности были (*вздыхаетъ*), а мнѣ такъ нужно и хотѣлось васъ видѣть. Вы знаете, какъ я васъ всегда любила.

Ольга Елп. Очень вамъ благодарна, княгиня. Prenez place, je vous prie.

Княгиня (*садясь и оглядываясь кругомъ*). Какъ у васъ хорошо, такъ богато, si riche! Я очень рада за васъ, ma chère Ольга... Вы не сердитесь, что я васъ называю попрежнему? Вы были у меня enfant de la maison, и съ моей легкой руки, можно сказать, сдѣлали такую карьеру...

Ольга Елп. (*смѣясь*). Какую же это „карьеру", княгиня? Меня еще не прочатъ въ министры, сколько мнѣ извѣстно.

Княгиня (*глупо смѣясь*). Все равно: вы выходите теперь замужъ за такого важнаго человѣка...

Ольга Елп. (*недовольнымъ голосомъ*). Кто это вамъ сказалъ?

Княгиня. Ахъ, ma chère, неужели вы будете таиться отъ такого стараго друга, какъ я! Я не петербургская, но когда пріѣзжаю сюда, мнѣ все разсказываютъ. И вы теперь, я знаю, самая модная здѣсь женщина въ свѣтѣ и à la Cour, и всѣ только и говорятъ, что вы должны на дняхъ развестись съ вашимъ мужемъ и выйти потомъ замужъ за этого милаго графа Наташанцева, который такую бо́льшую position занимаетъ.

Ольга Елп. (*пренебрежительно*). Сплетни все!.. (*съ насильованнымъ смѣхомъ*). И меня, разумѣется, по этому случаю бранятъ, на чемъ свѣтъ стоитъ?

Княгиня. Ахъ нѣтъ, ma chère, не всѣ! Я слышала, c'est vrai, что княгиня Андомская, дочь вашего графа, интригуетъ противъ васъ вездѣ, гдѣ можетъ... Но мужчины за то всѣ по васъ съ ума сходятъ просто, начиная съ моего сына, Basile mon fils.

Ольга Елп. Онъ во всѣхъ женщинъ влюбленъ, вашъ сынъ Basile.

Княгиня. Ахъ нѣтъ, ma chère! Вы могли бы, если бы только захотѣли...

Ольга Елп. „Захотѣла", что?

Княгиня. Спасите его (*вздыхаетъ*).

Ольга Елп. Отъ чего спасти?

Княгиня. (*хныкая*). Отъ двухъ вещей...

Ольга Елп. (*смѣясь*). Даже отъ двухъ?

Княгиня. Да: во-первыхъ, отъ его полка...

Ольга Елп. Отъ его полка? Мнѣ кажется, что для вашего сына только честь служить въ немъ.

Княгиня (*жныча*). Честь... certainement, — но что̀ такое честь, когда это такъ много денегъ сто̀итъ!

Ольга Елп. (*съ едва скрываемымъ отвращеніемъ*). Ну, конечно, честь—это нѣчто, чего пальцами ощупать нельзя, а деньги...

Княгиня (*не слушая и съ азартомъ*). Mon fils Basile разоряетъ меня: я ему даю тысячу рублей въ мѣсяцъ, а онъ говоритъ, что ему мало,—и онъ въ два года, что̀ онъ тамъ служитъ, сдѣлалъ 40 тысячъ долга, которыя я заплатила, и онъ теперь опять съ этой своей coquine Lucie Ladrague, о которой я вамъ говорила осенью въ Москвѣ, и...

Ольга Елп. Позвольте, княгиня, все это можетъ быть очень прискорбно для васъ,—но что̀ же *я* могу тутъ сдѣлать?

Княгиня (*заискивающимъ тономъ*). Ахъ, chère Ольга, вы все можете, если захотите...

Ольга Елп. (*хмурясь*). Напримѣръ?

Княгиня (*таинственно*). Я бы такъ хотѣла, чтобъ Базилю дали аксельбанты...

Ольга Елп. (*насмѣшливо*). Только-то?!

Княгиня. Что̀ же, ma chère, я думаю, что Basile mon fils имѣетъ на это болѣе правъ, чѣмъ другіе: онъ такую фамилію носитъ, послѣдній въ родѣ, и покойный мой beau frère, князь Ларіонъ Васильевичъ, всегда говорилъ, что Шастуновы прямо отъ перваго царя, Рюрика, происходятъ.

Ольга Елп. (*хохочетъ*). Все это чудесно, и „послѣдній изъ Шастуновыхъ“, и „царь Рюрикъ“, — но я опять васъ спрашиваю: что̀ же я тутъ могу?

Княгиня (*заискивающимъ тономъ*). Вашему графу сто̀итъ только попросить,—ему не откажутъ, я знаю: онъ въ такомъ фавёрѣ.

Ольга Елп. (*досадливо*). Если вы говорите о графѣ Леонидѣ Александровичѣ Наташанцевѣ, то, во-первыхъ, онъ мой большой другъ,— это правда; но „моимъ“ вы... да и никто

не имѣетъ права называть его. А, во-вторыхъ, онъ, какъ мнѣ извѣстно, никогда подобныхъ ходатайствъ на себя не беретъ.

Княгиня (*плачетъ*). Я никакъ не думала, ma chère Ольга, что вы такія злыя! Вамъ только слово стоитъ сказать, а вы вотъ нарочно отказываете мнѣ... Я думала, что вы пожалѣете бѣдную мать, какъ я, которую ея сынъ хочетъ по міру пустить... Я вчера узнала, что онъ этой своей coquine Lucie Ladrague на 25 тысячъ векселей подписалъ (*всхлипываетъ*)... Онъ ей попугая подарилъ, который поетъ: „J'aime les militaires", и онъ за него двѣ тысячи заплатилъ... За стараго попугая, ma chère,—у него, говорятъ, весь хвостъ вылѣзъ даже,—двѣ тысячи, figurez vous! Что же я могу сдѣлать послѣ этого?.. (*утираетъ глаза*)... Вы такая умная, я думала, вы мнѣ хоть какой-нибудь хорошій совѣтъ дадите.

Ольга Елп. Вамъ совѣты, княгиня! (*Смѣется*). Вы, я давно знаю, сами разсудите во всякомъ дѣлѣ такъ, что въ концѣ-концовъ выйдетъ для васъ не обидно.

Княгиня (*принимая опять заискивающій и притомъ нѣсколько уже лукавый видъ*). Все отъ васъ зависитъ, chère amie.

Ольга Елп. (*нетерпѣливо*). Что еще опять?

Княгиня. Вотъ видите: я думала все женить Basile mon fils,—и вы понимаете, съ его именемъ и состояніемъ, которое я ему оставлю, онъ можетъ взять за себя первую наслѣдницу во всей имперіи, и за нимъ, онъ самъ говоритъ, всѣ ваши здѣшнія маменьки такъ и бѣгаютъ... Но онъ (*умильно глядитъ на нее*)... онъ ни о комъ и слышать не хочетъ, кромѣ объ одной женщинѣ.

Ольга Елп. (*смѣется*). И эта женщина—я?

Княгиня (*вторя ея смѣху*). Oui!

Ольга Елп. А вы ему за это хорошенько уши выдерите, чтобы онъ пустыя мечтанія изъ головы выкинулъ.

Княгиня (*томно*). Нѣтъ, ma chère Ольга, я понимаю Базиля: вы такая хорошенькая, такъ хорошо живете (*киваетъ на обстановку гостиной*) и въ такой модѣ теперь... Если бы вы только захотѣли...

Ольга Елп. Что это! Выйти замужъ за вашего сына?

Княгиня (*испуганно*). Ахъ, нѣтъ, зачѣмъ выходить! Такъ просто...

Ольга Елп. (*пристально глядя на нее*). Что „просто“?

Княгиня (*ухмыляясь во весь ротъ*). Mon Dieu, вы понимаете, когда молодой человѣкъ и молодая женщина полюбятъ другъ друга...

Ольга Елп. Другими словами, чтобы я замѣнила Lucie Ladrague въ должности при вашемъ сынѣ?

Княгиня. Зачѣмъ же, ma chère,—вы une femme comme il faut, вы не будете брать у Базиля денегъ, какъ эта его кокинка!..

Ольга Елп. (*помирая со смѣха*). Аглая Константиновна, я съ удовольствіемъ вижу, что вы остаетесь все та же, неизмѣнная, какъ какой-нибудь Mont-Blanc или египетскія пирамиды. Вы все попрежнему въ невинности души вашей выстрѣлите, какъ говорится, иной разъ такъ, что всякой другой пришлось бы за это отвѣтить весьма непріятнымъ для себя образомъ... Но на васъ сердиться нельзя, — вы невмѣняемы!

Княгиня (*растерянно*). Я не знаю, ma chère Ольга, за что вы разсердились и говорите мнѣ такія вещи, и даже слова, которыя я не понимаю, чтобы меня обидѣть (*плачетъ*)... Меня теперь всѣ обижаютъ: et mon fils Basile, и вы, которую я всегда такъ любила... Я не хотѣла вамъ сказать непріятностей, au contraire: я знаю, что вы должны выйти замужъ за такого человѣка, какъ графъ Наташанцевъ, который можетъ быть всегда очень полезенъ à Basile mon fils...

СЦЕНА II.

Тѣ же, слуга и баронесса Фицгеймъ.

Слуга (*у двери*). Баронесса Надежда Ѳедоровна Фицгеймъ. (*Входитъ баронесса въ шубкѣ, шапочкѣ на головѣ и съ муфтой, изъ которой не вынимаетъ рукъ*).

Ольга Елп. (*идя ей навстрѣчу*). Ah, chère Nadine, какъ я рада!..

Баронесса. Я къ вамъ на минутку, сказать только два слова... (*Видитъ княгиню и кланяется*).

Ольга Елп. Вы знакомы? La princesse...

Баронесса. Какъ же, какъ же,—еще съ Москвы, когда мой мужъ командовалъ тамъ бригадой... Вы недавно пріѣхали сюда, княгиня?

Княгиня. Нѣсколько дней... (*Жмутъ другъ другу руки*).

Ольга Елп. Да садитесь же, Nadine, хоть и на минуту.

Баронесса (*холодно*). Да, я заѣхала только сказать, что никакъ не могу ѣхать съ вами сегодня въ Михайловскій театръ.

Ольга Елп. Отчего это?

Баронесса. Я обѣщала Toutou Андомской ѣхать съ нею къ Lizzy Ваханской.

Ольга Елп. А!.. А что у Lizzy сегодня?

Баронесса. Une petite sauterie, танцуютъ въ 12 паръ.

Ольга Елп. (*усмѣхаясь*). Что же она меня не пригласила?..

Баронесса (*опуская глаза*). Не знаю (*минута молчанія*)... Вы получили приглашеніе на балъ въ Эрмитажъ?

Ольга Елп. (*быстро и какъ бы тревожно*). Нѣтъ еще... А вы?

Баронесса. Вчера еще.

Ольга Елп. (*съ насильственнымъ смѣхомъ*). Выѣздной, видно, не успѣлъ до меня доѣхать.

Барон. (*тѣмъ же холоднымъ тономъ*). Можетъ быть... (*встаетъ*). Ахъ, да, у васъ, кажется, моя книжка „Le Nabab", Додэ?

Ольга Елп. Конечно, у меня... Я прочла и могу вамъ возвратить, avec mille mercis.

Барон. Да, пожалуйста; я обѣщала Зизи Бородиной, къ которой сейчасъ ѣду.

Ольга Елп. Я вамъ сейчасъ принесу,—она у меня въ будуарѣ... (*княгинѣ*). Pardon, princesse! (*Уходитъ въ дверь налѣво*).

СЦЕНА III.

Княгиня, баронесса.

Княг. (*съ жаднымъ любопытствомъ*). Она не приглашена въ Эрмитажъ?

Барон. (*со злою насмѣшкой*). Нѣтъ! И никуда ужь не будетъ.

Княг. Qu'est ce que vous dites! Она была въ такой faveur, мнѣ говорили, что безъ нея не обходился ни одинъ знатный балъ.

Барон. Да, благодаря сумасшедшей страсти къ ней этого бѣднаго старика Наташанцева.

Княг. C'est ça, c'est ça! Она, говорятъ, даже разводится съ мужемъ, чтобы за него выйти...

Барон. Изъ этого все и произошло. Пока думали, что это съ его стороны невинное старческое ухаживаніе, этимъ забавлялись и приглашали ее, чтобы сдѣлать ему удовольствіе. Но разъ узнали, что онъ хочетъ навязать ее, какъ свою жену, Двору и свѣту, ему дали понять, что ему предоставляется выбрать между нею и своею службой.

Княг. (*качая головой*). Oh, mon Dieu, mon Dieu! Онъ, конечно, ужь не промѣняетъ на нее свою position à la Cour.

Барон. Это ужь у него надо спросить... А я знаю только то, что со вчерашняго дня ея положеніе въ свѣтѣ навсегда потеряно: она исключена изо всѣхъ списковъ приглашеній,—мнѣ сказала это княгиня Андомская, *его* дочь,—а она (*смѣется*) главный источникъ и орудіе всего этого.

Княг. Княгиня Андомская? Да, я слышала, она была ужасно противъ нея и вездѣ ее бранила.

Барон. Она безпощадна, Toutou, это надо сказать, — но войдите однако и въ ея положеніе: ея мать, первая жена графа, рождена была княжна Краснорѣцкая, fine fleur по рожденію и... всему, — и вдругъ мѣсто ея претендуетъ занять какая-то madame Rantzof, Богъ знаетъ откуда и кто, выросшая въ одинъ прекрасный вечеръ, какъ грибъ, на паркетѣ grand mond'a...

Княг. (*захлебываясь отъ удовольствія*). C'est ça, c'est ça, chère baronne, она Dieu sait qui, Dieu sait qui, можно сказать!..

Барон. Недурная женщина, въ сущности, неглупая и веселая... Наша coterie вся очень водилась съ нею до сихъ поръ... Но теперь, вы понимаете, мы не можемъ продолжать съ нею тѣ же отношенія: это значило бы только понапрасну́ компрометтировать себя.

Княг. Ахъ да, chère baronne, я даже не понимаю, какъ это у васъ въ Петербургѣ допускаютъ такихъ особъ въ большой свѣтъ и еще роль играть. Я ее очень хорошо знаю; ея отецъ былъ у насъ исправникъ, и я изъ жалости приглашала ее къ себѣ въ деревню, старыя платья мои ей отдавала... И одинъ тутъ у меня сосѣдъ ее увидалъ, довольно богатый, но совсѣмъ du prostoi, изъ армейскихъ, женился на ней... И вдругъ узнаю, что эта персона у васъ въ Петербургѣ grande dame изъ себя разыгрываетъ, графинею Наташанцевою думаетъ быть.

Барон. Тс!.. Вотъ она!..

СЦЕНА IV.

Тѣ же и Ольга Елпидифоровна (*съ книгою въ рукѣ*).

Ольга Елп. (*передавая книгу баронессѣ*). Вотъ вамъ *Набабъ*, Nadine.

Барон. (*благодаритъ кивкомъ и быстро встаетъ съ мѣста*). А теперь я бѣгу, пора... Прощайте! (*княгинѣ*). Au revoir, princesse! (*идетъ къ дверямъ*).

Ольга Елп. (*ей въ слѣдъ*). До свиданія! Вы не забыли, что обѣдаете у меня съ Зизи въ пятницу?

Барон. (*пріостанавливаясь на мигъ, въ полуоборота*). Никакъ не могу, и Зизи тоже: мы обѣдаемъ съ нею въ пятницу у сестры ея, графини Полинарьиной. (*Исчезаетъ за дверями*).

(*Ольга Елпидифоровна слѣдитъ глазами за ея уходомъ; на лицѣ ея изображается недоумѣніе, тревога и гнѣвъ*).

Княг. (*свысока*). Вамъ очень непріятно, ma chère, я думаю, что вы не получили приглашенія на этотъ балъ, куда всѣ ѣдутъ?

Ольга Елп. (*пораженная перемѣною ея тона, пристально глядитъ на нее съ мѣста*). Вы полагаете?

Княг. (*пренебрежительно усмѣхаясь*). Что же, это, конечно, не должно быть вамъ особенно пріятно. Васъ здѣсь избаловали очень, ma chère, и вы ужь слишкомъ много про себя вообразили.

Ольга Елп. (*сдерживаясь*). Это что же я „вообразила"?..

Княг. Я, какъ добрая, пріѣхала къ вамъ по старой памяти, когда вы у меня жили бѣдной дѣвочкой, а вы меня, княгиню Шастунову, приняли какъ просительницу какую-нибудь... Вотъ за это васъ Богъ и караетъ, что вы, не знаю уже какъ, высоко себя поставили, когда отецъ вашъ — вы должны всегда это помнить,—былъ не что иное, какъ простой исправникъ.

Ольга Елп. (*со взрывомъ*). Исправникъ, дѣйствительно,— но прежде всего старый дворянинъ и офицеръ! Я не имѣла счастья родиться Раскаталовой, не въ правѣ украсить гербъ мой штофомъ подъ княжескою короной...

Княг. (*вскакивая съ мѣста*). Ah, mon Dieu, вы смѣете мнѣ такія impertinences говорить, когда вы теперь потеряли всю вашу position dans le monde, и васъ исключили изъ всѣхъ списковъ приглашеній,—мнѣ сейчасъ эта баронесса говорила,— и сама она не хочетъ у васъ обѣдать, чтобы не компрометтировать себя съ такою персоной, какъ вы, и вся ея coterie васъ больше знать не...

Ольга Елп. А я васъ попрошу немедленно уйти отсюда: гостиная моя не прилавокъ вашего покойнаго родителя!..

Княг. И уйду, и уйду, будьте покойны... И mon fils Basile тоже: ноги его не будетъ въ вашей *гостиной*, — ему не нужно теперь... и никому не нужно болѣе у васъ бывать... *Гостиная* ваша такъ и останется при васъ однѣхъ...

СЦЕНА V.

Ольга Елпидифоровна, затѣмъ слуга и Шастуновъ.

Ольга Елп. (*одна*). Что же это такое: „исключена изъ списка приглашеній", „никому болѣе нѣтъ нужды у васъ бы-

вать"?.. И у той такой странный, ледяной тонъ?.. На меня грянула гроза,—это ясно... Эта злючка Андомская,—это ея интрига... Но онъ, — какъ же могло сдѣлаться помимо его?.. Или ему грозитъ то же?.. Боже мой (*схватывается за сердце*), какъ забилось... я когда нибудь умру отъ этой боли тутъ... (*Взглядываетъ на часы*). Четыре безъ четверти, а его еще нѣтъ... Что съ нимъ случилось (*схватываетъ колокольчикъ, звонитъ и садится къ письменному столу*)! Написать... (*Входитъ слуга*). Отправьте сейчасъ же кучера къ графу Леониду Александровичу, чтобы онъ его непремѣнно отыскалъ, если не дома, и отдалъ эту записку, прося отвѣта.

Слуга. Слушаю-съ.

Ольга Елп. И никого, кромѣ графа, не принимать!

Шастуновъ (*появляясь изъ-за спины слуги, который въ то же время уходитъ*). А меня—нѣтъ?

Ольга Елп. Васъ? Менѣе чѣмъ кого нибудь. Вамъ и маменька не велитъ.

Шаст. Что?..

Ольга Елп. Она мнѣ объявила сейчасъ, что нога ваша не должна переступать черезъ мой порогъ.

Шаст. Мамахинища моя!—Такъ! Сейчасъ подъѣзжаю къ вамъ, а она отъѣзжаетъ и мнѣ изъ кареты—шляпка на сторону, глаза вонъ,—неистовые какіе-то жесты дѣлаетъ. Я, разумѣется, оставляю безъ вниманія,—лечу къ вамъ... А у васъ на лицѣ—allegro furioso написано. Понялъ: была игра, значитъ (*изображаетъ руками столкновеніе*)!

(*Поетъ:*) Ah, c'est donc toi, madam' Barras
Qui fait toujours de l'embarras.

Отсюда вижу: она вамъ, по обыкновенію своему, что-нибудь этакое невѣроятное отмочила; вы ее за это своимъ язычкомъ, какъ бритвой, срѣзали; она въ обиду, брыкаться... а вы... ай, ай, ай!..

Ольга Елп. Да знаете-ли вы, что она осмѣлилась предложить мнѣ сейчасъ?

Шаст. Напередъ скажу: все могла,—кромѣ *де ларжанъ*. Повѣсится скорѣе!

Ольга Елп. Mamzelle Ladrague, по ея разсчетамъ, стоитъ вамъ слишкомъ дорого, такъ она...

Шаст. (*прерывая, съ хохотомъ*). Ха, ха, ха, Lucie Ladrague... со вчерашняго вечера—фюитъ! (*щелкаетъ пальцемъ*).

Ольга Елп. Что такое?

Шаст. Сплавилъ! спустилъ Васькѣ Чернорѣцкому, — moi je ne suis pas bête!.. Такъ мамахинища что же?

Ольга Елп. Предложила мнѣ ея вакансію.

Шаст. (*недоумѣло*). Какъ это... то есть, чтобъ вы ко мнѣ... и чтобъ я... (*разражаясь внезапнымъ хохотомъ*). Ахъ, мамахинища, ахъ, непроходимая!.. И вы furioso? Да развѣ стоитъ?—Вѣдь она (*показываетъ на лобъ*) фюитъ!..

Ольга Елп. Я ей такъ прямо и сказала, что она не вмѣняема.

Шаст. Этого она не поняла; она газетъ не читаетъ.

Ольга Елп. Поняла, когда я ее попросила уйти... извините!..

Шаст. (*одобряя кивкомъ*). Сдѣлайте милость, — сколько вамъ угодно!.. Я бы самъ ее съ радостью сплавилъ... если-бъ не все тотъ же ларжанъ проклятый... Только бы вы отъ меня (*нѣжно вздыхаетъ*) ваши угольки-глазки не отворачивали.

Ольга Елп. (*усмѣхаясь*) „Угольки глазки“,—какъ остроумно!..

Шаст. А „малютки-ножки“ не глупѣе развѣ? А вотъ же сочинилъ бандуристъ какой-то и музыку подобралъ, и цыгане поютъ, и вы слушаете, и ничего!..

Ольга Елп. Довольно шутовства однако, князь,—у меня голова болитъ, и я хочу остаться одна. Прощайте!

Шаст. Permettez на два слова: moi je veux...

Ольга Елп. Что еще?

Шаст. Moi je sais, что у васъ въ головѣ только этотъ вашъ старикъ теперь...

Ольга Елп. Вы опять за прежнее?

Шаст. Permettez, дайте досказать... Онъ хочетъ на васъ жениться, et moi je veux aussi. Вы только подумайте: вы такая femme chic, — какой вамъ разсчетъ: онъ старъ, а я молодъ, и я богаче, чѣмъ онъ, буду. У мамахинищи, кромѣ имѣ-

ній въ четырехъ губерніяхъ, два милліона бумагами въ шкатулкѣ лежатъ, и какъ она тамъ на меня зубъ ни точи за долги, а никому, кромѣ мнѣ, сыну единородному, она имъ протереть глаза не дастъ, — потому *ваните*, фря! Сожжетъ ихъ скорѣе, чѣмъ въ Раскаталовскую родню завѣщать, а чтобъ на поддержку Шастуновскаго княжества шли... Moi je vous dis, согласитесь! Мы съ вами такъ заживемъ, такъ заживемъ!.. (*подмигиваетъ*). Вѣдь у нея водяная въ ногахъ... Недолго ждать.

Ольга Елп. (*гадливо*). Ну, я это пріятное ожиданіе раздѣлять съ вами не намѣрена, и прошу васъ очень—никогда,— слышите-ли, *никогда* — не возобновлять со мною этого разговора.

Шаст. (*глядя на нее съ комическимъ отчаяніемъ*). Сплавили, значитъ, еще разъ фюитъ!.. Отправлюсь сейчасъ съ горя въ Ботаническій садъ и привезу вамъ оттуда, мамахинищѣ моей на зло, цвѣтокъ *Викторіи Регіи*, который одинъ разъ во сто лѣтъ цвѣтетъ. (*Направляется къ выходной двери*).

Слуга (*входя*). Графъ Леонидъ Александровичъ Наташанцевъ.

СЦЕНА VI.

Тѣ же и графъ Наташанцевъ.

(*Шастуновъ останавливается на-ходу и отвѣшиваетъ почтительный поклонъ входящему Наташанцеву; тотъ отвѣчаетъ холоднымъ, но вѣжливымъ наклоненіемъ головы. Шастуновъ уходитъ за слугою*).

Ольга Елп. (*кидаясь къ графу*). Милый, наконецъ вы!..

Нат. (*нѣжно цѣлуя ей руку*). Что съ вами, дорогая моя? Я садился въ сани, къ вамъ ѣхать, когда мнѣ доставили вашу записку... Безпокойство какое-то...

Ольга Елп. Да, безпокойство... хуже: предчувствіе, — съ вами была какая-то непріятность... я по лицу вижу... Изъ-за меня, да? Говорите, говорите!..

Нат. Почему вы думаете?.. Дошло къ вамъ что-нибудь?..

Ольга Елп. Я не получила приглашенія на этотъ балъ... и потомъ слышала... Но я не о себѣ, — о васъ. Была непріятность, да?

Нат. (*силясь улыбнуться*). Если вы хотите это назвать такъ.

Ольга Елп. Ваша дочь... Это изъ ея лагеря вышло, я увѣрена!..

Наташ. (*взволнованно*). Мнѣ дочь моя — врагъ, она мнѣ жизнь отравляетъ, ея ничѣмъ не уговоришь, не успокоишь. Она кричитъ, всѣмъ жалуется, всѣхъ ополчаетъ...

Ольга Елп. На меня, то-есть? И меня не хотятъ болѣе тамъ?

Наташ. На это отвѣтъ такой: вы видите предъ собой свободнаго человѣка.

Ольга Елп. Вы отказались отъ своего положенія?

Наташ. Я полагалъ, что заслужилъ достаточно уваженія всей моею жизнью, чтобъ та, которая дѣлаетъ мнѣ честь принять мою руку, пользовалась въ этомъ качествѣ жены моей всѣми тѣми преимуществами, на какія должно ей дать право мое положеніе. Разъ же это можетъ кому-либо представляться спорнымъ,—покорнѣйшій слуга вашъ, я ухожу. Я тридцать лѣтъ прослужилъ вѣрою и правдой,—въ преданности моей не могутъ сомнѣваться... Но я никому, ни за какія сокровища не пожертвую моимъ чувствомъ къ вамъ!..

Ольга Елп. (*глядя на него и чуть не плача*). О милый, милый, чѣмъ заплатить вамъ за это!..

Наташ. Знать, что вы счастливы,—вотъ лучшая для меня уплата... А развѣ для этого непремѣнно нуженъ Петербургъ? Скажите, стали-ли бы вы очень жалѣть о нашей хладной столицѣ, подъ небомъ Италіи, напримѣръ?

Ольга Елп. А вы?

Наташ. Съ вами необитаемый островъ покажется мнѣ земнымъ раемъ.

Ольга Елп. (*смѣясь*). Островъ на Сенѣ подъ Парижемъ?

Наташ. Парижъ,—это само собою; вы имѣли тамъ слишкомъ много успѣха, чтобы вамъ, а слѣдовательно и мнѣ, не желать его повторенія... Но лѣтомъ, но въ тѣ дни, когда при-

рода манитъ насъ своею прелестью, и душа невольно проситъ идилліи, позволите-ли вы мнѣ увезти васъ въ какой-нибудь уединенный уголокъ земли, на островъ Уайтъ, или на Комо?

Ольга Елп. Да развѣ я не ваша? Развѣ я не буду обязана исполнять всѣ желанія моего законнаго повелителя?

Наташ. (*страстно обнимая ее*). На вѣки, на вѣки моя!.. (*озабоченнымъ тономъ*). Онъ здѣсь, вы знаете? Мой московскій повѣренный пишетъ мнѣ, что онъ выѣхалъ оттуда въ Петербургъ третьягодня.

Ольга Елп. Да, я получила вчера письмо отъ Захарова, котораго вы совѣтовали мнѣ взять попечителемъ по этому дѣлу. Онъ подалъ отъ меня просьбу въ консисторію и вчераже утромъ видѣлся... съ М-г Ранцовымъ... Свидѣтели, les faux témoins, vous savez, найдены, и Захаровъ говоритъ, что дѣло можетъ быть рѣшено очень скоро... Но тотъ, Ранцовъ, объявилъ ему, что желалъ бы передъ этимъ явиться самъ ко мнѣ для какихъ-то переговоровъ... онъ этого желаетъ, очень можетъ быть, но мнѣ бы этого очень не хотѣлось.

Наташ. И конечно! Надо избѣгать всякую возможность столкновенія съ людьми несдержанными и невоспитанными... Относительно времени, вы, со словъ Захарова, говорите, что дѣло не затянется... Но все же, ранѣе четырехъ, даже пяти мѣсяцевъ окончательнаго рѣшенія нельзя ждать... а это ожиданіе убиваетъ меня.

Ольга Елп. Да, это истомитъ насъ обоихъ. И говорятъ, пока совсѣмъ не кончится, присутствіе мое здѣсь необходимо и нельзя никуда уѣхать.

Наташ. Знаете, что я вамъ предлагаю? Я прошусь въ долговременный отпускъ и уѣзжаю въ мое псковское имѣнье; оно подъ самымъ городомъ. Вы пріѣзжайте тоже туда черезъ нѣсколько дней... Отъ Петербурга всего 8 часовъ, и когда вамъ нужно будетъ сюда, Захаровъ напишетъ... Да и нужно-то будетъ, вѣроятно, всего на какой-нибудь день, много два... Мы дотянемъ тамъ до того срока, когда узы ваши будутъ окончательно развязаны. На другой же день послѣ полученія этого счастливаго извѣстія, мой отецъ Яковъ, почтеннѣйшій старецъ и мой духовникъ, вечеромъ въ моей домовой церкви

(*досказываетъ поцѣлуемъ на ея рукѣ*)... А изъ церкви въ дормезъ и прямо во Псковъ на желѣзную дорогу... А изъ-за границы я посылаю формальную просьбу объ отставкѣ... Надѣюсь, что графиня Ольга дастъ мнѣ на это великодушно свое дозволеніе.

Ольга Елп. (*смѣясь*). Графиня Ольга будетъ вполнѣ счастлива только тогда, когда она со своимъ графомъ Леонидомъ очутится вдвоемъ на такомъ краю свѣта, гдѣ о Петербургѣ и о суетѣ его даже во снѣ никому изъ нихъ не приснится.

Наташ. (*радостно*). Это правда, правда?..

Ольга Елп. Другъ мой, неужто же вы думали, что я выхожу за васъ замужъ изъ-за вашего придворнаго ранга.

Наташ. (*цѣлуя ея руки*). Вы ангелъ, ангелъ!..

СЦЕНА VII.

Тѣ же, слуга.

Слуга (*входя*) Никаноръ Ильичъ Ранцовъ.

Ольга Елп. (*вскрикивая*). Я не могу его принять, не могу, скажите ему!..

Слуга. Они изволятъ говорить, что если вамъ не свободно, они очень просятъ ихъ сіятельство (*указываетъ на Наташанцева*), что имъ очень нужно, говорятъ, видѣть ихъ сегодня же, такъ когда они ихъ принять могутъ?

Наташ. Проси ихъ пожаловать ко мнѣ на домъ; я сейчасъ туда буду.

Ольга Елп. Нѣтъ, погодите!.. (*слугѣ*). Просите его сюда! (*Слуга уходитъ*).

Ольга Елп. (*графу*). Я хочу узнать, что онъ будетъ вамъ говорить. Вы примите его здѣсь, а я уйду, и оттуда (*указываетъ на дверь спальной*) все услышу...

Наташ. Нѣтъ, я не согласенъ,—вы слушать не должны. Онъ, по всей вѣроятности, находится въ раздраженномъ состояніи, и никакъ нельзя отвѣчать, что при этомъ не вырвется у него что-нибудь оскорбительное для васъ...

Ольга Елп. О, это для меня все равно!..

Наташ. Нѣтъ, это не должно быть вамъ все равно... Да и къ тому же въ этомъ... подслушиваніи, passez moi le terme, chère ange... есть что-то недостойное васъ...

Ольга Елп. (*нѣсколько смущенно*). Разъ вы это находите, другъ мой, я уйду за три комнаты и заткну себѣ уши...

Наташ. (*съ нѣжной улыбкой*). Я думаю, что это будетъ благоразумнѣе... Вы отъ меня узнаете о содержаніи нашего разговора съ господиномъ Ранцовымъ, какъ только онъ уйдетъ...

Ольга Елп. *протягиваетъ ему руку; онъ цѣлуетъ; она уходитъ.*

СЦЕНА VIII.

Графъ Наташанцевъ и Ранцовъ. *(Графъ идетъ ему навстрѣчу).*

Ранцовъ. Очень прошу у васъ извиненія, ваше сіятельство, что обезпокоилъ васъ, но, узнавши, что вы находитесь здѣсь, у Ольги Елпидифоровны, и какъ мнѣ желательно съ этимъ скорѣе покончить, такъ я и осмѣлился просить, чтобы, не откладывая...

Наташ. Сдѣлайте милость!.. Ольга Елпидифоровна предоставила мнѣ право объясниться съ вами у нея въ домѣ, и я очень радъ... Садитесь пожалуйста. Въ чемъ дѣло?

Ранцовъ. Очень, признаюсь вамъ, затрудняюсь, какъ съ этимъ начать... Потому ни краснорѣчія, ни собственно даже правъ не имѣю безпокоить васъ этимъ... А только что какъ по совѣсти, и какъ мнѣ извѣстно про васъ, что вы... настоящій благородный человѣкъ, я рѣшился... Это мнѣ очень тяжело, ваше сіятельство.

Наташ. Я честный человѣкъ, вы не ошиблись, и прошу васъ поэтому говорить совершенно откровенно. Въ чемъ дѣло?

Ранц. (*переводя духъ*). На завтрашній день требуютъ меня въ консисторію, ибо, какъ вамъ вѣроятно извѣстно, дѣло начато,—о моей... супружеской невѣрности подана просьба... Я, конечно, по первому еще письму отъ... отъ Ольги Елпидифоровны извѣстилъ ее, что на все согласенъ и готовъ взять на себя, потому что же... чужой вѣкъ заѣдать?—и все это выполню,

какъ сказалъ... Я желалъ даже лично повидаться и переговорить... отъ нея самой узнать *настоящее* хотѣлъ, но она на то... почему, ужь право не знаю,—не изъявила своего согласія... Я, графъ, повѣрьте, всегда ей добра желалъ... и впредь готовъ все, что̀ отъ меня зависитъ, лишь бы только это ей дѣйствительно на пользу... А то сами посудите, этакую муку и срамоту на себя принять... Обличать вѣдь тебя тамъ станутъ... позорить публично, негодяи подкупленные показывать будутъ на тебя, будто видѣли... Потому, чтобы *дѣйствительно*... это я ни за что̀ не могу.

Наташ. (*невольно*). Да, я понимаю, какъ все это должно быть противно!

Ранц. (*махнувъ рукою*). Что̀ ужь, не о себѣ я, лишь бы въ прокъ ей пошло... Я, ваше сіятельство, никогда себя на счетъ своей особы не обманывалъ, и не разъ въ жизни своей мучился, повѣрьте, тѣмъ, что не такого мужа, какъ я, требовалось ей... Только ужь очень я любилъ ее. Молоденькую ее взялъ, жизнь у нея, знаете, изо всего существа ключемъ била, и что предоставить ей жить нужно было, это я хорошо понималъ... и дѣломъ, такъ сказать, совѣсти почиталъ своей. Переѣхали мы, по ея желанію, изъ уѣзда въ Петербургъ,—кружокъ у нея составился, сами знаете, какой: и люди, и понятія,—ну, и за границу ѣздила, видѣла все, вникала... Я не то что препятствовать,—я радовался: въ свое, значитъ, настоящее теченіе попала, и слава Богу!.. Самъ я, изволите знать, и не жилъ почти въ Петербургѣ, а все больше въ деревнѣ, — въ родѣ управителя ея почиталъ себя и, могу сказать, счастливъ бы этимъ былъ до самой могилы. Впрочемъ, я напрасно васъ утруждаю этимъ разговоромъ, я даже вовсе не про то хотѣлъ... Я не про себя-съ, повѣрьте, я даже ее, Ольгу Елпидифоровну, то-есть, видитъ Богъ, за свое несчастье не виню. А что она меня никогда любить не могла, такъ вѣдь что-жь съ этимъ дѣлать? Сердце не холопъ, говорится, не повернешь его, не изломишь... Да и поистинѣ, что̀ за такая фигура я, чтобы мною ей прельщаться!.. Всякъ въ этомъ свѣтѣ свою силу знаетъ и подъ пару этой своей силѣ ищетъ; я это очень хорошо понимаю, ваше сіятельство!

Наташ. (*взволнованно*). Никаноръ Ильичъ, для чего вы это все мнѣ говорите?

Ранц. (*съ холодною сдержанностью*). Я позволилъ себѣ говорить-съ, потому, что Ольга Елпидифоровна писала мнѣ, что отъ меня зависитъ ея счастье, что если я соглашусь развязать ее, она... она за васъ можетъ замужъ выйти. Такъ я затѣмъ и желалъ васъ видѣть, чтобы просить васъ удостовѣрить меня, дѣйствительно-ли вы намѣрены со своей стороны...

Наташ. Совершенно такъ, и это мое самое пламенное желаніе, даю вамъ въ этомъ слово.

Ранц. (*не сейчасъ*). Я впрочемъ со стороны вашей другаго не ожидалъ, а только желалъ, такъ сказать, успокоеніе себѣ дать, такъ какъ, зная Ольгу Елпидифоровну столько лѣтъ и ея слишкомъ пылкій нравъ, могъ всегда опасаться за нее... По крайности буду знать теперь положительно, что не даромъ станутъ изъ меня жилы тянуть завтра: что хоть промѣняла она меня на настоящаго человѣка, а не на какого-нибудь Ашанина. (*Голосъ его обрывается*).

Наташ. Аша... какъ вы сказали? Кто это?

Ранц. Ашанинъ, тамъ въ Москвѣ одинъ есть. (*Дверь изъ гостиной чуть-чуть растворяется; за нею стоитъ подслушивающая Ольга Елпидифоровна.*)

Наташ. Для чего вы теперь о немъ упомянули?

Ранц. (*смущенно*). Къ слову пришлось, потому когда Ольга Елпидифоровна еще въ дѣвушкахъ была, этотъ самый Ашанинъ хотѣлъ на ней жениться тоже.

Наташ. Онъ и теперь въ Москвѣ живетъ?

Ранц. Въ Москвѣ, да.

Наташ. Когда Ольга Елпидифоровна была нынѣшней осенью въ Москвѣ, она видѣла его, не знаете? (*Пытливо глядитъ ему въ глаза.*)

Ранц. (*съ видимымъ колебаніемъ*). Н... нѣтъ, не видѣла.

Наташ. Никаноръ Ильичъ, чѣмъ же слѣдуетъ объяснить тогда происшедшую у васъ въ ту пору въ Москвѣ размолвку съ Ольгою Елпидифоровною?

Ранц. (*мѣняясь въ лицѣ*). Позвольте, графъ, спросить

васъ сначала: какъ объясняетъ это сама Ольга Елпидифоровна?

Наташ. (*тревожно двигаясь въ своемъ креслѣ*). Я прежде всего, Никаноръ Ильичъ, долженъ удостовѣрить васъ моимъ честнымъ словомъ, что Ольга Елпидифоровна никогда не говоритъ про васъ иначе, какъ съ полнымъ уваженіемъ, какъ о честнѣйшемъ и благороднѣйшемъ человѣкѣ... То, какъ стоитъ теперь дѣло между вами, она приписываетъ долголѣтнимъ недоразумѣніямъ, которыя произошли отъ несходства характеровъ, а главное...

Ранц. (*переспрашивая*). Главное?

Наташ. (*почти шопотомъ*). Отъ вашего слишкомъ подозрительнаго нрава.

Ранц. (*вскакивая съ мѣста*). Отъ моего подозрительнаго нра... Да я въ нее, девять лѣтъ невступно, какъ въ Бога вѣрилъ, да я бы, кажется, истерзалъ собственными руками, кто бы мнѣ только намекнулъ... пока я самъ, самъ... (*схватывается за голову и падаетъ опять на кресло.*)

Наташ. (*въ сильнѣйшемъ волненіи*). Что же вы... *сами?*.. Договаривайте!..

Ранц. (*овладѣвъ собою, пожимая плечами*). Я такъ долженъ сказать впрочемъ: никто въ своемъ дѣлѣ не судья. Можетъ быть точно, тутъ многое отъ недоразумѣнья вышло. Ольга Елпидифоровна — особа горячая, увлекающаяся, сами знаете; во вредъ себѣ иной разъ то сдѣлаетъ, за что люди осудить могутъ... Если же я по такому случаю, для ея же пользы, когда и замѣтилъ ей, можетъ быть, да своимъ простымъ языкомъ не умѣлъ выразить, какъ должно, такъ изъ-за этого вотъ и выходило... (*Смолкаетъ внезапно.*)

(*Наташ. въ глубокой задумчивости смотритъ на него. Минута молчанія.*)

Ранц. (*вставая*). Позвольте проститься, графъ.

Наташ. (*поспѣшно вставая тоже*). Вы уходите?

Ранц. Что же-съ... кажется все... Мнѣ только остается благодарить васъ (*съ насильованною усмѣшкой*). По крайности могу теперь съ покойнымъ сердцемъ на эти мытарства иттить,

такъ какъ слову такого человѣка, какъ вы, могу довѣриться вполнѣ.

Наташ. (*со внезапнымъ взрывомъ схватывая его руку обѣими своими*). А, вы меня уничтожаете этою своею благодарностью! Вѣдь вы ее безумно любите до сихъ поръ, вы идете на эти муки изъ-за нея — и благодарите меня, отнимающаго ее отъ васъ!..

Ранц. (*выхватываетъ платокъ изъ кармана и заглушаетъ имъ свои рыданья*). Жизнь моя прахомъ пошла, такъ что ужь обо мнѣ говорить!.. У каждаго свой предѣлъ, сказывается, его же не прейдеши... А я, какъ истинно вамъ докладывалъ, такъ и теперь говорю: какъ знаю я характеръ Ольги Елпидифоровны, такъ для счастья ея не можетъ быть лучше, какъ теперь... за вами... я съ радостью, повѣрьте!.. Такимъ мужемъ, какъ вы, ей, разумѣется, только гордиться, не то, что нашимъ братомъ, изъ темныхъ армейцевъ. Вамъ она настоящею, вѣрною женою будетъ, вѣрьте слову!

Наташ. Вы *настоящій* человѣкъ! Дайте мнѣ вашу руку. (*Ранц. протягиваетъ*). Никаноръ Ильичъ, Ольга Елпидифоровна не согласилась видѣться съ вами; каюсь, это по моему совѣту: я дурно судилъ о васъ тогда... я боялся для нея... непріятностей... я думалъ при этомъ, что вамъ ее легко забыть будетъ...

Ранц. Забыть! Пробовалъ-съ, — не вырвешь! Видно такъ до гроба нести надо... Будьте здоровы, графъ! (*Поспѣшно уходитъ*).

СЦЕНА IX.

Графъ Наташанцевъ и Ольга Елпидифоровна.

(*Наташанцевъ по уходѣ Ранцова падаетъ въ кресло у стола и роняетъ голову на руки. Ольга Елпидифоровна, очень блѣдная, медленно выходитъ изъ гостиной и подходитъ къ нему*).

Ольга Елп. Мой другъ, что съ вами?.. Васъ этотъ разговоръ совсѣмъ разстроилъ, кажется?

Наташ. (*обертываясь на нее съ измѣнившимся лицомъ*). Зачѣмъ... зачѣмъ вы меня обманывали?

Ольга Елп. Вы повѣрили ему!.. Онъ говорилъ вамъ про... про эту глупую исторію... съ... съ Ашанинымъ?..

Наташ. Вы слушали?..

Ольга Елп. (*смущенно*). Нѣтъ... Я думала, что разговоръ вашъ конченъ, и подошла къ двери, когда онъ... Я услышала, что онъ будто что-то видѣлъ... Онъ ничего не могъ видѣть, потому что...

Наташ. (*со взрывомъ*). Онъ васъ выгораживалъ, забывая себя и свои муки... Онъ великодушно лгалъ, говоря, что вы не видѣлись съ этимъ Ашанинымъ въ Москвѣ, между тѣмъ какъ вы сами тогда мнѣ объ этомъ говорили... Онъ золото, этотъ человѣкъ,—и онъ любитъ васъ безумно!.. (*Закрываетъ лицо рукою. Довольно продолжительное молчаніе*).

Ольга Елп. (*дрожащимъ голосомъ, глядя на него пристально*). Что же дальше, графъ Леонидъ Александровичъ?

Наташ. (*растерянно*). Что отвѣтить вамъ, не знаю... Я чувствую себя раздавленнымъ нравственно высотою этого человѣка. Если-бъ я зналъ, если-бъ я могъ предвидѣть, *кого* вы рѣшились покинуть...

Ольга. Елп. (*горько*). Вы бы не переступили порога этой гостиной,—вы это хотите сказать?

Наташ. О, ради Бога, не сѣтуйте на меня! Я васъ не виню. Вы женщина,—этимъ словомъ сказывается все. Женщины наивно жестоки, когда онѣ не любятъ. По ихъ безпощадной логикѣ нелюбимый человѣкъ—человѣкъ преступный, и нѣтъ мудреца на свѣтѣ, который способенъ былъ бы разувѣрить ихъ въ этомъ... Вы не хуже,—вы лучше сотенъ другихъ женщинъ,—вы отдавали, по крайней мѣрѣ, справедливость этому человѣку, называли его хорошимъ, честнымъ... но онъ все же виноватъ въ вашихъ глазахъ, — виноватъ тѣмъ, что вы его любить не можете... Вы правы по-своему, по-женски... Но я... милая, поймите, я, я люблю васъ каждымъ фибромъ, каждымъ волоскомъ моего существа; но этотъ несчастный... но образъ, призракъ этого несчастнаго, какимъ я его сейчасъ видѣлъ, съ

этимъ исковерканнымъ лицомъ и мутными отъ слезъ глазами,—онъ будетъ теперь преслѣдовать меня день и ночь...

Ольга Елп. (*сквозь слезы*). Этотъ человѣкъ самъ... да, онъ честный, благородный, я всегда это говорила: онъ понимаетъ, что любить насильно нельзя... онъ самъ сейчасъ добровольно уступалъ меня вамъ... Я слышала.

Наташ. (*тоскливымъ голосомъ*). И „до гроба" изъ-за этого—слышали вы это тоже?—*до гроба* понесетъ свою муку!.. Въ правѣ-ли я... въ правѣ-ли *мы* принять такую жертву?..

Ольга Елп. Ваши слова—приговоръ мой. Любви ко мнѣ нѣтъ у васъ болѣе!...

Наташ. (*съ отчаяніемъ*). Любви! Можетъ-ли быть объ этомъ рѣчь! Въ мои годы не разлюбливаютъ. Но счастье, то безоблачное, чистое счастье, котораго мы съ вами чаяли, какою цѣной должны мы его купить теперь!... (*краткое молчаніе*). Вы молчите?

Ольга Елп. (*горько*). Что же сказать мнѣ прикажете?.. Разувѣрять васъ, опровергать доводы вашей встревоженной совѣсти, умолять васъ: женитесь только на мнѣ, а тамъ увидите, сколько счастья мы можемъ дать другъ другу?... Нѣтъ, его дѣйствительно быть не можетъ, разъ вы допустили себя сомнѣваться въ немъ... Я вамъ говорила тогда въ Москвѣ: вы раскаетесь, не такая, какъ я, нужна жена вамъ. Я—женщина, какъ сотни другихъ, сказали вы справедливо сейчасъ, а вамъ требуется шестикрылый серафимъ... (*Истерически хохочетъ.*) Благодарите баловницу, вашу судьбу: она сыграла въ руку дочери вашей, княгинѣ Андомской, и спасла васъ во-время отъ... отъ такой авантюріерки, какъ я...

Наташ. (*кидаясь къ ней*). Ольга, ради Бога, для чего вы это говорите? вы мнѣ душу на части рвете... Я люблю васъ, я далъ вамъ слово, я это слово повторилъ и *ему* сейчасъ... все остается попрежнему...

Ольга Елп. Нѣтъ, оставьте: что разъ поломано, того не исправишь... Да, я авантюрьерка, была ею съ юныхъ лѣтъ, это правда... Вы могли спасти меня, я этого ждала, я призывала это всей душою моей: объ руку съ вами для меня должна была начаться новая, чистая, честная жизнь... *Онъ*, котораго

я любить никогда не могла,—я въ этомъ не виновата!—онъ говорилъ вамъ правду: я была бы вамъ „*настоящая*, вѣрная жена“... Но вы, кого я любила какъ божество какое-то, вы не рѣшаетесь, не смѣете... Онъ, по-вашему, уступая меня вамъ, совершилъ какой-то неслыханный подвигъ. Взять меня, не смущаясь, послѣ этого было бы, вы чувствуете, чѣмъ-то въ родѣ такого же подвига съ вашей стороны, но вы—не онъ, вы на подвигъ не способны!..

Наташ. (*печально*). Я не заслуживаю такого упрека!..

Ольга Елп. (*съ возрастающимъ раздраженіемъ*). Ахъ, да я и никакихъ упрековъ вамъ не дѣлаю, я ничего не прошу у васъ... Вы — идеальный человѣкъ, вы — герой деликатности и чести, а я—гадкая, безсердечная женщина; на такой, какъ я, такіе, какъ вы, не женятся,—я предваряла васъ,—такъ и вышло!.. А теперь если я окончательно погублю себя, то этому причиной, помните, будетъ то, что судьба натолкнула меня на такого безупречнаго рыцаря, какъ вы!..

Наташ. Я умоляю васъ успокоиться, прійти въ себя!.. Вы безконечно заставляете страдать меня и сами мучаетесь; дайте мнѣ вамъ сказать...

Ольга Елп. (*прерывая*). А я прошу васъ оставить меня!.. Вамъ тяжело, можетъ быть,—но и мнѣ не легко, повѣрьте!..

Наташ. Я не могу васъ оставить въ такомъ состояніи, вы такъ разстроены...

Ольга Елп. (*топая ногой*). Да уходите же, уходите!.. Мнѣ вашей жалости не нужно!

Наташ. (*съ глубокою печалью*). Повинуюсь вамъ... А для кого изъ насъ отзовется гибелью то, что произошло сейчасъ, покажетъ будущее. Да хранитъ васъ Богъ!.. (*Кланяется и уходитъ.*)

СЦЕНА X.

Ольга Елпидифоровна одна. Затѣмъ слуга.

Ольга Елп. (*со злымъ смѣхомъ*). „Одинъ великодушнѣе другаго, а другой великодушнѣе одного“!.. Съ одной стороны, господинъ Ранцовъ, донъ Кихотъ изъ армейцевъ, съ другой—

этотъ пуританинъ, баринъ, боящійся притронуться своими бѣлыми руками къ тому, что сдѣлалось вдругъ для него нечистымъ. И это нечистое — я, я, у ногъ кого онъ изнывалъ каждый день, для кого за часъ тому назадъ онъ отказывался отъ своего положенія, отъ дѣла и привычекъ всей своей жизни... О, я этого не ожидала! (*опускается въ кресло и рыдаетъ, закрывъ лицо руками*)... Вѣдь я любила его, любила этого старика съ его grand'air и этимъ самымъ рыцарскимъ его благородствомъ, которое вырываетъ меня теперь изъ его сердца, какъ негодную траву... И все это кончено, навѣки кончено!.. Такъ подняться—и вдругъ упасть такъ!.. Сегодня же узнаетъ объ этомъ весь городъ. Что розказней, что ядовитаго смѣха пойдетъ по этимъ милымъ салонамъ Петербурга, куда принимать меня теперь не оказывается ни для кого надобности... Нѣтъ (*вскакиваетъ съ мѣста*), въ этомъ униженіи жить нельзя, я не выдержала бы и трехъ дней,.. Гибнуть — такъ ужь не отъ презрѣнія, не отъ насмѣшекъ всей этой свѣтской сволочи!.. (*Схватываетъ колокольчикъ и звонитъ.*)

(*Входитъ слуга съ картономъ въ рукѣ.*)

Ольга Елп. (*торопливо*). Спросите у швейцара адресъ князя Василія Михайловича Шастунова, съѣздите къ нему и попросите сейчасъ пріѣхать ко мнѣ.

Слуга. Они здѣсь, дожидаются въ швейцарской.

Ольга Елп. Кто?

Слуга. Князь Василій Михайловичъ. Они изволили приказать передать вамъ, что были сейчасъ на Аптекарскомъ, въ Ботаническомъ саду, просятъ васъ принять это (*протягиваетъ картонъ*) за мѣсто своей визитной карточки. Какъ если позволите, говорятъ, такъ они сами пожалуютъ.

Ольга Елп. (*про себя*). Сама судьба, видно!.. (*громко*) Просите!.. (*Вынимаетъ изъ картона заключавшійся въ немъ большой букетъ и наклоняется къ нему. Слуга уходитъ.*)

СЦЕНА XI.

Ольга Елпидифоровна и Шастуновъ.

Шастуновъ *(вбѣгая и видя букетъ въ ея рукахъ)*. Весь изъ гарденій, а посреди одна роза, reine des fleurs, — вы!.. Moi j'ai bon goût, правда?..

Ольга Елп. *(съ насилованнымъ смѣхомъ)*. Вы очаровательный человѣкъ,—только и могу сказать.

Шаст. Я знаю, что я очень милый, но вы смѣетесь всегда...

Ольга Елп. Кто вамъ это сказалъ?

Шаст. Moi je vois.

Ольга Елп. *(досадливо)*. Ахъ, это ваше moi je! Вы не знаете развѣ, что французы говорятъ: „moi je est une bête"?... *(смѣется опять)*. Впрочемъ все это вздоръ, я нарочно,—какъ бы вы ни сказали, все равно... Говорите!

Шаст. Что говорить! Хотѣлъ вамъ Викторію Регію доставить, да тамъ сказали, что осталось еще 89 лѣтъ цвѣтка дожидаться. Велѣлъ записать къ будущему полученію, букетъ вотъ заказалъ и хожу себѣ въ ожиданіи одинъ, какъ Робинзонъ, подъ пальмами. Скука! Землячковъ все поджидалъ. Уговаривались въ Ботаническомъ съѣхаться, а оттуда къ Елисееву, устрицы ѣсть. Да, видно, *бюве боку* у Одинцова, — тамъ они и застряли. Я обратно—къ вамъ. „Дома?" спрашиваю у швейцара.—„Дома-съ, не выѣзжали".—„Однѣ"?—„Графъ, говоритъ, Леонидъ Александровичъ у нихъ"... Тьфу! Какъ засѣлъ разъ, такъ и подняться не можетъ, на цуфуски свои не надѣется, видно... Я такъ прямо и не вошелъ,—терпѣть не могу этого vieux dégomé.

Ольга Елп. *(смотря на него вызывающими глазами)*. Что дальше?

Шаст. *(недоумѣло)*. Дальше?..

Ольга Елп. Вы не имѣете мнѣ ничего... болѣе *интереснаго* сказать?

Шаст. Конечно, имѣю, — только вы вѣдь мнѣ запретили это вамъ говорить.

Ольга Елп. Запретила,—а теперь позволю. Говорите!

Шаст. Вы знаете сами: moi je veux, чтобъ вы предпочли меня этому старику раскисшему, который годенъ на то лишь, чтобъ изъ него корпію щипать, а не то чтобъ жениться ему на такой femme chic, какъ вы!

Ольга Елп. То есть, чтобъ я, разведясь съ мужемъ, вышла не за него, а за васъ?

Шаст. Pardi, само собою!

Ольга Елп. Хорошо, я согласна.

Шаст. (*вскрикиваетъ*). Вы согласны! Нор la la! Урра! Moi je savais, что такъ непремѣнно должно будетъ кончиться... Старикъ—фьюитъ, значитъ? То-то онъ точно ошпаренный котъ сходилъ отъ васъ сейчасъ по лѣстницѣ,—я глядѣлъ въ стеклышко изъ комнаты швейцара, — носъ въ три аршина. C'est chic съ вашей стороны, что вы его сплавили. Такъ ему и нужно!.. (*Ольга Елпидифоровна закрываетъ себѣ лицо руками и вздрагиваетъ отъ плача.*)

Шаст. (*удивленно*). Что это, вы плачете? Что случилось?

Ольга Елп. (*подымаетъ на него глаза*). Не тревожьтесь: это отъ радости и гордости, что у меня будетъ такой мужъ, какъ вы.

КОНЕЦЪ 4-го ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Гостиная въ нумерѣ гостиницы, занимаемомъ Ольгою Елпидифоровной. Направо входная дверь. Въ глубинѣ дверь въ спальню. Посреди сцены круглый, покрытый ковровою салфеткою столъ, на которомъ стоятъ лампа и небольшая дорожная шкатулка. На другомъ столѣ, у праваго окна налѣво, графинъ съ водою, стаканъ и вазочка съ букетомъ розъ. У стола посединѣ—кушетка, покрытая шалью, и кресло. Направо за дверью шкафъ. Стулья и кресла по стѣнамъ. На окнахъ и дверяхъ драпри.

СЦЕНА I.

Анфиса и Ашанинъ *(выходитъ изъ двери направо).*

Ашан. (*обращаясь къ Анфисѣ, выходящей съ рецептомъ въ рукѣ изъ двери налѣво, ведущей въ комнату Ольги Елпидифоровны,—поспѣшно*). Что, Ѳирсовъ былъ?

Анфиса. Кто это-съ?

Ашан. Докторъ, пріятель мой, къ которому я посылалъ записку.

Анфиса. Тутъ они въ сей самый часъ, у больной. Предписали имъ вотъ (*показываетъ рецептъ*).

Ашан. Что, какъ ей?

Анфиса. Въ одномъ положеніи... Все о томъ, скоро-ли Никаноръ Ильичъ пріѣдутъ, безпокоятся.

Ашан. Депешу ему съ эстафетой въ деревню я, по ея желанію, отправилъ вчера же вечеромъ. Онъ, по всей вѣроятности, получивъ ее, тотчасъ же выѣхалъ (*вынимаетъ часы*) и

долженъ быть, слѣдовательно, съ курьерскимъ поѣздомъ Рязанской дороги часа черезъ полтора здѣсь.

Анфиса. Дай-то Богъ!.. Армянинъ тутъ былъ какой-то безъ васъ.

Ашан. (*тревожно*). Армянинъ? Ольгу Елпидифоровну спрашивалъ?

Анфиса. Такъ точно. Только я его къ нимъ ни за что не пустила, потому слабы онѣ очень, такъ чтобъ не разстроили еще себя пуще разговоромъ...

Ашан. (*быстро*). И отлично сдѣлали!.. Если бы онъ опять явился какъ-нибудь въ мое отсутствіе, скажите ему, что княгиня предоставляетъ ему вѣдаться со мною, а объясненій съ нимъ никакихъ имѣть не желаетъ.

Анфиса. Слушаю-съ.

СЦЕНА II..

Тѣ же и докторъ (*выходитъ изъ спальной, куда за этимъ проходитъ Анфиса*).

Ашан. (*идетъ поспѣшно ему навстрѣчу съ протянутыми руками*). Какъ я тебѣ благодаренъ, что пріѣхалъ,—я тебѣ одному въ Москвѣ вѣрю. Ну, что, говори скорѣе!

Докт. Да что, братъ, говорить... Плоха!

Ашан. (*скорбно*). Очень?

Докт. Сердце, по всѣмъ признакамъ, давно обратилось въ тряпку; притомъ полное истощеніе организма.

Ашан. Не мудрено послѣ всего, что пришлось ей вынести!

Докт. Князекъ-то, мужъ, въ конецъ ее обобралъ?

Ашан. Въ тюрьму молодца тащили!—она все свое и отдала, полтораста тысячъ.

Докт. Въ Парижѣ дѣло было?

Ашан. Въ Парижѣ... До того дорвался, что посольство наше въ 24 часа выпроводило его оттуда.

Докт. Гдѣ же онъ теперь?

Ашан. Гдѣ то, подъ Оренбургомъ, въ линейномъ батальонѣ. Изъ гвардіи тѣмъ же чиномъ перевели: онъ когда вѣн-

чался съ нею, не позаботился даже у своего начальства разрѣшенія на бракъ просить... Ну, и мать тутъ его постаралась изъ злобы на его женитьбу...

Докт. Мать! Знаменитая Аглая, „кабацкая пава“ по прозванію? Знаю!.. Да, братъ, это скаредъ и ехидна не послѣдняя!

Аша. Ты вообрази себѣ только: пріѣзжаетъ эта несчастная женщина изъ Парижа въ Петербургъ со ста послѣдними à la lettre рублями въ карманѣ, и достать болѣе не откуда: все, что было у нея цѣннаго, выкрадено или заложено. Мужа услали и отъ него ни строчки и до сихъ поръ. Всѣ отъ нея отвертываются: старые друзья, возмущенные ея замужствомъ, аристократическія маменьки, прочившія дочекъ за ея Базиля. Старика Наташанцева, за котораго она чуть было не вышла передъ этимъ негодяемъ, нѣтъ уже въ живыхъ. Остается она такимъ образомъ одна, и нищая, на свѣтѣ... Это послѣ ея блестящаго-то положенія!.. Она къ Аглаѣ: „я за вашего сына, пишетъ, заплатила полтораста тысячъ долгу, что должно быть вамъ извѣстно; прошу возвратить мнѣ мои деньги“. Нѣтъ отвѣта. Она другой разъ. Письмо возвращается ей нераспечатаннымъ. Можешь себѣ представить, какъ ее взорвало! Она прямо въ Москву, лошадей и—къ свекрови, въ Сицкое. Велитъ доложить о себѣ: „Княгиня Ольга Елпидифоровна Шастунова“. Человѣкъ—возвращается: „Ихъ сіятельство, говоритъ, приказали вамъ сказать, что онѣ, кромѣ себя, никакой княгини Шастуновой не знаютъ, а знакомыхъ къ себѣ не изволятъ принимать“...

Докт. Экое вѣдь Раскаталовское отродье!..

Ашан. Такъ ее и не пустила. Вернулась она сюда чуть жива. День въ тотъ разъ, какъ нарочно, выдался скверн**ѣ**йшій: дождь какъ изъ ведра. Ее въ городской колескѣ, безъ фартука, промочило до костей. Съ тѣхъ поръ и пошло: лихорадка каждый день, обмороки, отсутствіе аппетита,—изнуреніе полное, какъ ты говоришь.

Докт. А деньги ея, что же, такъ и пропали?

Ашан. Обратилась она тутъ къ одному присяжному повѣренному. Тотъ ее научилъ вытребовать прежде всего отъ консула въ Парижѣ и отъ банкира формальнаго засвидѣтельство-

ванія, что мужнины долги заплачены переводомъ на французскія деньги русскихъ бумагъ, лично ей принадлежавшихъ, и которыя она вытребовала изъ Петербурга, гдѣ онѣ хранились въ банкѣ. Она такъ и сдѣлала, и ждетъ этихъ документовъ съ часу на часъ... Что дальше будетъ, не знаю, а пока (*понижая голосъ*)—ни гроша. Благо еще хозяинъ здѣшній знакомый мнѣ человѣкъ,—въ кредитъ не отказываетъ.

Докт. (*жалостливо качая головой*). Она ждетъ кого-то сегодня, сказывала мнѣ. „Дайте мнѣ, говоритъ, хоть на часъ силы, мнѣ необходимо“. Я ей шампанскаго предписалъ,—это ужь ты постарайся! Ну, и мускуса дозу своимъ чередомъ... Я говорилъ, какъ давать, этой женщинѣ, что при ней... Толковая, кажется?

Ашан. Отличное существо! Я и представить себѣ не могу, что бы сталось съ бѣдной больной, если-бъ не она... Она у ея покойнаго отца еще жила, и *все* была у него, понимаешь?

Докт. (*усмѣхаясь*). Какъ не понять: женщина и по сю пору *ничего!*

Ашан. А по его смерти заперлась въ какую-то келейку и оттуда никуда, кромѣ къ больнымъ и страждущимъ. Узнавъ случайно, что княгиня въ Москвѣ и не здорова, она явилась къ ней, прося словно какой милости дозволенія „послужить“ ей... И вѣдь это совершенно безкорыстно, даромъ...

Докт. (*полуусмѣшкой*). Есть еще такіе на землѣ Русской, есть, что дѣлать!.. (*протягивая ему руку*). Ну, прощай! (*Хочетъ итти*).

Ашан. (*удерживая его руку*). Не зайдешь ты еще какънибудь сегодня?

Докт. Не знаю,—дѣла много... Да и не къ чему, сказать по правдѣ: ее, братъ, никакой уже наукѣ не спасти... (*Жметъ ему руку и уходитъ*).

СЦЕНА III.

Ашанинъ, Терхаріанцевъ, затѣмъ Анфиса.

Ашан. (*пораженный словами доктора, стоитъ нѣкоторое время въ печальномъ раздумьи, глядя ему вслѣдъ, вздыхаетъ*

и направляется къ спальной, но останавливается на-ходу на шумъ отворяющейся входной двери, на порогъ которой появляется Терхаріанцевъ). А, господинъ Терхаріанцевъ, вы опять сюда пожаловали,—что̀ вамъ угодно?

Терх. Зачѣмъ спрашивайтъ, гаспадинъ Ашанынъ, вы самъ знать должна.

Ашан. Я знаю, что вамъ выданъ княгинею Ольгой Елпидифоровной Шастуновой вексель, на которомъ стоитъ мой бланкъ, и что ему истекаетъ срокъ сегодня или завтра... Во всякомъ случаѣ я имѣю 10 льготныхъ дней для уплаты вамъ по немъ... Въ случаѣ я бы не заплатилъ, законъ вамъ предоставляетъ подать ко взысканію на меня.. А пока я не оказался несостоятельнымъ, вы безпокоить княгиню не имѣете никакого права!..

Терх. Зачэмъ, гаспадинъ, зачэмъ „по закону“,—я на честь хочу. Я дэнги, осемсотъ рубля, не вамъ давалъ. Я можетъ, если-бъ вы для себя просилъ, вамъ совсэмъ не давалъ, у васъ безъ мэне много кредиторъ, оченна много, будетъ. Я княгинемъ въ собственный ей рука давалъ, потому я такимъ деликатной дама балшой вваженіе имэю. А вашъ бланкъ для мэне ничего не стоитъ. (*Изъ спальной выходитъ Анфиса и останавливается, прислушиваясь.*)

Ашан. (*гнѣвно*). А я вамъ повторяю, что взыскивать по этому вы имѣете право только съ меня, а потому (*указываетъ ему дверь*) не угодно-ли вамъ будетъ, по истеченіи льготныхъ дней, явиться за уплатою ко мнѣ на домъ;—здѣсь вамъ дѣлать нечего!.. (*Анфиса вынимаетъ изъ-за пазухи пачку денегъ, завернутыхъ въ бумагу, отсчитываетъ.*)

Терх. (*громкимъ голосомъ*). Пазволте, гаспадинъ Ашанынъ, я мои дэнга давалъ, осемсотъ рубля;—княгинемъ, мнѣ говорилъ здѣсь въ гостиница, очень больна будетъ. Если вы мнэ заплатыть не будете, а она, Боже сохрани, скончаться будетъ, моя дэнга пропалъ... Я это не хочу, гаспадинъ, я хочу княгинемъ видать.

Ашан. (*выходя изъ себя*). Убирайтесь вонъ сейчасъ, говорятъ вамъ!..

Терх. Вы на мэне не можете кричать, гаспадинъ, я на мировой судья могу итти...

Анф. (*кидаясь между ними*). Позвольте, Владиміръ Петровичъ (*Терхаріанцеву*)?. Вамъ княгиня должна деньги?..

Терх. Должна,—три мѣсяцъ назадъ брала у меня...

Анф. Восемсотъ рублей?

Терх. Такъ точно,—послѣдній у мэне булъ,—ей отдавалъ.

Анф. Вексель съ вами?

Терх. Со мною, красавица сударыня, со мною!.. (*Дѣлаетъ ей глазки.*)

Анф. Княгиня приказала вамъ заплатить (*показываетъ ему пачку, которую держитъ въ рукѣ*). Пожалуйте въ коридоръ,—тамъ разсчитаемся (*идетъ къ двери*).

Терх. Съ моимъ удовольствіемъ, сударыня!.. (*Поспѣшно идетъ за нею и на порогѣ двери останавливается.*) Это гаспадинъ Ашанинъ, благородной дама значитъ, по чести;—а вы... по закону!.. (*Уходитъ вслѣдъ за Анфисой.*)

СЦЕНА IV.

Ашанинъ, Ольга Елпидифоровна, затѣмъ Анфиса.

Ольга Елп. (*въ элегантномъ пеньюарѣ, съ кружевнымъ чепцомъ на головѣ, показывается въ дверяхъ спальной, опираясь отъ слабости за притолку*). Что за шумъ тутъ?

Ашан. (*кидаясь къ ней*). Княгиня, что это вы дѣлаете? При вашей слабости сойти съ постели, одна... (*Беретъ ее подъ руку*).

Ольга Елп. Я сейчасъ выпила... шампанскаго... сильнѣй себя чувствую... Кто тутъ сейчасъ... кричалъ, мнѣ показалось?..

Ашан. (*досадливо*). Армяшка этотъ негодный, Терхаріанцевъ...

Ольга Елп. У котораго вы мнѣ достали денегъ? (*тревожно*). Онъ пришелъ... требовать?..

Ашан. Да.

Ольга Елп. И... что же?

Ашан. Заплатили ему, онъ и ушелъ...

Ольга Елп. Вы... заплатили...

Ашан. Какъ это?.. *Вы* сейчасъ прислали ему съ Анфисой.

Ольга Елп. Я?.. Откуда же я взяла бы, Владиміръ Петровичъ? Вы сами знаете, я и могла прожить эти три мѣсяца, только благодаря занятымъ мною деньгамъ у этого армянина,— а теперь, покуда не получу моего капитала...

Ашан. (*усаживая ее въ кресло и указывая на входящую Анфису*). Такъ вы вотъ спросите ее,—а я ничего не знаю...

Ольга Елп. Анфиса Дмитріевна, вы отдали... этому армянину?..

Анфиса. Уплачено-съ... Получите вексель, Владиміръ Петровичъ!.. (*передаетъ ему и покрываетъ ноги больной*).

Ольга Елп. Откуда же вы... деньги взяли, милая?..

Анфиса. Ваши, сударыня.

Ольга Елп. Мои... какъ мои?..

Анфиса. (*нѣсколько смущенно*). Такъ точно... Когда благодѣтель мой, Елпидифоръ Павловичъ, царство ему небесное, скончался, вы мнѣ, изволите помнить, полторы тычячи положили въ память его; только въ ту пору я взять ихъ не хотѣла, потому на что мнѣ!.. А вы на своемъ поставить пожелали и въ прошломъ году... какъ собирались за границу ѣхать, прислали мнѣ изъ Петербурга съ письмомъ...

Ольга Елп. Такъ это же ваши деньги...

Анфиса. Не почитала я ихъ никогда своими, сударыня... и ни рубля изъ нихъ не израсходовала, потому мнѣ не надо, говорю... Сыта, славу Богу!.. И сдѣлайте мнѣ Божескую милость, остальныя возьмите вы у меня, какъ вамъ теперича нужно, голубушка моя...

Ольга Елп. О, милая, какая вы для меня добрая! А я-то, помните, какъ судила я о васъ дурно сначала, какъ виновата передъ вами!..

Анфиса (*трепетнымъ голосомъ*). Какъ если вспоминать, сударыня, такъ я, можетъ, противъ васъ то сдѣлала, что во сто разъ я предъ вами виноватѣй!..

Ольга Елп. Ну, и не будемъ, не будемъ!.. Что за счеты передъ смертью!.. Спасибо вамъ, милая! (*Протягиваетъ ей руку. Анфиса хочетъ поцѣловать ее. Онѣ обнимаются*).

Анфиса (*утирая слезы*). Не изволите-ли еще вина выкушать... докторъ приказывалъ, чтобы...

Ольга Елп. Да, давайте, мнѣ хочется съ Владиміромъ Петровичемъ... въ послѣдній разъ...

Анфиса. Сейчасъ! (*бѣжитъ въ спальную и возвращается съ бутылкою и двумя бокалами, которые ставитъ на столъ*).

Ольга Елп. (*Ашанину*). Они всегда предписываютъ это, когда всѣ ихъ средства истощены... Нѣтъ, впрочемъ, еще то, послѣднее... Принесли изъ аптеки мускусъ, Анфиса Дмитріевна?

Анфиса. Я сейчасъ узнаю (*хочетъ итти*).

Ольга Елп. Налейте намъ сперва бокалы (*Анфиса исполняетъ приказаніе*). Чокнемся, Владиміръ Петровичъ... За нашу *молодость!* (*Чокаются. Анфиса уходитъ въ корридоръ. Больная отпиваетъ изъ бокала*). Хорошо, живитъ... Я его всегда любила, шампанское... (*Ашанинъ скорбно глядитъ на нее*). Не похожа я теперь на ту, которая чокалась такъ съ вами въ первый разъ... помните, за ужиномъ, въ Сицкомъ, послѣ представленія *Гамлета?*... Ахъ, какъ это далеко уже!.. Да, молодость,—и вотъ конецъ!.. Конецъ всему, скоро... сегодня... я знаю... Только бы онъ успѣлъ пріѣхать!.. Вы послали ему депешу?

Ашан. Вчера еще,—я вамъ говорилъ...

Ольга Елп. (*кивнувъ одобрительно головой*). Онъ не долженъ васъ видѣть... ни за что!.. Прошу васъ, когда онъ будетъ, скрыться, не показываться ему ни *до*, ни *послѣ*...

Ашан. (*скорбно*). Для чего вы это говорите?.. Живите, живите!...

Ольга Елп. (*перебивая его, съ усмѣшкой*). Жить! Къ чему?.. Взгляни на меня:—съ такимъ лицомъ... я сейчасъ видѣла себя въ зеркалѣ,—и жить? Нѣтъ, не надо!.. Мнѣ не жаль,—я пѣла, помнишь, „Мнѣ жизнь для радости дана“... Радости сгинули, впереди одна тоска ждала бы... Не хочу, нѣтъ! Какъ это у Пушкина:

Простимся дружно,
О, юность легкая моя...

Простимся!.. Ты первый... и послѣдній... Ты слабость моя былъ... Мой бѣдный графъ (*подноситъ платокъ къ глазамъ*);

онъ не перенесъ... Я бы вѣкъ вѣрна ему осталась, если-бъ была его женой. Онъ не такъ, какъ ты, умѣлъ любить... Все равно, и ты любилъ, *какъ могъ*... Больше другихъ женщинъ даже любилъ меня, да!—за то, помнишь, ты говорилъ,—что я всегда первая кину. Смѣшной ты!.. А теперь прощай; поцѣлуй... въ послѣдній разъ... (*тянется къ нему, онъ ее страстно обнимаетъ; она внезапно отталкиваетъ его*). Довольно, довольно, уходите, пора!.. (*Анфиса возвращается съ аптекарскимъ пузырькомъ въ рукѣ и останавливается въ глубинѣ сцены*).

Ашан. (*со взрывомъ*). Я еще увижу васъ, хочу видѣть!..

Ольга Елп. (*приподымаясь съ кресла, строгимъ и дрожащимъ голосомъ*). Развѣ я вамъ не сказала, развѣ не чувствуете вы: если на насъ обоихъ есть грѣхъ настоящій, такъ это предъ этимъ человѣкомъ!..

Анфиса (*подбѣгая испуганно къ Ашанину*). Владиміръ Петровичъ, уходите, Бога для!.. (*Ашанинъ ухватывается за голову и убѣгаетъ. Она поспѣшно подходитъ къ больной*). Что, голубушка моя, не дать-ли вамъ этого лѣкарства? Принесли сейчасъ...

Ольга Елп. Да, скорѣе, дайте!.. Такая слабость... (*Анфиса капаетъ мускусъ въ рюмку съ водой изъ стоящаго на столѣ графина. Больная выпиваетъ, отдаетъ рюмку и закрываетъ лицо руками. Минута молчанія*). Милая, опустите сторы и занавѣси... и зажгите тутъ все!..

Анфиса. Что это, помилуйте,—бѣлый день...

Ольга Елп. Нѣтъ, пожалуйста,—онъ будетъ сейчасъ,—при свѣчахъ я ему не такая страшная покажусь... И дайте мнѣ эти розы изъ вазы... (*Анфиса исполняетъ требуемое. Больная перебираетъ цвѣты*).

СЦЕНА V.

Тѣ же и слуга.

Слуга (*входя*). Тутъ, ваше сіятельство, княгиня одна съ господиномъ спрашиваютъ васъ.

Ольга Елп. (*изумленно*). Княгиня... какая княгиня!

Слуга. Виноватъ-съ, фамиліи я ихней не дослышалъ...

Ольга Елп. Такъ узнайте! (*Слуга исчезаетъ*). Анфиса Дмитріевна, кто тамъ, посмотрите! (*Анфиса спѣшитъ къ дверямъ, открываетъ ихъ и высовывается на половину въ коридоръ,—затѣмъ быстро возвращается*).

Анфиса. (*перепуганно*). Голубушка моя, это ваша... злодѣйка... князя вашего мать, а съ нею...

Ольга Елп. (*приподымаясь*). Аглая!.. Аглая... здѣсь! А!.. хорошо, пусть идетъ, пусть,—я съ ней поговорю!..

Анфиса. Ольга Елпидифоровна, милая, поберегите себя!.. На что вамъ съ ней говорить!.. Не съ добрымъ, вижу, она къ вамъ пріѣхала, и такого человѣка съ собой привела... Я его знаю,—воръ человѣкъ этотъ!..

Ольга Елп. (*настойчиво*). Пусть идетъ!.. Я... не безпокойтесь, милая, я себя разстроивать не буду, — я *тихо, по душѣ* съ нею поговорю (*иронически смѣется*), поговорю. (*Анфиса идетъ къ дверямъ*).

Слуга (*у дверей*). Княгиня Аглая Константиновна...

Ольга Елп. (*громко*). Госпожа Раскаталова, знаю... Проси! (*Слуга пропускаетъ входящую княгиню и уходитъ*).

СЦЕНА VI.

Тѣ же, княгиня Шастунова и Стороженко.

Княг. (*входя*). Ма chère Ольга... Ахъ, у васъ свѣчи! Вы нарочно вѣрно для глазъ?..

Ольга Елп. Позвольте мнѣ прежде всего спросить васъ, Аглая Константиновна: чему я обязана удовольствіемъ вашего посѣщенія? (*Нюхаетъ розы, которыя держитъ въ рукѣ*).

Княг. Ма chère Ольга, вы ко мнѣ писали, и я тогда ничего не могла вамъ отвѣтить, и когда вы были у меня въ Сицкомъ, я лежала въ постели и не могла васъ принять. А теперь я нарочно вотъ пріѣхала къ вамъ съ monsieur... Je vous présente: monsieur Острожный, мой повѣренный...

Стороженко (*поправляя*). Стороженко, Степанъ Іоаки-

мовичъ, ходатай по дѣламъ... (*Кланяясь больной*). Честь имѣю представиться вамъ, сударыня.

Ольга Елп. Я называюсь княгиня Шастунова, какъ и эта госпожа (*указываетъ на княгиню*), прошу не забывать прежде всего.

Сторожен. (*сконфуженно*). Слушаю... ваше... сіятельство...

Ольга Елп. (*княгинѣ*). Что же вамъ нужно съ вашимъ повѣреннымъ?

Княг. Ma chère Ольга, monsieur Сраженкинъ вамъ все объяснитъ, — я ничего, вы знаете, въ дѣлахъ не понимаю (*садится у стола, противъ больной*).

Ольга Елп. (*съ злою усмѣшкой*). Да, я знаю!.. Говорите же, monsieur...

Княг. (*подскакивая*) Monsieur Стороженкинъ. (*Вполголоса*). Онъ лучше всѣхъ въ Москвѣ законы знаетъ, извѣстный... Parlez, monsieur Сторожкинъ!

Стороженко. (*поправляя*). Стороженко (*откашливается*). Довѣрительница моя, княгиня Аглая Константиновна, прибывши вчера въ Москву и узнавши о вашемъ нездоровьи...

Ольга Елп. (*прерывая иронически*). А, она „*прибывши и узнавши*“ о моемъ нездоровьи! Какъ мнѣ лестно!

Княг. (*хныча*). Oui, ma chère Ольга, я не такая злая, какъ думаете. Я узнала, что вы очень опасно больны, и я не хочу, чтобы вы на томъ свѣтѣ жаловались на меня au bon Dieu. Я хочу съ вами полюбовно, какъ говорятъ... Вы писали мнѣ, что Basile mon fils истратилъ ваши деньги... Я ничего этого не знаю, и что у васъ были деньги,—онъ въ арміи и я его не видѣла... и я не обязана за него платить... но я по моему доброму сердцу хочу вамъ предложить одну вещь... Parlez, monsieur Острожный!..

Стороженко (*больной*). Какъ должно быть извѣстно ва... вашему сіятельству, существующія въ государствѣ нашемъ постановленія не обязываютъ довѣрительницу мою платить по долгамъ, кои могутъ быть дѣлаемы сыномъ ея, княземъ Василіемъ Михайловичемъ. Тѣмъ не менѣе, движимая, такъ сказать...

Княг. (*хныча*). „Движимая“, c'est ça, да, именно „движемая“... Продолжайте, monsieur Сороченко, вы очень хорошо говорите.

Стороженко. Движимая искреннимъ желаніемъ прійти путемъ мирнаго соглашенія къ разрѣшенію существующихъ между вами недоразумѣній...

Княг. (*одобрительно кивая*). C'est ça, „не-до-ра-зумѣній", и больше ничего, замѣтьте это, ma chère!...

Стороженко. (*продолжая свою рѣчь*). Княгиня Аглая Константиновна желаетъ сдѣлать вамъ такого рода предложеніе...

Ольга Елп. Какого рода?—это будетъ любопытно!...

Княг. Вотъ вы услышите, ma chère, услышите,—увидите, что я—не то, что вы думаете... что вы писали monsieur Сарачинскій!...

Стороженко (*поправляя*). Стороженко! (*Вынимая листъ бумаги изъ кармана и протягивая больной*). Черновой проектецъ условія...

Ольга Елп. (*отстраняя рукой*). Можно на словахъ..

Стороженко. По сему условію княгиня Аглая Константиновна обязуется уплачивать вамъ пожизненно ежегодную сумму въ размѣрѣ пяти процентовъ съ искомаго вами съ сына ея, а вашего супруга, князя Василія Михайловича Шастунова, капитала въ 150 тысячъ рублей...

Княг. Ça fait въ годъ 7,500 рублей (*вздыхаетъ*), а въ мѣсяцъ 625. Вотъ, ma chère Olga, вы видите! Мнѣ кажется, что ужь послѣ этого...

Ольга Елп. (*прерывая, Стороженкѣ*). Дальше?

Стороженко. Вы же съ своей стороны...

Ольга Елп. Да, вотъ именно это: что я должна „со своей стороны"?

Стороженко. Въ силу того же условія вы отказываетесь за себя и за своихъ наслѣдниковъ отъ всякой претензіи на полученіе какихъ бы ни было суммъ отъ супруга вашего, князя Василія Михайловича...

Ольга Елп. Такъ! (*разражается истерическимъ хохотомъ. Княгинѣ*). Я не знаю, Аглая Константиновна, что въ васъ сильнѣе: безчестность ваша, или ваша глупость?...

Княг. (*вскрикивая*). Ah, mon Dieu, что это она говоритъ!

Ольга Елп. Я до этой минуты терпѣливо вынесла при-

сутствіе ваше у меня,—мнѣ хотѣлось узнать, для чего явились вы ко мнѣ. Поводъ къ этому могъ быть только низкій,—онъ такимъ и оказался... Вы оставляли меня умирать съ голоду; вы, когда я, обворованная кругомъ вашимъ сыномъ, явилась къ вамъ въ Сицкое, вы осмѣлились велѣть сказать мнѣ, что никакой другой, кромѣ себя, княгини Шастуновой не знаете, и не пустили меня въ домъ... Меня дождемъ и вѣтромъ проняло всю, уѣзжая отъ васъ. Я съ того дня умираю... А теперь вы узнали, что мнѣ остается жить... нѣсколько часовъ... и являетесь ко мнѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, сахарная вся, „ma chère Olga", *пенсію* мнѣ предлагаете... Пенсію, когда вы знаете, что вамъ гроша изъ нея не придется заплатить мертвой... И за это я должна отказаться отъ права завѣщать, кому хочу, мои наслѣдственныя деньги?... И вы вообразили себѣ, что вамъ удастся такъ же легко поймать меня на вашу идіотскую удочку, какъ удавалось вашему папенькѣ отравлять народъ въ своихъ кабакахъ! О, подлая Раскаталовская кровь!...

Княг. (*вскакивая съ мѣста*). Какъ вы смѣете!... Я не хочу больше слушать. Уйдемте, мосье Страшненко,—эта женщина смѣетъ такъ говорить, когда она хотѣла стащить полтораста тысячъ съ Basile mon fils,—а у нея документовъ нѣтъ.

Ольга Елп. (*со злымъ смѣхомъ*). Да, на это вы разсчитывали, я знаю... Но у меня для васъ сюпризецъ готовъ... Анфиса Дмитріевна, дайте мнѣ изъ шкатулки пакетъ, который я получила вчера изъ Парижа. (*Анфиса, стоявшая все время въ сторонѣ, зорко слѣдя за Стороженкомъ, подбѣгаетъ и, вынувъ пакетъ изъ шкатулки, подаетъ ей.*) Вотъ они, свидѣтельство консула, показаніе банкира,—ихъ завтра же съ моею просьбою повѣренный мой представитъ въ судъ.

Княг. (*дрожащимъ голосомъ*). Ah, mon Dieu, что же это, скандалъ?...

Ольга Елп. На всю Россію,—тѣмъ лучше... Пусть знаютъ всѣ!...

Княг. (*растерянно*). Я не понимаю... ma chère Olga, вы такъ разсердились... я предложила, какъ думала лучше... а вы

хотите такой стыдъ поднять, когда у васъ, я знаю, никого близкаго нѣтъ, кому оставить... (*хнычетъ*) и кому бы вы могли лучше, какъ этому бѣдному Basile mon fils, который теперь Богъ знаетъ гдѣ сидитъ и получаетъ отъ меня всего сто рублей въ мѣсяцъ.

Стор. Дѣйствительно, ваше сіятельство, кому же какъ не законному супругу вашему, князю... (*Въ дверяхъ показывается Ранцовъ*).

СЦЕНА VII.

Тѣ же и Ранцовъ.

Ольга Елп. (*увидѣвъ его, вскрикиваетъ*). Никсъ!.. Наконецъ!.. (*Княгинѣ*). Кому оставлю, кому?.. Вотъ этому человѣку, котораго я, безумная, промѣняла на вашего негодяя!.. (*Ранцовъ кидается къ ней. Она удерживаетъ его, указывая пальцемъ на княгиню*). Никсъ, ты видишь эту женщину,—она его мать... Она пріѣзжала ко мнѣ въ Петербургъ просить меня сдѣлаться любовницею ея сына, потому что француженки стоили ему слишкомъ дорого... Я ее прогнала отъ себя... и вышла замужъ за этого мальчишку... Со злости вышла, — ты этого не поймешь, Божья душа,—со злости и отчаянія... Но я берегла имя, которое онъ далъ мнѣ, я всѣ деньги мои отдала, чтобъ спасти его отъ позора... Сама я слегла въ постель отъ горя и стыда, а онъ въ это время выкралъ у меня изъ ящиковъ всѣ мои брилліанты и отдалъ ихъ плясуньѣ на канатѣ, съ которою связался... (*Княгиня хочетъ говорить; она не даетъ ей.*) Эта женщина милліонщица, а она меня по міру пустить хотѣла, жену своего сына, единственнаго, обмошенничать меня думала и теперь, сейчасъ, боясь скандала, унижалась, какъ послѣдняя изъ тварей, чтобъ я ей простила то, что долженъ мнѣ ея Basile... Но этого не будетъ... не будетъ... у меня всѣ документы... Я тебѣ все оставляю, Никсъ, а у меня завѣщаніе... формальное, вчера нотаріусъ былъ... Поклянись мнѣ, что ты все съ нихъ взыщешь, все до копѣйки!..

Ранц. Княгиня... Ольга Елпидифоровна, не волнуйтесь... вамъ вредно, ради Бога!.. Мнѣ ничего не нужно.

Ольга Елп. Знаю! На помощь другимъ оставляю тебѣ. Клянись, что все исполнишь по моему завѣщанію; тамъ все написано.

Ранц. Все будетъ исполнено по вашей волѣ, клянусь Христомъ, моимъ Спасителемъ.

Княг. (*Стороженкѣ, всхлипывая громко*). А, вотъ какъ!.. Вы слышали, monsieur Острожкинъ, какія гадости смѣла наговорить мнѣ эта... *дама*... Я не могу этого терпѣть, не могу,—я сейчасъ ѣду жаловаться генералъ-губернатору... вы будете свидѣтелемъ (*Уходитъ.*)

Ольга Елп. (*съ нервнымъ смѣхомъ, откидывая голову въ спинку кресла и полузакрывая глаза*). О, несчастная,—это на умирающую!.. (*Розы, которыя держала она въ рукѣ, разсыпаются кругомъ нея.*)

Стор. Позвольте мнѣ, однако, доложить вамъ, княгиня...

Анф. (*кидаясь къ нему съ пылающими глазами*). Уходи сейчасъ вонъ отсюда, воръ, воровъ совѣтчикъ!.. (*Стороженко, пораженный ея видомъ, вздрагиваетъ и быстро удаляется.*)

Ранц. (*на колѣняхъ предъ больной, держа ея руку*). Оля, Олечка, успокойся, зачѣмъ ты такъ...

Ольга Елп. (*усталымъ голосомъ*). Что „зачѣмъ"?

Ранц. Ужь очень жестоко, Оля!.. Ты о душѣ своей подумай,—прости имъ, по-христіански, какъ Богъ велѣлъ...

Ольга Елп. (*со взрывомъ*). Никогда! Умру съ этимъ грѣхомъ на совѣсти, а не прощу!.. Я въ нихъ, пойми ты,—я въ нихъ *себѣ* простить не могу (*Плачетъ. Минута молчанія*)... А ты... ты простилъ мнѣ, Никсъ?

Ранц. Я?.. Да развѣ я когда-нибудь... Мнѣ только, чтобы вы вотъ поправились...

Ольга Елп. Я никому не сдѣлала въ жизни зла,—я предъ однимъ тобою виновата: я душу твою поберечь не хотѣла.

Ранц. Олечка... дорогая моя! (*Вскакиваетъ, закрывая себѣ лицо руками, и разражается громкимъ рыданіемъ.*)

Анф. (*кидается къ нимъ*). Баринъ, Никаноръ Ильичъ... Голубушка моя, что же это вы другъ друга разстраиваете!..

Ольга Елп. Оставьте... Я этого ожидала... Пусть выплачется!.. (*Анфиса отходитъ. Минута молчанія*). Довольно,

Никсъ, перестань! Или тебѣ въ самомъ дѣлѣ твоего прошлаго со мною жаль? *(съ горькою усмѣшкой)*. Нечего жалѣть, кажется!..

Ранц. Да что же это такое, развѣ въ Москвѣ докторовъ нѣтъ, нѣтъ средствъ вылѣчить тебя!.. Я сейчасъ съѣзжу...

Ольга Елп. *(мечется лихорадочно головой по подушкѣ)*. Ахъ, не понимаетъ онъ меня, не понимаетъ!.. Средствъ нѣтъ,— да и къ чему тебѣ, чтобы я жила? Или не узналъ ты меня до сихъ поръ, не понялъ, какова я? Вѣдь не умѣла я любить тебя тогда,—не смогла бы и потомъ... И какъ же сдѣлать бы: развестись съ этимъ и выходить опять за тебя *(смѣется)*. Вѣдь надъ тобой же стали бы смѣяться, Никсъ. А я не хочу... Чтобъ на тебѣ ни одного брызга не было!.. Меня въ жизни любили два чистые человѣка: мой бѣдный графъ и ты. Онъ умеръ, не перенесъ *(плачетъ)*... А ты... Я такъ и хотѣла, чтобы ты тутъ былъ одинъ, когда... когда *она* придетъ за мною,—чтобъ отошла я въ вѣчность, тобою прощенная...

Ранц. Олечка, довольно, не рви ты мнѣ душу!..

Ольга Елп. А досказать когда успѣю... не долго вѣдь осталось... Налей мнѣ шампанскаго, докторъ велѣлъ... *(Онъ наливаетъ, она пьетъ)*. Я жить хотѣла, Никсъ, — все взять отъ жизни хотѣла... Она мнѣ вѣчный праздникъ обѣщала... Вѣдь я хороша была, хороша, да? Помнишь, когда увидѣлъ ты меня въ первый разъ? Ты проѣзжалъ изъ арміи по улицѣ нашего городка; я стояла въ палисадникѣ, поливая цвѣты... Ты увидѣлъ—и вотъ съ той самой минуты... и на всю жизнь... И ты ли одинъ?.. Въ Петербургѣ, помнишь, мой „*легіонъ*“, говорили... Я силу свою знала: кого захочу—тотъ мой... покорялись всѣ... *(Прихлебываетъ изъ бокала. Мысли ея постепенно начинаютъ путаться)*. Онѣ меня ненавидѣли, тѣ, ты знаешь... а мнѣ смѣшно было... Эта Андомская... Что взяла, злюка?.. Твой отецъ... онъ мой, онъ не промѣняетъ меня на тебя... ни на кого на свѣтѣ!.. Онъ поклялся... мы ѣдемъ вѣнчаться съ нимъ въ псковскую деревню... *(Анфиса встревоженно подходитъ и становится за ея изголовьемъ)*. Что это? Нѣтъ, онъ... онъ умеръ... все это сонъ былъ, чадъ... вся жизнь въ этомъ прошла... Прошла она, завяла *(подноситъ къ лицу одну изъ розъ,*

лежащихъ на ея колѣняхъ)... какъ эти розы... Да, я хотѣла сказать тебѣ... Что я хотѣла сказать!.. Господи, куда же сбѣжала память?.. Дайте мнѣ вина еще, дайте! *(Анфиса наливаетъ, она жадно пьетъ)*. Ну, вотъ и лучше, и вспомнила. Когда я буду подъ землей, чтобъ надо мной цвѣли розы... Не такія,— пунцовыя... Ахъ, пожалуйста, пожалуйста, пунцовыя, какъ на томъ балѣ... По серебряному газу съ праваго плеча, черезъ все платье эти розы... Какая прелесть!.. какой успѣхъ былъ!.. „Вы фея, вы сама поэзія“, сказали мнѣ... и кто сказалъ!.. Тс! Вальсъ... это мой любимый, Die schöne blaue Donau... Онъ охватилъ меня, помчалъ... съ нимъ такъ ловко!.. все выше, выше... Какъ поютъ эти скрипки... дворецъ сіяетъ!.. Ахъ, какъ весело, какъ сладко жить!.. (*вздрагиваетъ*). Кто, кто пріѣхалъ? Basile mon fils! *(гадливо)*. Ступайте, ступайте къ вашимъ... Мнѣ некогда, меня ждутъ... Что, кружево нашили?.. Даша, вѣеръ мой, перчатки... Карета подана?.. Скорѣе, скорѣй, я танцую третью кадриль съ его вы... (*Открываетъ широко глаза, воззрясь на Ранцова*). Никсъ, это ты?.. Прости меня!.. Чадъ это былъ, одинъ чадъ!.. *(Схватывается за сердце и опрокидывается въ спинку своего кресла)*.

Ранцовъ. Олечка! *(падаетъ на колѣни и охватываетъ ея трупъ обѣими руками)*.

ЗАНАВѢСЪ ПАДАЕТЪ.

РАЗСКАЗЫ И ОЧЕРКИ.

ИВАНЪ СУСАНИНЪ У МИРОВАГО *).

Есть на свѣтѣ одинъ большой городъ. Въ этомъ городѣ большая сцена. На этой сценѣ значится между прочимъ русская опера. Для чего она значится, про то вѣдаютъ всесильные боги, правящіе отечественными театральными судьбами; на самомъ дѣлѣ эта русская опера — миѳъ, которому давнымъ-давно перестало вѣрить самое пламенное и упорное мѣстное воображеніе...

Тѣмъ не менѣе она значится; есть въ этой оперѣ пѣвцы и пѣвицы. Въ томъ числѣ значился нѣкій басъ, basso profundo, basso profundissimo. Щедрая природа одарила его видомъ богатырскимъ, такою же широкою натурою—и самою рѣшительною претензіей на нижнее fa.

Владѣвшій дѣйствительно во времена оны этимъ баснословнымъ fa, пѣвецъ, да къ тому же и республиканецъ, Формесъ,—лучшій Марсель, сказать кстати, какого удалось слышать въ „Гугенотахъ“ петербургской публикѣ, — выражался про самого себя слѣдующею скромною италіянскою на нѣмецкій ладъ фразою: „In Europa tre imperatori, ma Formes — uno!“, т. е., „въ Европѣ три императора (германскаго въ тѣ дни не было, за то былъ улетучившійся нынѣ французскій), но Формесъ—одинъ!“

Нашъ пѣвецъ въ извѣстной мѣрѣ также увѣренъ, что Европою могутъ владѣть, пожалуй, многіе вѣнчанные государи, но что она въ свою очередь ужь конечно не владѣетъ такимъ талантомъ, какой данъ Небомъ ему, русскому Формесу.

Къ его злополучію, Европа до сихъ поръ рѣшительно отка-

*) Впервые напечатано въ № 5 „С.-Петерб. Вѣд.“ 5 января 1875 года.

зывалась убѣдиться въ этомъ, а всесильные боги отечественной сцены распорядились такъ, что для убѣжденія россійской публики нашему пѣвцу назначена всего на все одна единственная роль—роль Сусанина въ „Жизни за Царя". Понятно, что эта „Жизнь" дорога ему, какъ своя собственная, что въ эту роль кладетъ онъ всю свою мятежную душу, что на полномъ просторѣ развертываетъ онъ при исполненіи ея всю ширь своихъ громовыхъ средствъ, весь пылъ своей разудалой натуры...

И вотъ однажды въ послѣдней борьбѣ съ заведенными Сусанинымъ въ лѣсъ Поляками, раззудилось плечо богатырское, размахнулась рука молодецкая, и могучая длань, заѣхавъ съ размаха въ ухо одного изъ враговъ, повергла его тутъ же ницъ къ ногамъ пѣвца... Патріоты верхнихъ ярусовъ на такое безспорное проявленіе русской силы отвѣтили неистовыми рукоплесканіями... Пѣвецъ уѣхалъ изъ театра торжествуя: публика видимо начинала оцѣнивать талантъ его по достоинству...

Но пораженный врагъ оказался злопамятнымъ и ехиднымъ. Сусанина на другой же день потребовали къ театральному начальству. Начальство объявило ему, что за совершенный имъ на сценѣ подвигъ во благо родины онъ отстраненъ на два раза отъ очереднаго пѣнія,—другими словами, лишается 50-ти рублей разовыхъ и кромѣ того обязанъ просить прощенія у оскорбленнаго.

Львиныя натуры, какъ извѣстно, отличаются великодушіемъ. Русскій Формесъ склонилъ послушно голову предъ приговоромъ начальства, а въ умилостивленіе заушеннаго имъ собрата по искусству сочинилъ, для большей внушительности, просьбу въ стихахъ (пѣніе и поэзія, извѣстно, музы-сестры), которую и выучилъ наизусть для произнесенія при первой съ нимъ встрѣчѣ. Случай представился весьма скоро. Хоронили умершаго дирижера той злополучной оперы. При разъѣздѣ съ похоронъ, Сусанинъ и сраженный имъ врагъ очутились носомъ къ носу.

„Законъ велѣлъ..."

возопилъ съ-оника пѣвецъ своимъ зычнымъ басомъ.

„Хоть радъ я, иль не радъ,
А предъ тобой главу склоняю, братъ...“

— Позвольте-съ, прервалъ его, весь зеленѣя, хористъ,— мы съ вами ни въ близкомъ, ни въ дальнемъ родствѣ, сколько мнѣ извѣстно, не состоимъ, слава Богу-съ, а на *ты* еще тѣмъ менѣе,—такъ я вамъ себя „братомъ“ называть не дозволяю-съ!..

— Вы братъ мнѣ по искусству! возразилъ пѣвецъ, заискивающимъ взглядомъ воззрясь на него.

— Никогда-съ! сурово отвѣчалъ тотъ: ваше искусство въ кулакѣ-съ!..

Пѣвецъ окрысился въ свою очередь.

— Это, доложу вамъ, вы говорить не въ правѣ! Не одна Россія, — Италія, Миланъ, Болонья, Падуа, Верона слушали меня и приходили въ восторгъ!

— А мнѣ на это начхать-съ! И одно мнѣ желательно знать: для чего вы теперича обращаетесь ко мнѣ?

— По приказанію начальства... и по собственному желанію, прибавилъ Сусанинъ,—желая выразить вамъ сожалѣніе о томъ, что увлеченный врожденною мнѣ страстностью и роковымъ положеніемъ изображаемаго мною лица, я...

Хористъ захихикалъ самымъ ядовитымъ образомъ:

— Страстность вашу можете при себѣ оставить-съ, а на счетъ того, если вы желаете извиненія у меня просить, такъ я намѣренъ выслушать васъ не здѣсь, передъ каретами, а въ другомъ мѣстѣ.

— Въ какомъ же это мѣстѣ? воскликнулъ озадаченно basso-profundo.

— А вотъ увидите-съ, еще злобнѣе прошипѣлъ тотъ, — въ самомъ скоромъ времени будете имѣть случай увидѣть-съ...

Дѣйствительно, чрезъ нѣсколько дней благородный Сусанинъ, положившій животъ за отечество, получилъ повѣстку, приглашавшую его предстать предъ очи мироваго судьи.

Отправился туда древній Россіянинъ, сжалъ крестомъ повинныя руки на богатырской груди,—стоитъ передъ очами современной юстиціи, ждетъ: что изо всего этого выйти должно?

А вражій Полякъ, поверженный имъ въ прахъ, змѣиною рѣчью такъ и льнетъ, такъ и ползетъ въ ухо этой современной юстиціи.

— И хотя, говоритъ онъ,—они (т. е. Сусанинъ) начальствомъ уже оштрафованы, но я, такъ сказать, этимъ могу себя почитать удовлетвореннымъ единственно какъ артистъ...

— „О, сребролукій Фебъ, и ты не поразишь своими стрѣлами эту сволочь, дерзающую называть себя тоже артистомъ!“ всплываетъ кипучимъ взрывомъ на душѣ русскаго Формеса. Но онъ сдерживаетъ благородный гнѣвъ, клокочущій въ его груди, и только вздымаетъ отуманенныя очи къ нѣмому,—къ суровому небу.

— Но въ наше время, продолжаетъ змѣя между тѣмъ,—когда личность каждаго гражданина ограждена, такъ сказать, щитомъ закона, я смѣю полагать, господинъ мировой судья, что я за свою обиду долженъ получить возмездіе какъ человѣкъ, ибо эвтотъ господинъ, пользуясь своею чрезмѣрною физикою, дозволилъ себѣ въѣхать мнѣ въ самую, такъ сказать, физіономію, и даже такъ, что я, лишась равновѣсія, совершенно неподобающимъ образомъ покатился по сценѣ, господинъ мировой судья!...

— Признаете вы фактъ оскорбленія, нанесеннаго вами господину ***? вопрошаетъ юстиція, пронизывая Сусанина леденящимъ, какъ зима его родной стороны, взглядомъ.

— Фактъ—признаю, намѣреніе — отрицаю! отвѣтствуетъ онъ, спуская при этомъ голосовой звукъ чуть не до самаго знаменитаго „fa“ своего.

— Вы, значитъ, отрицаете намѣренность въ вашемъ поступкѣ. Какъ же можете вы объяснить его?

— Естественнымъ закономъ природы:—я человѣкъ страстный...

— Къ дракѣ точно страсть имѣютъ-съ, хихикаетъ на это врагъ.

— Страстный и увлекающійся, продолжаетъ Сусанинъ,—играю нервами, переношусь всецѣло въ изображаемое мною лицо... сила чувствъ одолѣваетъ... Вижу: враги отечества, цареубійцы,—судите сами, господинъ судья!.. Цою по тексту:

„Я васъ на судъ привелъ,
Цареубійцъ!
Погибли вы всѣ—
А царь мой спасенъ!.“

Ну, и...

— И по эвтому самому, что царь спасенъ,—они меня въ ухо! Сами разсудите о ихъ чувствахъ, господинъ мировой судья!..

Современная юстиція многозначительно сжимаетъ брови и останавливаетъ пристальный взглядъ сначала на одной, а затѣмъ и на другой изъ сторонъ. Юстиція припоминаетъ извѣстную 119-ю статью, по которой „мировой судья рѣшаетъ вопросъ о винѣ или невиновности подсудимаго по внутреннему своему убѣжденію, основанному на совокупности обнаруженныхъ при судебномъ разбирательствѣ обстоятельствъ“, а затѣмъ 112-ю, гласящую, что „въ тѣхъ случаяхъ, когда, для точнаго уразумѣнія встрѣчающагося въ дѣлѣ обстоятельства, необходимы спеціальныя свѣдѣнія или опытность въ наукѣ, искусствѣ, ремеслѣ и проч., приглашаются свѣдующіе люди“.

— Вы всѣ служите въ театрѣ? обращается онъ къ полудюжинѣ свидѣтелей происшествія, приведенныхъ заушеннымъ истцомъ.

— Такъ точно, мы артисты! слышится ихъ отвѣтъ.

Сусанинъ еще разъ вздымаетъ очи къ небу.

— И принимаете участіе въ оперѣ „Жизнь за Царя“? продолжаетъ допрашивать мировой.

— Товарищи мои по хору, объясняетъ истецъ.

— Не можете-ли вы мнѣ сказать, насколько исполняемая подсудимымъ роль могла подать ему поводъ на поступокъ, по которому принесена мнѣ вашимъ товарищемъ жалоба?

Свидѣтели переглядываются и переминаются съ ноги на ногу. „Вотъ-те и задача!“ читается на ихъ недоумѣлыхъ лицахъ.

Мировой подпираетъ голову обѣими руками и пристально упирается въ нихъ взглядомъ:

— Подсудимый, медленно роняетъ онъ слова,—утверждаетъ, въ извиненіе свое, что увлекся положеніемъ изобра-

жаемаго имъ лица до того, что, такъ сказать, безвольно... Вы именно это утверждаете? строго и быстро поворачиваетъ онъ голову въ сторону Сусанина.

— Такъ точно, поспѣшно начинаетъ кивать ему тотъ,— именно по врожденной мнѣ артистической страстности...

— Прямо человѣку въ ухо? не даетъ ему договорить обиженный.

— Не извольте прерывать! со строгимъ лицомъ обращается и къ нему мировой.

— Я спрашиваю васъ, господа, какъ экспертовъ, относится снова судья къ хористамъ, — полагаете-ли вы, что въ тотъ моментъ роли, когда подсудимымъ нанесено оскорбленіе вашему товарищу, Сусанинъ, по смыслу драмы, можетъ увлечься до рукопашной борьбы съ Поляками,—или не можетъ?

Свидѣтели, обращенные въ экспертовъ, снова переглядываются. „А Богъ его знаетъ!“ говорятъ ихъ лица. Сусанинъ умоляющимъ взоромъ глядитъ на нихъ со своего мѣста.

— Никогда не можетъ! съ рѣшительностью восклицаетъ за всѣхъ истецъ.

— Не васъ спрашиваютъ! останавливаетъ его опять судья.

Одинъ изъ хористовъ выступаетъ впередъ:

— По правдѣ сказать, господинъ судья, начинаетъ онъ, почесывая въ затылкѣ,—артистъ артисту рознь... И кто какъ понимаетъ... Потому, дѣйствительно, мы его влечемъ... значитъ, убить... а онъ все же долженъ хотя видъ показать... потому для виду сцены... Не даваться онъ все же долженъ съ перваго разу...

— Само собою-съ, восклицаетъ уже чуть не фальцетомъ обрадованный Сусанинъ вслѣдъ за этимъ объясняющимъ его показаніемъ,—вѣдь по тексту слѣдуетъ-съ...

И онъ дѣйствительно запѣваетъ вдругъ во весь голосъ:

„Туда завелъ я васъ,
Куда и сѣрый волкъ не забѣгалъ!..“

— А музыка-съ, что въ этотъ моментъ изображаетъ, что выразилъ этими звуками безсмертный Глинка? Мщеніе онъ выразилъ, адское, такъ сказать, торжество-съ...

Но судья даетъ ему знакъ умолкнуть и прислушивается къ заговорившимъ вдругъ разомъ свидѣтелямъ:

— Нѣтъ, ты это напрасно, Иванъ Ѳомичъ, потому какъ роль показана, такъ ее и играть слѣдуетъ, а не такъ, какъ кто понимаетъ! Потому я такъ могу понять роль, что какъ сыгралъ, такъ сейчасъ меня и помеломъ изъ театра вонъ погонятъ,—вотъ что!.. А драться нигдѣ Сусанину не показано въ роли!..

— Такъ я говорю что? Я говорю, для виду сцены все же слѣдуетъ ему не даваться съ перваго разу... И по музыкѣ не выходитъ, потому, что спасовать ему вдругъ нельзя, когда тутъ еще, можетъ, восемь или девять тактовъ допѣвать приходится?

— И драться, по роли, вовсе имъ не слѣдъ, господинъ судья, подошелъ вдругъ одинъ изъ свидѣтелей къ самому столу мироваго,— потому извольте по либретту свѣрить. Что они передъ самымъ этимъ мѣстомъ, когда Сусанину быть убитымъ, что они поютъ?

Хористъ взглядываетъ на Сусанина, подымаетъ руку, и медленно поводя ею въ тактъ:

— Adagio non tanto, четыре четверти...

И запѣваетъ разбитымъ голосомъ:

„Господь, меня ты подкрѣпи
Въ мой горькій часъ,
Въ мой страшный часъ,
Въ мой смертный часъ!“

— Въ этомъ мѣстѣ вы даже постоянно фальшивите, вскидываетъ онъ глаза въ сторону подсудимаго.

— Господинъ мировой судья, вскидывается въ свою очередь Сусанинъ,—это клевета, прошу васъ оградить меня отъ такихъ навѣтовъ.

Судья приглашаетъ его успокоиться и съ глубокомысленнымъ взглядомъ упирается въ лицо свидѣтеля:

— Такъ, по вашему мнѣнію, развитіе музыкальной драмы въ этотъ моментъ не можетъ послужить поводомъ къ раздраженію лица, играющаго роль Сусанина, до того преступнаго вида, въ какомъ оно выразилось въ данномъ случаѣ?

Допрашиваемый, а за нимъ и всѣ остальные свидѣтели склоняютъ головы на бокъ и, съ такимъ же глубокомысленнымъ видомъ, какъ и у самого судьи, упираются въ свою очередь взглядомъ въ его лицо.

— Раздраженія тутъ никакого не можетъ быть, слышится отвѣтъ эксперта,—потому Сусанинъ идетъ на смерть... такъ сказать, съ крестомъ въ груди-съ... Готовъ-съ! Потому знаетъ—не миновать!.. Рѣшился погибнуть,—и идетъ! Къ тому же насъ много тутъ, четверть хора,—а онъ одинъ. При саблѣхъ, а онъ безоружный. Все равно, знаетъ,—не одолѣть ему!.. Такъ для чего-жь ему драться?..

Современная юстиція окончательно убѣждается такимъ доводомъ.

— Хорошо-съ! заключаетъ она допросъ свидѣтелей.—Не желаютъ-ли стороны помириться? произноситъ она официальнымъ тономъ.

— Съ моимъ удовольствіемъ! восклицаетъ тутъ же Сусанинъ, — потому что я единственно изъ артистической моей страстности... Я даже ихъ просилъ, въ стихахъ... И еще разъ готовъ... сказать

„Сказать, что виноватъ,
И предъ тобою главой склониться, братъ!..“

начинаетъ онъ декламировать, умоляющими глазами глядя на хориста.

Но врагъ безпощаденъ.

— Я, говоритъ онъ,—господинъ мировой судья, на примиреніе не согласенъ, потому я оскорбленъ какъ человѣкъ, а это для меня всего дороже-съ! Въ наше просвѣщенное время, извѣстно, каждый гражданинъ... Я не согласенъ-съ...

Судья киваетъ ему и принимается строчить свое рѣшеніе. Черезъ нѣсколько минутъ онъ поднимаетъ голову и читаетъ:

Сусанинъ приговаривается на одинъ мѣсяцъ содержанія подъ арестомъ.

Злополучный пѣвецъ даже привскакиваетъ на мѣстѣ:

— Помилуйте, вопитъ онъ,—я на первыхъ оперныхъ роляхъ, служба моя нужна театру...

— Суду до этого дѣла нѣтъ! получаетъ онъ строгій отвѣтъ:—если вы не довольны рѣшеніемъ, вамъ предоставляется двухнедѣльный срокъ для подачи апелляціоннаго отзыва въ мировой съѣздъ.

— Подамъ-съ, непремѣнно подамъ-съ... Позвольте сейчасъ... Я такъ не оставлю, лепечетъ въ негодованіи и въ волненіи русскій Формесъ.

Онъ подалъ апелляціонную жалобу.

Что изъ это вышло, намъ не извѣстно, но досужіе языки того города, въ которомъ имѣлъ сей казусъ мѣсто, утверждали, что мировой съѣздъ, прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію жалобы Сусанина, запасся заранѣе надлежащимъ, по числу своихъ членовъ, количествомъ экземпляровъ либретто „Жизни за Царя“, равно какъ партитурою этой оперы, изданною г. Стелловскимъ. Въ качествѣ же экспертовъ должны-де были быть, на основаніи все той же 112 ст. (зри выше), вызваны ко дню слушанія дѣла всѣ профессоры консерваторіи и всѣ состоявшіе на лицо въ томъ городѣ драматическіе писатели. Только при помощи ихъ мировой съѣздъ и надѣялся якобы рѣшить строго-юридически вопросъ о томъ: заушенъ-ли былъ Сусанинымъ вражій Полякъ дѣйствительно по увлеченію его „артистической страстности“, или единственно по самодурству?

ЦЫГАНКА ТАНЯ *)

О Пушкинѣ и Языковѣ.

Въ Москвѣ, въ одномъ изъ переулковъ Бронной, въ углу убогаго деревяннаго флигеля доживаетъ свои дни 65-тилѣтняя, невысокая и глухая старушка, съ еще не совсѣмъ сѣдыми волосами и большими черными, сохранившими еще необыкновенный блескъ, глазами. У ногъ этой старушки (въ буквальномъ смыслѣ слова) лежалъ когда-то влюбленный поэтъ Языковъ; эту старушку воспѣвалъ онъ вдохновенными стихами:

Гдѣ же ты,
Какъ поцѣлуй насильный и мятежный,
Разгульная и чудо красоты?..
Приди! Тебя улыбкой задушевной,
Объятьями восторга встрѣчу я,
Желанная и добрая моя,
Мой лучшій сонъ, мой ангелъ сладкопѣвный,
Поэзія московскаго житья!

Пѣсни этой старушки доводили когда-то Пушкина до истерическихъ рыданій... Зовутъ ее и понынѣ прежнимъ, когда-то знаменитымъ по всей Москвѣ именемъ Тани. „Бабуся“, или просто „баба“, прибавляютъ къ этому имени нынѣшнія пѣвчія цыганскія птички, изъ которыхъ далеко не всѣ помнятъ ее... Не умираетъ она съ голоду, впрочемъ, благодаря маленькой пенсіи, выдаваемой ей княгинею Голицыною, — единоплеменницею ея...

*) Впервые напечатано за подписью В. П. въ № 131 „С.-Петерб. Вѣд.“ 15 Мая 1875 года. Цыганка Таня умерла два года спустя.

Пишущій эти строки познакомился съ „бабой Таней“ у одной изъ жилицъ того дома, въ которомъ проживаетъ она. Старушка хотя совершенно глуха, но какъ-то чрезвычайно понятлива, догадывается, или читаетъ по движенію губъ вопрошающаго,—во всякомъ случаѣ, на повторенный два или три раза вопросъ, за которымъ слѣдитъ она съ напряженнымъ вниманіемъ своихъ проницательныхъ глазъ, она какъ-то порывисто, какъ бы ужасно обрадовавшись, начинаетъ вдругъ отвѣчать, лицо оживляется чрезвычайно милою, добродушной улыбкой, и воспоминанія счастливаго прошлаго льются уже неизсякаемой струей изъ поблеклыхъ морщинистыхъ ея устъ.

„Поздно уже было, часъ двѣнадцатый, и всѣ мы собирались спать ложиться, какъ вдругъ къ намъ въ ворота постучались,—жили мы тогда съ Лукерьей и Александрой, да съ дядей моимъ Антономъ, на Садовой, въ домѣ Чухина. Бѣжитъ ко мнѣ Лукерья, кричитъ: „Ступай, Таня, гости пріѣхали, слушать хотятъ“. Я только косу расплела и повязала голову бѣлымъ платкомъ. Такой и выскочила. А въ залѣ у насъ четверо пріѣхало, — трое знакомыхъ (потому нашъ хоръ очень любили и много къ намъ ѣзжало). Голохвастовъ Александръ Войновичъ, Протасьевъ—господинъ и Павелъ Ивановичъ Нащокинъ,—очень былъ онъ влюбленъ въ Ольгу, которая въ нашемъ же хорѣ пѣла. А съ нимъ еще одинъ, небольшой ростомъ, губы толстыя и кудлатый такой... И только онъ меня увидѣлъ, такъ и померъ со-смѣху, зубы-то бѣлые, большіе, такъ и сверкаютъ. Показываетъ на меня господамъ: „Поваренокъ, кричитъ, поваренокъ!“ А на мнѣ, точно, платье красное ситцевое было и платокъ бѣлый на головѣ, колпакомъ, какъ у поваровъ. Засмѣялась и я, только онъ мнѣ очень некрасивъ показался. И сказала я своимъ подругамъ по-нашему, по-цыгански: „Дыка, дыка, на не лачо, таки вашескери!“ Гляди, значитъ, гляди, какъ не хорошъ, точно обезьяна! Онѣ такъ и залились. А онъ приставать: „Что ты сказала, что ты сказала?“ — „Ничего, говорю; сказала, что вы надо мною смѣетесь, поваренкомъ зовете“. А Павелъ Войновичъ Нащокинъ говоритъ ему: „А вотъ, Пушкинъ, послушай, какъ этотъ поваренокъ поетъ!..“ А наши всѣ въ это время собрались; весь-то

нашъ хоръ былъ небольшой, всего семь человѣкъ, только голоса отличные были,—у дяди Александра такой теноръ былъ, что другаго такого я уже въ жизнь больше не слыхивала. Романсовъ мы тогда мало пѣли, все больше русскія пѣсни, народныя. Стеша, покойница,—было мнѣ всего 14 лѣтъ, когда померла она,—такъ та, бывало, какъ запоетъ: „Не бушуйте вы вѣтры буйные“, или „Ахъ, матушка, голова болитъ“, безъ слезъ слушать ее никто не могъ, даже итальянская пѣвица была, Каталани, такъ и та заплакала. Однако, когда я уже пѣть начала, были въ модѣ сочиненные романсы. И главный былъ у меня: „Другъ милый, другъ милый, съ-далека поспѣши“. Какъ я его пропѣла, Пушкинъ съ лежанки скокъ—онъ, какъ пріѣхалъ, такъ и взобрался на лежанку, потому на дворѣ холодно было, — и ко мнѣ. Кричитъ: „Радость ты моя, радость моя, извини, что я тебя поваренкомъ назвалъ, ты безцѣнная прелесть, не поваренокъ!...“

„И сталъ онъ съ тѣхъ поръ часто къ намъ ѣздить, одинъ даже частенько ѣзжалъ и какъ ему вздумается, вечеромъ, а то утромъ пріѣдетъ. И все мною одной занимается, пѣть заставитъ, а то просто такъ болтать начнетъ, и помираетъ онъ, хохочетъ, по-цыгански учится. А мы всѣ читали, какъ онъ въ стихахъ цыганъ кочевыхъ описалъ. И я много помнила наизусть и разъ прочла ему оттуда и говорю: „Какъ это вы хорошо про нашу сестру, цыганку, написали!“ А онъ опять въ смѣхъ: „Я, говоритъ, на тебя новую поэму сочиню!“ А это утромъ было, на масляницѣ, и морозъ опять лютый, и онъ опять на лежанку взобрался. „Хорошо, говоритъ, тутъ,—тепло, только ѣсть хочется“. А я ему говорю: „Тутъ, говорю, по близости харчевня одна есть, отличные блины тамъ пекутъ, — хотите, пошлю за блинами?“ Онъ съ перваго раза побрезгалъ, поморщился. „Харчевня, говоритъ, грязь“. „Чисто, будьте благонадежны, говорю, сама не стала бы ѣсть“. „Ну хорошо, посылай“,—вынулъ онъ двѣ краснѣнькія,—„да вели кстати бутылку шампанскаго купить“. Дядя побѣжалъ, все въ минуту спроворилъ, принесъ блиновъ, бутылку. Сбѣжались подруги, и сталъ насъ Пушкинъ потчевать: на лежанкѣ сидитъ, на колѣняхъ тарелка съ блинами,—смѣшной такой, ѣстъ да похваливаетъ:

„Нигдѣ говоритъ, такихъ вкусныхъ блиновъ не ѣдалъ“,—шампанское разливаетъ намъ по стаканамъ... Только въ это время въ приходѣ къ вечернѣ зазвонили. Онъ какъ схватится съ лежанки: „Ахти мнѣ, кричитъ, радость моя, изъ-за тебя забылъ, что меня жидъ-кредиторъ ждетъ!“ Схватилъ шляпу и выбѣжалъ, какъ сумашедшій. А я Ольгѣ стала хвалиться, что Пушкинъ на меня поэму хочетъ сочинять. Ей очень завидно стало: „Я, говоритъ, скажу Нащокину, чтобы онъ просилъ его не на тебя, а на меня безпремѣнно написать“. Нащокинъ пропадалъ въ ту пору изъ-за нея, изъ-за Ольги. Красавица она была и втора чудесная. Только она на любовь съ нимъ не соглашалась, потому у ней свой предметъ былъ,—казакъ гвардейскій, Орловъ, богатѣйшій человѣкъ; отъ него ребеночекъ у нея былъ. А отецъ его, какъ узналъ, что онъ съ цыганкой живетъ, вытребовалъ его домой, на Донъ, изъ гвардіи перевелъ. Онъ оттуда Олѣ жалкія письма писалъ, и на сыночка по двѣ тысячи рублей посылалъ ей каждый годъ, а уѣхать съ Дона—боялся отца. Нащокина же дѣла очень плохи были, и Пушкинъ смѣялся надъ нимъ: „Ты, говоритъ, возьми коромысло, два ведра молока нацѣпи на него и ступай къ своей Ольгѣ подъ окно; авось она надъ тобою сжалится“. А Нащокинъ очень нашелся отвѣтить ему на это: „Тебѣ, говоритъ, легко смѣяться, напишешь двадцать стиховъ, столько же золотыхъ тебѣ въ руки,—а мнѣ каково? Дѣйствительно, говоритъ, одно остается,—нацѣпить себѣ ведра на плечи“.

„Однако, тутъ онъ въ скорости поправился какъ-то, и Ольга, также не дождавшись Орлова, склонилась къ нему и переѣхала жить съ нимъ на Садовую. Жили они тамъ очень хорошо, въ довольствѣ, и Пушкинъ какъ только въ Москву пріѣдетъ, такъ сидьмя у нихъ сидитъ, а братъ его, Левъ Сергѣевичъ, такъ тотъ постоянно и останавливался у нихъ на квартирѣ. Я часто къ нимъ хаживала, меня всѣ они очень ласкали и баловали за мой голосъ,—да и смирна я была всегда, обижать-то меня будто никто и не рѣшался, не за что было!...

— Въ какихъ же годахъ происходило все это? спросили старушку.

— А вотъ считайте: мнѣ теперь шестьдесятъ пятый годъ

пошелъ, а тогда двадцатый минулъ, значитъ, сорокъ пять лѣтъ назадъ будетъ; такъ я говорю?

— Такъ. Въ 1830 году, выходитъ, поэтому?

— Должно быть такъ! Тутъ еще вскорѣ холера первая сдѣлалась; не дай Богъ, что̀ за время было,—вспомнить страшно!... Къ зимѣ все прошло, опять стали мы пѣть, и опять Пушкинъ въ Москву пріѣхалъ,—только рѣже сталъ ѣзжать къ намъ въ хоръ. Однако, нерѣдко я видала его попрежнему у Павла Войновича и Ольги. Сталъ онъ будто скучноватый, а все же, попрежнему, вдругъ оскалитъ свои большіе бѣлые зубы, да какъ примется вдругъ хохотать. Иной разъ даже испугаетъ просто, право!..

„Тутъ узнала я, что онъ жениться собирается на красавицѣ, сказывали, на Гончаровой. Ну, и хорошо, подумала, господинъ онъ добрый, ласковый, дай ему Богъ совѣтъ да любовь! И не чаяла я его до свадьбы видѣть, потому, говорили, все онъ у невѣсты сидитъ, очень въ нее влюбленъ.

„Только разъ, вечеркомъ,—аккуратъ два дня до его свадьбы оставалось,—зашла я къ Нащокину съ Ольгой. Не успѣли мы и поздороваться, какъ подъ крыльцо сани подкатили, и въ сѣни вошелъ Пушкинъ. Увидалъ меня изъ сѣней и кричитъ: „Ахъ, радость моя, какъ я радъ тебѣ, здорово, моя безцѣнная!“— поцѣловалъ меня въ щеку и усѣлся на софу. Сѣлъ и задумался, да такъ, будто тяжко, голову на руку оперъ, глядитъ на меня: „Спой мнѣ“, говоритъ, „Таня, что-нибудь на счастіе; слышала, можетъ быть, я женюсь?“—„Какъ не слыхать, говорю, дай вамъ Богъ, Александръ Сергѣевичъ!“—„Ну, спой мнѣ, спой!“— Давай, говорю, Оля гитару, споемъ барину!...“ Она принесла гитару, стала я подбирать, да и думаю, что̀ мнѣ спѣть... Только на сердцѣ у меня у самой невесело было въ ту пору; потому у меня былъ свой предметъ,—женатый былъ онъ человѣкъ, и жена увезла его отъ мени, въ деревнѣ заставила на всю зиму съ собой жить, — и очень тосковала я отъ того. И думаючи объ этомъ, запѣла я Пушкину пѣсню,— она хоть и подблюдною считается, а только не годится было мнѣ ее теперича пѣть, потому она будто, сказываютъ, не къ добру:

Ахъ, матушка, что такъ въ полѣ пыльно?
Государыня, что такъ пыльно?
Кони разыгралися... А чьи-то кони, чьи-то кони?
Кони Александра Сергѣевича...

„Пою я эту пѣсню, а самой-то грустнехонько, чувствую и голосомъ то же передаю, и ужь какъ быть, не знаю, глазъ отъ струнъ не подыму... Какъ вдругъ слышу, громко зарыдалъ Пушкинъ. Подняла я глаза, а онъ рукой за голову схватился, какъ ребеночекъ плачетъ... Кинулся къ нему Павелъ Войновичъ: „Что съ тобой, что съ тобой, Пушкинъ?“ „Ахъ, говоритъ, эта ея пѣсня всю мнѣ внутрь перевернула, она мнѣ не радость, а большую потерю предвѣщаетъ!...“ И не долго онъ послѣ того оставался тутъ, уѣхалъ, ни съ кѣмъ не простился.

— И что же, баба, видѣлась ты съ нимъ послѣ того?

— Разъ, — разъ всего потомъ довелось мнѣ его видѣть. Мѣсяцъ, а можетъ и больше, послѣ его свадьбы, пошла я какъ-то утромъ къ Иверской, а оттуда въ городъ, по площади пробираюсь. Гляжу, богатѣйшая карета, новенькая, четвернею ѣдетъ мнѣ навстрѣчу. Я было свернула въ сторону, только слышу громко кто-то мнѣ изъ кареты кричитъ: „Радость моя, Таня, здорово!“. Обернулась я, а это Пушкинъ, окно спустилъ, высунулся въ него самъ и оттуда мнѣ ручкой поцѣлуй посылаетъ... А подлѣ него красавица писаная—жена сидитъ, голубая на ней шуба бархатная,—глядитъ на меня, улыбается. Ужь и не знаю, право, что она объ этомъ подумала, только очень конфузно показалось мнѣ это въ ту пору... Старушка разсмѣялась, будто просіявъ вся отъ того воспоминанія...

— Ну, а съ Языковымъ какъ ты познакомилась?

— Съ Языковымъ? А познакомилась я съ нимъ въ самый день свадьбы Пушкина. Сидѣла я въ тотъ день у Ольги. Вечеромъ вернулся Павелъ Войновичъ, и съ нимъ этотъ самый Языковъ. Бѣлокурый былъ онъ, толстенькій и не дурной. Они тамъ на свадьбѣ много выпили, и онъ совсѣмъ какъ не въ своемъ умѣ былъ. Какъ увидалъ меня, сталъ мнѣ въ любви объясняться. Я смѣюсь, а онъ еще хуже пристаетъ; въ ноги мнѣ повалился, голову на колѣни мнѣ уронилъ, плачетъ: „Я, говоритъ, на тебѣ женюсь. Пушкинъ на красавицѣ женился,

и я ему не уступлю, Фараонка—такой смѣшной онъ былъ,—Фараонка ты моя", говоритъ. — „Такъ съ перваго разу увидали и жениться уже хотите?" смѣюсь я ему опять. А онъ мнѣ на это: „Я тебя давно знаю, ты у меня здѣсь давно", на лобъ себѣ показываетъ, „во снѣ тебя видѣлъ, мечталъ о тебѣ!..." И не понимала я даже, взаправду видалъ-ли онъ меня гдѣ прежде, или такъ онъ только, съ хмѣлю... Павелъ Войновичъ съ Ольгою помираютъ, глядя, какъ онъ ко мнѣ припадаетъ. Однако, очень онъ меня тутъ огорчилъ... Увидалъ онъ у меня на рукѣ колечко съ бирюзою. „Что это за колечко у тебя, спрашиваетъ, — завѣтное?" — „Завѣтное".—„Отдай мнѣ его!" „На что оно вамъ?" говорю. А онъ опять присталъ, сдернулъ его у меня съ пальца и надѣлъ себѣ на мизинецъ. Я у него отнимать,—онъ ни за что не отдаетъ. „До гроба не отдамъ!" кричитъ. И какъ я ни плакала, со слезами молила, онъ не отдалъ. Павелъ Войновичъ говоритъ мнѣ: „Оставь, отдастъ, развѣ думаешь, онъ и въ самомъ дѣлѣ?..." Такъ и осталось у него мое колечко... А оно было у меня завѣтное,—далъ мнѣ его тотъ самый человѣкъ, котораго я любила и который въ деревнѣ былъ; я его, по его письму, со дня на день ждала въ Москву, и просто спать не могла, — что онъ пріѣдетъ, спроситъ про кольцо, а его у меня нѣтъ,—а еще хуже, что оно у другаго человѣка... А тотъ не отдаетъ мнѣ его ни за что. И не знала я, просто, что мнѣ дѣлать. Потому, Языковъ даже скоро пересталъ ѣздить къ намъ въ хоръ...

— Какъ же такъ, баба? Вѣдь онъ въ тебя влюбленъ былъ?

— А Богъ его знаетъ! Влюбленъ, да не милъ,—да и то не знаю даже, что такая за любовь была у него ко мнѣ... Не такъ люди любятъ! Холодный человѣкъ былъ, такъ я сужу"...

Можно заключить, что Языковъ вообще не оставилъ въ памяти старушки никакого значительнаго впечатлѣнія. Она, такъ подробно вспоминавшая о встрѣчахъ своихъ съ Пушкинымъ, гордившаяся тѣмъ, что онъ „хотѣлъ поэму на нее написать", не знала даже, что внушила Языкову мотивы къ тремъ, едва-ли не прелестнѣйшимъ и посвященнымъ ей (Т. Д.) его стихотвореніямъ,—и что однимъ изъ этихъ мотивовъ было именно то колечко, которое онъ въ минуту шалости со-

рвалъ съ ея руки. Но что сказала бы глухая Таня, если бы можно было прочесть ей слѣдующія строфы:

Да, какъ святыню берегу я
Сей перстень, данный мнѣ тобой,
За жаръ и силу поцѣлуя,
Тебя сливавшаго со мной.
. . . . . .
Но что-жь? такъ пылко, такъ глубоко,
Такъ вдохновенно полюбя
Тебя, мой ангелъ черноокій,
Одну тебя, одну тебя,—
Одинъ-ли я твой взоръ умильный
Къ себѣ привлекъ? На мнѣ-ль одномъ
Твои объятія такъ сильно
Живымъ свиваются кольцомъ?
Ахъ, нѣтъ! Но свято берегу я и проч.

Никогда никакого „перстня“ не дарила она фантазировавшему по поводу ея поэту. По словамъ старушки, между ею и Языковымъ не только никогда не существовало близкихъ отношеній, но и во всемъ-то недолгомъ ихъ знакомствѣ увлеченіе его выразилось лишь однажды, въ тотъ вечеръ, когда онъ, вернувшись возбужденный со свадьбы Пушкина, улегся у ея ногъ и предлагалъ ей жениться, — причемъ она, разумѣется, по обычаю Цыганокъ того времени, отвѣчала поцѣлуями на его поцѣлуи, учтивости ради. Заподозривать ее въ неискренности нѣтъ никакого основанія, — она такъ простодушно говоритъ о своихъ „предметахъ“. Къ тому же въ 1831 году, въ которомъ написаны были Языковымъ упомянутыя стихотворенія къ Т. Д. (Татьянѣ Демьяновнѣ), относится и слѣдующее признаніе его въ томъ, что онъ называетъ „гармоническою ложью“:

Радушно рабствуетъ поэту
Животворящая мечта;
Его любовному привѣту
Не вѣруй, дѣва красота!
. . . . . .
Вотъ день—и блѣдная ты встала,
Ты не спала, ты все мечтала...
А онъ, таинственникъ Каменъ?
Имъ не играли грезы ночи;

И бодръ, и свѣжъ проснулся онъ,
И про любовь и черны очи
Уже выдумываетъ сонъ.

Страсть къ Танѣ не была-ли точно также „выдумана“ Языковымъ?

— И такъ не отдалъ онъ тебѣ твоего колечка? спросили „бабу“.

— Отдалъ, батюшка, отдалъ! И опять же Пушкину, Александру Сергѣевичу, за то спасибо! Павелъ Войновичъ Нащокинъ нажаловался ему на Языкова, что вотъ онъ какъ нехорошо со мною сдѣлалъ. Александръ Сергѣевичъ и заступился за меня,—заставилъ его перстенекъ мой Олѣ отдать. Отъ нея я его назадъ и получила. И въ-аккуратъ такъ пришлось, что мой-то изъ деревни на другой же день пріѣхалъ... Бѣда, коли-бъ тогда перстенька его не было у меня...

Старушка примолкла, опустила свои блестящіе глаза на свои исхудалые пальцы, будто ища на нихъ слѣда того завѣтнаго колечка, и глубоко вздохнула.

— А ужь какъ мы всѣ плакали по немъ, по Александрѣ Сергѣевичѣ,—встрепенулась она вдругъ, — когда узнали, что убили его, сердечнаго... Давно вѣдь это было... Лѣтъ сорокъ, али больше будетъ?...

Слезы выступили у нея на рѣсницахъ:

— А меня-то когда Господь приберетъ отсюда!.. Охъ, какъ тяжко, какъ тяжко жить! И все бы, кажется, перенести можно,—да вспоминать, вспоминать непереносимо!..

ВЪ ВАГОНѢ *).

Спать на одномъ изъ тѣхъ прокустовыхъ ложъ, которыя называются спальными креслами въ вагонахъ I-го класса Николаевской желѣзной дороги, я рѣшительно былъ не въ состояніи. Невысокаго роста человѣкъ спалзываетъ внизъ по ихъ наклону чуть не въ 45°; высокій — принужденъ поджимать подъ себя свои, несоразмѣрныя съ длиною этихъ креселъ, ноги; и тотъ, и другой всею тяжестью своего тѣла упираются подошвами въ валикъ, устроенный на этотъ предметъ, и чувствуютъ подъ конецъ невыносимую тоску и боль въ этихъ придавленныхъ подошвахъ. Однѣ женщины умѣютъ устраиваться и примащиваться удобно, повидимому, для себя на этихъ постеляхъ - дыбахъ, которыя, купно съ московскими мостовыми, всегда заставляютъ меня переноситься воображеніемъ къ прелестямъ испанской инквизиціи и россійской тайной канцеляріи временъ Бирона.

Одна такая женщина—молоденькая, бѣлокурая, миловидная женщина — спала сномъ младенца, головкою на правой ладони, на одномъ изъ креселъ въ самомъ углу вагона, рядомъ съ дверью, выступъ которой ограждалъ ее отъ сквознаго вѣтра. Затянутый занавѣскою съ одной стороны фонарь билъ съ другой косымъ лучемъ внизъ,—и невѣрный пламень его, колеблемый воздухомъ, игралъ какими-то таинственными переливами по золотистымъ прядямъ ея нѣсколько спутанныхъ волосъ; такая же таинственная тѣнь падала изъ-подъ ея бро-

*) Впервые напечатано за подписью LIII въ № 233 „С.-Петерб. Вѣдом." 2-го сентября 1875 года.

вей на чуть-чуть алѣвшія и освѣщенныя ко рту щеки; ея свѣжія губки замѣтно улыбались во снѣ. Изъ-подъ покрывавшаго ее до пояса клѣтчатаго пледа выглядывали лакированные кончики тонкихъ, узкихъ, кокетливыхъ ботинокъ... Зрѣлище было дѣйствительно изящное, какъ говорилось у насъ въ книжкахъ сороковыхъ годовъ...

— Oh, la jolie femme! раздался подлѣ меня чей-то едва слышный шопотъ и глубокій затѣмъ вздохъ.

Я обернулся.

Шепталъ и вздыхалъ сосѣдъ мой по креслу и товарищъ по пыткѣ. И онъ, какъ я, ворочался уже часа два, не находя никакого средства примоститься на своемъ Монбланѣ, какъ выражался онъ.

Я успѣлъ уже до этой минуты перекинуться съ нимъ двумя, тремя словами. Онъ былъ по всѣмъ признакамъ иностранецъ, и въ первый разъ въ Россіи, хотя, какъ я могъ замѣтить, когда подходилъ къ нему кондукторъ за билетомъ, нѣсколько понималъ по-русски.

Онъ сидѣлъ теперь поперекъ своего кресла, спустивъ ноги на полъ, и глядѣлъ, упершись локтями въ колѣни и головою въ руки, какимъ-то тоскливо-любующимся взглядомъ на спавшую красавицу. Самъ онъ былъ очень не дуренъ собою, и на видъ можно было дать ему никакъ не болѣе тридцати лѣтъ (оказалось впослѣдствіи, что ему было цѣлыхъ сорокъ). Каштановые волосы кругомъ правильной, небольшой, съ тонкими чертами, головы, усы и бородка à la François I придавали какую-то молодцеватость откровенно-простодушному, нѣсколько даже наивному выраженію его лица; женщинамъ онъ долженъ былъ несомнѣнно нравиться...

— Вы не спите также? воскликнулъ онъ тотчасъ, какъ замѣтилъ мое движеніе, и какъ бы крайне обрадовавшись.

— Нѣтъ, не могу! сказалъ я.

— N'est-ce pas, monsieur, c'est impossible? обрадовался онъ, повидимому, еще болѣе. Къ счастью, продолжалъ онъ, все также по-французски,—я эту дѣйствительность предпочитаю сладчайшему сновидѣнію! И онъ моргнулъ въ сторону блондинки. Глаза, зубы, шевелившіеся подъ его кудрявыми уса-

ми, — все говорило о неподдѣльномъ восторгѣ, проникавшемъ его.

— Да, дѣйствительно, очень хорошо,—подтвердилъ я.

Онъ качнулъ головою вверхъ:

— Toutes les folies qu'on pourrait faire pour cette femme là! Голосъ его такъ былъ искрененъ, такъ горячъ, произнося эти слова, что я невольно засмѣялся.

— Попробуйте! Женщины всегда чрезвычайно снисходительны къ тѣмъ глупостямъ, которыя дѣлаются для нихъ.

— О, нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ онъ, и все лицо его разомъ будто подернулось облакомъ печали,—я не могу болѣе, не въ правѣ!.. Это для меня теперь кончено...

— „Довольно, милый, перестань, ты заплатилъ безумству дань", проговорилъ я по-русски, засмѣявшись опять: онъ казался мнѣ очень забавнымъ.

— Comment avez-vous dit cela? живо спросилъ онъ.

— Я вспомнилъ стихъ одного нашего поэта,—Пушкина... вы слыхали о немъ?..

— О, да, да, я читалъ немножки, я понимай немножки русски, залепеталъ онъ, засмѣявшись въ свою очередь,—ви скажитъ encore une fois!

Я повторилъ и перевелъ ему.

— Да, да, c'est cela; воскликнулъ онъ, всплеснувъ руками,—я не долженъ болѣе безумствовать!.. Я пріѣхалъ въ Россію быть наставникомъ, неожиданно объяснилъ онъ.

— Настав—никомъ? съ невольнымъ изумленіемъ переспросилъ я.

— Oui, oui, instituteur... Я ѣду à Saratof, dans une famille riche; я съ ними знакомъ давно, еще въ Гамбургѣ... я былъ тогда въ другомъ положеніи... Que voulez-vous? Судьба!..

— Скажите мнѣ, вы не Французъ? сказалъ я,—хотя онъ очень бойко говорилъ по-французски. Это можно было замѣтить по его акценту и нѣкоторымъ оборотамъ рѣчи.

— Меня зовутъ Bernard de la Poivrière отвѣчалъ онъ на это.

— Значитъ—Французъ?

— Нѣтъ, я Австріецъ: отецъ мой былъ Италіанецъ.

— Но фамилія ваша во всякомъ случаѣ не Италіанская?

— Дѣйствительно, дѣдъ мой былъ Французъ, пришелъ съ Наполеономъ въ Италію, а затѣмъ тамъ и поселился; отецъ мой былъ уже Италіанецъ pur sang... А мать моя Хорватка,— въ жилахъ моихъ добрая доля славянской крови; оттого меня такъ всегда и тянуло къ Русскимъ, примолвилъ онъ со своею добродушною улыбкою.

— И вы до нынѣшней поры никогда педагогомъ не были? продолжалъ я безцеремонно допытывать его.

— О, нѣтъ! Я былъ сперва поручикомъ въ австрійской службѣ... но послѣ одного приключенія... гдѣ у меня было переломлено ребро... я долженъ былъ выйти въ отставку... Потому что, вы понимаете, ѣздить верхомъ не было уже для меня возможности,—а я служилъ въ кирасирахъ, — ребро у меня хотя и срослось, но я и пяти минутъ не могъ просидѣть на лошади... Оно у меня и до сихъ поръ болитъ... Я тогда оставилъ службу и сдѣлался гражданиномъ міра, былъ un peu par tout, даже въ Америкѣ прожилъ полгода, проѣдая то, что мнѣ оставилъ отецъ; долго жилъ въ Парижѣ— une ville unique, monsieur! проговорилъ онъ, восторженно поднимая глаза къ потолку вагона,—нѣсколько разъ былъ въ положеніи разбогатѣть опять посредствомъ выгоднаго брака... Mais le guignon m'a toujours poursuivi, судьба постоянно преслѣдовала меня... Такъ сказать, наканунѣ счастія, оно мнѣ вдругъ, неожиданно измѣняло, и я опять видѣлъ себя vis à vis de rien.

— Наконецъ, продолжалъ онъ, послѣ многихъ такихъ неудачъ, я вспомнилъ объ образованіи, которое я получилъ,—я воспитанъ былъ въ военной школѣ, въ Вѣнѣ,—и рѣшилъ, что долженъ прибѣгнуть къ нему, чтобъ не умереть съ голода. Et ma foi,—онъ беззаботно махнулъ при этомъ рукою,—рѣшено, сдѣлано,—я вспомнилъ русское семейство, съ которымъ я познакомился въ прошломъ году въ Гамбургѣ,—тамъ много дѣтей и они всѣ меня любили, потому что я самъ очень люблю дѣтей и всегда принималъ участіе въ ихъ играхъ,—и написалъ матери ихъ,—прекрасивая еще женщина, скажу вамъ!—

предлагая себя въ наставники къ нимъ. Не прошло двухъ недѣль, какъ я получилъ въ Грацѣ, гдѣ находился въ то время, отвѣтъ, — премилый отвѣтъ: меня просили пріѣхать тотчасъ же, предлагали 1200 рублей жалованья и 600 гульденовъ на дорогу, которые я и получилъ у русскаго банкира Эфрусси, въ Вѣнѣ. Я тотчасъ же собрался въ путь, и вотъ, какъ видите, ѣду теперь черезъ Москву въ Нижній-Новгородъ и оттуда по Волгѣ къ своему назначенію.

— Не будетъ нескромностью съ моей стороны спросить васъ, къ кому вы ѣдете?

— О нѣтъ, это, навѣрно, знакомые вамъ люди, потому что, я знаю, это очень извѣстное имя въ Россіи.

Онъ назвалъ одно, дѣйствительно извѣстное имя...

— И что же вы будете преподавать вашимъ воспитанникамъ? спросилъ я опять.

— Oh, un peu de tout, vous savez, добродушно пожалъ онъ плечами:—языки, математику,—я еще до сихъ поръ не забылъ ея,—немножко по-латыни.

— Теперь у насъ не „немножко", а много латыни требуютъ, замѣтилъ я.

— Ah, vraiment? Diable!—и онъ потянулъ себя за ухо,—я объ этомъ не подумалъ... Ну, все равно, справлюсь какъ нибудь!..

— А какихъ лѣтъ дѣти?

— Ихъ четверо было въ Гамбургѣ тогда. Старшему должно быть теперь лѣтъ четырнадцать, пятнадцать...

— Тѣмъ труднѣе будетъ для васъ, я полагаю... Вѣдь вы, надо думать, призываетесь не единственно въ качествѣ преподавателя, но и воспитателя этихъ дѣтей; вамъ поручается, вѣроятно, наблюденіе за ихъ нравственностью?

— Oh, certainement, certainement, la morale et caetera... И я буду очень строгъ, очень строгъ! И собесѣдникъ мой сжалъ съ суровымъ выраженіемъ свои правильно очерченныя темныя брови.

Мнѣ опять стало ужасно смѣшно:

— Но вѣдь, вы знаете, „la morale et caetera" имѣютъ смыслъ лишь тогда, когда онѣ заключаются не въ словахъ, а

въ примѣрѣ... А сами вы, кажется, не непогрѣшимы по этой части? Я кивнулъ на кресло, на которомъ продолжала сладко улыбаться во снѣ миловидная блондинка при двойномъ свѣтѣ потухавшаго фонаря и загоравшейся іюльской зари.

— О, съ этой стороны вы можете быть спокойны, прервалъ меня monsieur de la Poivrière, я рѣшился быть теперь непогрѣшимымъ, какъ самъ Пресвятой Отецъ нашъ, Pio Nono. Довольно надѣлали мнѣ вреда эти милыя,—но измѣнчивыя и опасныя существа, ces fallacieuses créatures, monsieur!..

— А потерпѣли вы таки отъ нихъ? сказалъ я, прямо вызывая его на откровенность.

— О! — онъ плечами пожалъ, — все изъ-за нихъ, изъ-за нихъ! Всѣ бѣдствія моей жизни! Изъ-за чего оставилъ я военную службу? Изъ-за переломленнаго ребра. А кто мнѣ ребро переломилъ!..

— Какъ? Неужто женщина?

— Не женщина, а изъ-за женщины... Какъ же за то и хороша она была! воскликнулъ мой оригиналъ съ новымъ приливомъ внезапнаго восторга.—Я вамъ разскажу эту исторію, если вы желаете; преинтересная исторія, увѣряю васъ!..

— Сдѣлайте милость!

— Надо вамъ сказать, началъ онъ,—что австрійскія войска занимали тогда дунайскія княжества: это было не задолго до нашей несчастной войны съ Французами въ Италіи въ 1859 г. Я командовалъ полуэскадрономъ кирасиръ, который расположенъ былъ въ одномъ мѣстечкѣ, принадлежавшемъ одному очень богатому молдавскому бояру. Едва вступилъ я съ отрядомъ моимъ въ его владѣнія, какъ ко мнѣ навстрѣчу выѣхалъ его мажордомъ, приглашая меня отъ его имени остановиться въ его дворцѣ, dans son palazzo, гдѣ мнѣ приготовлены комнаты. Я, разумѣется, согласился съ большимъ удовольствіемъ и поскакалъ тотчасъ же за мажордомомъ. Самъ бояръ встрѣтилъ меня на крыльцѣ своего огромнаго дома, по размѣрамъ и по роскоши дѣйствительно заслуживавшаго названіе палаццо,—и, разцѣловавъ меня въ обѣ щеки, повелъ за руку по мраморной лѣстницѣ наверхъ, гдѣ въ великолѣпномъ залѣ, на мозаичномъ столѣ, разставлены были для меня вся-

кія яства, питія и дулчеццы (сладости). Бояръ былъ почтеннѣйшаго вида старикъ, съ длинною бѣлою бородою и въ длинноломъ, старинномъ, турецко-молдавскомъ костюмѣ, какихъ теперь уже болѣе тамъ не носятъ, съ фескою и даже тюрбаномъ изъ бѣлой кисеи на выбритой головѣ. Я былъ тогда еще молодъ, довѣрчивъ и готовъ былъ виснуть на шеѣ каждаго, кто только оказывалъ мнѣ малѣйшій привѣтъ. Мой хозяинъ показался мнѣ прелестнѣйшимъ старцемъ въ мірѣ, и я, чуть не плача отъ умиленія, благодарилъ его за гостепріимство. Онъ въ свою очередь сталъ меня лобызать снова и, когда я утолилъ апетитъ, взялъ меня за руку и повелъ въ свои внутреннія комнаты. Въ одной изъ нихъ я нашелъ большое общество; все оно сидѣло или стояло кругомъ большаго зеленаго стола, а на томъ столѣ столько навалено было золота, что я его въ такомъ числѣ не видалъ уже затѣмъ ни въ одномъ изъ игорныхъ залъ Германіи, — а я въ каждомъ изъ нихъ оставилъ частичку моего состоянія, милостивый государь! примолвилъ при семъ не безъ торжественности Bernard de la Poivrière.— У меня, признаюсь, даже въ глазахъ зарябило. „Не желаете-ли принять участіе?“ говоритъ мнѣ мой бояръ съ своею любезною улыбкою, — „игра у насъ небольшая“... Не большая! Jl se fichait de moi, le sacripant! Тутъ было, по меньшей мѣрѣ, тысячъ двѣсти флориновъ на столѣ!... А у меня въ карманѣ шевелилось какихъ нибудь пятнадцать или двадцать червонцевъ. Я ихъ вытащилъ, раздѣлилъ на три части, — и присѣлъ къ столу... Трахъ! въ три раза все взяли... Очень досадно мнѣ стало, хочу встать... Бояръ, сѣвшій рядомъ со мною, суетъ мнѣ вдругъ какую-то кожаную сумку въ руки. „Тысячу червонныхъ, — шепчетъ онъ мнѣ на ухо, — на эти отыграетесь“... Я нѣсколько удивился,—однако взялъ... И что же бы вы думали, милостивый государь? На эти деньги я не только отыгралъ мои несчастные 20 золотыхъ, но въ тотъ же вечеръ взялъ 3,500 червонныхъ, понимаете? Три тысячи пять... почти сорокъ тысячъ италіанскихъ лиръ! Хорошо, ловко, а?..

— Очень счастливо! замѣтилъ я, любуясь ретроспективнымъ восторгомъ господина Bernard de la Poivrière; — и не проиграли ихъ тутъ же?

— О, нѣтъ! счастіе везло мнѣ необыкновенное, и если бы я только умѣлъ удовольствоваться этимъ!.. Но картъ мнѣ было недостаточно, въ воображеніи шевелились образы, воспоминанія... et caetera. Мнѣ недоставало женщины, домолвилъ онъ, вздохнувъ.

— Зажилъ я, разумѣется, принцемъ, заговорилъ онъ опять, —накупилъ себѣ цѣнныхъ лошадей, ковровъ, оружія... И такъ прошли двѣ недѣли. Вставалъ я, само собою, поздно, такъ какъ вся ночь проходила за игрой,—и ни разу за это время не вздумалось мнѣ выйти въ садъ, разстилавшійся на огромномъ пространствѣ передъ палацомъ моего бояра. Однако, однажды утромъ, послѣ какой-то попойки, вслѣдствіе которой я промаялся всю ночь на своихъ пуховикахъ не лучше, чѣмъ на этомъ Монбланѣ, я прямо изъ окна спальни—помѣщался я въ нижнемъ этажѣ,—выскочилъ въ кусты и очутился въ саду. Часъ былъ десятый въ началѣ; въ этомъ роскошномъ и лѣнивомъ домѣ и люди въ этотъ часъ еще храпѣли по своимъ угламъ. Я никого, разумѣется, не чаялъ встрѣтить, и костюмъ мой поэтому былъ самый, такъ сказать, первобытный: желтыя турецкія туфли, des babouches, на голыхъ ногахъ, надъ ними нѣчто невыразимое, цѣломудренно объяснилъ разсказчикъ,—des inexpressibles, изъ полотна, и затѣмъ такой же полотняный балахонъ, въ которомъ я имѣлъ привычку бриться... И вотъ-съ, иду я въ этомъ прекрасномъ костюмѣ по густымъ, темнымъ аллеямъ волошскаго орѣшника и наслаждаюсь свѣжимъ воздумомъ, отъ котораго, все ощутительнѣе для меня, разсѣявался въ моей головѣ чадъ шампанскаго и всякихъ другихъ влагъ, поглощенныхъ въ ту ночь... Иду, ни о чемъ не думая, какъ вдругъ, показалось мнѣ, кто-то заговорилъ вблизи. Я пріостановился:—дѣйствительно, голоса, и даже женскіе, и шаги невдалекѣ... Я только успѣлъ кинуться за дерево, притаиться, et caetera... Вижу, въ аллею выходятъ два женскія существа: одно старое, другое молодое. Ah, monsieur, чуть не взвизгнулъ при этомъ воспоминаніи чувствительный m-r de la Poivrière,—если-бъ вы только могли видѣть ее.... Ей было семнадцать лѣтъ... Если-бъ вы могли видѣть эти черные, густые волосы, этотъ океанъ волосъ, милостивый государь, эти

пышныя, алыя губы, эти дѣвственныя прелести, рисовавшіяся свободно подъ ея распашнымъ утреннимъ пеньюаромъ. Ah, Dieu, ah, Dieu, qu'elle était belle! Это была Маріорица, милостивый государь, дочь моего хозяина, о существованіи которой даже я не зналъ до тѣхъ поръ, а съ нею—ея служанка, няня, sa bonne, que sais-je. И онѣ говорили между собою и—представьте себѣ,—говорили про меня. Съ тѣхъ поръ, какъ мы стояли въ княжествахъ, я успѣлъ научиться понимать румынскій языкъ,—и я понялъ очень хорошо, что она, прелестная Маріорица, допрашиваетъ свою спутницу на счетъ одной моей лошади, которую наканунѣ водили передъ окнами дворца, и при этомъ,—вы можете себѣ представить мое блаженство!—изъ этихъ роскошныхъ губокъ ея ясно разслышалъ я слова: „Таль формозъ капитанъ!“ Это значитъ: онъ очень красивъ, этотъ офицеръ. Офицера, кромѣ меня, не было въ мѣстечкѣ; при томъ шло дѣло о моей лошади... Вы понимаете? И m-r de la Poivrière скромно потупилъ очи...

— Что же вы, засмѣялся я, — услыхавъ эти блаженныя слова, выскочили изъ-за своего дерева, кинулись къ ея ногамъ и...

— Oh, mon Dieu! съ настоящимъ отчаяніемъ въ голосѣ прервалъ онъ меня,—я чуть-чуть этого не сдѣлалъ, я насилу помѣшалъ себѣ это сдѣлать, я сверхъестественною силою удержалъ себя сдѣлать это. Но вѣдь это было не возможно!.. Вспомните, въ чемъ я былъ, вспомните эти несчастныя полотняныя inexpressibles, что болтались на моихъ икрахъ, sur mon gras de jambe et caetera... Объясненіе любви въ такомъ костюмѣ, согласитесь, это было не возможно.

— Да, это представляло нѣкоторыя неудобства.

— Но я на слѣдующій же день взялъ свой реваншъ! воскликнулъ тутъ же мой Донъ-Жуанъ.—Съ девятаго часа утра я былъ умытъ, выбритъ, раздушенъ, облеченъ въ тончайшій изъ моихъ кителей и гулялъ въ саду, въ ожиданіи ея... Она появилась, увидѣла меня, изумилась, вскрикнула. Но я не растерялся, извинился, представился... Ah, monsieur, съ какою очаровательною улыбкой слушала она меня, отвѣчала на мои привѣты!.. Въ это же первое свиданіе я узналъ изъ ея розо-

выхъ устъ, что отецъ держитъ ее дома чуть не взаперти, имѣя въ виду выдать ее зимою замужъ за князя Чумическо, такого же богатаго, какъ онъ, сорокалѣтняго бояра, который долженъ былъ прибыть вскорѣ въ Букарештъ изъ Парижа, но что она не любитъ этого Чумическо, что онъ слишкомъ старъ, и что ея желаніе не иначе выйти замужъ, какъ по выбору сердца. Ah, monsieur, какъ она глядѣла на меня, говоря это!.. Объ остальномъ вы догадаетесь сами, заключилъ г. de la Poivrière, передохнувъ, — она была молода, я былъ молодъ, она меня любила, я ее обожалъ...

— Et caetera? договорилъ я.

— Et caetera, пресерьезно повторилъ онъ, — потому что она была единственная дочь своего отца, а у стараго этого чорта было не менѣе, какъ тысячъ триста дукатовъ дохода. Вы понимаете, какое будущее представлялось мнѣ при этомъ!

— Совершенно понимаю.

— Мы спѣлись съ Маріорицею въ какіе нибудь три, четыре дня, началъ онъ опять;—мы сходились съ нею каждое утро безъ всякой помѣхи и объяснялись на совершенной свободѣ. Въ саду была роскошная турецкая бесѣдка, куда мы входили съ нею одни, а на порогѣ ея, въ видѣ сторожевой собаки, усаживалась обыкновенно ея старуха-прислужница, къ которой красавица моя имѣла полное довѣріе... Чтобъ не томить васъ долго моимъ разсказомъ, скажу вамъ только, что я долженъ былъ увезти Маріорицу, и что все для этого было у меня уже готово, какъ вдругъ стряслась нежданно эта ужасная бѣда.

— Ребро? спросилъ я.

Донъ-Жуанъ мрачно уставился мнѣ въ лицо.

— Вы поняли? спросилъ онъ, помолчавъ.

— То есть, не совсѣмъ... Я нѣсколько сконфузился.

— Насъ предала эта мерзостная старуха! воскликнулъ онъ. — Она прилѣзла ко мнѣ поздно ночью, едва я сошелъ сверху; мы продолжали играть тамъ каждую ночь, и коварный бояръ все также лобызалъ и ссужалъ меня деньгами,— и говоритъ она мнѣ: „Черезъ часъ времени спуститесь въ садъ и ступайте въ бесѣдку, Маріорица имѣетъ сообщить вамъ

нѣчто важное". И безъ далѣнихъ словъ исчезла тутъ же... Я ничего не подозрѣвалъ и... какъ баранъ, какъ глупый баранъ, милостивый государь, предалъ себя на закланіе!.. Вмѣсто Маріорицы, въ бесѣдкѣ ждали меня три гайдука, de vrais Pandours,—я же былъ одинъ, безоруженъ!.. Не успѣлъ я крикнуть, какъ эти разбойники бросились на меня и...

— Что вы! даже вскрикнулъ я.

— Que voulez-vous! Le guignon! На другой день утромъ два кирасира моего отряда, проходя по дорогѣ мимо сада, увидали меня, лежавшаго безъ движенія подъ плетнемъ; мучители мои, доведя меня до безчувствія, перекинули меня черезъ этотъ плетень, при чемъ переломили мнѣ ребро, и даже не одно, а цѣлые два,—вотъ здѣсь! указалъ себѣ онъ на правый бокъ.—Я былъ отвезенъ въ госпиталь, въ городъ, потому что оказалось, что въ ту же ночь бояръ со своею дочерью и всѣмъ своимъ домомъ уѣхалъ въ Букарештъ; палаццо его было пустынно, какъ Робинзоновъ островъ... Я чуть не умеръ отъ этого приключенія.

— И красавицы своей больше не видали? полюбопытствовалъ я.

— Нѣтъ, громко вздохнулъ онъ;—первое извѣстіе о ней достигло до меня не ранѣе, какъ черезъ четыре мѣсяца... Я былъ тогда въ Константинополѣ съ другою женщиною...

— Ходокъ же вы однако! не могъ я не замѣтить.

— Que voulez-vous!.. Я ее увезъ изъ Яссъ изъ жалости, отъ мужа, который измучилъ ее своею ревностью...

— А Маріорица что же?

— Вышла замужъ за князя Чумическо; — вы понимаете, le guignon!

— Ну, а съ дамою изъ Яссъ, что вы сдѣлали?

— Отослалъ ее къ мужу обратно, прехладнокровно отвѣтилъ мой обольститель.

— И онъ принялъ ее?

— Съ восторгомъ! Я еще въ прошломъ году былъ у нихъ въ Вѣнѣ. Живутъ какъ два голубя, и премножество дѣтей народили...

— Вы долго жили въ Константинополѣ?

— Нѣтъ, я оттуда уѣхалъ въ Парижъ, гдѣ прожилъ десять лѣтъ сряду, уѣзжая лишь лѣтомъ въ Германію на воды, т. е. гдѣ была игра... Я знакомъ былъ въ Парижѣ со всѣмъ русскимъ обществомъ, la princesse, la comtesse, le baron...

Онъ, словно басню, привелъ мнѣ наизусть дюжины двѣ извѣстнѣйшихъ именъ петербургскаго high life. A... Z...

— Какъ же это вы въ Америку попали?

— Очень просто. Случилось мнѣ какъ-то вечеромъ говорить по душѣ съ однимъ пріятелемъ; я ему признался, что у меня, изъ довольно порядочнаго капитала, оставленнаго мнѣ отцомъ, осталось ровно на одинъ годъ существованія. „Ты бы въ Америку съѣздилъ“, сказалъ онъ мнѣ шуткою,—„дѣвушки тамъ прекрасивы, пребогаты, и притомъ съ полною свободою располагаютъ собою“. „C'est une idée cela!“ воскликнулъ я,—и черезъ недѣлю плылъ на трансатлантическомъ пароходѣ изъ Гамбурга въ Нью-Іоркъ.

— И что же, нашли вы въ Америкѣ то, за чѣмъ поѣхали?

— Нашелъ! И г. de la Poivrière даже руками всплеснулъ,—только не на самомъ материкѣ, а на пароходѣ, который уносилъ меня обратно оттуда въ Европу... Et comme elle était belle, monsieur, если-бъ вы только ее видѣли!... Она была единственная дочь у матери, у которой были огромные нефтяные источники, des mines de pétrole въ Пенсильваніи, и которая была de la secte des noncorformistes, читала все время свои какія-то брошюры и оставляла насъ однихъ цѣлые дни съ Джорджиною. Она же была высокая, бѣлокурая, полная дѣвушка съ этою, знаете, американскою энергіею въ характерѣ, въ tenue своей. Во время качки она сильно страдала морскою болѣзнію, и я всегда держалъ ее за голову, когда ее... et caetera... Когда же мы ступили на европейскую почву—nous étions engagés, мы были женихомъ и невѣстою...

— И... Я не смѣлъ допросить.

— Ah voila! Toujours mon guignon! завздыхалъ онъ.—Мы отправились съ нею путешествовать по Германіи. Говорю: съ нею, потому что мать ея мы возили, какъ старый чемоданъ, который ѣдетъ, не спрашивая и не зная, куда его тащутъ.

Усадишь ее, бывало, въ вагонѣ или въ гостинницѣ, въ какой нибудь уголъ, сунешь ей въ руку одну изъ ея духовныхъ тетрадокъ, — она такъ и закостенѣетъ, до тѣхъ поръ, пока не толкнешь ее и не скажешь: обѣдать пора. Насъ съ Джорджиною всюду принимали за мужа и жену, и ей это нравилось, и сама она прямо называла меня мужемъ передъ всѣми. Мы должны были обвѣнчаться въ Берлинѣ. Но вдругъ на мое... на ея несчастіе, Джорджина вспомнила, что у нея въ Парижѣ есть какая-то старая пріятельница, и что необходимо будто бы, чтобъ эта пріятельница присутствовала на ея свадьбѣ, а изъ этого слѣдовало, что вѣнчаться намъ надо не въ Берлинѣ, а въ Парижѣ. Поѣхали въ Парижъ. Въ Кельнѣ, кажется, влѣзъ къ намъ ночью въ вагонъ какой-то господинъ, показавшійся мнѣ больнымъ, потому что онъ всю дорогу проохалъ и какъ-то странно жался и ерзалъ въ своемъ углу. У меня было какое-то странное предчувствіе, и я все время, помню, заботился о томъ, чтобы этотъ больной не дотронулся какъ нибудь до моей Джорджины... Hélas, monsieur, тщетны были тѣ заботы,—дни моей обожаемой невѣсты были сочтены! Едва пріѣхали мы въ Парижъ—мы остановились въ одномъ отелѣ rue Drout,—какъ съ нею сдѣлался сильный жаръ, бредъ. Я послалъ тотчасъ же за докторомъ. Онъ озабоченно закачалъ головою, осмотрѣлъ ее и сказалъ, что пріѣдетъ въ тотъ же день вечеромъ. Вы находите ея положеніе опаснымъ? спросилъ я, провожая его. „Признаюсь вамъ, да, отвѣчалъ онъ, у нея оспа“. Боже мой!.. Увы, милостивый государь,—и господинъ de la Poivrière схватилъ себя за голову,—докторъ не ошибался: у нея была оспа—и даже черная. Черезъ два дня все прелестное тѣло Джорджины—я не покидалъ ея все время,—покрылось черными пятнышками; изъ пятнышекъ образовались гнойныя язвы—и какъ отъ нихъ скверно пахло, милостивый государь!—а черезъ пять дней я самъ, собственными руками, заколачивалъ свинцовый гробъ, въ которомъ заключались бренные останки моего ангела, и вмѣстѣ съ ея матерью и ея духовными брошюрами отправилъ его по Сѣверной желѣзной дорогѣ въ Гавръ, откуда все это поплыло въ Америку, къ тѣмъ mines de pétrole, которыхъ владѣльцемъ я былъ бы въ настоящее время, если-бъ

только Джорджинѣ не вздумалось вмѣсто Берлина ѣхать вѣнчаться въ Парижъ.

— Да, позволилъ я себѣ сказать,—это, дѣйствительно, было „du guignon!“ Вы, я полагаю, долго были неутѣшны?

— Je crois bien! Я уѣхалъ въ Эмсъ, гдѣ надѣялся поправиться въ trente и quarante. Но несчастіе преслѣдовало меня и тутъ... А послѣднее, затѣмъ, мое приключеніе доказало мнѣ, что противъ насмѣшливой судьбы ничего не подѣлаешь, и что мнѣ остается склонить голову—et caetera.

— Еще одно приключеніе! воскликнулъ я невольно.

— Да, и, повторяю вамъ, послѣднее! Oh, c'est bien ma dernière aventure, je vous le jure! Monsieur de la Poivrière протянулъ даже руку впередъ, какъ Рауль въ „Гугенотахъ“, въ сценѣ присяги.

— Въ чемъ же оно состояло?

— Въ одномъ отелѣ со мною жило одно очень богатое польское семейство: отецъ, мать и двѣ молоденькія дочери. Отецъ былъ здоровый, свѣжій, веселый господинъ лѣтъ пятидесяти, большой охотникъ до игры и до добраго вина; съ нимъ мы сжились и подружились въ теченіе самаго короткаго времени, такъ что онъ ни одного часа вскорѣ не могъ провести безъ меня... Женѣ его не было еще сорока лѣтъ... и ее, по всѣмъ правамъ, можно было еще назвать красивою женщиною. Изъ дочерей младшая, Октуся, была рыженькая дѣвочка на шестнадцатомъ году... Ah, elle était bien jolie, monsieur, allez! Если-бъ вы только видѣли эти огненные глаза, эти кошачьи ухватки, эту неотразимую грацію, тайна которой принадлежитъ только Полькамъ! Это была настоящая маленькая сирена! И вы можете себѣ вообразить, что я долженъ былъ почувствовать, когда однажды, возвращаясь со всѣмъ семействомъ съ прогулки,—было уже темно, ночь,—эта маленькая сирена сунула мнѣ въ руку записочку, которую я поспѣшилъ прочесть, какъ только остался одинъ въ своемъ нумерѣ. Я прочелъ слѣдующія слова: „Je vous aime et ne serai qu'à vous. Octavie“. Я чуть съ ума не сошелъ отъ блаженства! На другой день мы съ ней объяснились: она повторила мнѣ своими прелестными устами то, что начертала наканунѣ ея ручка.—

она меня любила, клялась, что будетъ принадлежать одному мнѣ. „Все зависитъ теперь отъ maman“, говорила она; „въ согласіи папа нѣтъ сомнѣнія: онъ превозноситъ васъ до небесъ, а въ приданое онъ даетъ мнѣ пять деревень въ Подольской губерніи; я богата; вамъ надо теперь только поговорить съ maman“... Я не сомнѣвался въ ожидавшемъ меня счастіи; я не чаялъ препятствія со стороны матери, — она была всегда со мною такъ любезна, внимательна ко мнѣ. Когда она глядѣла на меня... Hélas, monsieur, c'était encore mon guignon! прервалъ себя разсказчикъ,—и на этотъ разъ опустилъ голову на обѣ руки.

— Она вамъ отказала?

— Хуже! проговорилъ онъ глухо.

— Что же могло быть хуже? изумился я.

— Вы понимаете, началъ monsieur de la Poivrière послѣ минутнаго молчанія,—что я не могъ при всѣхъ просить у ней руки ея дочери. Я поэтому, прежде всего, намекнулъ ей, что имѣю ей передать нѣчто очень важное, и очень бы желалъ, чтобъ это произошло наединѣ. Она мнѣ тотчасъ же назначила часъ и мѣсто, а именно въ одномъ одинокомъ лѣсочкѣ, на одной изъ возвышенностей, окружающихъ Эмсъ... И тутъ, милостивый государь, тутъ... въ отвѣтъ на мое предложеніе ея дочери она кинулась мнѣ на шею, говоря, что сама любитъ меня и не уступитъ меня никому.

— Что же вы сказали? спросилъ я, покусывая губы:—отчаянный видъ, съ которымъ онъ передавалъ мнѣ это приключеніе, былъ невыразимо комиченъ.

— Eh, que voulez-vous! завздыхалъ онъ еще разъ:—человѣкъ слабъ, а эта женщина была страстна. При томъ же.. мы были одни, птицы—пѣли...

— Вы такъ и покончили съ Октусей? прервалъ я его на этомъ мѣстѣ.

— Что было дѣлать? Узнавъ отъ меня о несогласіи ея матери, она предложила мнѣ увезти ее... Но я не могъ, не могъ,— у меня уже ни гроша не оставалось въ ту пору... Говорю вамъ, mon guignon!...

— Чѣмъ же кончилась вся эта исторія?

Г. de la Poivrière неожиданно разсмѣялся.

— Я на другой же день, рано, не простившись ни съ кѣмъ, собралъ мои пожитки и уѣхалъ въ Вѣну. И вотъ теперь, закончилъ онъ,—ѣду à Saratof sur le Volga...

Солнце уже давно проникало во всѣ углы нашего вагона. Разсказы г. de la Poivrière нѣсколько утомили меня. Безсонная ночь давала себя знать. Я кое-какъ прикурнулъ на своемъ креслѣ и забылся...

Мы подъѣзжали къ Химкамъ, когда я открылъ глаза. Мой спутникъ сидѣлъ на ручкѣ порожняго кресла, сосѣдняго съ кресломъ проснувшейся блондинки, и оживленно повѣствовалъ ей о чемъ-то. Хорошенькая женщина улыбаясь слушала его.

Подъ самою Москвою онъ вспомнилъ обо мнѣ, подошелъ и, крѣпко сжимая мнѣ руку:

— Quelle chance! прошепталъ онъ, наклоняясь къ моему уху: — она ѣдетъ по одной дорогѣ со мною par Nijni et le Volga à Samara. Что ниже, вы не знаете: Саратовъ или Самара?

— Саратовъ ниже.

— Ah! diable! Все равно, рѣшилъ онъ,—я ее провожу до Самары! Мы ѣдемъ сегодня же вечеромъ...

На московскомъ дебаркадерѣ мелькнула предо мною въ послѣдній разъ его сѣрая шляпа. Онъ бѣжалъ въ-догонку за блондинкою, таща въ одной рукѣ свой мѣшокъ, въ другой—пледъ, прикрывавшій ночью ея красивыя ноги...

ПО ТЕЛЕГРАФУ *).

(РОМАНЪ НАШЕГО ВРЕМЕНИ).

2-го сентября *со Станціи Ольховки* (вторая отъ уѣзднаго города Пыльска) *въ Петербургъ*.

Вронскому.

Сегодня пріѣхалъ. Въ конторѣ нашелъ семь съ полтиною. Ужасно плохо! Успокой Бланшъ. Хоть изъ земли выкопаю двѣ тысячи.

Ольховскій.

6-го сентября. *Со ст. Ольховки въ Москву.*

Графу Спиридову.

Положеніе трагическое. Долговъ болѣе имѣнія. Сидоренко мой честенъ, но глупъ. Съ отчаянія вертѣлъ столъ. Духи совѣтуютъ принять вашъ совѣтъ. Рѣшаюсь. Пишите Захарову.

Ольховскій.

7-го сентября. *Изъ Москвы въ Ольховку.*

Ольховскому.

Мнѣ очень пріятно. Давно бы такъ. Богатъ и одна дочь. Телеграфирую ему. Поѣзжай не откладывая.

Графъ Спиридовъ.

---

*) Впервые напечатано въ № 282 „С.-Петерб. Вѣдом." 21-го Октября 1875 года.

7-го сентября. *Изъ Москвы въ Пыльскъ.*

Предводителю Захарову.

Не разъ въ Англійскомъ клубѣ говорилъ о племянникѣ Ольховскомъ. Предстоитъ блестящая карьера. Будетъ къ вамъ. Прелестной вашей Ольгѣ Николаевнѣ цѣлую ручку. Мнѣ будетъ очень пріятно. Графъ Спиридовъ.

8-го сентября. *Изъ Пыльска въ губернскій городъ Бѣловодскъ.*

Еленѣ Розановой.

Папа сказалъ, будетъ къ намъ гвардеецъ О. Что-то предчувствую. Бѣдная я! Ольга Захарова.

9-го сентября. *Изъ Бѣловодска въ Пыльскъ.*

Ольгѣ Захаровой.

Ради Бога, душка, будь тверда! Вспомни А. Онъ изнываетъ. Прочти въ „Вѣстникѣ Европы“ *Девятый валъ* Данилевскаго. Много тебѣ откроетъ.

Елена Розанова.

10-го сентября. *Изъ Пыльска въ Бѣловодскъ.*

Еленѣ Розановой.

О. будетъ завтра... Получаемъ одинъ „Русскій Вѣстникъ“. Прочла „*Изъ-за благъ земныхъ*“ Авсѣенко. Ничего мнѣ не открыло. Ольга Захарова.

12-го сентября. *Изъ Пыльска въ Москву.*

Графу Спиридову.

Благодарю за рекомендацію. Старикъ Захаровъ принялъ чрезвычайно любезно. Она милѣе, чѣмъ я думалъ; но, кажется, очень застѣнчива. Ольховскій.

13-го сентября. *Изъ Москвы въ Пыльскъ.*

Ольховскому.

Застѣнчивость, что французы зовутъ „pudeur“, порука за добрые нравы. Мнѣ очень пріятно. Дай тебѣ Богъ!

Графъ Спиридовъ.

15-го сентября. *Изъ Пыльска въ Бѣловодскъ.*

О. еще у насъ. Онъ совсѣмъ другой, чѣмъ я думала. Леля! папа прочелъ твою телеграмму ко мнѣ. Очень сердился. Впредь, что особенное, адресуй на имя Домны Ѳедоровны.

Ольга Захарова.

16-го сентября. *Изъ Бѣловодска въ Пыльскъ.*

Домнѣ Ѳедоровнѣ Пищукъ.

Безстрастное начальство не отпускаетъ. Все равно, буду завтра. Скажите ей! Что меня ждетъ? Отвѣтъ уплаченъ.

Аристовъ.

17-го сентября. *Изъ Пыльска въ Петербургъ.*

Вронскому.

Извѣсти немедленно Бланшъ. Сейчасъ выслалъ ей двѣ тысячи. Нѣкій благодѣтель, Захаровъ, здѣшній предводитель, взялся распутать мои дѣла.

Ольховскій.

18-го сентября. *Изъ Пыльска въ Бѣловодскъ.*

Фурсикову.

Евстигней, громовый ударъ! Ей навязываютъ гвардейца. Она въ борьбѣ безсильна. Но не попущу. Рай или могила! Отвѣтъ уплаченъ.

Аристовъ.

19-го сентября. *Изъ Бѣловодска въ Пыльскъ.*

Аристову.

А ты, совѣтъ мой, не лѣзь. Потому теперь за эти дѣла отвѣчать можно.

Фурсиковъ.

19-го сентября. *Изъ Пыльска въ Бѣловодскъ.*

Фурсикову.

Ты идіотъ! Отвѣта не жду.

Аристовъ.

20-го сентября. *Изъ Пыльска въ Бѣловодскъ.*

Еленѣ Розановой.

Ольга Николаевна очень разстроилась. Папаша ихъ отказали А. отъ дому. Самъ съ гвардейцемъ уѣхали въ Ольховку.

Домна Пищукъ.

22-го сентября. *Изъ Ольховки въ Москву.* ($8^1/_2$ часовъ утра).

Графу Спиридову.

Сидоренко оказался отъявленнѣйшій мерзавецъ. Спасибо Захарову, — открыто по книгамъ. Скрылъ четырнадцать тысячъ и самъ скрылся сегодня ночью. Ѣду въ Пыльскъ просить о его задержаніи.

Ольховскій.

22-го сентября. *Изъ Пыльска въ Ольховку* ($11^1/_4$ часовъ утра).

Ольховскому.

Если вы благородный человѣкъ, поймете, чего жду отъ васъ. Пыльскъ, Ольховка, гдѣ хотите! Вы или я! Отвѣтъ уплаченъ.

Аристовъ.

22-го сентября. *Изъ Ольховки въ Пыльскъ.* (1 часъ пополудни.

Аристову.

Не имѣя чести знать лично, справился про васъ у господина Захарова. Узналъ. Много смѣялся. Впрочемъ въ Пыльскѣ, въ 6, къ вашимъ услугамъ.

Ольховскій.

22-го сентября. *Изъ Пыльска въ Ольховку* (2 часа пополудни).

Ольховскому.

Кто еще посмѣется—вѣдаетъ Аллахъ! жду въ 6. Вы или я! Отвѣтъ уплаченъ.

Аристовъ.

22-го сентября. *Изъ Петербурга въ Ольховку* (получено въ $3^1/_2$ часа пополудни).

Ольховскому.

Только сейчасъ вернулся изъ Москвы. Бланшъ за границею. Воспроизвожу телеграмму ея, ждавшую меня здѣсь.

Вронскій.

---

19 (31) septembre. *De Berlin à Pétersbourg.*

Vronski, chevaliergarde.

Assez embêtée d'attendre, merçi! Dis à Loulou, envolée pour l'Allemagne avec le petit Palof dans mes malles. Pas d'argent, pas de

Blanche.

22-го сентября. *Изъ Ольховки въ Петербургъ* ($3^3/_4$ часа пополудни).

Вронскому.

Собирался въ Пыльскъ,—махаю въ Питеръ и далѣе. Ее къ чорту, но Паловъ мнѣ отвѣтитъ!

Ольховскій.

22-го сентября. *Изъ Ольховки въ Пыльскъ* ($6^1/_2$ часовъ пополудни).

Аристову.

По денешѣ № 1,687. Адресантъ Ольховскій не отысканъ. Дежурная телеграфистка Татьяна Магеншмерцъ.

22-го сентября. *Изъ Ольховки въ Пыльскъ* ($9^1/_4$ часовъ вечера).

Домнѣ Пищукъ.

Нѣтъ и здѣсь. Скрывается. Но я найду! Онъ или я!

Куда дѣваться мнѣ отъ думъ,
Что все темнѣе и грознѣй?
„Погибнешь!“ шепчетъ тайно умъ...
Скажите ей! Скажите ей!

Отвѣтъ уплаченъ.

Аристовъ.

22-го сентября. *Изъ Пыльска въ Бѣловодскъ* (11 часовъ вечера).

Еленѣ Розановой.

Ужасно! А. хочетъ умертвить О. Противный, ненавижу его! Скажи всѣмъ. Остановите! Умру, если случится.

Ольга Захарова.

23-го сентября. *Изъ Бѣловодска въ Пыльскъ.*

Ольгѣ Захаровой.

Успокойся, душка, всѣмъ сказала. Но неужели ты измѣнила А.? Напрасно. Онъ увлекается энергіею чувствъ. Перечти *Боярина Оршу*, Лермонтова,—ты поймешь.

Елена Розанова.

23-го сентября. *Изъ Бѣловодска въ Пыльскъ.*

Исправнику *(шифровано)*.

По свѣдѣніямъ, чиновникъ мой Аристовъ, самовольно отбывшій изъ Бѣловодска въ вашъ уѣздъ, намѣренъ вступить въ поединокъ съ офицеромъ Ольховскимъ. Примите немедленно мѣры къ предотвращенію. О послѣдующемъ тотчасъ меня увѣдомить.

Губернаторъ.

24-го сентября. *Изъ Мыльска (Лебединской губерніи) въ Бѣловодскъ.*

Господину начальнику Бѣловодской губерніи (шифровано).

Проживающій въ уѣздѣ, отставной маіоръ Ольшанскій и учитель чистописанія уѣзднаго училища Аристотелевъ — обязаны мною подпискою не выходить на поединокъ. Показываютъ, впрочемъ, что, по дряхлости лѣтъ и незнакомству другъ съ другомъ, никогда таковаго намѣренія не имѣли. Оба утверждаютъ при томъ, что они въ Бѣловодскѣ никогда не бывали.

Исправникъ Торреадоровъ.

25-го сентября. *Изъ Бѣловодска въ Мыльскъ.*

Исправнику.

Бѣловодскій губернаторъ проситъ разъясненія вашей депеши къ нему отъ 24-го сентября. Въ виду чего донесено

ему вами объ отобраніи подписки отъ гг. Ольшанскаго и Аристотелева, лицъ, не жительствующихъ въ предѣлахъ Бѣловодской губерніи? Правитель канцеляріи Сусликовъ.

25-го сентября. *Изъ Мыльска въ Бѣловодскъ.*

Правителю канцеляріи губернатора.

По требованію г. Бѣловодскаго губернатора въ депешѣ ко мнѣ отъ 23-го сентября, означенные въ оной Ольховскій и Аристовъ, не находясь въ Мыльскомъ уѣздѣ, полагалъ, по опискѣ телеграфиста, слѣдуетъ разумѣть Ольшанскаго и Аристотелева. Исправникъ Торреадоровъ.

26-го сентября. *Изъ Бѣловодска въ Мыльскъ.*

Исправнику.

По опискѣ на здѣшней телеграфной станціи адресована вамъ, 23-го сентября, депеша, назначавшаяся въ Пыльскъ, тамошнему исправнику. Означенныя въ оной фамиліи вѣрны.

Правитель дѣлъ Сусликовъ.

26-го сентября. *Изъ Ольховки въ Пыльскъ.*

Исправнику.

Близъ села Ольховки найдено мертвое тѣло. Лицо обезображено до неузнаваемости, частью паденіемъ въ оврагъ, частью отъ укушеній хищнаго звѣря. Нагъ. Тѣло чистое. Подъ лѣвымъ соскомъ прострѣленъ пулею.

Становой приставъ Делла Формоза.

27-го сентября. *Изъ Пыльска въ Бѣловодскъ.*

Господину губернатору (шифрована).

Считаю долгомъ донести. Близъ села Ольховки найдено никому не принадлежащее мертвое тѣло, прострѣленное пулею подъ лѣвымъ соскомъ. По показанію проживающей здѣсь дворянки, Домны Пищукъ, предполагается коллежскій секретарь Аристовъ, убитый въ противозаконномъ поединкѣ гвардіи штабсъ-ротмистромъ Ольховскимъ, оный же изъ ввѣреннаго мнѣ уѣзда скрылся.

Исправникъ Флюгеровъ.

28-го сентября. *Изъ Бѣловодска циркулярно всѣмъ уѣзднымъ исправникамъ Бѣловодской губерніи* (шифрована):

Буде во ввѣренный вамъ уѣздъ прибудетъ гвардіи штабсъ-ротмистръ Ольховскій, немедленно задержать, а меня извѣстить депешею. Губернаторъ.

28-го сентября. *Изъ Пыльска въ Бѣловодскъ.* Его превосходительству, господину губернатору.

Считаю долгомъ конфиденціально сообщить бдительному начальству. Найденный близъ Ольховки ограбленный и искаженный трупъ, по соображеніямъ моимъ, мню, есть лейбъ-гвардіи офицеръ Александръ Егоровичъ Ольховскій. Погибъ же, мнительно, отъ руки канцеляриста Аристова, злостнаго бретера и пустаго человѣка.

Предводитель Захаровъ.

29-го сентября. *Изъ Бѣловодска циркулярно всѣмъ уѣзднымъ исправникамъ Бѣловодской губерніи* (шифрована).

Буде во ввѣренный вамъ уѣздъ прибудетъ чиновникъ канцеляріи моей, коллежскій секретарь Аристовъ, немедленно задержать, а меня извѣстить депешею.

Губернаторъ.

29-го сентября. *Изъ Ольховки въ Бѣловодскъ.*

Господину прокурору (*шифрована*). Необходимо задержать черниговскаго мѣщанина Ѳому Сидоренко, бывшаго управляющимъ у помѣщика Ольховскаго. Скрылся, похитивъ у послѣдняго значительную, по показанію предводителя Захарова, сумму, въ ночь предъ открытіемъ трупа у села Ольховки. Лично мнѣ извѣстенъ. Примѣты: рыжъ, борода рѣдкая, лѣтъ сорока, роста средняго, одѣвается не чисто, носитъ фуражку чернаго цвѣта. Судебный слѣдователь Бурковъ.

30-го сентября. *Изъ Бѣловодска циркулярно всѣмъ уѣзднымъ исправникамъ Бѣловодской губерніи.*

Прошу задержать, если въ уѣздѣ, черниговскаго мѣщанина, бывшаго управляющаго имѣніемъ Пыльскаго помѣщика Ольхов-

ского, Ѳому Сидоренко. (Слѣдуютъ примѣты, означенныя въ предъидущей телеграммѣ.)

Прокуроръ.

1-го октября. *Изъ уѣзднаго города Черноризска въ Бѣловодскъ.*

Прокурору.

Сидоренко задержанъ.

Исправникъ Потугинъ.

1-го октября. *Изъ уѣзднаго города Грибова въ Бѣловодскъ.*

Господину Прокурору.

По предписанію вашего высокородія, мѣщанинъ Сидоровъ, очевидно Сидоренко, сегодня задержанъ.

Исправникъ Сосъ.

1-го октября. *Изъ уѣзднаго города Никотина въ Бѣловодскъ.*

Прокурору.

Личность съ примѣтами Сидоренка арестована. Именуетъ себя Матиигуменскимъ. Безъ паспорта.

Исправникъ Бодай-Телецъ.

1-го октября. *Изъ уѣзднаго города Чаломы въ Бѣловодскъ.*

Прокурору.

Сидоренку забралъ. Посадилъ къ себѣ въ баню, потому изъ острога чтобъ не ушелъ.

Исправникъ, маіоръ Амчеладзе.

1-го октября. *Изъ уѣзднаго города Новобѣльска въ Бѣловодскъ.*

Его высокородію, господину прокурору и кавалеру.

Почтительнѣйше доношу. Сего 1-го числа, означенный депешею № 1613, по примѣтамъ черниговскій мѣщанинъ, Ѳома Сидоренко, задержанъ съ опасностью притомъ для своей жизни, господиномъ приставомъ 1-го стана, Мануиломъ фонъ-Брашке. О семъ благопатріоческомъ рвеніи по его службѣ я,

вмѣстѣ съ симъ, счелъ долгомъ донести на вниманіе господина тайнаго совѣтника, начальника сей губерніи.

Исправникъ, коллежскій ассесоръ и кавалеръ,
Таубе фонъ-Таубеннестъ.

1-го октября. *Изъ уѣзднаго города Гремислава въ Бѣловодскъ.*

Господину прокурору.

По означеннымъ въ депешѣ вашего высокородія примѣтамъ мѣщанина Сидоренки, задержалъ въ уѣздѣ двухъ. Полагаю, однако, не настоящіе.

Исправникъ Староегорьевскій.

1-го октября. *Изъ уѣзднаго города Мцынска въ Бѣловодскъ.*

Прокурору.

Сидоренко захваченъ вчера въ селѣ Игнатовѣ, но, по недосмотру сотскаго, Ѳедула Мочалкина, бѣжалъ ночью изъ-подъ караула.

Исправникъ Матыга.

2-го октября. *Изъ Грибова въ Бѣловодскъ.*

Его высокопревосходительству генералу господину губернатору.

Ваше сіятельство, будьте отцомъ, за что̀ стражду? Отъ дѣла забрали, посадилъ въ острогъ исправникъ.

Заключенный Сидоровъ.

2-го октября. *Изъ Никотина въ Бѣловодскъ.*

Господину Губернатору.

Ввержен̀ъ невинный съ тати и воры. Заключилъ мя лютый Телецъ, исправникомъ ся именующій. Взываю къ Царю Небесному и къ тебѣ, власть предержащу, да падутъ оковы моя и воздастся достойное кійждому.

Духовнаго званія Іона Матиигуменскій.

2-го октября. *Изъ Чаломы въ Бѣловодскъ.*

Губернатору.

Маіоръ Амчеладзе, мня себя въ Черкессіи, невѣдомо посадилъ въ острогъ. Прошу законную гуманность, повелите мораль съ меня снять.

Купеческій племянникъ Свириденковъ.

2-го октября. *Изъ Новобѣльска въ Тамбовъ.*

Генералу Дитятину.

Будучи вы нашъ прежній баринъ, а мы рабы ваши, защитите ваше превосходительство, какъ извѣстно вамъ бондарь, и меня здѣшній нѣмецъ исправникъ посадилъ.

Иванъ Марковъ.

2-го октября. *Изъ Чернорижска въ Николаевъ.*

Господину Адмиралу, его превосходительству.

Впослѣдствіи служимши пять лѣтъ на элингѣ, какъ при рожденіи Ѳедоръ Вавиловъ, незнаемо какъ за Сидоренку попалъ въ острогъ. Прикажите, изъ послѣдняго долженъ за депешу отдать.

Отставной матросъ 27-го флотскаго экипажа
Вавила Ѳедоровъ.

3-го октября. *Изъ Тамбова въ Бѣловодскъ.*

Въ телеграфное управленіе.

Нѣкій Иванъ Марковъ проситъ меня по телеграфу изъ города Новобѣльска о защитѣ. Именуетъ меня бариномъ, себя рабомъ. Смѣха достойно! Со днемъ 19-го февраля прекратились права мои надъ Иванами Марковыми, равно и обязанности. Къ тому завели новые суды,—голосъ мой не пріемлется! Какъ попущаетъ телеграфное управленіе, вводя меня въ издержки на отвѣтъ?

Отставной генералъ-маіоръ Дитятинъ.

3-го октября. *Со станціи Ольховки въ Бѣловодскъ.*

Прокурору.

Найденный здѣсь трупъ признанъ священникомъ села Бо-

гоявленска за тѣло сына его, Прова Эмпедоклова, воспитанника Бѣловодской семинаріи. Приписываетъ смерть самоубійству, вслѣдствіе меланхоліи.

Судебный слѣдователь Бурковъ.

4-го октября. *Изъ Бѣловодска циркулярно всѣмъ уѣзднымъ исправникамъ губерніи.*

Освободите немедленно арестованное вами за Сидоренко лицо. Настоящій Сидоренко задержанъ сегодня здѣсь полиціймейстеромъ. Слѣдуетъ быть осмотрительнѣе при задержаніи вами лицъ по требованіямъ судебной власти.

Прокуроръ.

4-го октября. *Изъ Петербурга въ Москву.*

Графу Спиридову.

Одновременно получена просьба Ольховскаго объ отставкѣ и что убитъ въ Баденѣ пулею гусара Палова. Надѣюсь, преслѣдованія не будетъ.

Вронскій.

4-го октября. *Изъ Москвы въ Пыльскъ.*

Предводителю Захарову.

Племянникъ Ольховскій убитъ на дуэли за границею. Весьма не пріятно. Единственный наслѣдникъ его—я. Прошу немедленно принять законныя мѣры къ описи и опечатанію имущества его и прочее, до моего личнаго прибытія.

Графъ Спиридовъ.

5-го октября. *Изъ Пыльска въ Бѣловодскъ.*

Еленѣ Розановой.

Его нѣтъ! Убитъ! И вѣрно за женщину. А я! Только теперь поняла, какъ любила его. Прощай, жизнь! Пойду въ монастырь.

Ольга Захарова.

5-го октября. *Изъ Бѣловодска въ Пыльскъ.*

Ольгѣ Захаровой.

Вижу, душка, ты увлекаешься *Дворянскимъ гнѣздомъ* Тур-

генева. Старая гиль! Прочти *Полжизни* Боборыкина. Поймешь, какъ ты не современна.

Елена Розанова.

6-го октября. *Изъ Петербурга въ Пыльскъ.*

Домнѣ Пищукъ.

Презрѣнный гвардеецъ скрылся за границу. Хотѣлъ за нимъ,—кошелекъ пустъ. Пламенѣю неизмѣнно. Скажите ей! Отвѣтъ уплаченъ.

Аристовъ.

7-го октября. *Изъ Пыльска въ Петербургъ.*

Аристову.

Ольгѣ Николаевнѣ не до васъ. Получили извѣстіе о смерти О. Хотятъ въ монастырь.

Домна Пищукъ.

7-го октября. *Изъ Петербурга въ Пыльскъ.*

Домнѣ Пищукъ.

Не попущу! Рай или могила! Заложилъ часы. На третій классъ хватитъ. Лечу къ вамъ. Отвѣтъ уплаченъ.

Аристовъ.

8-го октября. *Изъ Пыльска въ Москву.*

Графу Спиридову.

Александръ Егоровичъ Ольховскій прибылъ сегодня изъ-за границы цѣлъ и невредимъ. Весьма не доволенъ, что вы такъ поспѣшили съ его наслѣдствомъ. Я самъ, признаюсь, удивляюсь.

Захаровъ.

8-го октября. *Изъ Москвы въ Петербургъ.*

Вронскому.

Весьма сѣтую, къ чему ввели въ заблужденіе извѣстіемъ о смерти племянника. Сейчасъ получилъ свѣдѣніе: живъ, въ деревнѣ. Весьма не пріятно.

Графъ Спиридовъ.

8-го октября. *Изъ Петербурга въ Москву.*

Графу Спиридову.

Очевидно, недоразумѣніе. Ничего подобнаго не сообщалъ вамъ. Справьтесь на телеграфѣ.

Вронскій.

9-го октября. *Изъ Москвы въ Петербургъ.*

Вронскому.

Справлялся. Изъ Петербурга передано: „Ольховскій убитъ пулею Палова". Для меня весьма не пріятно.

Графъ Спиридовъ.

9-го октября. *Изъ Петербурга въ Москву.*

Графу Спиридову.

Не убитъ, а *убилъ* пулею Палова. Здѣсь переврали. Не виноватъ. Во всякомъ случаѣ извините.

Вронскій.

9-го октября. *Изъ Москвы въ Петербургъ.*

Вронскому.

Разумѣется, не виноваты. Но для меня весьма не пріятно.

Графъ Спиридовъ.

12-го октября. *Изъ Пылъска въ Петербургъ.*

Вронскому.

Я здѣсь блаженствую. Если-бъ не воспоминаніе измѣнницы Бланшъ! Дочь Захарова—сама невинность. Кажется, нравлюсь. Завтра порѣшу.

Ольховскій.

13-го октября. *Изъ Пылъска въ Москву.*

Графу Спиридову.

Считаю нужнымъ извѣстить васъ. Александръ Егоровичъ Ольховскій просилъ руки дочери моей Ольги. Далъ согласіе. Свадьба отложена до полученія имъ отставки. Пока переѣхалъ къ намъ жить.

Захаровъ.

13-го октября. *Изъ Москвы въ Пыльскъ.*

Захарову.

Примите сердечнѣйшее поздравленіе. Мнѣ очень пріятно. Племяннику писалъ. Надѣюсь, недоразумѣнія наши съ нимъ окончательно прекращены.

Графъ Спиридовъ.

13-го октября. *Изъ Бѣловодска въ Пыльскъ.*

Домнѣ Пищукъ.

Арестованъ начальствомъ за самовольную отлучку. Обскуранты! Что у васъ? Томлюсь. Отвѣтъ уплаченъ.

Аристовъ.

14-го октября. *Изъ Пыльска въ Бѣловодскъ.*

Аристову.

Ольга Николаевна вчера просватаны за господина Ольховскаго.

Домна Пищукъ.

14-го октября. *Изъ Бѣловодска въ Пыльскъ.*

Домнѣ Пищукъ.

Женщина, сказалъ Шекспиръ, имя тебѣ—крокодилъ! Отправляюсь въ больницу. Отвѣтъ уплаченъ.

Аристовъ.

14-го октября. *Изъ Пыльска въ Бѣловодскъ.*

Еленѣ Розановой.

Лёля, ангелъ, я выхожу за О. Нѣтъ силъ сказать, какъ я счастлива! Цѣлую тебя несчетно разъ.

Ольга Захарова.

15-го октября. *Изъ Бѣловодска въ Пыльскъ.*

Ольгѣ Захаровой.

Увѣрена-ли ты, что честныя гражданскія убѣжденія могутъ мириться съ любовью къ гвардейцу? Прочти у Некрасова: *Тройку* и *Огородника*. А впрочемъ поздравляю. Когда свадьба?

Елена Розанова.

30 octobre (11 novembre). *De Paris à Pilsk.*

Olkovski.

Mon Loulou, Vronski m'apprend ton adresse. Si ne veux me savoir morte, viens me tirer de ma déveine. Rue Caumartin, 15. Je t'aime comme toujours, mon petit chien.

Blanche.

1-го ноября. *Изъ Пыльска въ Москву.*

Графу Спиридову.

Вчерашняго числа племянникъ вашъ, не предваривъ ни меня, ни невѣсту, невѣдомо куда скрылся. На станціи узналъ— взялъ билетъ прямаго сообщенія въ Волочискъ. Значитъ — за границу. Недоумѣваю, дочь слегла.

Захаровъ.

2-го ноября. *Изъ Москвы въ Пыльскъ.*

Захарову.

Для меня очень не пріятно. Легкомысленъ. Первое, для чего потерялъ карьеру? Второе, боюсь, увлекся старою страстью.

Графъ Спиридовъ.

7-го ноября. *Изъ Пыльска въ Бѣловодскъ.*

Еленѣ Розановой.

Онъ исчезъ, покинулъ меня. Что будетъ со мною! О, Леля, если-бъ ты знала... Какой стыдъ!..

Ольга Захарова.

7-го ноября. *Изъ Бѣловодска въ Пыльскъ.*

Ольгѣ Захаровой.

Душка, я говорила тебѣ, чего могла ты ожидать отъ гвардейца! Вспомни Печорина и княжну Мери.

Елена Розанова.

2-го ноября. *Изъ Москвы въ Пыльскъ.*

Захарову.

Племянникъ пишетъ изъ Парижа. Безумный! Проситъ извѣстить, считаетъ себя недостойнымъ руки вашей дочери.

Женится самъ на женщинѣ недостойной его имени. Понимаете, какъ для меня не пріятно?

Графъ Спиридовъ.

26-го ноября. *Изъ Пылька въ Бѣловодскъ.*

Аристову.

Женихъ, свинья безчувственный, чуть не уморилъ нашу барышню. Отъ счастья своего отказался, шлюху, француженку, за себя взялъ. Дѣла ваши могутъ поправиться. Ждите извѣщенія.

Домна Пищукъ.

26-го ноября. *Изъ Бѣловодска въ Пыльскъ.*

Домнѣ Пищукъ.

Нѣмѣю, замираю—и жду! Отвѣтъ уплаченъ.

Аристовъ.

17-го декабря. *Изъ Пыльска въ Бѣловодскъ.*

Аристову.

Пріѣзжайте.

Домна Пищукъ.

17-го декабря. *Изъ Бѣловодска въ Пыльскъ.*

Домнѣ Пищукъ.

Лечу. Отвѣтъ уплаченъ.

Аристовъ.

28-го декабря. *Изъ Пыльска въ Бѣловодскъ.*

Евстигнѣю Фурсикову.

Побѣда. Дѣлаю тебя главнымъ управляющимъ будущими моими имѣніями. Жалованья три тысячи. Довольно? Отвѣтъ уплаченъ.

Аристовъ.

28-го декабря. *Изъ Бѣловодска въ Пыльскъ.*

Аристову.

А ты не врешь?

Фурсиковъ.

28-го декабря. *Изъ Бѣловодска въ Пыльскъ.*

Фурсикову.

Ты глупъ. Пріѣзжай шафером 15-го января. Новый фракъ на мой счетъ.

Аристовъ.

15-го января. *Изъ Пыльска въ Бѣловодскъ.*

Еленѣ Розановой.

Аристовъ проситъ извѣстить, сейчасъ благополучно обвѣнчанъ съ Ольгою Николаевною. Ѣдутъ съ вечернимъ поѣздомъ, тамъ поселятся.

Фурсиковъ.

16-го января. *Изъ Бѣловодска въ Пыльскъ.*

Фурсикову.

За извѣщеніе благодарю. Весь вечеръ проиграла Маршъ Черномора и читала *Жертву вечернюю.*

Елена Розанова.

26-го августа. *Изъ Петербурга въ Пыльскъ.*

Домнѣ Пищукъ.

Сегодня жена даровала мнѣ плодъ любви, въ бракѣ полгода. Сынъ. Сходство сомнительно. Онъ или я? Отвѣтъ уплаченъ.

Аристовъ.

ВЪ ОКНА *).

Изъ записной книжки любопытнаго.

Поздніе прогулки по освѣщеннымъ и полупустыннымъ „аристократическимъ“ улицамъ, тянущимся отъ Лѣтняго сада къ Таврическому, представляли всегда для меня особенный интересъ. Тамъ много домовъ, въ которыхъ первые этажи очень низки, окна не превышаютъ роста человѣческаго и, если гдѣ сторы и занавѣси не заграждаютъ взгляда, можно за стеклами подсмотрѣть много любопытнаго, собрать богатый матеріалъ для наблюденій... А наблюденія и *выводы* изъ нихъ, признаюсь вамъ,—страсть моя! Какъ тотъ дилеттантъ-сыщикъ въ романѣ Габоріо, я готовъ построить въ головѣ своей цѣлую драму по извѣстному слѣду сапога на пескѣ, по разорванной женской перчаткѣ или клочку письма, попавшемуся мнѣ на дорогѣ...

Третьяго дня вечеромъ стояла чудесная зимняя погода: градусовъ 5—6 мороза при полномъ отсутствіи вѣтра, снѣга— и мѣсяца, прибавлю я, такъ какъ это послѣднее обстоятельство особенно выгодно для того рода „наблюденій“, о которомъ я говорилъ. Самъ ты свободно глядишь съ улицы, а тебя изъ освѣщенной комнаты въ темени не замѣтятъ подъ окномъ.

Былъ часъ десятый,—часъ, когда половина ...ой улицы въ театрѣ, гулъ каретъ по ней смолкъ и послышится вновь къ полуночи, извощики на перекресткахъ праздно перекидываются

*) Впервые напечатано въ № 344 „С.-Петерб. Вѣдом.“ 22-го декабря 1875 года.

кое-гдѣ словомъ съ прижавшимся къ углу дома городовымъ, посыльные разошлись, — и въ разрѣженномъ воздухѣ гулко раздается отъ времени до времени лишь шленанье калошъ, да кое-гдѣ кашель неторопливаго пѣшехода...

Я остановился у одного, не новаго, но, какъ говорится, внушительнаго дома. Въ его очень низкомъ rez de chaussée пять оконъ были освѣщены и сторы подняты.

Первые два были очевидно окна спальни, довольно слабо освѣщенной ручною лампою, — при свѣтѣ которой довольно смазливая, не первой юности, но, какъ можно было судить по юркости ея движеній, бойкая и „видавшая виды“ горничная пересчитывала кипу тончайшихъ женскихъ сорочекъ, кофтъ и прочаго бѣлья, только-что, видно, принесеннаго прачкою. Падавшая отъ потолка занавѣсь алькова изъ краснаго кретона съ разводами, тѣмъ же кретономъ обитыя стѣны, коверъ свѣтлыхъ цвѣтовъ во всю комнату, уютная мебель, зеркальный столъ, уставленный серебрянымъ приборомъ и всевозможными принадлежностями дамскаго туалета, — говорили какъ-то несомнѣнно, что спальня эта принадлежала молодой и красивой—непремѣнно красивой—женщинѣ.

Я не ошибался. Она сама была тутъ, въ сосѣдней, большой, въ три окна, совершенно свѣтлой отъ двухъ зажженныхъ въ ней большихъ лампъ, гостиной. Подъ бѣлымъ абажуромъ одной изъ нихъ, на угольномъ диванѣ, у стола, почтеннаго вида старушка, въ чепцѣ и въ черепаховыхъ круглыхъ очкахъ на носу, читала газету. Посреди комнаты, на большомъ, покрытомъ обюсоновскою скатертью, столѣ стояла другая лампа подъ матовымъ колпакомъ. У ближайшаго къ спальной окна, нижнее прясло котораго заставлено было ширмами изъ цвѣтнаго стекла, на крошечномъ женскомъ, обтянутомъ краснымъ бархатомъ, письменномъ столикѣ, подъ широкими листьями подымавшихся надъ нимъ тропическихъ растеній, сидѣла *она*—и быстрыми будто судорожными движеніями руки, макая золотое перо въ маленькую бронзовую чернильницу, писала письмо.

Пламя двухъ свѣчей въ довольно высокихъ подсвѣчникахъ падало плашмя на ея широкій, гладкій лобъ съ замѣтною про-

дольною морщинкою у переносья, на ея красиво очерченныя темныя брови и роскошные темнокаштановые волосы. Она изрѣдка отрывалась отъ письма и, не то гнѣвно, не то задумчиво, устремляла пристально въ уголъ свои каріе съ красноватымъ отливомъ глаза. Мнѣ вспомнились почему-то стихи давно позабытаго поэта Теплякова, въ которыхъ говорится объ „агатовыхъ очахъ"; мнѣ показалось, что ея глазамъ именно приличествовалъ этотъ эпитетъ „агатовыхъ", хотя, ей-Богу, не знаю, какого именно цвѣта бываетъ „агатъ", и эпитетъ мнѣ нравится, по правдѣ сказать, больше ради благозвучія...

Когда она такъ ихъ поднимала и, очевидно, безсознательно глядѣла въ уголъ на свои бананы, подъ лифомъ темнаго шелковаго платья вырисовывался красивый контуръ ея бюста, а надо лбомъ и на затылкѣ становились совсѣмъ видны курчавыя колечки, отдѣлявшіяся отъ массы ея волосъ, — мнѣ приходила тотчасъ же на память *Анна Каренина*... У героини графа Толстаго должна была быть именно *эта* наружность. Его созданіе не просто-ли списокъ съ *этой*, незнакомой мнѣ, изящной и красивой женщины? спрашивалъ я даже себя.

По развитію ея формъ, по темнымъ кругамъ, обводящимъ ея нѣсколько впалые глаза, по матовой бѣлизнѣ полныхъ рукъ, ей можно было дать лѣтъ тридцать съ хвостикомъ, — съ самымъ маленькимъ хвостикомъ, впрочемъ.

Старушка, сидѣвшая въ углу, опустила газету на столъ, приподняла на лобъ очки и, какъ бы отыскавъ глазами писавшую, обратилась къ ней, видимо, съ какимъ-то вопросомъ.

Та быстро обернулась, что-то сказала, — послѣ чего старушка, слегка качнувъ головою, опустила очки и принялась опять за газету, — и со сжавшимися на мигъ бровями обмакнула еще разъ перо въ чернильницу...

Но вдругъ глаза ея блеснули, какъ бы подъ вліяніемъ внезапной новой мысли. Она схватила начатое письмо, разорвала его въ мелкіе-мелкіе кусочки, кинула ихъ въ корзинку подъ столомъ и, взявъ чистый листокъ бумаги, принялась писать опять.

Визгъ подъѣзжавшихъ къ тротуару впереди меня саней заставилъ меня отпрянуть отъ окна. Изъ этихъ саней вышелъ

высокаго роста господинъ въ шубѣ и мѣховой шапкѣ и, позвонивъ у крыльца, принялся разсчитываться съ извощикомъ. Я медленнымъ шагомъ прошелъ мимо него къ сосѣднему дому и, какъ только исчезъ онъ за отворившеюся на его звонокъ дверью, вернулся къ своему посту.

Но теперь къ пяти освѣщеннымъ окнамъ прибавилось еще два. Это были окна кабинета хозяина квартиры. Онъ быстро входилъ въ него, предшествуемый старымъ, сѣдымъ слугою со свѣчою въ рукѣ.

Я видѣлъ его гдѣ-то, это выразительное и осунутое лицо съ падающими внизъ бакенбардами, глубокимъ взглядомъ печальныхъ глазъ и замѣтною сѣдью на вискахъ, — и даже не очень давно видѣлъ, казалось мнѣ, но совсѣмъ какъ бы инымъ, — свѣтлымъ, оживленнымъ, съ выраженіемъ радости жизни въ глазахъ... А впрочемъ я могъ и ошибиться. Мало-ли сколько лицъ прошло предо мною за полвѣка!..

Слуга зажегъ на столѣ четыре свѣчи подъ темнымъ зеленымъ абажуромъ. Хозяинъ все такъ же быстро сѣлъ за столъ, стоявшій бокомъ межъ двухъ оконъ, потянулъ кипу лежавшихъ на лѣвой сторонѣ его бумагъ и сразу погрузился въ чтеніе ихъ.

Старикъ слуга не уходилъ. Онъ взялъ съ другаго стола пепельницу и поставилъ ее подлѣ барина, поднялъ затѣмъ со стула кинутую тѣмъ при входѣ шапку, провелъ по ней нѣсколько разъ обшлагомъ рукава, унесъ ее на столъ, откуда принесъ пепельницу, закрылъ тамъ какую-то развернутую книгу, приподнялъ уголъ свѣсившейся надъ этимъ столомъ картины... Ему какъ будто не хотѣлось уйти...

Онъ не уходилъ—и все посматривалъ избока на погруженнаго въ свои бумаги барина.

Тотъ поднялъ наконецъ глаза. Уста его зашевелились.

Старикъ какъ бы только и ждалъ этого. Онъ старческими, коротенькими шажками подошелъ къ столу и, перегнувшись черезъ него, принялся что-то шептать, изрѣдка оглядываясь на дверь, соединявшую, какъ это было мнѣ видно, кабинетъ съ гостиною.

То, что говорилъ онъ, было, догадывался я, что-то не но-

вое, но глубоко захватывавшее его барина. Онъ откинулся на спинку своего кресла, закинулъ надъ головою сложенныя пальцъ за палецъ руки и будто замеръ такъ, не отрывая глазъ отъ широкаго, краснаго, какъ бы испуганнаго, лица слуги.

Онъ еще долго сидѣлъ въ этомъ положеніи послѣ того, какъ тотъ, замолкнувъ и выпрямившись, уставился на него съ противоположной стороны стола все съ тѣмъ же испуганнымъ, растерянным лицомъ. Онъ словно очнулся наконецъ, быстро провелъ нѣсколько разъ, будто вытирая его, по лицу рукою, сдѣлалъ тою же рукою нетерпѣливое движеніе по направленію къ двери, откуда вошелъ въ комнату, — и снова, съ какою-то будто жадностью, устремилъ глаза на лежавшія передъ нимъ бумаги.

Широкая грудь старика-слуги высоко приподнялась отъ вздоха — и медленными старческими шажками онъ поплелся изъ кабинета. Черезъ нѣсколько минутъ читавшій поднялъ глаза, обвелъ ими комнату и, какъ бы убѣдившись, что онъ одинъ, глубоко вздохнулъ въ свою очередь, потеръ себѣ лицо еще разъ, долго затѣмъ, уложивъ его на руку, глядѣлъ на что-то стоящее у него въ рамкѣ на столѣ, — портретъ, по всему вѣроятію,—и наконецъ, какъ бы съ усиліемъ надъ собою, нехотя медленно поднялся съ мѣста и направился къ двери въ гостиную.

Я тотчасъ же перебѣжалъ къ прежнему моему окну.

Красавица моя сидѣла у него все также за письменнымъ столомъ и дописывала уже третью страничку втораго изданія своего письма.

Она быстро обернулась, — дверь изъ кабинета отворялась въ эту минуту,—и также быстро подсунула письмо свое подъ красные листы раскинутаго бювара.

— Онъ, вошедшій, прошелъ изъ двери не къ ней, а къ старушкѣ въ уголъ, наклонился и поцѣловалъ ее въ лобъ. Она захватила его за шею и прижалась къ его щекѣ, потомъ приподняла свои очки и принялась слѣдить за нимъ, пока онъ, словно разминая ноги, прогуливался по комнатѣ и опустился наконецъ въ большое, обитое трипомъ, кресло у стола, занимавшаго середку комнаты.

Молодая женщина поднялась съ мѣста и улыбаясь — она улыбалась совершенно спокойно и дружелюбно, я это хорошо замѣтилъ,—направилась къ нему. Онъ поднялъ глаза на какія-то ея слова и улыбнулся тоже. Но какая это была дѣланная,—я это также могъ хорошо замѣтить, онъ былъ освѣщенъ лампою,—не охотная, не радостная улыбка.

Онъ ей что-то сказалъ и опрокинулъ назадъ голову съ усталымъ видомъ. Старушка все глядѣла на него со своего мѣста съ приподнятыми на лобъ очками.

Красавица взяла съ большаго стола бронзовый вызолоченный колокольчикъ—извѣстное réduction кремлевскаго колокола —и задвигала имъ.

Вошелъ слуга въ бѣломъ галстухѣ. Она дала ему какое-то порученіе. Онъ вышелъ.

Черезъ нѣсколько минутъ вошли двое дѣтей—мальчикъ и дѣвочка, лѣтъ 5 — 6. За ними нянька несла на рукахъ годоваго ребенка.

Это были *ихъ* дѣти—несомнѣнно.

Они кинулись къ отцу, радостно махая ручками. Онъ посадилъ на одно колѣно розовую, съ длинными, перевязанными назади голубою лентою, свѣтлыми волосиками, дѣвочку, пока мальчикъ прижимался къ другой его ногѣ и тянулся къ золотой цѣпочкѣ его часовъ.

Нянька въ то же время протянула ему чернокудраго младенца, покоившагося головкою у нея на плечѣ.

Онъ не замѣтилъ... или не хотѣлъ замѣтить?

Онъ поспѣшно, неловко какъ-то двинулъ головою внизъ къ мальчику, копошившемуся у его ноги.

Красавица—она стояла ко мнѣ спиною въ эту минуту,— обошла кругомъ стола, взяла ребенка изъ рукъ няньки и, усѣвшись съ нимъ на диванъ, за кресломъ хозяина, стала порывисто, съ какою-то судорожною нѣжностью обнимать и цѣловать его.

Новый визгъ подъѣзжающихъ саней, раздавшійся за мною, еще разъ оторвалъ меня отъ окна.

Онѣ остановились шагахъ въ десяти у сосѣдняго дома. Я пошелъ имъ навстрѣчу.

Это были господскія сани. Изъ нихъ выскочилъ офицеръ въ бѣлой фуражкѣ и быстро прошелъ мимо, не обративъ на меня ни малѣйшаго вниманія.

Куда же это?

Онъ миновалъ крыльцо дома, у котораго стояла его лошадь, и направился къ тому самому первому окну, въ которое я наблюдалъ за смазливою горничною, считавшею бѣлье отъ прачки. Она, должно быть, все еще тамъ. Ай, да донъ-Жуанъ!..

У меня очень хорошее зрѣніе, какъ и подобаетъ моему Fach, какъ говорятъ Нѣмцы:—остановившись въ нѣкоторомъ разстояніи за санями донъ-Жуана, я разглядѣлъ оттуда, какъ рука его въ бѣлой перчаткѣ, выскользнувъ изъ-подъ бобровыхъ лацкановъ шинели, потянулась и какъ бы прошла вдоль по стеклу того окна.

Отвѣчали-ли ему, или, напротивъ, побоялся онъ быть узнаннымъ, — только онъ тутъ же сбѣжалъ съ тротуара и, описавъ довольно большой кругъ по снѣгу улицы, мелькнулъ своею бѣлою фуражкою уже за крыльцомъ *моего* дома, остановившись у его воротъ. Онъ очевидно ждалъ оттуда свою Дульцинею.

Разстояніе теперь между нами было достаточно велико, чтобъ не давать мнѣ возможности видѣть, что тамъ происходило. Итти же *на него* я на этотъ разъ побоялся: — я человѣкъ любопытный, но все-таки осторожный. Такъ прошло минутъ съ десять. Я проминался съ ноги на ногу, начиная зябнуть отъ бездѣлья... Только вижу, онъ, опять кругомъ, по снѣгу улицы, идетъ назадъ къ своимъ санямъ. Я въ свою очередь двинулся съ мѣста, норовя, какъ бы, пользуясь свѣтомъ близъ горѣвшаго фонаря, глянуть ему, проходя, въ лицо.

Но это мнѣ не удалось: онъ стоялъ на улицѣ, у саней, и тѣнь отъ толстаго его кучера заслоняла его всего.

— Куда теперь, ваше сіятельство? спрашивалъ кучеръ, удерживая затопотавшую длинную вороную.

— Нѣтъ, вотъ что, отвѣчалъ звучный, пріятный голосъ, на баритонныхъ нотахъ, — ты теперь ступай домой, а завтра утромъ пріѣдешь за мною. Не опаздывай,—ученье завтра!..

— Къ Бертѣ Ѳедоровнѣ, ваше сіятельство?

— Ну да, отрывисто проговорилъ баритонъ, вбѣгая на тротуаръ,—и лязгъ его палаша раздался по выметеннымъ плитамъ, удаляясь по направленію Лѣтняго сада.

„Знаю, гдѣ и Берта Ѳедоровна живетъ"! подумалъ я — и уже безъ опаски отправился вновь къ своему обсерваціонному пункту,—только зачѣмъ же ему тогда эта горничная?..

Я прошелся теперь вдоль всего ряда оконъ.

Въ спальнѣ не было никого.—Дульцинея бѣлой фуражки, очевидно, не успѣла еще вернуться изъ-подъ воротъ;—въ гостиной, изъ которой уже ушли дѣти, все также въ углу читала газету старушка, а красавица на своемъ крошечномъ письменномъ столѣ дописывала свою четвертую страницу; въ кабинетѣ хозяинъ тоже писалъ подъ темнымъ абажуромъ своихъ четырехъ свѣчей, быстро перекидывая лѣвою рукою листы лежавшаго передъ нимъ *дѣла*.

Наблюдать дальше не обѣщало мнѣ особеннаго интереса. Меня тянуло теперь подъ окно Берты Ѳедоровны,—она также низко живетъ, и притомъ близёхонько, въ параллельной съ—ой улицѣ... Развѣ посмотрѣть еще разъ, единственно уже эстетическаго наслажденія ради, на открытый мною оригиналъ *Анны Карениной*.

Только-что я прильнулъ къ стѣнкѣ, въ тѣни которой ей нельзя было замѣтить меня изнутри, какъ увидѣлъ, что дверь въ гостиную изъ спальной была отворена, и бойкая горничная манила ее къ себѣ оттуда рукою.

Красавица какъ бы не поняла въ первую минуту;—я видѣлъ только затылокъ обращенной къ этой двери прелестной головки ея, но я угадывалъ недоумѣніе въ ея лицѣ...

Вдругъ она вскочила, схватила свое письмо и исчезла въ эту дверь, которая тотчасъ же затворилась за нею.

Я перебѣжалъ къ слѣдующему окну.

Горничная передавала ей другое, въ четвертушку сложенное и запечатанное, письмо...

„Эге-ге, вотъ оно что!" пробормоталъ я, къ стыду моему понявъ только теперь.

Она быстро сорвала конвертъ—горничная поспѣшила тутъ-же подобрать его клочки и сунула ихъ себѣ въ карманъ,—и,

поднѣся листокъ письма къ маленькой ручной лампѣ, стоявшей на невысокомъ булевскомъ шкапчикѣ, такъ и прильнула глазами къ его строкамъ.

Руки ея все сильнѣе и сильнѣе дрожали по мѣрѣ того, какъ подвигалось ея чтеніе; писанное ею письмо, которое она не успѣла еще сложить, выпало теперь изъ нихъ. Горничная еще разъ наклонилась къ полу, подняла его, тщательно сложила и сунула въ тотъ же карманъ свой... Она, прислонившись къ стѣнѣ у окна, рядомъ съ булемъ, съ жаднымъ вопросомъ въ глазахъ, съ нагло-улыбавшимися губами глядѣла на свою барыню.

Бѣдняжка, мнѣ даже страшно сдѣлалось, когда она, дочитавъ до конца, подняла глаза и устремила ихъ на свою *конфидентку*. Она сдѣлала это такъ быстро, что улыбка не успѣла еще сбѣжать съ лица у той и поразила ее вѣроятно своимъ сквернымъ выраженіемъ. Этимъ я объяснилъ себѣ ту бѣшеную вспышку гнѣва, которая изобразилась на ея лицѣ. Зрачки ея будто хотѣли выкатиться изъ-подъ вѣкъ, губы слились въ одинъ со щеками мертвый цвѣтъ полотна, подбородокъ трясся судорожно и некрасиво... Какія-то, должно быть, не хорошія, неприличныя въ устахъ ея слова вырвались изъ нихъ, — они произвели такой же взрывъ съ той стороны, къ которой обращались они. Горничная поблѣднѣла и затряслась въ свою очередь: губы, щеки, плечи, — все заходило у нея разомъ. Она сунула руку въ карманъ и, вытащивъ оттуда всю подобранную ею только-что бумагу, письмо и клочки конверта,—швырнула ихъ чуть не въ носъ барынѣ и, чуть не сбивъ ея съ ногъ, пробѣгая мимо, исчезла за занавѣсомъ ея алькова...

Красивая женщина закрыла глаза обѣими руками, уперлась локтями въ верхнюю доску шкафчика, и долго, недвижно, оставалась въ этомъ положеніи.

Она, наконецъ, отняла руки, мутнымъ, опалѣлымъ взглядомъ повела кругомъ себя, и, шатаясь, добравшись до мягкаго угольнаго дивана, на противоположной сторонѣ комнаты, упала на него

„Comme un corpo morto cádde.. "

какъ падаетъ мертвое тѣло—по выраженію Данта.

Слабый свѣтъ лампы чуть освѣщалъ ее теперь. Лица не было видно, и я могъ различать только общій очеркъ ея откинувшагося головою назадъ тѣла. Оно не содрогалось, не двигалось,—она не плакала, это было для меня ясно... Мнѣ становилось жутко...

Я перешелъ еще разъ къ окну гостиной. Старушка все сидѣла на своемъ диванѣ, но не читала болѣе. Передъ нею стояла нянька, которую за четверть часа передъ этимъ я видѣлъ тутъ съ ребенкомъ на рукахъ. Она теперь что-то поспѣшно передавала, размахивая руками и часто поднося ихъ къ горлу...

Старушка вдругъ сдернула со лба очки, кинула ихъ на столъ и, разомъ поднявшись съ мѣста, еще бодрыми и торопливыми шагами вышла изъ комнаты вмѣстѣ съ нянькою.

Въ кабинетѣ хозяинъ, все также перекидывая лѣвою рукою лежавшее передъ нимъ *дѣло*, правою уписывалъ строку за строкою...

Пока я останавливался подъ его окномъ, кто-то выбѣжалъ изъ воротъ дома на улицу:

— Эй, извощикъ!

Двое саней, скрипя полозьями, подкатили тотчасъ же на зовъ его.

— На канаву... дѣтскую больницу знаешь?

— Знаемъ, батюшка... Двугривенничекъ положьте!

— Ну, безъ торга,—садись!..

Сани укатили.

А красавица моя что же теперь?

Въ спальной, кромѣ лампы, стояла еще теперь на небольшомъ столикѣ подлѣ дивана зажженная розовая парафиновая свѣча въ серебряномъ, съ туалета, подсвѣчникѣ. Рядомъ со свѣчею поставлена была небольшая севрскаго фарфора ваза,—и моя *Анна Каренина*, лицомъ къ окну, сожигала надъ нею одинъ за другимъ кучку тонкихъ исписанныхъ листковъ, лежавшихъ тутъ же на столѣ. Она старалась дожечь ихъ безъ малѣйшаго остатка и разжимала пальцы, лишь когда пламя совершенно близко касалось ихъ. Истлѣвшая бумага падала въ вазу...

На ея освѣщенномъ теперь лицѣ изображалась какая-то олодная, злая рѣшимость.

Нетерпѣніе кончить скорѣе видимо разбирало ее. Она суула вдругъ все, что оставалось еще писемъ, въ вазу и зажгла хъ спичкою. Пламя разомъ вылетѣло оттуда длиннымъ, гоубоватымъ языкомъ... Она дала ему погаснуть, глянула, налонилась внутрь вазы, и, взявъ ее осторожно подъ низъ, гнесла на свой булевый шкапчикъ. Затѣмъ она открыла и отянула его откидную доску. Шкапчикъ открылъ свое нутро озовыхъ, нѣжно отдѣланныхъ, выдвижныхъ ящиковъ. Она ткрыла и вытащила совсѣмъ вонъ одинъ изъ нихъ, просуула далеко руку въ оставленную имъ пустоту—и вынула заѣмъ эту руку съ чѣмъ-то крѣпко сжатымъ между ея пальами... и сейчасъ же оглянулась на дверь въ гостиную за воею спиною и, не довольствуясь этимъ, побѣжала къ той вери. Но, какъ видно, она уже успѣла, пока я ходилъ *намодать* у кабинета, запереть эту дверь на задвижку. Она тольо протянула къ ней свободную свою руку и тотчасъ же опусила ее...

Успокоенная будто теперь, она повела опять взглядъ круомъ и, какъ бы вспомнивъ, подошла къ туалету, взяла съ его тонкій богемскій стаканчикъ, налила въ него воды изъ акого же графина—и перенесла его на столикъ со свѣчею.

И тутъ же опустилась опять на диванъ, будто ноги у нея одкосились...

Пальцы ея правой, упавшей на колѣни, руки все также жимали невидимый предметъ, взятый ею изъ шкапчика.

Она вдругъ медленно приподняла ее—и, еще не двигаясь ама, уронила ее на столъ. Пальцы разжались, рука снова пала на колѣни. На столикѣ, подъ розовымъ свѣтомъ парамина, очутился маленькій, всунутый на половину въ отрѣзанный палецъ перчатки, съ темнымъ горлышкомъ, закупоренный пузырекъ...

Это что? У меня у самого ноги подкашивались.

Внезапно красавица моя выпрямилась вся, словно изъ-подъ ружины, нажалась грудью къ столику, потянула стаканъ къ ебѣ, къ самому краю, взяла пузырекъ, сорвала съ него пробку...

Я вскрикнулъ отъ ужаса... Я не зналъ, звать-ли мнѣ городоваго, или просто самому, сейчасъ, не теряя мгновенія, разбить стекло, остановить, испугать ее на-смерть...

Въ это время она сама, судорожно зажавъ опять въ пальцахъ таинственную стклянку, обернулась лицомъ къ двери, какъ бы прислушиваясь... И вдругъ вскочила, торопливо обѣжала диванъ, потянула задвижку...

Въ комнату вошла старушка. Ленты чепца ея развязались. Въ лицѣ, въ быстро задвигавшихся губахъ явно говорила тревога.

Красавица схватилась за голову, замахала ею, рукою, какъ бы говоря: „сейчасъ, сейчасъ!..“

Старушка скрылась.

Молодая женщина побѣжала къ окну, — я едва успѣлъ укрыться въ тѣнь, — отворила форточку, и что-то мимо меня мелькнуло и звякнуло, ударившись о тумбу тротуара...

Я низко нагнулся, ища глазами. Что-то темнѣло на снѣгу у самаго края тротуарной плиты. Я поднялъ:—это былъ палецъ перчатки съ уцѣлѣвшимъ въ немъ донышкомъ пузырька, издававшимъ довольно сильный запахъ горькаго миндаля...

Я держалъ это разбитое стекло, по правдѣ сказать, не зная, что̀ съ нимъ дѣлать. Я обернулъ его наконецъ въ платокъ, бывшій у меня въ бекеши, и сунулъ въ карманъ. Я его храню до сихъ поръ на память.

Въ спальной, съ открытой еще форточкою, никого уже не было. Изъ гостиной дверь въ кабинетъ была открыта, и старушка, стоя у этой двери, сообщала что-то съ тою же тревогою на лицѣ сидѣвшему у своего трудоваго стола хозяину.

Онъ внималъ ей, поднявъ глаза и машинально выводя какой-то рисунокъ по бумагѣ, за которою сидѣлъ онъ съ карандашемъ въ рукѣ. Онъ покачивалъ головою съ видомъ сожалѣнія, но то, что̀ сообщалось ему, не затрогивало, повидимому, его личнаго чувства. Въ его большихъ, темныхъ глазахъ говорила все прежняя, глубокая, старая печаль,—не тревога...

Старушка ушла; онъ принялся опять за письмо.

„Однако!“ могъ я только сказать себѣ послѣ пережитыхъ мною ощущеній,—„ребенокъ-то во-время заболѣлъ.“

И тутъ же отправился на —ую, подъ окна Берты Ѳедоровны. Почему *Ѳедоровны*, — я уже никакъ не знаю. Самое имя Берты приняла она недавно. Я зналъ ее, какъ и всѣ, лѣтъ десять сряду подъ именемъ Loulou, или подъ кличкою Caniche, данною ей за ея большіе и острые зубы. Это— изъѣзженная, какъ старая почтовая лошадь, желтоволосая, выкрашеная отъ пятокъ до корня волосъ женщина, владѣющая непомѣрною „blague, et d'un chien sans pareil", какъ выражаются ея товарки, а за ними—вся эта прелестная jeunesse dorée невскихъ береговъ...

Изъ-за этой-то Цирцеи сейчасъ тамъ, черезъ улицу, чуть-чуть... Она живетъ, я уже сказалъ, очень низко, и апартаментъ ея былъ весь освѣщенъ. Только на всѣхъ окнахъ подъ шелковыми драпри опущены были густыя, кисейныя, богато расшитыя занавѣски, изъ-за которыхъ ничего нельзя было разглядѣть въ комнатахъ. Къ счастію, въ крайней изъ этихъ комнатъ открыта была форточка,—и сквозь нея долетали до улицы звуки того птичьяго, картаваго и визгливаго говора, какимъ отличаются парижанки.

Eh ben, mon p'tit, t'as bien fait, tu sais, d'avoir lâché les chiens (отпустить) à ta mijaurée. Quand on a l'honneur de posséder une femme comme moi...

— Veux tu bien finir! раздался черезъ нѣсколько мгновеній смѣхъ и звукъ удара рукою по чему-то мягкому. Знакомый уже мнѣ баритонъ просилъ ее громко теперь позволить ему закрыть форточку. — А то, говорилъ онъ со смѣхомъ же и стараясь картавить ей въ подобіе,—ничего нѣтъ легче, какъ простудиться et passer l'arme à gauche (умереть).

— Eh ben, mon p'tit, s'il te prend fantaisie de tirer la langue, j'en serai bien fachée, mais je n'en mourrai pas, comme dit la chanson, tu sais! грубо отрѣзано было ему на это. J'aime les bains d'air, moi!..

Слушать далѣе я уже не хотѣлъ...

И неужели это всегда, всегда будетъ, и должно происходить такъ?..

ДУЭЛИСТЫ СТАРЫХЪ ВРЕМЕНЪ *).

Лѣтомъ 1850 года я жилъ въ Одессѣ, гдѣ по утрамъ цѣлые часы проводилъ въ купальнѣ, въ обществѣ такихъ же, какъ и я, праздныхъ и изнемогавшихъ отъ жары пріятелей,— а вечеромъ ходилъ, ради ужина, въ англійскій клубъ, куда меня обыкновенно записывалъ тогда уже очень больной, — а годъ послѣ того и скончавшійся,—Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ (братъ поэта). Не смотря на мучившую его одышку, онъ еще каждый вечеръ приходилъ въ клубъ, на обычную партію преферанса. Самъ я не игралъ, но, присаживаясь обыкновенно къ нему, слѣдилъ за его игрою. Меня привыкли тутъ видѣть, и я вскорѣ перезнакомился со всѣми его партнерами. Въ числѣ ихъ былъ одинъ, не высокаго роста, коротко обстриженный, въ усахъ (что̀ тогда было почти исключительно принадлежностью военныхъ и отставныхъ военныхъ), и весьма близорукій господинъ, лѣтъ пятидесяти съ чѣмъ-то, съ чрезвычайно кроткою и симпатичною улыбкою, которою онъ, ни словомъ не возражая при этомъ, отвѣчалъ каждый разъ на жалобы и упреки обремиженнаго имъ игрока или вистера... Фамилія его была Муравьевъ; онъ былъ херсонскій помѣщикъ, женатъ, служилъ когда-то въ арміи и пользовался репутаціею очень хорошаго и честнаго человѣка.

— Вотъ ужь воды не помутитъ! выразился я однажды о немъ, возвращаясь ночью съ Пушкинымъ изъ клуба.

Онъ отвѣчалъ на это своимъ порывистымъ горловымъ смѣ-

*) Впервые напечатано въ № 91 „С.-Петерб Вѣд.“ 1-го апрѣля 1876 г.

хомъ (чрезвычайно напомипавшимъ, какъ говорили мнѣ, смѣхъ его брата).

— Что̀ не помѣшало ему, сказалъ онъ, убить въ молодости знаменитѣйшаго бретера того времени!

— Что̀ вы?

— Попросите его когда нибудь, онъ самъ вамъ разскажетъ,—вы же все ужинаете вмѣстѣ.

Дѣйствительно, послѣ партіи, Муравьевъ обыкновенно садился ужинать рядомъ со мною, что̀ я не могъ не приписывать весьма лестному для меня, тогда еще очень молодаго человѣка, нѣкоторому расположенію его ко мнѣ.

Любопытство мое было сильно возбуждено, и я однажды, послѣдовавъ совѣту Льва Сергѣевича, рѣшился обратиться къ нему прямо...

Онъ весьма обязательно и простодушно заговорилъ такъ:

Было это въ концѣ царствованія государя Александра Павловича. Я служилъ въ александрійскихъ гусарахъ; стояли мы тогда въ Волынской губерніи, и штабъ нашей дивизіи находился въ Бердичевѣ. Въ ту пору въ арміи, въ особенности въ гусарахъ, служило очень много богатыхъ людей, и изъ лучшихъ фамилій; полки десятками считали у себя сверхкомплектныхъ офицеровъ; по эскадронамъ, въ деревняхъ, окромя командировъ, да юнкеровъ, почитай никого не оставалось,—начальство у насъ было на это невзыскательное,—все въ Бердичевѣ проживало... Жизнь тамъ была какая,—можетъ, сами слышали, потому многимъ памятно еще это время,—вавилонское столпотвореніе, просто скажу вамъ. Игра, пьянство, гульба... Что̀ съ этими жидками одними выдѣлывали! Женъ хорошенькихъ и дочерей изъ-подъ носу у нихъ въ бѣлый день увозили, верхами на спинахъ ихъ ѣздили; придетъ не во̀-время жидъ за деньгами, такъ расписку или вексель заставятъ его разжевать и съѣсть, иначе бороду ему холостымъ зарядомъ изъ пистолета спалятъ, заставятъ въ лужу, въ грязь головою впередъ лѣзть и тому подобное... Въ накладѣ, разумѣется, народецъ этотъ не оставался, и я такъ скажу, что

съ этого самаго, полагаю, времени и пошелъ настоящимъ образомъ богатѣть Бердичевъ. Доставали они намъ всякую вещь, диковину какую хотите, потому сейчасъ тутъ граница, контрабанда шла страшная. За то и драли они съ насъ немилосердно, а въ концѣ концовъ офицеръ въ иной часъ хоть и спалитъ ему бороду, за то по векселямъ по этимъ переплатитъ ему чортову тьму:—у самого нѣтъ, такъ товарищи выручатъ. У насъ на этотъ счетъ первое дѣло было—товарищество и честь полка... За то, можно сказать, и мѣсяца не проходило, чтобъ кого либо не пострѣлили на поединкѣ или голову саблей не размозжили...

Служилъ я такимъ образомъ въ полку уже восьмой годъ, штабсъ-ротмистромъ уже былъ. А отецъ жилъ у меня въ Москвѣ. Вотъ онъ мнѣ разъ и пишетъ: „давно мы съ тобою не видались, не пріѣдешь-ли въ отпускъ?“ Я подалъ—и поѣхалъ. Ну, тамъ, разумѣется, всякія удовольствія, театры, балы; офицеру же, танцору, всегда въ Москвѣ рады. Только я, знаете, свѣтскимъ человѣкомъ никогда не былъ, танцовать не гораздъ былъ; стало меня скоро тянуть обратно въ полкъ, къ товарищамъ. Собрался ѣхать... А надо вамъ сказать, у отца моего былъ задушевный пріятель, графъ Толстой одинъ, человѣкъ съ состояніямъ, тоже домъ свой въ Москвѣ имѣлъ, неподалеку отъ нашего. И у этого графа Толстаго былъ сынъ, котораго я ребенкомъ зналъ. Было ему въ ту пору лѣтъ восемнадцать, и собирался онъ, какъ вся тогдашняя молодежь, въ военную службу. Вотъ-съ отцы-то наши и разсудили, что самое лучшее будетъ опредѣлить его въ нашъ полкъ, подъ мое, такъ сказать, попечительство и наблюденіе, какъ офицера уже опытнаго, и который, по дружбѣ нашихъ семействъ, будетъ молодому человѣку въ родѣ брата старшаго. Я конечно не прочь былъ. Мальчикъ-то былъ славный, воспитанный, благородный, настоящее барское дитя. Въ службу, бѣдняжка, такъ и рвался. „И отличнѣйшій офицеръ будетъ!“ думалъ я про себя, потому это, знаете, сейчасъ видно...

Снарядили его тутъ сейчасъ. Бумаги его, деньги,—все это мнѣ поручили... Что тутъ слезъ было однѣхъ при разставаньи,—потому любимый сынъ, разлука въ первый разъ...—„Сберегите

намъ его, сохраните!"... Мать его въ послѣднюю минуту отпускать его отъ себя просто не хочетъ, безъ чувствъ упала... Старикъ—графъ кричитъ только мнѣ: „съ Богомъ, скорѣе, а не то конца этому не будетъ!.." Такъ я его и увезъ... До сихъ поръ все это такъ живо помнится мнѣ!..

Привезъ я его въ полкъ,—и въ самомъ скоромъ времени сталъ онъ любимчикомъ всего полка. И по службѣ, и по товариществу—малый отличный вышелъ. Все „птенчикомъ" моимъ звали его, смѣясь. Что же, такимъ птенчикомъ гордиться можно было, и я дѣйствительно любилъ его въ родѣ того, какъ если-бъ онъ мнѣ братъ или даже сынъ былъ: — противъ него годами я десятью былъ старше... И пока онъ юнкеромъ былъ, я его отъ себя, почитай, не отпускалъ. Эскадронъ я тутъ получилъ, и онъ у меня въ эскадронѣ на одной со мною квартирѣ и жилъ...

Произвели его въ офицеры... Ну, сами вы знаете, что это такое для молодаго человѣка!.. Ногъ подъ собою не чувствовалъ онъ отъ радости... Въ Бердичевъ, разумѣется, экипироваться. Жидки тутъ разомъ обшили его, и птенчикъ мой надѣлъ въ первый разъ офицерскіе эполеты *); отправились мы съ нимъ обѣдать въ лучшій тогда трактиръ въ Бердичевѣ, къ жиду Іоськѣ.

Офицерства тутъ, по обыкновенію, было множество, въ томъ числѣ нашихъ полковыхъ нѣсколько человѣкъ. Увидѣли Толстаго, вскочили. Поздравленія пошли, обниманія... Сѣли мы всѣ за особый столъ; шампанскаго, разумѣется, первымъ дѣломъ... И идетъ у насъ товарищескій, веселый разговоръ и смѣхъ... Любъ онъ былъ, знаете, всѣмъ, такой молоденькій, свѣжій, радостный. Кто-то и говоритъ: „А на птенчикѣ, господа, поистинѣ, мундиръ нашъ—заглядѣнье!" Онъ же на это, съ радости, — да и выпито было уже порядочно, — вскочилъ съ бокаломъ въ рукѣ: „Господа!"—кричитъ, знаете, этимъ своимъ молодымъ, звонкимъ голосомъ,—„виватъ александрійскій мундиръ, самый красивый и благородный во всей русской арміи!" **).

---

*) Въ то время гусарскіе офицеры имѣли вицмундиры и сюртуки съ эполетами.

**) Форма александрійскаго гусарскаго полка, дѣйствительно, очень изящна: черный съ серебромъ мундиръ и красный киверъ.

Не успѣлъ онъ это сказать, какъ вдругъ съ другаго стола раздался голосъ, громко и рѣзкимъ, нѣмецкимъ выговоромъ: „Это, говоритъ, одинъ мальчишка и молокососъ можетъ осмѣливаться сказать такихъ словъ предъ господамъ офицерамъ, имѣйщимъ честь носить другіе мундиръ!“

Какъ держалъ бокалъ въ рукѣ Толстой, такъ и полетѣлъ онъ изъ нея моментально въ этого говорившаго,—только стекло о стѣну зазвенѣло...

— Гельмерсенъ! шепнулъ мнѣ тутъ одинъ изъ обѣдавшихъ съ нами товарищей... Самъ же я, по близорукости моей, и не замѣтилъ, что онъ тутъ неподалеку отъ насъ сидитъ.

А Гельмерсенъ былъ вотъ что̀ за человѣкъ: имѣлъ онъ на своемъ вѣку семнадцать дуэлей, въ которыхъ девять человѣкъ уложилъ на мѣстѣ, а остальныхъ покалѣчилъ; два раза разжалованъ былъ за это въ солдаты, ссылался на Кавказъ, выслуживался и опять поступалъ въ полкъ, въ гусары... Было ему въ ту пору уже давно за сорокъ, а состоялъ онъ штабсъ-ротмистромъ въ *** полку *), въ нашей же гусарской дивизіи. Росту онъ былъ высокаго, худой, съ рыжими усищами чуть не по поясъ, глаза мутные, — этакая, знаете, злющая нѣмецкая фигура!.. И всѣмъ онъ настоящій терроръ этою своею фигурою и свирѣпостью внушалъ, потому, какъ самъ онъ хвалился, ему человѣка все равно, что бекаса было застрѣлить.

Задѣло его бокаломъ, или нѣтъ, ужь не знаю. Только поднялся онъ преспокойно съ мѣста, подошелъ къ нашему столу и, воззрясь на Толстаго, протяжно, знаете, будто ядомъ капаетъ: „Вы, говоритъ, за это будете получайть урокъ, господинъ молодой офицеръ!“

— Еще посмотримъ, кто получитъ! отвѣтилъ тотъ такъ, что вотъ сейчасъ, думаю, онъ еще въ усища ему вцѣпится. Я его за руку и сѣсть заставилъ.

— Хорошо, сказалъ Гельмерсенъ,—я къ вамъ сегодня буду имѣть честь прислать моихъ секундантовъ.

— А вотъ мои! Толстой указалъ на меня и другаго товарища...

*) За отдаленностью времени, имя этого полка, названнаго мнѣ Муравьевымъ, никакъ теперь припомнить не могу.

Уладить дѣло не было никакой возможности. Обоюдное оскорбленіе, публично... Къ тому же птенчикъ нашъ ни за что бы и не согласился... Намъ съ товарищемъ, секундантамъ его, оставалось только одно: насколько это было лишь согласно съ его и нашимъ достоинствомъ, при обсужденіи условій дуэли стараться уменьшить невыгодные шансы для Толстаго. Но и этого достигнуть было не легко. Мы начали было съ того, что Толстому, какъ оскорбленному словами: „мальчишка“ и „молокососъ“, слѣдовало стрѣлять первому. Но на это секунданты Гельмерсена возразили намъ, что „Гельмерсенъ этими словами отвѣчалъ на слова Толстаго объ александрійскомъ мундирѣ, оскорбительныя-молъ для офицеровъ всѣхъ остальныхъ гусарскихъ полковъ, такъ какъ онъ не удовольствовался сказать, что онъ „красивѣе“ другихъ мундировъ, что зависитъ отъ вкуса каждаго, а еще то—что онъ „благороднѣе,—значитъ мундиры другихъ полковъ не такъ благородны, какъ александрійскій“... Противъ этого намъ спорить было нельзя, — дѣйствительно, это вырвавшееся въ юношескомъ жарѣ слово было неосторожное слово. При щекотливости понятій тогда у нашего офицерства, стараться намъ съ этой стороны оправдывать Толстаго—значило задѣвать такой предметъ, что всему нашему полку, пожалуй, изъ-за того пришлось бы перевѣдаться съ остальными полками дивизіи. Мы поэтому объ этомъ и не начали, а только доказывали, что если-бъ ихъ Нѣмецъ, вмѣсто бранныхъ словъ, потребовалъ сначала у Толстаго объясненія, то въ такомъ случаѣ мы первые заставили бы молодаго человѣка дать удовлетворительное объясненіе, даже извиниться за вырвавшуюся неловкость. Секунданты Гельмерсена, въ свою очередь, противъ этого не спорили, но говорили, что на „рѣзкія выраженія“ того Толстой отвѣчалъ такимъ „дѣйствіемъ“, которое-молъ высшая степень оскорбленія, какое только можно нанести офицеру, и что Гельмерсенъ былъ даже въ правѣ за это изрубить его на мѣстѣ...

Долго мы спорили, однакожь добились того, что шансы были уравновѣшены. Противники должны были стрѣляться на 18-ти шагахъ, до первой раны, и стрѣлять оба разомъ, по третьему удару въ ладоши. Боясь, чтобъ какъ-нибудь не имѣ-

шалось начальство,—потому исторія ужь слишкомъ публично произошла, — положено было, что Гельмерсенъ, со своими секундантами, сейчасъ же выѣдетъ изъ мѣстечка, и будутъ они ждать насъ въ 25-ти верстахъ отъ Бердичева, въ деревнѣ одного, всѣмъ намъ знакомаго, польскаго пана, — а мы выѣдемъ ночью, чтобъ на зарѣ прибыть на мѣста... Такъ и сдѣлали...

Ну-съ, и дрались они... и, какъ предчувствовалъ я съ первой минуты, такъ и случилось! Угодилъ онъ нашего птенчика въ самое сердце: какъ стоялъ тотъ, такъ и покатился навзничь, не пикнувъ...

Я ужь и не съумѣю теперь передать вамъ, что со мною тутъ было... Какъ мы его тогда подняли, повезли, хоронили на другой день,—ничего изъ этого у меня въ памяти не осталось. Ходилъ я какъ во мглѣ, знаете, безъ сознанія,—докторъ, послѣ похоронъ, взялъ меня, усадилъ и пустилъ кровь. Только все же не миновалъ я горячки, и все это мнѣ мать его, бѣдняжка, въ бреду представлялась, какъ она, отпуская его со мною, молила меня: „сберегите мнѣ его, сохраните!“ А я вотъ какъ его сберегъ!.. Девятнадцати лѣтъ... да и того ему не было,— мѣсяца до девятнадцати не хватало!..

Вылѣчили меня; только я, знаете, будто изъ какого другаго міра вернулся, опротивѣла мнѣ жизнь и военная служба до того, что я серьезно въ монастырь, въ монахи собирался итти. Только чтобъ отца не огорчить, не пошелъ!.. А къ нему, въ Москву, ѣхать—вы понимаете, каково бы мнѣ это было...

Товарищи,—жили мы всѣ въ полку очень дружно, — видя мое состояніе духа и что мнѣ необходимо мѣсто перемѣнить, разсѣяться, разсудили, что лучше всего послать меня за ремонтомъ. Я согласился охотно, поѣхалъ... Однако большаго облегченія это мнѣ не принесло,—только что за дѣломъ, знаете, меньше времени было думать... А останешься одинъ, опять все тѣ же мысли и чувства... И тутъ все чаще и чаще стало мнѣ приходить въ голову, что у меня съ тѣмъ Нѣмцемъ счеты не покончены, что мы еще когда-нибудь съ нимъ встрѣтимся,— а встрѣтимся, такъ я не выдержу, скажу ему... И тутъ я положилъ себѣ не искать съ нимъ встрѣчи, потому я пони-

малъ, что онъ непремѣнно убьетъ меня, — а мнѣ жаль было старика-отца моего, котораго я очень любилъ... А, надо вамъ кстати сказать, послѣдствій для него дуэль съ Толстымъ не имѣла: начальство тогда старалось по возможности не давать хода производству по такого рода дѣламъ,—къ тому же командиры нашего и Гельмерсена полковъ были пріятели, и сами старые рубаки: его въ тотъ же день отправили въ четырехмѣсячный отпускъ, а у насъ „птенчика“ показали умершимъ отъ воспаленія. Тѣмъ и кончилось, и мнѣ даже, въ бытность мою за ремонтомъ, писали изъ полка, что, по слухамъ, Гельмерсенъ выходитъ въ отставку, получивъ какое-то наслѣдство въ своей Курляндіи, гдѣ будто навсегда и остается...

Черезъ годъ времени вернулся я въ полкъ съ ремонтомъ,— и отличный привелъ, доложу вамъ: ни единой лошади у меня не забраковали!.. Генералу нашему дивизіонному двухъ чудныхъ выѣздныхъ въ Тамбовѣ купилъ по случаю,—такая парочка выдалась, что онъ, повѣрите, чуть не прослезился отъ радости, когда доставилъ я ихъ ему въ Бердичевъ!.. И въ этотъ самый день, отъ генерала, знаете, выходя,—часу это было въ двѣнадцатомъ,—захотѣлось мнѣ поѣсть чего-нибудь, и пошелъ я въ трактиръ къ Іоськѣ... Тутъ мнѣ еще одинъ товарищъ встрѣтился,—дошли вмѣстѣ... Только у самаго крыльца, намъ навстрѣчу, по ступенькамъ сходитъ офицеръ. Поравнялся съ нами, глядитъ на меня—и приложилъ руку къ козырьку... Гельмерсенъ!.. Видно, судьба ужь того хотѣла!.. У меня, знаете, даже въ глазахъ помутилось... Однако я сдержался и, какъ бы не замѣтивъ его, прошелъ вверхъ, не отвѣчая на его поклонъ.

А онъ мнѣ снизу вдругъ: „Штабсъ-ротмистръ Муравьевъ“.

Я обернулся.

— Что вамъ угодно?

— Я, говоритъ, имѣлъ честь сейчасъ вамъ покланиться.

— А я, говорю, кланяться вамъ не желаю.

Онъ поднялся опять по ступенькамъ, сталъ противъ меня и спрашиваетъ:

— Что это значитъ, господинъ штабсъ-ротмейстеръ?

Злость, знаете, на него такъ и душила меня!

— А то, говорю, что вы не офицеръ,—а палачъ!

Хладнокровіе у этого человѣка, скажу вамъ, было адское! Точно змѣя, спокойно и ядовито, поглядѣлъ онъ только на меня, и съ улыбкою:

— Вы, говоритъ, понимаете, штабсъ-ротмейстеръ, что за такихъ словъ вы должны мнѣ отвѣтъ давайть?

— Какъ вамъ угодно!

Повернулся я къ нему спиною и вошелъ къ Іоськѣ...

И, повѣрите,—сдѣлалось мнѣ вдругъ такъ легко и весело, какъ уже и не помнилъ я себя съ самой той минуты, когда, годъ тому назадъ, въ этомъ же трактирѣ тотъ же Гельмерсенъ... Я не сомнѣвался, что онъ положитъ меня на повалъ,—а вотъ, подите, точно гора у меня съ плечъ свалилась!.. И ужасно досадно мнѣ было, помню, на моего спутника, который никакъ не могъ скрыть своей тревоги за меня и все норовилъ не глядѣть мнѣ въ глаза... Я потребовалъ вина, заставилъ его пить, и самъ пилъ много,—но не пьянѣлъ. Все такъ же ясно было у меня въ головѣ, и на душѣ спокойствіе такое: „что же, думаю,—онъ меня убьетъ, и прекрасно, а я все же ему сказалъ, что онъ палачъ, — палачъ онъ и есть“!..

Товарищъ, разумѣется, предложилъ мнѣ быть моимъ секундантомъ, а что вторымъ будетъ другой нашъ однополчанинъ, за которымъ онъ съѣздитъ...

— Хорошо, говорю, спасибо, только на счетъ условій прошу предоставить мнѣ лично окончательное рѣшеніе.

Гельмерсенъ дѣло откладывать не любилъ. Въ тотъ же вечеръ, въ заѣзжій домъ, гдѣ я остановился, явились отъ него два офицера съ формальнымъ письменнымъ вызовомъ, на французскомъ даже языкѣ. Я указалъ имъ на моихъ секундантовъ—и вышелъ въ другую комнату, предоставляя имъ выслушать сначала предложенія противника. Минутъ черезъ десять, пришли они мнѣ передать, что секунданты Гельмерсена претендуютъ, чтобъ ему, какъ обиженному, предоставлено было право перваго выстрѣла, но что они, мои секунданты, въ виду моей близорукости и того, что я никогда не стрѣлялъ изъ пистолета, полагаютъ, что шансы дуэли должны быть уравно-

вѣшены и первый выстрѣлъ рѣшенъ на жребій; относительно дистанціи обѣ стороны соглашались, чтобъ драться намъ на 18-ти шагахъ, какъ въ дуэли Толстаго.

— Такъ теперь вотъ на какихъ условіяхъ я желаю драться съ г. Гельмерсеномъ, господа, сказалъ я, выходя къ его посланцамъ:—такъ какъ онъ въ двадцати пяти шагахъ безъ промаха въ туза бьетъ, то ему совершенно все равно попасть въ меня въ 18-ти, какъ и въ 2-хъ шагахъ, а я на осьмнадцати, при моемъ слабомъ зрѣніи, пожалуй и не различу его совсѣмъ. А потому я ему предлагаю слѣдующее: стрѣляться намъ на пяти шагахъ, причемъ мнѣ не должно быть воспрещено употребленіе моего лорнета, безъ котораго мнѣ трудно обходиться,—а кому стрѣлять первому—предоставить рѣшить жребію.

Секунданды его въ первую минуту опѣшили...

— Это неслыханныя условія, говорятъ,—такъ никто не дерется!

— А я на иныхъ драться не стану!

— Такого рода предложеніе, говорятъ они опять,—ни г. Гельмерсенъ, ни мы предвидѣть не могли, а потому мы должны просить у васъ позволенія съѣздить къ нему за новыми полномочіями.

— Сдѣлайте милость, съѣздите!

Вернулись съ такимъ отвѣтомъ, что ихъ довѣритель находитъ мое предложеніе противнымъ всѣмъ дотолѣ принятымъ обычаямъ дуэлей, но что онъ готовъ, для уравновѣшенія шансовъ, уменьшить разстояніе съ 18-ти на 10 шаговъ, и стрѣлять противникамъ одновременно, по сигналу.

— На послѣднее я согласенъ, сказалъ я, но стрѣляться не дальше, какъ на *пяти* шагахъ. А если господину Гельмерсену не угодно принять будетъ это мое безповоротное условіе, такъ я буду считать себя въ правѣ назвать его публично трусомъ и негодяемъ!

Ну, знаете, послѣ этого ему трудно было не согласиться...

Дрались мы на другой день, неподалеку отъ Бердичева, въ лѣсу, на полянкѣ... Утро было сѣрое, за туманцемъ солнца не видать было... Оттого-ли, или отъ предчувствія, только какъ поставили насъ на дистанцію и, поднеся лорнетъ къ глазамъ,

зглянулъ я на противника, показалось мнѣ, что прозябъ онъ есь въ своемъ кителѣ, морщится, а глаза мутнѣе обыкновенаго... Мнѣ тутъ въ первый разъ пришло въ голову: „а ну, акъ онъ промахнется?“ И я, все не отводя лорнета отъ глазъ, однялъ свой пистолетъ. Гляжу, и онъ свой поднялъ и наводитъ на меня... Только опять показалось мнѣ,—ходитъ у него ъ рукахъ этотъ пистолетъ, какъ бы не можетъ онъ уставить его ъ точку. Однако я зналъ, что у многихъ отличныхъ стрѣловъ *ходитъ* такимъ манеромъ долго пистолетъ въ рукѣ передъ настоящимъ моментомъ прицѣла. Ничего это не значило, все же...

Въ эту минуту слышу, кричитъ мнѣ мой секундантъ: „Муавьевъ, attention, слушать сигнала!“... И въ то же время вижу,—длинная рука Гельмерсена, съ прижатымъ къ боку локемъ, какъ камень недвижная теперь, цѣлитъ мнѣ дуломъ пиголета прямо въ грудь. А на пяти шагахъ дистанціи, почиай, что въ упоръ стрѣлять...

— Ну, подумалъ я, теперь мнѣ конецъ!..

Секундантъ его—изъ Нѣмцевъ тоже, баронъ одинъ былъ,—дарилъ въ ладоши:

— Разъ!.. Два!..

Я невольнымъ движеніемъ прижмурилъ глаза...

— Три...

Въ одинъ и тотъ же моментъ услыхалъ я разомъ „три“, трашный вороній каркъ и гулъ выстрѣла, — и что-то, будто листомъ, ожгло меня по лѣвому плечу... Я вздрогнулъ, расрылъ глаза—и дернулъ за курокъ...

Сквозь дымъ выстрѣла мнѣ показалось, что Гельмерсенъ, акъ стоялъ, такъ и перевернулся на одной ногѣ,—а затѣмъ...

Секунданты кинулись къ нему со всѣхъ ногъ... Я стоялъ, ичего не понимая... Стая вороновъ немилосердно каркала ругомъ и шумѣла въ вѣтвяхъ, перелетая съ дерева на дерево...

Этотъ каркъ ихъ, меня потомъ хотѣли увѣрить, спасъ меня: — у Гельмерсена будто рука дрогнула, какъ начали они другъ разомъ, послѣ перваго удара въ ладоши, — и, вмѣсто руди или сердца, пуля его оттого меня только поверхъ пле-

ча задѣла... Только я, знаете, полагаю такъ, что въ нашихъ человѣческихъ дѣлахъ простымъ случаемъ ничего не объяснишь. Вѣдь оттого же, что и у меня дрогнута рука, попалъ я ему, не цѣлясь, прямо въ високъ?..

— Имѣла для васъ какія нибудь послѣдствія эта дуэль? спросилъ я Муравьева, когда онъ кончилъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ: — на это, я вамъ уже сказалъ, смотрѣли въ то время не строго,—такое понятіе было, что это боевой духъ арміи поддерживаетъ... Только я самъ тутъ же вышелъ изъ полка,—опротивѣло...

ИЗЪ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЖИЗНИ.

ДОМОВЛАДѢЛЬЧЕСКІЕ ТИПЫ *).

I.

У Пяти Угловъ.

Кабинетъ домовладѣльца Пучкова, отдѣленный отъ передней деревянною перегородкою. Столъ съ чернильницею и грудою счетныхъ книгъ; несгараемый шкафъ, вдѣланный въ стѣну; диванъ вдоль перегородки; нѣсколько креселъ. Въ передней слышится звонъ колокольчика.

Пучковъ (*строгій брюнетъ, въ усахъ, вида болѣе военнаго, чѣмъ статскаго. Изъ кабинета*). Дарья, Дороте! Звонятъ.

Дарья, горничная (*выбѣгая изъ внутреннихъ комнатъ въ переднюю*). Слышу! (*Отворяетъ входную дверь*).

(*Входитъ жилецъ. Лѣтъ среднихъ; не то бѣлокурый, не то сѣдой; ростъ, какъ и чинъ, не слишкомъ большой и не слишкомъ малый; видъ не то оробѣлый, не то сердитый; страдаетъ хроническимъ кашлемъ*).

Дарья (*не ожидая вопроса*). Дома, пожалуйте-съ!

(*Жилецъ въ передней заливается кашлемъ*).

Пучковъ (*изъ кабинета*). Узнаю коней ретивыхъ по вспотѣвшимъ я бокамъ (*выбѣгаетъ въ переднюю*)... Милости просимъ! Запыхались? Надѣюсь не отъ лѣстницы? У меня во всемъ домѣ ступеньки самыя отлогія,—спеціальное вниманіе обратилъ при постройкѣ!..

---

*) Впервые напечатано въ № 103 „С.-Петерб. Вѣд.“, 15-го Апрѣля 1877 г.

Жилецъ. Нѣтъ... я... я... бо... каш... хро... хрони...

Пучковъ. Хронически? Такъ-съ! Извѣстная петербургская спеціальность... Главное—къ медикамъ не обращаться! У меня у самого сынъ по этой части,—такъ мнѣ это до глубины извѣстно... Милости просимъ (*вводитъ его въ кабинетъ*)! Чѣмъ угостить прикажете? Папироску?..

Жилецъ (*тяжело переводя духъ*). Благодарю, пересталъ курить... Водицы бы хлебнулъ, если позволите...

Пучковъ (*стремительно*). Дарья! Дороте! Воды!.. Съ ромкомъ прикажете? Или хересу,—у меня отличный, я по этой части спеціалистъ, ха, ха, ха!..

(*Жилецъ пьетъ воду и отдувается. Дарья поспѣшно вноситъ бутылку хереса и ставитъ на столъ. Пучковъ наливаетъ двѣ рюмки*).

Жилецъ. Благодарю, пересталъ... Запрещено мнѣ.

Пучковъ (*презрительно*). Указъ отъ медицинской коллегіи изволили получить? Понимаю-съ,—и искреннее осмѣлюсь питать къ вамъ сожалѣніе, потому вижу, что вы къ этой спеціальности имѣете самое пагубное пристрастіе (*опорожняетъ залпомъ свою рюмку*).

Жилецъ (*окончательно оправившись и принимая рѣшительный видъ*). Я къ вамъ, Николай Алексѣевичъ, съ весьма непріятнымъ для меня сообщеніемъ!

Пучковъ (*воззрясь недоумѣло на него*). Съ чѣмъ это? Въ семьѣ у васъ все-ли благополучно? Не дай Богъ...

Жилецъ (*не давая ему кончить*). Да, именно семья моя... и я самъ, всѣ мы, съ тѣхъ поръ, какъ переѣхали въ вашъ домъ, самымъ рѣшительнымъ образомъ переболѣли. Жена моя весь день задыхается; кашляю я, какъ видите, не въ примѣръ хуже прежняго; у старшаго сына постоянная головная боль, маленькая дочь...

Пучковъ (*перебивая его*). Понятное дѣло! Видѣлъ я, видѣлъ-съ сына вашего: сидитъ, бѣдняжечка, передъ нимъ греческая книжка и таблица логариѳмовъ, не то одна,—двѣ такія премудрости; такъ какъ же головѣ его-то не болѣть? А?

Жилецъ (*нѣсколько озадаченный*). Однако, позвольте... сынъ мой въ гимназіи уже третій годъ, и ничего, идетъ хорошо... и

никогда на голову не жаловался до того времени, какъ переѣхали мы въ вашъ домъ...

Пучковъ *(колотя себя въ грудь рукою)*. Нѣтъ-съ, ужь вы мнѣ позвольте! Я по этому вопросу спеціалистъ, именно я и два мои сына были мы въ этихъ учебныхъ лубочкахъ, прошли-съ: въ продолженіе, могу сказать, всего ученія голова у насъ не переставала трещать, потому что не по силамъ пылкому юношеству. Ему жизни требуется, реальной жизни, а вы ему... А вы на мой домъ. Мой домъ тутъ не причемъ, милостивый государь!

Жилецъ *(нѣсколько смущеннымъ голосомъ,—онъ, видимо, перепуганъ тономъ и сверкающими глазами господина Пучкова)*. Я, почтенный Николай Алексѣевичъ, повѣрьте, ничего для васъ предосудительнаго, конечно... Но войдите, однако, въ мое положеніе: моя семья, и я... Докторъ намъ положительно....

Пучковъ *(вскакивая съ мѣста)*. Вотъ оно! Договорились! Такъ давно бы и сказали: докторъ *(выпиваетъ залпомъ вторую рюмку хересу)*! Я вотъ вамъ сейчасъ покажу, что̀ именно это такое — докторъ *(быстро отворяетъ дверь въ сосѣднюю комнату)*, Ѳеофилактъ Николаичъ, а, Ѳеофилактъ Николаичъ, благоволите явить свою персону!..

(Въ дверяхъ показывается бѣлесоватый, длинный и худой молодой человѣкъ въ мундирѣ студента медико-хирургической академіи; онъ сонными глазами и съ лѣнивою улыбкою глядитъ на жильца и слегка позѣвываетъ).

Пучковъ. Честь имѣю рекомендовать: чадо мое любезное, старшій въ родѣ, будущее свѣтило русской врачебной науки; черезъ два года имѣетъ получить законный дипломъ—отправлять безнаказанно ближняго на тотъ свѣтъ. Нравится это вамъ?

Жилецъ *(смущенно)*. Я... я... позвольте...

Студентъ *(къ отцу)*. За этимъ только я вамъ и нуженъ былъ?

Пучковъ. Именно! Потому — горжусь. Doctor medecini, Ѳеофилактъ Пучковъ, ха, ха, ха... Да еще, затѣмъ, Ѳеофилактъ Николаичъ, чтобы вы вотъ имъ *(указываетъ на жильца)* ученымъ свидѣтельствомъ вашимъ подтвердили, какъ у васъ отъ

тригонометріи и какого-нибудь Саллюстія постоянно голова трещала во время ученія вашего въ гимназіи.

Студентъ. Никогда она у меня тамъ не трещала,—а вотъ всѣ эти дни трещитъ дѣйствительно отъ угара, потому у васъ въ домѣ дрова вѣчно сырыя... (*Обращаясь со смѣхомъ къ жильцу*). А онъ вамъ что-нибудь таки разсказалъ? Вы не вѣрьте, потому онъ у насъ по этой части извѣстенъ,—изобрѣтатель перваго сорта! (*Скрывается въ своей комнатѣ, захлопнувъ за собою дверь*).

Пучковъ (*презрительно глянувъ ему вслѣдъ*). Изволили слышать?.. И вы вотъ на такіе, съ позволенія сказать, плевые *авторитеты*, какъ нынче говорится, ссылаться изволите, чтобъ произносить позорящія, такъ сказать, меня и мой домъ сужденія? Прикажете рюмочку? (*Жилецъ мотаетъ отрицательно головою; Пучковъ опоражниваетъ третью рюмку хереса*). Домъ мой строенъ по самоновѣйшимъ правиламъ архитектурной науки и согласно требованіямъ избалованнаго современнаго человѣка, со всѣми удобствами, ваннами и прочими водопроводными мѣстами, какъ для господъ, такъ и для прислуги... Такъ и для прислуги спеціально, милостивый государь, замѣтьте, спеціально,—не какъ въ прочихъ домахъ... Не прикажете-ли балычка?.. У меня отличный, потому я по этой части...

Жилецъ (*съ улыбкою*). Спеціалистъ?

Пучковъ (*хохоча*). Именно, именно!.. Балычка бы, право, попробовали!.. И по части постройки тоже. Собственнолично выстроилъ. Прикажите любую стѣну разломать, если вы хоть песчинку мусорка, какъ сплошь и рядомъ теперь строятъ, у меня тамъ найдете, такъ я готовъ въ мой же домъ дворникомъ поступить. У меня всюду настоящій англійскій цементъ, чистѣйшая кипѣлка...

Жилецъ (*который тѣмъ временемъ, забравъ шапку, выбрался въ переднюю, быстро накидываетъ на себя шубу и скороговоркою*). И сырость, отъ которой грибы по стѣнамъ ростутъ.

Пучковъ. Что-съ? Сырость? Это вы, что же, со словъ моего, доктора medecini, Ѳеофилакта Николаича, изволите гласитъ? Такъ вѣдь, онъ же... Я вамъ этого не дозволю, мило-

стивый государь! (*ударяетъ себя ладонью по груди*)... Это съ вашей стороны личное мнѣ оскорбленіе. Оскорбленія я, милостивый государь, не потерррплю!..

Жилецъ (*поспѣшно открывая выходную дверь и выбѣгая на лѣстницу*). Никакого оскорбленія нѣтъ, а я зашелъ, „спеціально“, съ цѣлью предувѣдомить васъ, что я не намѣренъ рисковать здоровьемъ, самою жизнью семьи моей (*закашливается на всю лѣстницу*)...

Пучковъ. (*въ дверяхъ со злобнымъ хохотомъ*). Вотъ васъ Богъ и наказалъ за неправду!

Жилецъ (*отмахиваясь отчаянно руками, сквозь кашель*). Вамъ уплачено... по первое число... Нынѣ четырнадцатое... Предваряю, по условію... съ нонѣшняго дня я буду... искать квартиру (*торопливо спускается съ лѣстницы, крѣпко прижимаясь къ перилямъ руками и бокомъ*).

Пучковъ. (*съ трескомъ захлопывая за собою дверь*). Рракалія!..

II.

У Спаса Преображенія.

Плохо содержимая лѣстница трехъэтажнаго стараго дома.

(*Знакомый намъ жилецъ дома Пучкова сходитъ съ нея въ сопровожденіи угрюмаго на видъ и не сговорчиваго дворника*).

Жилецъ. (*размахивая руками*). Вѣдь такъ же нельзя, любезный! Квартира мнѣ, пожалуй, и подходящая, да самъ ты признаешься—трубы дымятъ, въ печахъ вьюшекъ нѣтъ...

Дворникъ. (*словно камни ворочая языкомъ*). И завсегда были...

Жилецъ. Что это?

Дворникъ. Вьюшки эвти самыя.

Жилецъ (*начиная горячиться*). Такъ вѣдь нѣтъ же ихъ, мы съ тобой видѣли!..

(*Дворникъ молчитъ*).

Жилецъ. А безъ вьюшекъ вѣдь нельзя! Самъ понимаешь, нельзя... И къ тому трубы дымятъ, самъ ты говоришь?

Дворникъ (*тѣмъ же пришибленнымъ тономъ*). Какъ ежели, значитъ, вѣтеръ... извѣстно... задуваетъ...

Жилецъ (*передразниваетъ его*). Задуваетъ!.. Такъ вѣдь въ такомъ видѣ нельзя сдавать квартиру... нельзя... Или, по твоему, такъ и слѣдуетъ, а? Такъ и слѣдуетъ: безъ вьюшекъ и съ никуда негодными трубами, а?

Дворникъ. Не могимъ знать... Этто ужь вы съ хозяиномъ... потому мы въ эвтомъ не властны...

Жилецъ (*выходя изъ себя*). И, конечно, съ хозяиномъ, а не съ такимъ... тупицею, какъ ты... Гдѣ онъ у васъ тутъ живетъ?.. Веди!..

Дворникъ. Пожалуйте, они тутъ съ переулка.

(*Выходятъ на площадь, заворачиваютъ въ Баскову улицу, и изъ нея въ Манежный переулокъ. Нѣсколько рабочихъ стоятъ на тротуарѣ передъ деревяннымъ домомъ съ мезониномъ. Изъ ближайшаго ко входной двери окна высовывается въ форточку большая и мясистая, съ оголеннымъ кадыкомъ и безо всякаго признака волосъ какъ на черепѣ, такъ и на лицѣ, голова древняго старца*).

Голова (*фальцетомъ*). Что это вы тутъ, ребятушки, кого вамъ надо?

Одинъ изъ рабочихъ (*охрипшимъ голосомъ*). Хозяина надоть, извѣстно... За разсчетомъ пришли!

Другой. Сколько, почитай, мѣсяцовъ ходимъ-то, съ лѣта съ самаго...

Голова (*такъ же*). А не знаю, ребятушки, не знаю... Дома нѣтъ хозяина.

Одинъ изъ рабочихъ. Такъ что-жь это, какъ ни придешь, дома ихъ нѣтъ? Четвертый мѣсяцъ дармо ходимъ-то.

Другой. У колоколъ звонишь, звонишь, такъ и тута не выйдетъ-то никого къ тебѣ.

Третій (*молодой и бойкій*). А очень просто, значитъ: по нашимъ правамъ можемъ сичасъ къ мировому съ просьбою.

Голова. Умница, парень, умница!.. А въ просьбѣ-то къ мировому ты что пропишешь?

Молодой рабочій. Извѣстно что̀: какъ, значитъ, остались они намъ, по условію, должны семдесятъ шесть съ полтиной...

Голова (*перерывая его*). А онъ вамъ развѣ въ уплатѣ этихъ денегъ отказываетъ?

Молодой рабочій. Такъ что̀-жь, что не отказываетъ, когда все единственно...

Другой (*толкая его въ бокъ*). Погоди, паря... (*Головѣ*). А вы, то есть, кто будете сами-то?

Голова. Ишь любопытный какой: знать будешь все, скоро состаришься.

Рабочій. Извѣстно, какъ если на счетъ нашихъ дѣловъ разговаривать...

Голова. Никакого разговора съ вами у меня нѣтъ. Дома нѣтъ хозяина, сказано вамъ. Ступайте, голубчики, къ мировому; съ носомъ вернетесь (*всовывается въ глубь комнаты и захлопываетъ форточку*).

(*Озадаченные рабочіе почесываютъ себѣ въ затылкахъ, недоумѣло поглядывая въ окно*).

Дворникъ (*подошедшій тѣмъ временемъ съ жильцомъ ко входной двери дома*). Ну, чего вы тутъ, на тротуарѣ проклажаетесь, чего не видали?..

Молодой рабочій (*хихикая и писклиро*). Это ты, братецъ, въ точности, что *не видали*, потому въ надежѣ, что увидаемъ...

Дворникъ. Кого это?

Молодой рабочій. А самого, то-ись, Аристрата Лександрыча, хозяина вашего.

Дворникъ. Сказано, дома нѣтъ. Проваливай!

Молодой человѣкъ. А ты, братецъ, потише!

Дворникъ (*наступая на него*). А въ участокъ, хошь, поведу сею минутой?

Молодой человѣкъ (*отодвигаясь, но все еще куражась*). Въ уча-а-стокъ, ишь ты? За что̀ вести-то, скажи, дурья твоя голова?

Дворникъ (*замахиваясь на него*). А вотъ, чтобъ не разговаривалъ!

Молодой рабочій (*плюетъ и быстро отходитъ отъ него*). Гайда! ребята, къ мировому!..

Другой. А и то къ мировому, потому что-жь еще вожжаться-то?..

Третій. Какъ, значитъ, на обманѣ на одномъ...

Дворникъ (*грозно*). Ну, ну, проваливайте, пока цѣлы! Съ тротувара вонъ!..

(*Рабочіе, тѣсною кучею и галдя, всѣ разомъ переходятъ черезъ снѣгъ по ту сторону улицы, направляясь къ Надеждинской*).

Дворникъ (*жильцу*). Извольте пообождать чуточку. Я къ хозяину сичасъ чернымъ ходомъ...

Жилецъ. Да его дома нѣтъ, слышалъ?

Дворникъ (*На угрюмомъ лицѣ его внезапно выступаетъ выраженіе неодолимаго желанія прыснуть со смѣха*). Сами этто они и были.

Жилецъ (*тараща на него изумленные глаза*). Кто самъ?

Дворникъ (*уже шопотомъ*). Хозяинъ, Листратъ Лександрычъ.

Жилецъ (*все такъ же изумленно*). Этотъ безволосый старикашка, который говорилъ *имъ* — про себя такимъ образомъ значитъ?—что его дома нѣтъ?..

(*Дворникъ киваетъ съ тѣмъ же просящимся наружу внутреннимъ смѣхомъ, и исчезаетъ въ калиткѣ наглухо запертыхъ воротъ во дворъ дома. Черезъ нѣсколько минутъ входная дверь въ домъ отворяется настежь. Появляется молодой человѣкъ въ куцомъ сѣромъ фракѣ съ бѣлыми металлическими пуговицами*).

Слуга (*глупое и ухмыляющееся во весь ротъ лицо; онъ только-что узналъ отъ дворника о разговорѣ барина съ рабочими*). Пожалуйте (*напираетъ*): *дома-съ* они!

Зальце у Елистрата Александровича Силицына—четыреугольная комната въ три окна на Манежный переулокъ, съ двумя, рядомъ стоящими посреди нея, фортепіанами, горшками цвѣтовъ между оконъ и симметрично вдоль стѣнъ разставленными старомодными стульями.

(*Входитъ жилецъ. Изъ сосѣдней съ зальцемъ комнаты идетъ ему навстрѣчу хозяинъ. Онъ въ вышитыхъ туфляхъ, въ фланелевыхъ широкихъ панталонахъ, подвязанныхъ высоко на животѣ, шерстянымъ, съ длиннопущенными внизъ кистями, снуромъ и въ канифасномъ бѣломъ халатѣ, изъ-подъ котораго растегнутая на груди рубаха, съ подшитымъ къ ней старомоднымъ и измятымъ жабо, дозволяетъ свободно лицезрѣть красномясистую старческую грудь. Онъ по пути натягиваетъ на виски только-что вздѣтый имъ на голову парикъ съ хохолкомъ на боку фантастическаго бурокаштановаго оттѣнка.*)

Силицинъ (*любезно и мягко баритоннымъ голосомъ*). Извините за неглиже. Видите передъ собою, такъ сказать, обломокъ „временъ Очаковскихъ и покоренья Крыма“... Туалетъ представляетъ для меня уже нѣкоторое стѣсненіе... А впрочемъ еще бодръ... и сохранилъ даже эту, знаете, шаловливость, espièglerie (*смѣется и подмигиваетъ*) молодыхъ дней... Не угодно-ли присѣсть (*указываетъ на стулъ и садится самъ къ открытому изъ двухъ фортепіанъ, на которомъ беретъ лѣвой рукою въ басу полное трезвучіе.*) Каковъ тонъ, замѣчаете? Беккеръ съ парижской выставки.

Жилецъ (*съ какою-то безсознательною насмѣшливостью*). Не васъ-ли это сейчасъ имѣлъ я удовольствіе видѣть въ форточкѣ?

Силицинъ. (*быстро вскидывая на него глаза*). Меня en personne и au naturel,—то есть, безъ этой искусственной прикрышки (*показывая на парикъ*). Удивились зрѣлищу, полагаю?.. (*Встаетъ вдругъ, становится въ позу и машетъ театрально рукою*). Помните у Озерова, въ *Эдипѣ:*

Воззри ты на главу, лишенную волосъ,—
Ихъ изсушила грусть и вѣтеръ ихъ разнесъ...

Жилецъ (*весело*). Я удивился, признаюсь, какъ вы рѣшаетесь въ ваши... почтенные годы и *декольте*, такъ сказать (*указываетъ взглядомъ на его раскрытую грудь*), на морозъ прямо головою... Сегодня градусовъ пятнадцать, по меньшей мѣрѣ...

Силицинъ. Суровый аквилонъ противъ меня безсиленъ (*ударяетъ себя ладонью по груди*); кованый! У Александра Сергѣевича Пушкина извотите помнить (*таинственно понижая голосъ*): „Лемносскій богъ тебя ковалъ...“ и прочее... Къ себѣ могу вполнѣ отнести (*смѣется*); могъ бы даже прибавить: скованъ желѣзной рукой Вулкана для нѣжныхъ цѣпей Аполлона... Артистъ, милостивый государь, съ юности и понынѣ!.. Изволите помнить дуэтъ Морлакки на слова Касти (*садится опять къ фортепьяно и поетъ, аккомпанируя себѣ, разбитымъ старческимъ голосомъ съ безконечными фіоритурами и закатывая глаза*):

E pur amabile
La marchesina
Se ride o chiachera
Siede o camina..

Мы съ Този, въ десятомъ году, пѣли его въ салонѣ Маріи Антоновны Нарышкиной, при самомъ государѣ покойномъ, Александрѣ Павловичѣ...

Жилецъ (*неудержимо прерывая его*). Въ десятомъ году!.. Да который же вамъ годъ, извините за нескромность?

Силицинъ (*отчеканивая*). Родился марта семнадцатаго, тысяча семьсотъ осемдесятъ девятаго года; извольте считать! (*Жилецъ только руками разводитъ и кланяется*).

Силицинъ. (*встряхиваетъ плечами*). И вотъ, какъ видите, toujours jeune et espiègle... Бывало у танцовщицы Истоминой, по четвергамъ... Былъ у меня, надо вамъ сказать, одинъ романсъ моего сочиненія на чудеснѣйшія слова извѣстнаго нашего поэта, князя Ивана Михайловича Долгорукаго (*поетъ опять, округляя губы колечкомъ*):

О вы, правители вселенной,
Цари, подобные богамъ!
Сложите дома видъ надменный,
Падите всѣ къ ея ногамъ!

(*Жилецъ чуть сдерживается отъ хохота. Силицинъ продолжаетъ*):

На что подъ власть свою стараться
Востокъ съ Полуднемъ съединить?
Чтобъ вѣчно въ радости смѣяться—
Довольно съ Сонюшкою жить.

Любимый, надо вамъ сказать, былъ это романсъ графа Милорадовича, и онъ всегда заставлялъ меня пѣвать его (*прерывая себя вдругъ*)... Вы вѣдь графа Милорадовича изволите помнить?

Жилецъ (*ошеломленный*). Какого Милорадовича?.. который убитъ былъ...

Силицинъ (*утвердительно кивая*). Якубовскимъ, четырнадцатаго декабря,—онъ, онъ самый...

Жилецъ. Да помилуйте, мать моя еще въ панталончикахъ ходила въ ту пору!..

Силицинъ (*покачивая головой съ видомъ сожалѣнія*). Ахъ, какой же вы еще въ такомъ случаѣ мальчикъ!.. Извините за откровенность... Не имѣю чести знать вашего званія...

Жилецъ (*быстро*). Статскій совѣтникъ...

Силицинъ. (*привстаетъ и протягиваетъ руку*). Извините, ваше превосходительство!..

Жилецъ (*подаетъ свою и скромно опускаетъ глаза*). Не совсѣмъ еще „превосходительство“...

Силицинъ. Позвольте почитать какъ бы уже имѣющаго на то право... Самъ съ 1828 года нахожусь въ чинѣ отставнаго коллежскаго совѣтника, но въ домахъ моихъ состоятъ жильцами, окромѣ въ подвальныхъ этажахъ, все особы высшаго ранга... Очень пріятно, ваше превосходительство, если удостоите меня съ вашей стороны... Слышалъ, желаете занять квартиру нумеръ восьмой, въ домѣ за нумеромъ первый? Останетесь довольны; генеральша Полюмбецкая шесть лѣтъ за послѣднее время прожила въ этой квартирѣ... Дома мои, ваше превосходительство, вообще долженъ сказать, какъ и хозяинъ ихъ (*смѣется*), прочны и надежны; въѣдете, — не выѣдете. Покойный генералъ-губернаторъ графъ Эссенъ, у котораго я часто пѣвалъ на вечерахъ съ извѣстнымъ нашимъ теноромъ Самойловымъ, отцомъ нынѣшняго молодаго актера Василья Васильевича...

Жилецъ (*перебивая его*). Я именно желалъ бы нанять квартиру, въ которой могъ бы прожить хоть до смерти... или до полученія казенной... если это мнѣ суждено когда-нибудь... Квартира въ вашемъ домѣ по мѣсту и числу комнатъ мнѣ

подходящая... Низка, едва $4^1/_2$ аршина... но что̀ дѣлать! я осьмнадцать квартиръ осмотрѣлъ... зимнее время... Усталъ-съ! Я даже о цѣнѣ вашей спорить не буду... но квартира въ такомъ видѣ...

Силицынъ (*смотритъ на него съ видомъ изумленія*). Въ чемъ находите недостатокъ?

Жилецъ (*приходя въ волненіе*). Помилуйте, обои порваны, трубы дымятъ, въ печахъ ни одной вьюшки нѣтъ... Въ зимнее время нѣтъ вьюшекъ!..

Силицинъ (*разводя руками*). Удивляюсь! При генеральшѣ Полюмбецкой вьюшки были... Каждое воскресенье собирались даже у нея „потанцовать подъ фортепіано“, какъ говоритъ Софья Павловна въ безсмертной комедіи Грибоѣдова... Развѣ какой-нибудь изъ ея гостей подшутилъ...

Жилецъ (*нетерпѣливо вскидывая глазами*). Помилуйте... Елистратъ Александровичъ... вы это совершенно несообразной фантазіи предаетесь. Какой же гость въ порядочномъ домѣ станетъ для шутки вьюшки изъ печей таскать?

Сицилинъ (*словно ужасно обрадованный*). Именно, именно, „фантазія“ могла прійти въ голову... Понимаю,—потому самъ такой... Имѣлъ уже честь вамъ докладывать: toujours jeune et espiègle... Сейчасъ изволили видѣть, съ рабочими, хе, хе, хе... безъ парика, мистифировалъ... не узнали (*заливается смѣхомъ*)...

Жилецъ (*уже съ нѣкоторою желчью*). Какже-съ, слышалъ, изъ за 76 рублей съ августа мѣсяца ходятъ къ вамъ... Для нихъ „мистификаціи“ ваши не сладки... да и для васъ тоже можетъ разыграться... непріятностью! Они на васъ къ мировому судьѣ пошли жаловаться.

Силицынъ (*продолжая смѣяться*). Глупые люди, зачѣмъ раньше не жаловались? Я предъ закономъ нѣмъ: мировой судья вызоветъ меня; я не явлюсь; онъ постановитъ заочное рѣшеніе получить имъ съ меня 76 рублей, выдастъ имъ исполнительный листъ, я заплачу; но пока-то еще взыщутъ съ меня, пройдутъ лишнія недѣли двѣ, три, а всего со времени, какъ я имъ остался долженъ, выигрываю я, такимъ образомъ, 5 мѣсяцевъ,—такъ-съ?

Жилецъ (*повторяетъ недоумѣло*). Пять мѣсяцевъ...

Силицинъ (*съ торжествомъ*). А въ пять мѣсяцевъ коммерческій оборотъ на эти 76 рублей, сколько, думаете вы, принесъ мнѣ барыша?

(*Жилецъ пожимаетъ плечами; кто тебя-молъ знаетъ!*)

Силицинъ. Двадцать пять рублей,—сорокъ пять процентовъ, хе, хе, хе... Я артистъ знакомый съ ариѳметикою, ваше превосходительство. Копѣечками одна къ одной пять домовъ въ сѣверной Пальмирѣ пріобрѣлъ-съ.

Жилецъ (*вставая и очень сухо*). Не сомнѣваюсь... И, не располагая лишнимъ временемъ, позволю себя просить у васъ категорическаго отвѣта: въ случаѣ я возьму вашу квартиру, угодно-ли вамъ будетъ привести ее, прежде нежели я въ нее въѣду, въ достодолжный порядокъ?

Силицинъ. Это насчетъ чего же-съ?

Жилецъ (*досадливо*). Я уже вамъ говорилъ: обои порваны, трубы дымятъ, въ печахъ вьюшекъ нѣтъ.

Силицинъ (*жалобно всплескивая руками*). Ваше превосходительство, да не угодно-ли вамъ будетъ самимъ... по вашему вкусу?..

Жилецъ. Я готовъ, на вашъ счетъ.

Силицинъ (*словно готовый заплакать*). Пощадите, ваше превосходительство,—пощадите старца, осмѣливающагося выражаться о себѣ словами нашего великаго барда, Гавріила Романовича,—имѣлъ удовольствіе знать лично,—что онъ

Ни родомъ, ни богатствомъ,
Ни знатнымъ чиномъ, а пріятствомъ
Себѣ почтенье заслужилъ...

Жилецъ (*рѣшительно*). Извините меня... Елистратъ Александрычъ, я о „пріятствѣ“ вашемъ не спорю, но ремонтъ въ вашемъ домѣ дѣло ваше, а не мое, и я принять его на себя не согласенъ (*кланяется и направляется къ двери*).

Силицинъ (*идя за нимъ*). Я могу доставить вашему превосходительству вьюшки, не достающія въ 8-мъ нумерѣ, по цѣнѣ лома въ чугунныхъ рядахъ.

Жилецъ (*быстро и сердито оборачиваясь*). То-есть, вы велѣли ихъ вынуть и хотите теперь заставить меня заплатить за нихъ!

Силицинъ *(посмѣиваясь)*. Хе, хе, хе, копѣечка къ копѣечкѣ, ваше превосходительство...

Жилецъ *(уже совсѣмъ гнѣвно)*. Отъ меня и полушки не наживете!

(Выходитъ въ переднюю).

Силицинъ *(на порогѣ залы)*. Не теряю надежды имѣть удовольствіе видѣть васъ еще у себя: болѣе удобной для себя квартиры не найдете въ нашемъ холодномъ Петрополѣ... Если изволите любить музыку, я почту себѣ за особенную честь видѣть васъ у себя по средамъ... *(Жилецъ, не отвѣчая, надѣваетъ пальто и всовываетъ ноги въ калоши)*. Дочери мои— превосходныя піанистки, исполняютъ піэсы на двухъ фортепіано...

Жилецъ *(надѣвая шляпу)*. Прощайте!..

Сицилинъ (*кланяясь и настойчивымъ голосомъ*). До свиданія, ваше превосходительство, до свиданія, не сомнѣваюсь... Помните, какъ это пѣла великая Каталани *(поетъ съ жестами)*:

Mi ri-i-i vedrai,
Ti ri-i-i vedro,
Mi ri i-i...

Жилецъ (*въ сѣняхъ, ожидающему тамъ дворнику*). Ну, ужъ хозяинъ у васъ!..

Дворникъ (*угрюмо и шопотомъ*). Бѣда!..

III.

Въ Большой Милліонной.

Богатая гостиная въ домѣ и квартирѣ генеральши Сырцовой. (*Сама хозяйка, не молодая, но съ остатками красоты, барыня, въ чепцѣ съ лентами, сидитъ въ углу на атласномъ гранатоваго цвѣта диванѣ и читаетъ „Голосъ“ сквозь золотой пэнснэ*). Серебряный чайникъ кипитъ на камфоркѣ на столѣ, у дивана. Слуга въ бѣломъ галстукѣ почтительно стоитъ у дверей.

(*Входитъ управляющій домомъ. Изъ бывшихъ дворовыхъ, лысый, толстый, плутоватый и бывалый, лѣтъ 50-ти, субъектъ; сапоги безъ каблуковъ, не производящіе ни малѣйшаго шума на-ходу: одѣтъ со степеннымъ щегольствомъ, на шеѣ черный шарфъ, приколотый булавкою изъ окисленнаго серебра, съ изображеніемъ на ней головы Вольтера*).

Сырцова (*отнимая пэнсне отъ глазъ*). Ну, что?..

Управляющій. Осмотрѣли, ваше превосходительство.

Сырцова. И что же?

Управляющій. Подходящая, говорятъ.

Сырцова. Цѣну сказалъ?

Управляющій. Какъ изволили приказывать, тысяча шестьсотъ.

Сырцова. Согласенъ?

Управляющій (*улыбаясь свысока*). Извѣстно—морщится. Потому для такихъ—разсчетъ!

Сырцова. А онъ кто?

Управляющій (*презрительнымъ тономъ*). Изъ статскихъ совѣтниковъ.

Сырцова. Значитъ, ужь не молодой человѣкъ, солидный? Для меня главное—чтобы въ моемъ домѣ спокойствіе и приличіе!..

Управляющій. Слушаю-съ (*послѣ нѣкотораго молчанія*). На квартиру есть еще въ виду-съ...

Сырцова. Кто такой?

Управляющій (*съ нѣкоторою задержкою*). Француженка тутъ одна... просила...

Сырцова. Француженка? (*оборачивается и глядитъ на него во всѣ глаза*). То-есть?..

Управляющій (*поникая взглядомъ*). Изъ парижскихъ-съ...

Сырцова (*строго и рѣзко*). Я даже удивляюсь, Платонъ Николаевъ, какъ ты, находясь у меня въ услуженіи болѣе двадцати лѣтъ и зная меня, осмѣлился предложить мнѣ въ домъ такую... гадость?..

Управляющій (*покорнымъ голосомъ*). Слушаю-съ!

Сырцова (*все еще взволнованно*). А этотъ... наниматель гдѣ?

Управляющій. Въ залѣ, тутъ-съ.

Сырцова. Проси ко мнѣ!

(*Входитъ тотъ же жилецъ дома Пучкова. Онъ въ вицъ-мундирѣ и съ крестомъ на шеѣ*).

Жилецъ (*кланяясь по пути отъ самыхъ дверей и до угла, въ которомъ возсѣдаетъ хозяйка; почтительно развязнымъ тономъ*). Смѣю просить извиненія у вашего превосходительства за то, что осмѣливаюсь предстать въ... въ, такъ сказать, казенномъ видѣ... Но занятія по службѣ ежедневно... едва нашелъ часъ урваться... Я насчетъ...

Сырцова. Знаю. Сдѣлайте милость, садитесь! (*Онъ кланяется и садится на низкомъ креслѣ противъ нея*). Понравилась вамъ квартира?

Жилецъ. Я буду просить ваше превосходительство дозволить мнѣ быть совершенно откровеннымъ... Меня, такъ сказать, обстоятельства заставляютъ рѣшиться на эту квартиру въ вашемъ домѣ... что̀ мнѣ очень лестно, конечно... не смотря на нѣкоторыя неудобства... Я принужденъ, посреди зимы, переселиться изъ дома, въ которомъ нынѣ живу, вслѣдствіе здоровья моей семьи и моего собственнаго... (*продолжаетъ, ужасно торопясь, такъ какъ замѣтилъ, что хозяйка морщится и слегка позѣвываетъ*). Двадцать семь квартиръ въ теченіе четырехъ дней осмотрѣлъ... Сами согласитесь. Все же я не молодой... лѣстницы... Усталъ искать, ваше превосходительство. У васъ конечно... но семья у меня, жена, мать старуха, дѣтей двое. Уголъ каждому надо. Тѣсненько! Комнату одну бы лишнюю...

Сырцова (*смѣется*). Да, это ужь извѣстно, аксіома, что въ каждой квартирѣ il y a toujours une chambre qui manque. Вы говорите по-французски?

Жилецъ. Понимаю-съ!.. Это вы изволите, дѣйствительно (*смѣется*)... И можно, конечно, поприжавшись... Но вотъ какъ же, осмѣлюсь сказать, насчетъ цѣны?

Сырцова. Вы находите—дорого?

Жилецъ. Сами изволите согласиться, всего семь комнатъ съ переднею,—съ переднею семь...

Сырцова. Внизу, и на такой улицѣ? Баронъ Функендорфъ

жилъ у меня тутъ восемь лѣтъ сряду, до смерти, и всегда говорилъ мнѣ: „я у васъ даромъ живу“!..

Жилецъ (*съ улыбкою*). Онъ холостой былъ, баронъ, и одного жалованья тысячъ десять получалъ, — онъ могъ и не такія деньги на квартиру тратить.

Сырцова. А вы его знали, милаго моего барона?

Жилецъ. Какъ же-съ, онъ тещѣ моей родной братъ былъ.

Сырцова. Родной братъ? Его сестра была замужемъ за...

Жилецъ. За генераломъ Кладищевымъ, отцомъ моей жены.

Сырцова. Боже мой, Кладищевъ, un ami! Вѣчный танцоръ мой въ молодости, когда я еще (*вздыхаетъ*)... Ваша жена—его дочь! Въ самомъ дѣлѣ? (*съ нѣкоторымъ недовѣріемъ глядитъ на него*).

Жилецъ. Точно такъ-съ. Я женился въ Полтавѣ, въ бытность его тамъ дивизіоннымъ командиромъ... Самъ я въ то время управлялъ палатою...

Сырцова (*прерывая его вздохомъ*). Ce pauvre ami!.. Да не хотите-ли чаю? (*наклоняется къ чайнику*). Я очень, очень буду рада познакомиться съ вашей женою!.. Насчетъ комнаты, если вамъ недостаетъ, это можно, кажется, устроить... Платонъ Николаевъ!

Управляющій (*все время стоящій у дверей*). Что прикажете-съ?

Сырцова. Ты, пожалуйста, устрой. Сходи къ графинѣ (*Къ жильцу*)... Тутъ съ вашею квартирою рядомъ живетъ графиня Араксина, Марья Ѳедоровна, une amie à moi и, какъ я, вдова и бездѣтная,—отъ нея можно будетъ отдѣлить одну комнату; она, я знаю, будетъ согласна, у нея лишняя... Платонъ Николаевъ, ты смотри же, это сейчасъ сдѣлай!.. (*Къ жильцу*). Кладищевъ—вашъ тесть, скажите! Я... и покойный мой мужъ... были такъ дружны съ нимъ... Я очень рада, очень, имѣть васъ въ своемъ домѣ!

Жилецъ. Я не имѣю словъ выразить вамъ мою благодарность, madame (*съ усиліемъ*)... madame la générale... Еще комната—это все, что намъ нужно... Но я желалъ бы знать окончательно... на счетъ цѣны?..

Сырцова. Ахъ, Боже мой, что объ этомъ говорить! Вы

будете платить мнѣ ce que vous voudrez... Кладищевъ, скажите, я совсѣмъ не знала,—вашъ тесть! Бѣдный, il n'est plus (*вздыхаетъ и подымаетъ глаза къ потолку*)... Такъ вы, пожалуйста...

Лакей (*входя*). Князь Егоръ Ларіоновичъ Шамахинскій!

Сырцова. (*досадливо*). Ахъ, какъ скучно!.. Мнѣ такъ хотѣлось бы поговорить еще съ вами..... Ce pauvre Кладищевъ!.. А нельзя не принять,—онъ мнѣ нуженъ для моего пріюта... (*Лакею*) Проси князя!..

Жилецъ (*вставая*). Не смѣю васъ долѣе безпокоить, madame la générale. Такъ вы мнѣ дозволите считать эту квартиру за мною?

Сырцова. Ахъ, Боже мой, разумѣется! Переѣзжайте скорѣе и скажите вашей женѣ, что... что она можетъ заранѣе разсчитывать на меня, какъ на друга, на стараго друга...

Жилецъ. Непремѣнно передамъ ей ваши лестныя слова... А на счетъ условія, какъ прикажете,—контрактъ или...

Сырцова. Ахъ, да, эти формальности! Вы ужь, пожалуйста, это съ Платономъ Николаевымъ... Впрочемъ, нѣтъ, я ему прикажу (*очаровательно улыбаясь*), я хочу, чтобъ вы дѣло имѣли со мной... Ce pauvre Кладищевъ, я никакъ не знала, что ваша жена... Если можно, заходите ко мнѣ завтра... Нѣтъ, я завтра все утро въ пріютѣ, потомъ обѣдъ у... Послѣ завтра, vers 4 heures... Я буду очень рада.

(*Въ дверяхъ показывается гость; онъ весь въ звѣздахъ, держится прямо и говоритъ дискантомъ*).

Сырцова (*съ мѣста*). Mon cher prince!

Князь (*въ дверяхъ*). Прямо изъ совѣта—и къ вамъ просителемъ!

Сырцова (*смѣется*). Ко мнѣ,—*вашей* вѣчной просительницѣ?.. (*Къ жильцу*). И такъ au revoir, до послѣ-завтра? (*протягиваетъ ему руку*).

(*Жилецъ почтительно жметъ ее, также почтительно кланяется, еще почтительнѣе нагибаетъ голову, проходя мимо звѣздъ, сіяющихъ на груди шествующаго къ углу хозяйки гостя, и исчезаетъ*).

Черезъ два дня. Парадная лѣстница въ томъ же домѣ Сырцовой, но съ другаго крыльца. Дверь въ квартиру нижняго этажа отворена. Въ нее носятъ мебель. Изъ квартиры доносится крикъ картаваго парижскаго говора: „Dites donc, vous autres, n'allez pas me déteriorer mon boule!“

(*Входитъ нашъ жилецъ. Швейцаръ лѣниво сходитъ съ ступенекъ навстрѣчу къ нему*).

Жилецъ. (*глядя съ изумленіемъ на вносимую мебель*). Что же это такое, любезный?

Швейцаръ (*грубовато*). Чего-съ?

Жилецъ. Кто же въ эту квартиру переѣзжаетъ?

Швейцаръ (*также*). Извѣстно кто, — наняла... мадамъ одна.

Жилецъ. Какъ „мадамъ“? Квартира эта обѣщана мнѣ (*раскашливается отъ волненія*).

Швейцаръ. Не могу знать!

Жилецъ (*сквозь кашель*). Мнѣ... сама... генеральша... третьяго дня...

Швейцаръ. Намъ про то не извѣстно!

Жилецъ. Гдѣ... гдѣ вашъ управляющій?

Швейцаръ. Управляющій?

Жилецъ. Ну, да, ну, да, управляющій (*ужасно волнуется*); такъ... поступать не возможно... Я требую объясненія... Я двадцать семь квартиръ осмотрѣлъ... я... я... Подай мнѣ вашего управляющаго!

Швейцаръ (*сквозь зубы*). Они тутъ-съ (*киваетъ на дверь квартиры, въ которую переносятъ мебель*).

Жилецъ. Вызови его сейчасъ! Я, я... требую объясненія.

(*Швейцаръ неохотно поднимается на ступеньки. Жилецъ бѣжитъ за нимъ. Въ дверяхъ квартиры показывается управляющій, Платонъ Николаевъ. Улыбка на мигъ пробѣгаетъ по его губамъ при видѣ жильца, но онъ тотчасъ затѣмъ принимаетъ строгій видъ.*)

Жилецъ (*задыхаясь отъ волненія*). Вы, кажется, управляющій этимъ домомъ?...

Управляющій. Что вамъ угодно?

Жилецъ. Вѣдь это же вамъ-съ, вамъ приказывала гене-

ральша отдать мнѣ... эту квартиру... и даже лишнюю комнату... отъ графини Аракчиной...

Управляющій (*подаваясь впередъ на площадку лѣстницы и указывая на женскую особу, выбѣжавшую изнутри квартиры*). Квартира отдана имъ вотъ-съ!..

Особа (*Ей лѣтъ подъ тридцать. Живые, слегка подкрашеные, французскіе глаза, замѣчательно развитый бюстъ. Руки въ муфтѣ. На головѣ соболья шапочка. Изъ подъ нея лимоннаго цвѣта шиньонъ*). Eh bien, qu'y a t'il donc?

Жилецъ (*ужасно путаясь отъ негодованія и непривычки говорить по-французски*). Madame la générale... Comprenez... à moi... promettait à moi ce quartier. Comprenez?

Особа (*помирая со смѣху и дѣлая видъ, что не понимаетъ*). Le quartier où nous sommes? Le plus beau de l'amirauté? Elle vous l'a donné? Mon compliment, monsieur,—vous voilà donc bien riche?

Жилецъ (*захлебываясь*). Pas, pas! Ce quartier, *ce*. Comprenez pas? (*указываетъ на двери, въ которыхъ стоитъ она*)

Особа. Ah, vous parlez de cet appartement!.. (*подчеркиваетъ*).

Жилецъ. Вуй! вуй!..

Особа. Quant à ça, mon cher monsieur, c'est bien à moi! Ви понимайтъ, мой квартиръ, мой, payé, six mois d'avance, sonnant, понимайтъ? (*дѣлаетъ рукою жестъ выкладыванія монеты*). C'est dur pour vous, je le veux bien, mais c'est comme cela, mon vieux loulou! (*прыщетъ со смѣху.*)

Управляющій (*поддакивая ей головою и презрительно улыбаясь, какъ бы про себя, но слышно*). Пустые разговоры одни!..

Жилецъ (*такъ и накидываясь на него*). Пустые! Какъ пустые? Какъ вы смѣете!.. Генеральша вамъ именно приказывала мнѣ... А вы... Я двадцать семь квартиръ смотрѣлъ... Посреди зимы... Этого нельзя,—вы не имѣете права!..

Управляющій (*хихикая*). Задатка отъ васъ не получали, всегда въ нашей волѣ...

Жилецъ. Въ вашей волѣ! А слово генеральши,—вы, кажется, слышали, вамъ сказано было, или нѣтъ? (*Съ горечью и упрекомъ*). Значитъ, теперь уже и слову благородной жен-

щины вѣрить нельзя? Но я такъ не могу оставить!.. я двадцать семь квартиръ... посередь зимы... Я пойду требовать объясненія у... у вашей *барыни* (*произноситъ это послѣднее слово съ явнымъ намѣреніемъ уколоть его*).

Управляющій (*равнодушнымъ голосомъ*). Какъ вамъ будетъ угодно-съ! Только, осмѣлюсь вамъ доложить, излишнее безпокойство и имъ-съ, и себѣ изволите причинить. Потому, если генеральша теперича рѣшилась отдать эту квартиру имъ (*киваетъ на особу*), такъ на это, значитъ, у нихъ свои резоны есть (*лицо его принимаетъ строго внушительное выраженіе*). А на ихъ резоны ваши слова-съ дѣйствовать не могутъ-съ,— такъ или нѣтъ-съ?

(*Особа внимательно слѣдитъ за его словами, насмѣшливо переводя взглядъ съ него на его собесѣдника. Ее очевидно очень забавляетъ растерянное и возбужденное лицо сего послѣдняго*).

Жилецъ. Вотъ мы это увидимъ (*быстро спускается по ступенькамъ*), услышимъ, какіе это могутъ быть резоны у... у *вашей* генеральши (*гнѣвно швейцару*)! Что же ты шубу не подаешь, братецъ (*исчезаетъ*)!

Особа (*съ громкимъ смѣхомъ обращаясь къ управляющему*). Dites donc, est-il bête, ce vieux rhinoceros?

Управляющій (*презрительно пожимая плечами*). Совсѣмъ необразованный индивидю-съ!..

Квартира генеральши Сырцовой.

(*Въ передней раздается сильный ударъ звонка. Лакей въ выѣздной ливреѣ, со шляпою на головѣ, поспѣшно отворяетъ дверь. Врывается жилецъ; онъ отъ кашля едва переводитъ духъ*).

Жилецъ. Ге... ге... гене... генераль-ша... до... дома?

Лакей. Не принимаютъ-съ; сейчасъ изволятъ уѣзжать.

Жилецъ. Мнѣ... мнѣ на... на пять минутъ... не... необходимо!..

Лакей. Никакъ нельзя-съ; не приказывали докладывать.

Жилецъ (*отмахиваясь отъ новаго прилива кашля и опускаясь на деревянный стулъ*). Мнѣ не... необ... необходимо (*вдругъ и рѣшительно*)... Я не уйду, не повидавшись съ генеральшею! (*Закашливается на всю переднюю и уже судорожно машетъ руками*).

(*Изъ залы выбѣгаетъ горничная съ теплыми багимаками въ рукѣ*).

Горничная (*лакею*). Идутъ, подавай шубу!

(*Жилецъ срывается съ мѣста и стремительно направляется въ комнаты. Лакей кидается за нимъ: „Куда вы, позвольте!“ Но онъ его не слушаетъ. Въ залъ навстрѣчу идетъ Сырцова. Она очень нарядна, ѣдетъ съ визитами*).

Жилецъ (*отчаянно и сконфуженно въ одно и то же время*). Madame la générale, тысячу разъ у прошу васъ извиненія... Но я... въ такомъ положеніи... посередь зимы... двадцать семь квартиръ... изнемогъ, смѣю сказать... Ваше слово... поистинѣ, воскресило меня... и семью мою... Въ полной надеждѣ были... И вдругъ вашъ управитель... квартиру отдалъ... Какая-то личность... И... изви... извини... (*задыхается отъ кашля*)...

Сырцова (*жалостливо и смущенно глядя на него*). Mon Dieu, comme vous toussez! Хотите стаканъ воды... и капель? У меня есть... (*горничной*). Настя, принеси скорѣе, ты знаешь, Датскаго короля капли...

(*Жилецъ быстро и часто кланяется, все продолжая кашлять. Оба они другъ противъ друга, посреди комнаты. Горничная приноситъ стаканъ воды и пузырекъ съ каплями. Жилецъ жадно приникаетъ губами къ стакану*).

Сырцова. Скорѣе налейте 15 капель: онѣ очень помогаютъ.

Жилецъ. Покорнѣйше благодарю... онъ у меня хро... хроническій... Я хотѣлъ... Бога ради, войдите въ мое положеніе... Сами изволите видѣть, каково мое здоровье... И двадцать семь квартиръ осмотрѣвши, въ зимнюю пору... И вдругъ вашъ управляющій... наперекоръ слову, данному мнѣ вашимъ (*снова закашливается*) пре... превосхо...

Сырцова. Ахъ, Боже мой, мнѣ это такъ не пріятно...

Налейте капель, 15 капель... Но я теперь должна ѣхать... Меня ждутъ, у меня пріютъ, вы знаете,—обязанности.

Жилецъ (*перебивая ее*). Вы меня извините, ваше превосходительство,—я не намѣренъ васъ задерживать... но я бы желалъ только узнать, услышать отъ васъ лично: съ вашего-ли согласія отдана вашимъ управляющимъ квартира, обѣщанная вами мнѣ?

Сырцова. Ахъ, Боже мой, мнѣ такъ трудно, право, отвѣчать вамъ... Мы, женщины, вы знаете, безвольныя, on fait de nous ce que l'on veut. Меня такъ просили, а... а съ вами у насъ не было еще кончено...

Жилецъ (*съ легкою примѣсью ироніи*). Извините меня, madame la générale, но, выходя отъ васъ, третьяго-дня, я, напротивъ, смѣлъ думать, что у насъ именно *все* кончено. Послѣ того, смѣю сказать, совершенно неожиданнаго вниманія, которое вамъ угодно было выразить мнѣ... и даже относительно моей семьи...

Сырцова (*взволновавшись вдругъ*). Ah, mon Dieu, неужели вы думаете, что я не помню!.. Ваша жена — la fille de ce pauvre Кладищевъ!.. О, если бы вы знали, сколько это мнѣ напоминаетъ!.. Я такъ радовалась мысли познакомиться съ нею... И, я увѣрена, она на него похожа. Ce pauvre ami!.. Но послушайте (*глядитъ на него съ выраженіемъ ребяческой милоты,—выраженіе это очень удавалось ей тому двадцать лѣтъ*), — развѣ этого нельзя и теперь... не живя въ одномъ домѣ, — развѣ вы не можете сдѣлать мнѣ удовольствіе привезти ко мнѣ вашу жену...

Жилецъ (*иронія все сильнѣе прорывается въ его тонѣ*). Женѣ моей, конечно, очень было бы лестно, ваше превосходительство... Но хотя она и дочь человѣка, бывшаго очень свѣтскимъ, сама она выѣзжать не любитъ; у нея дѣти, обязанности... настоящія (*подчеркиваетъ*).

Сырцова (*вздыхая*). Вы на меня сердитесь, я вижу,— вы злой,—это не хорошо!.. Но, право, я не виновата; меня такъ интересовали...

Жилецъ. Кѣмъ это-съ?

Сырцова. Тою особою...

Жилецъ. Которой вы квартиру изволили отдать?.. Чѣмъ же она вамъ такъ интересною показалась?

Сырцова. Какъ же, мнѣ говорили, une jeune personne, одна, безъ-матери, артистка...

Жилецъ. Чего же это она „артистка“, смѣю спросить?

Сырцова. Пѣвица,—голосъ, говорятъ, премиленькій.

Жилецъ (*хихикнувъ*). Откуда-съ пѣвица: отъ Берга, или изъ „Минерашекъ“?

Сырцова (*смущенно и нетерпѣливо*). Ахъ, Боже мой, я не спрашивала... и, право, не понимаю, что вы хотите сказать (*Направляется къ передней*)!

Жилецъ (*слѣдуетъ за ней и совсѣмъ уже озлившись*). Ничего я не хотѣлъ сказать-съ, окромѣ выразить истинное мое удивленіе, что такому лицу, какъ вы, угодно было предпочесть отдать квартиру въ вашемъ домѣ *такого рода* „особѣ“ (*подчеркиваетъ*).

Сырцова (*нервно и спѣша, пока горничная надѣваетъ теплые сапожки*). Ah, mon Dieu, не разстраивайте меня, пожалуйста! Я ничего этого не знаю и не хочу знать!.. Въ домѣ моемъ я не потерплю безнравственности, tout le monde le sait... Я не знаю, что вамъ наговорили, но вы должны знать, какъ свѣтъ золъ и какъ легко очернить ближняго... Не осуждай, да не осужденъ будешь, comme dit l'Evangile? (*Застегиваетъ крючки собольей шубки, которую сзади одергиваетъ горничная*). Я понимаю, что вамъ не пріятно... и, повѣрьте, очень жалѣю... Но, можетъ быть, не теперь, а позже, лѣтомъ, cela pourra s'arranger. (*Выходитъ на лѣстницу и видитъ входящаго въ дверь съ улицы управляющаго*). Платонъ Николаевъ, не будетъ-ли у насъ свободныхъ квартиръ къ лѣту?

Управляющій. Едва-ли, ваше превосходительство.

Жилецъ (*кланяясь*). Не извольте ужь и безпокоиться, ваше превосходительство!

Сырцова (*вызывая опять „милоту“ на лицо*). Вы продолжаете сердиться, я вижу, et je n'y puis rien, но, съ моей стороны, вы видите, la bonne volonté y est...

Швейцаръ (*широко раскрывая входную дверь*). Карета подана, ваше превосходительство!..

Сырцова (*поднимая обѣими руками мѣховой воротникъ къ носу и спѣшно спускаясь со ступенекъ*). Прощайте! Sans rancune, j'espère!.. Супругѣ вашей, пожалуйста, напомните обо мнѣ!.. Ce pauvre Кладищевъ (*исчезаетъ*)!

Управляющій (*подходя къ жильцу, который тѣмъ временемъ злобно всовывалъ ноги въ калоши*). Объясненіе отъ генеральши изволили получить-съ?

Жилецъ (*насилу удерживаясь, чтобы не хватить его кулакомъ по лицу*). „Изволилъ, изволилъ получить-съ!“ Настоящій генеральскій отвѣтъ,—и ей, и вамъ величайшую честь приноситъ! Заинтересовалась, изволите видѣть, сироткою невинною, „безъ отца, безъ матери, артистка!“ Ха, ха, ха... Невинность крашеная, сиротка изъ Минерашекъ... Къ чести вашей, дѣйствительно, отнести можно... Въ генеральскомъ домѣ... Тьфу! (*плюетъ съ ожесточеніемъ*).

Управляющій (*строго*). Напрасно это вы изволите ко мнѣ относить,—потому дѣло мое, извѣстно, подначальное... А сами вы, положительно, какъ состоите на службѣ, политику должны понимать... Генеральша у насъ самая добродѣтельная и, можно сказать, насчетъ этой нравственности самыхъ даже жестокихъ правилъ... А все же онѣ также должны свой разсчетъ вести. Потому если, къ примѣру, такое лицо, какъ князь Егоръ Ларіоновичъ Шемахинскій за эту Француженку изволилъ просить,—и этто такъ деликатно, *вдаль*, такъ сказать, что единственно, значитъ, изъ любви къ пѣнію протежируютъ,—такъ, какъ полагаете, должны имъ сдѣлать генеральша предпочтеніе противу васъ, или нѣтъ?..

Жилецъ (*злобно ухмыляясь*). Гдѣ уже намъ противъ такой „политики!“

Управляющій (*не разжимая бровей*). То-то-съ! А вы на меня изволите...

Жилецъ (*все также злобно*). И за тѣ же 1,600 отдали,—или, можетъ быть, еще сбавили?

Управляющій (*мгновенно озаряясь улыбкою*). Ну, нѣтъ-съ, это опять другой разговоръ выходитъ. Князю сподручно, потому ближе имъ нѣтъ мѣста, изъ совѣта и прочая, и на такой притомъ улицѣ;—намъ, поэтому, тоже можно свою выгоду на-

блюсти (*подмигиваетъ*)... Противу, что̀ просили съ васъ, на 900 рублей набавили, двѣ тысячи пятьсотъ квартирѣ теперь цѣна-съ!..

Жилецъ. Поздравляю! Это уже собственно вы оборудовали?

Управляющій (*скромно потупляя очи*). Конечно, моя обязанность... Только генеральша сами очень прекрасно понимаютъ... Потому, сами знаете, какой вѣкъ теперича. „Вѣкъ прагресса“, не даромъ сказано (*самодовольно улыбается*)!

Жилецъ *взглядываетъ на него, нахлобучиваетъ шляпу на брови и быстро исчезаетъ за выходною дверью.*

ИЗЪ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЖИЗНИ *).

Почему Павелъ Павлычъ Ѳедосьевъ не попалъ въ камеръ-юнкеры къ Святой.

Въ Петербургѣ есть нѣкій департаментъ. Въ этомъ департаментѣ—директоръ. У директора — супруга Татьяна Дмитріевна.

Татьянѣ Дмитріевнѣ подъ—если и не всѣ—тридцать. Она женщина красивая, воспитанная,—воспитанная у госпожи Труба, c'est tout dire,—и вполнѣ свѣтская.

Въ этомъ своемъ качествѣ вполнѣ свѣтской и притомъ петербургской женщины, Татьяна Дмитріевна не имѣетъ, разумѣется, ничего общаго съ героинями г. Боборыкина и подобныхъ ему *свѣтскихъ* россійскихъ писателей. Татьяна Дмитріевна, подобно своей знаменитой тезкѣ,—вѣрный снимокъ du comme il faut,

„Безъ этихъ маленькихъ ужимокъ,
Безъ взора наглаго для всѣхъ",

притомъ умна, честолюбива — какъ и слѣдуетъ быть при ея рангѣ,—и добродѣтельна... Такъ добродѣтельна, что сама графиня Иглова-Далматова, самая злющая изъ злющихъ ветерановъ петербургскаго хайлайфа (high life), только чихаетъ, когда о ней говорятъ въ ея присутствіи, не находя рѣшительно ничего отпустить по ея адресу въ неистощимомъ запасѣ своего злословія. Добродѣтельна Татьяна Дмитріевна по классическому

---

*) Впервые напечатана въ № 141 „С.-Петерб. Вѣд." 23-го мая 1876 г.

правилу, что жена Цезаря не должна быть подозрѣваема, — а Цезаремъ почитаетъ она своего мужа, который, имѣя отъ роду не болѣе сорока лѣтъ, давно тайный совѣтникъ, а на дняхъ получилъ третью звѣзду.

Цезарь, въ свою очередь, неукоснительно вѣренъ Татьянѣ Дмитріевнѣ, и хотя и позволяетъ себѣ лукаво и даже нѣсколько по-гусарски подмигивать и дергать плечомъ, когда генералъ Мирашевскій, извѣстный „coureur“ и знатокъ по части „легкой любви“, передаетъ ему въ театрѣ о прелестяхъ какой нибудь Suzette,—но это чистѣйшее фатовство съ его стороны... и даже не фатовство, а болѣе—дань уваженія, оказываемаго имъ этимъ средствомъ генералу Мирашевскому, имѣющему надъ Цезаремъ превосходство на цѣлыя двѣ звѣзды. Въ сущности Цезарь не только не знаетъ никакихъ Сюзетъ, но отъ младыхъ ногтей питаетъ ко всѣмъ очаровательницамъ этого рода тотъ благотворный страхъ (crainte salutaire), который божественный Ментеръ всуе старался внушить царственному воспитаннику своему къ прекрасной нимфѣ Эвхаридѣ.

Кто же бы послѣ этого могъ подумать, что такая именно Сюзета будетъ—косвеннымъ образомъ, заранѣе предваряю, косвеннымъ образомъ, читатель,—будетъ причиною вопіющей несправедливости, оказанной на дняхъ Цезаремъ одному изъ своихъ юныхъ и наиболѣе взысканныхъ дарами Провидѣнія подчиненныхъ.

Такихъ юныхъ и взысканныхъ свыше подчиненныхъ у Цезаря не малое количество. Департаментъ, которымъ призванъ онъ править, принадлежитъ къ числу „видныхъ“. Самъ онъ славится щедростью наградъ, напоминающею баснословныя времена извѣстнаго этимъ въ свою пору „штатскаго генерала“ Прыткова. Ко всему этому Татьяна Дмитріевна, принадлежащая къ числу тѣхъ пяти-шести „femmes intelligentes“, къ которымъ государственные сановники заходятъ запросто, послѣ Совѣта, для отдохновенія въ аттической бесѣдѣ, — подобно тому, какъ въ свое время заходилъ изъ агоры Периклъ къ Аспазіи, — Татьяна Дмитріевна пользуется репутаціею женщины, которой стоитъ только захотѣть, чтобъ посадить своего протеже на какое хотите мѣсто,—хотя бы даже туда, куда Калигула поса-

дилъ своего коня. Понятно, что, при такомъ стеченіи благосклонныхъ обстоятельствъ, золотыя и серебряныя медали привилегированныхъ учебныхъ заведеній сѣверной Пальмиры такъ и рвутся подъ начало Цезаря и Татьяны Дмитріевны. Департаментъ, правимый Цезаремъ, представляетъ собою такимъ образомъ какъ-бы нѣкій вертоградъ такъ называемыхъ „многообѣщающихъ молодыхъ людей“,—обѣщающихъ, т. е. неоскудѣніе и впредь все тѣхъ же прекрасныхъ чиновниковъ, которымъ со времени Сперанскаго дано судити и правити въ великой землѣ святорусской!

Татьяна Дмитріевна—дама вообще убѣжденій прогрессивныхъ, но „безнравственность современной молодежи“, тѣмъ не менѣе, сильно ее озабочиваетъ. „Противъ этой отравы“, говоритъ она, „одно противоядіе—la bonne société“, и вслѣдствіе этого требуетъ, чтобъ подчиненные ея мужу „многообѣщающіе“ непремѣнно ѣздили въ свѣтъ. Указъ прекрасной директорши исполняется подчиненными тѣмъ съ большимъ усердіемъ, что, какъ извѣстно, привилегированные штатскіе настолько же вообще падки на приманки хайлайфа, сколько, напротивъ, пренебрегаютъ ими болѣе свободномыслящіе привилегированные военные, — на которыхъ даже печатно печаловалась однажды, по этому случаю, одна почтенная мать семейства газетѣ „Гражданинъ“.

Павелъ Павлычъ Ѳедосьевъ—самый намѣченный изъ „многообѣщающихъ“. Онъ завѣдомо, до этого послѣдняго времени, имѣлся въ виду на мѣсто дышащаго на ладанъ начальника 1-го отдѣленія, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Гнилошкина, чиновной кочерги стараго закала, оставленнаго въ наслѣдіе Цезарю его предшественникомъ, и котораго уже за одну фамилію Цезарь, разумѣется, давно выжилъ бы изъ своего департамента, если-бъ за него не стояло одно очень вліятельное лицо, начавшее службу подъ начальствомъ этого самого Гнилошкина, и чѣмъ-то тогда имъ обязанное. Въ ожиданіи имѣвшаго открыться повышенія, Павелъ Павлычъ, третій годъ состоящій столоначальникомъ и имѣющій уже чинъ надворнаго, долженъ былъ къ нынѣшней Святой быть представленнымъ въ камеръ-юнкеры. Но тутъ случилось одно происшествіе...

Надо вамъ сказать, что взысканный Павелъ Павлычъ, кромѣ личныхъ достоинствъ, пользуется и вещественными дарами слѣпой фортуны, наслѣдованными имъ законно отъ своего папаши, бывшаго когда-то тоже директоромъ департамента и нажившаго таковые тоже законно — отъ благодарности лицъ, интересы которыхъ, въ томъ или въ другомъ случаѣ, зависѣли отъ мудрости его рѣшеній. Папаша оставилъ по пятнадцати тысячъ дохода каждому изъ своихъ двухъ сыновей. Провидѣніе въ свою очередь благословило потомство отъ сего праведнаго:— старшій Ѳедосьевъ служитъ въ одномъ изъ самыхъ блестящихъ полковъ гвардіи и принятъ какъ свой у самой princesse Betsy; о Павлѣ Павлычѣ, избравшемъ гражданскую часть, мы уже знаемъ, какая блестящая карьера открывалась передъ нимъ...

О, если-бъ онъ только неукоснительно держался совѣтовъ Татьяны Дмитріевны и время, свободное отъ служебныхъ занятій, посвящалъ единственно „à la bonne société!“. Но, къ несчастію, онъ находилъ еще довольно этого времени и для „легкихъ побѣжекъ“ за тѣ общественные предѣлы, за которыми начинается веселое и опасное царство демимонда. Недаромъ же, въ самомъ дѣлѣ, былъ онъ взысканъ 15,000 дохода:— сладко было Павлу Павловичу мчаться на тройкахъ къ Дороту въ морозныя ночи, внимать картавому говору и пронзительному хохоту перекликавшихся изъ саней въ сани желтоволосыхъ поѣзжанокъ; сладко было, когда ихъ, натертыя губною помадою, уста обзывали его „mon gros bêtâ“ и „mon loulou chéri“; сладко было „рвать поцѣлуи“ съ этихъ напомаженныхъ устъ за ужиномъ у Дюссо, на верху, пока сѣдой татаринъ Simon разсказываетъ все ту же „сонъ петитъ истуаръ“, которою потѣшаетъ онъ чуть не четвертое поколѣніе петербургскихъ „суперовъ“... Высокая поэзія этихъ блаженныхъ мгновеній вознаграждала алчущую душу Павла Павлыча за ту немилосердную скуку, которую испытывалъ онъ на вечерахъ хайлайфа, и тѣмъ болѣе была дорога ему, что, въ виду извѣстныхъ принциповъ Татьяны Дмитріевны насчетъ нравственности современной молодежи, онъ отдавался ей съ постоянною оглядкою назадъ, съ постоянною боязнью, чтобъ какой нибудь департаментскій завистникъ не довелъ о его „побѣжкахъ“ до свѣдѣнія строгой, хотя и

прекрасной, начальницы. И такъ искусно маневрировалъ Павелъ Павлычъ, что, въ продолженіи цѣлыхъ двухъ лѣтъ, уклоненія его со стезей добродѣтели оставались тайною для его начальства, и игривые цвѣты наслажденія, срываемые имъ въ садахъ Дорота и К°, сплетались безнаказанно въ его вѣнкѣ съ вѣскими колосьями его департаментскаго усердія.

Но „не ровенъ часъ“, и „на каждую старуху бываетъ проруха“, гласитъ русская народная мудрость. Павелъ Павлычъ прорвался вдругъ самымъ непростительнымъ образомъ...

Было это въ началѣ поста, въ театрѣ Буффъ. Эме пѣла въ „Grande duchesse“, любимомъ произведеніи демимонда. Представительницы его сіяли обычными звѣздами въ ложахъ бенуара, а среди нихъ недавняя гостья невскихъ береговъ, темноокая Испанка, Juana d'Aranjuez. Понимаете-ли вы, прозаикъ-читатель, чего одно это имя стоитъ для человѣка, одареннаго, какъ Павелъ Павлычъ, пламеннымъ воображеніемъ! Juana d'Aranjuez, — вѣдь это такъ-таки прямо изъ Шиллера, „Die schönen Tagen in Aranjuez“ и проч. — такъ и обдаетъ тебя тѣмъ воздухомъ, гдѣ „лавромъ и лимономъ пахнетъ“. Хотя Павла Павловича и увѣряли, что Испанка эта родилась въ Парижѣ, въ улицѣ Mouffetard, отъ прачки и поваренка изъ ресторана du Veau qui tette, но ему гораздо охотнѣе вѣрилось, что въ дѣлѣ этого рожденія принимали ближайшее участіе: съ мужской стороны—самъ бывшій президентъ испанской республики Кастелларъ, а съ женской—какая нибудь дочь маршала Эспартеро. Да какъ было этому и не вѣрить Павлу Павлычу? У Juana d'Aranjuez такая чисто испанская забористость, „sal“ (соль), какъ говорятъ на берегахъ Мансанареса, такое „chien de tous les diables“ во всей ея особѣ,— квинтессенція современной женской прелести,—что знакомому съ Дарвиномъ „привилегированному“ молодому человѣку, какъ Павелъ Павлычъ, все это иначе объясняться не могло, какъ результатомъ подбора мѣстныхъ особей самаго перваго нумера,— а изъ таковыхъ по газетамъ ему въ Испаніи только и были извѣстны президентъ Кастелларъ и маршалъ Эспартеро.

Очаровательная Испанка позволила представить ей Павла Павлыча только за нѣсколько дней передъ этимъ, чѣмъ Па-

велъ Павлычъ былъ очень польщенъ, такъ какъ madame Juana состояла, какъ было ему вѣдомо, подъ непосредственнымъ покровительствомъ князя Питера Биберштейна, который, говорили, былъ очень строгъ насчетъ выбора тѣхъ лицъ, которыхъ дозволялъ ей принимать въ свой салонъ. Павелъ Павлычъ былъ у нея съ церемоннымъ визитомъ утромъ и былъ принятъ ею съ такою величавостью, съ такою оффиціальностью цѣломудрія, что ему показалось, будто сидитъ онъ въ самой недоступной петербургской гостиной, у самой princesse Hélène, подъ ея раззолоченными карзинками, на берегу Фонтанки.

Тѣмъ сладостнѣе теперь билось сердце Павла Павловича: Juana d'Aranjuez посылала ему со своего мѣста самые несомнѣнно зажигательные взгляды... Онъ не выдержалъ и—въ первомъ же антрактѣ подошелъ къ ея ложѣ.

Началъ, какъ водится, со здоровья, причемъ старался говорить какъ можно развязнѣе, любезнѣе—и картавѣе.

— Mercі, monsieur, отвѣчала очаровательница, улыбаясь;—передъ очарованнымъ молодымъ человѣкомъ такъ и блеснулъ ослѣпительный рядъ ея бѣлыхъ, ровныхъ острыхъ зубовъ, способныхъ въ одну ночь прожевать три наслѣдства,—je vais assez bien pour une veuve.

Павелъ Павлычъ не понялъ въ первую минуту.

— Eh bien, mon Pita (такъ называла она своего князя) est parti pour Paris, объяснила она.

Онъ бойко взглянулъ ей въ глаза:

— А вы не поѣдете за нимъ?

— Cela dépendra! отвѣтила она, отпустивъ ему при этомъ такой испанскій взглядъ, что онъ въ ту же минуту почувствовалъ себя способнымъ не только Казанову, но самого Геркулеса за поясъ заткнуть. И, дѣйствительно, князя Питера Биберштейна обратить въ Менелая—какое торжество для департаментскаго Париса!

Разговоръ шелъ самый оживленный: страстный съ его стороны, полный недоговоренныхъ обѣщаній со стороны ея...

Она сняла между тѣмъ одну изъ своихъ перчатокъ;—на

безъименномъ пальцѣ ея обнаженной руки засверкали два великолѣпные рубина, окруженные брилліантами.

— Какъ хороши ваши кольца! сказалъ Павелъ Павлычъ.

— Oh, j'adore les rubis! сказала она, сама любуясь ими;— mais il m'en faut un encore pour faire trio complet, примолвила она съ невинно-кокетливою улыбкою шестнадцатилѣтней дѣвочки.

— Ваши прелестные пальцы споютъ этотъ тріо завтра же, отпустилъ ей на это Павелъ Павлычъ съ грансеньерскою развязностью, которой позавидовалъ бы самъ дюкъ де-Ришелье, знаменитѣйшій покоритель сердецъ всего XVIII столѣтія.

Въ эту самую минуту заигралъ оркестръ. Павелъ Павлычъ, получивъ въ награду за свою догадливость взглядъ, отъ котораго его пробрало всего насквозь, обернулся итти на свое мѣсто въ креслахъ, какъ вдругъ, о, ужасъ! встрѣтился съ другимъ взглядомъ, отъ котораго разрумянившееся лицо его обрѣло внезапно бѣлизну бѣлѣйшаго голландскаго полотна.

Съ противоположной стороны, изъ ложи внизу, ближайшей къ сценѣ, печально изумленными глазами глядѣла на него Татьяна Дмитріевна!..

Татьяна Дмитріевна въ театрѣ-буффъ!—это было такъ не вѣроятно, что въ первое мгновеніе Павелъ Павлычъ себѣ не повѣрилъ.

Но это была она, точно, съ толстенькою графинею Ваханскою. Татьяна Дмитріевна питала какую-то слабость къ этому enfant terrible петербургскаго хайлайфа. Эксцентричная „кокодетка“ увлекла сюда политическую женщину,—это было ясно для Павла Павлыча.

Первымъ невольнымъ движеніемъ его было опустить глаза. Но онъ тутъ же рѣшилъ, что это—„глупость“, и смѣло поднялъ ихъ снова. Но прекрасная начальница глядѣла теперь уже не на него, а на сцену, на осыпанную брилліантами Эме—grande duchesse,—внимательно, неотступно глядѣла, видимо занятая изученіемъ новаго для нея „типа“.

Павелъ Павлычъ съ своей стороны ничего не видѣлъ и не слышалъ. Самое знаменитое „le sabre, le sabre, le sabre de mon père“ пронеслось беззвучно для его уха. Онъ сидѣлъ какъ

на булавкахъ и нетерпѣливо ждалъ конца акта, чтобъ итти объясниться съ женою Цезаря.

Онъ нашелъ ее въ салончикѣ передъ ложею, гдѣ поданъ былъ чай, а графиня Ваханская—по свѣтскому прозвищу ея „Boulotte"—курила папироску, затягиваясь во всю грудь.

— Qu'en direz vous? расхохоталась она дребезжащимъ смѣхомъ, при видѣ входящаго, указывая на Татьяну Дмитріевну:—въ первый разъ въ буффахъ, въ жизни въ первый разъ, и въ восхищеніи... Не говорите нѣтъ, не говорите нѣтъ! крикнула она ей,—по глазамъ, по губамъ вижу,—въ восхищеніи!..

Татьяна Дмитріевна съ унылою улыбкою приподняла плечи...

Вошедшій вслѣдъ за Павломъ Павлычемъ конногвардеецъ отвлекъ вниманіе Булотты; она такъ и накинулась на него съ обычнымъ своимъ смѣхомъ, съ какими-то вопросами и бранью...

— Съ какою это женщиною разговаривали вы сейчасъ? сразу поставленъ былъ Павлу Павлычу этотъ жгучій вопросъ, когда онъ усѣлся подлѣ Татьяны Дмитріевны.

Но онъ былъ готовъ на него: улыбка, тонъ его отвѣта соображены, приноровлены были заранѣе.

— Эта звѣзда первой величины на извѣстномъ небѣ, — madame d'Aranjuez, насмѣшливо - вѣско протянулъ онъ,—особа, имѣющая счастье внушать неограниченное къ себѣ довѣріе одному изъ вашихъ друзей, князю Питеру Биберштейну.

Это имя должно было, по его мнѣнію, служить ему лучшимъ громоотводомъ.

— И онъ, вѣроятно, поручилъ ее вашему участію, уѣзжая сегодня въ Парижъ, pour affaires d'état? съ пронзившею его иронією спросила Татьяна Дмитріевна, которой, разумѣется, все, что относилось до „affaires d'état", всегда было первой извѣстно.

Онъ нашелся и тутъ, однако.

— Я въ прошломъ году ѣхалъ изъ-за границы въ одномъ поѣздѣ съ ними, немилосердно солгалъ Павелъ Павлычъ, и потому нѣсколько знакомъ съ нею. Она тоже уѣзжаетъ на

днях и продаетъ весь свой mobilier. А у нея, говорятъ, есть одинъ великолѣпный венеціанскій шкафъ. Я ее спрашивалъ, когда могу заѣхать посмотрѣть на него... Вы понимаете, быстро и ловко перемѣняя тонъ, добавилъ онъ къ этому, что не изъ-за удовольствія же пріятной бесѣды подошелъ я сейчасъ къ ней... Я, благодаря вашей благосклонности, такъ привыкъ къ *иному*—онъ почтительно нѣжнымъ взглядомъ глянулъ на прекрасную начальницу, — что *подобное* общество, конечно, можетъ внушать мнѣ только отвращеніе...

Татьяна Дмитріевна примолкла на мигъ.

— Послушайте, начала она затѣмъ,—мнѣ какъ-то не приходится бранить васъ *здѣсь*, я сама заслуживала бы головомойки, comme on dit, примолвила она съ очаровательною улыбкою,—за то, что позволила себя увлечь сюда par cette tête folle! Она указала на Булотту.—Но все же вы заслуживаете порицанія. Кто, какъ вы, готовитъ себя къ высшей государственной дѣятельности, обязанъ смолоду относиться строго къ малѣйшему изъ своихъ faits et gestes. А публичные разговоры съ подобными созданіями...

Татьяна Дмитріевна не договорила и улыбнулась опять, какъ только одна она умѣетъ улыбаться, то-есть съ неотразимо-серьезною прелестью.

— Конецъ проповѣди—до завтра. Пріѣзжайте чай пить вечеромъ къ мужу, entre dix et onze. Мы обѣдаемъ во французскомъ посольствѣ; тамъ сидятъ очень долго — и я устану. Кромѣ васъ, никого принимать не велю... Завтра мое рожденіе, но въ мои лѣта такой день долженъ быть величайшая тайна, промолвила прелестная женщина, поднося палецъ къ нижней губѣ, — и потому не только не смѣйте являться поздравлять утромъ, но и никому ни слова!

Она поднялась съ мѣста: ауденція, молъ, твоя кончена.

— Что за восторгъ эта моя принципалка! говорилъ себѣ Павелъ Павлычь, съ легкимъ сердцемъ выходя изъ ложи.

Онъ отправился изъ театра прямо домой и тотчасъ же принялся за перо. Покряхтѣвъ часика полтора надъ сочиненіемъ посланія къ подарку, который имѣлъ преподнести пре-

красной Испанкѣ, онъ остановился на слѣдующей его редакціи:

„Идолъ души моей“ (этотъ прямой пламенный возгласъ какъ-то счастливо подвернулся Павлу Павлычу прямо изъ Гильомъ Теля: „O, Mathilde, idôle de mon âme!“), каждое изъ словъ, оброненныхъ вчера вашими прелестными устами, ласкаетъ, волнуетъ и жжетъ мое сердце. Что не досказали эти уста, дозволено-ли мнѣ дочесть въ королевски покоряющемъ взглядѣ вашемъ, въ вашей серафимовой улыбкѣ (это была также фраза, счастливо подвернувшаяся изъ недавно прочтеннаго романа Доде: „Dans votre regard royalement vainqueur, dans votre sourire séraphique“)? О, не отнимайте у меня вѣры, не обрывайте крылья моимъ надеждамъ“!..

За этимъ поставленно было нѣсколько краснорѣчивыхъ точекъ—и начиналась новая строка:

„Видъ препровождаемой при семъ бездѣлицы на вашемъ очаровательнымъ пальцѣ („la vue de la bagatelle ci-jointe mise à votre doigt adorable“) вознесетъ меня на самыя вершины человѣческаго счастья („aux plus haut sommets du bonheur humain“).

И ничего больше. Подпись.

Такъ писалъ, такъ умѣлъ писать Павелъ Павлычъ!

Затѣмъ, въ виду букета, который онъ намѣревался, вмѣсто запрещеннаго поздравительнаго визита, отправить тѣмъ же утромъ къ прекрасной „принципалкѣ“, онъ взялъ визитную карточку и скромно мелкимъ почеркомъ начерталъ „humble hommage“ надъ крупно налитографированнымъ „Paul Fedossief“.

Письмо и карточку онъ вложилъ въ блѣдно зеленые сатинированные конверты съ оттисненнымъ золотомъ на нихъ своимъ шифромъ, аккуратно уложилъ ихъ рядомъ на письменномъ столѣ,—и легъ спать, говоря себѣ, какъ Титъ милосердый, что истекшій день не пропалъ у него даромъ. Самыя сладостныя и поэтическія сновидѣнія снились ему до зари: Татьяна Дмитріевна, въ видѣ ночи, несла ето на газовыхъ крылахъ сквозь небесное пространство къ лучезарной звѣздѣ, имѣвшей форму орденской, а изъ самой середки золотаго

мѣсяца выступалъ очаровательный обликъ Juana d'Aranjuez, съ кастаньетами въ рукѣ и слышались ему неотразимыя слова: „je t'aime bien, va, mon gros chien bête!"...

Все слѣдующее утро, до департамента, онъ прорыскалъ по ювелирамъ; онъ нашелъ искомое рубиновое, въ подлежащей брилліантовой оправѣ, кольцо у Фаберже, за которое затребовали съ него 400 руб., пріобрѣлъ его за 350, заѣхалъ затѣмъ въ Большую Конюшенную, къ Ушакову, гдѣ заказалъ для „принципалки" большой букетъ изъ однѣхъ бѣлыхъ розъ („Noblesse et pureté",—надѣюсь, она поймета? говорилъ себѣ при этомъ Павелъ Павлычъ), отсчиталъ за него 50 р., велѣлъ уложить его подобающимъ образомъ,—и, вернувшись затѣмъ домой, приказалъ камердинеру своему Фридриху, изъ *Нѣмцовъ*, отвезти сейчасъ же на извощикѣ сдѣланныя имъ пріобрѣтенія, каждое по адресу приложеннаго къ нему конверта, надписаннаго и запечатаннаго имъ еще наканунѣ.

Сладостныя награды, которыхъ онъ былъ въ правѣ ожидать за свои щедроты, а главное—мысль обратить въ Менелая такого матадора, какъ князь Питеръ Биберштейнъ, такъ сильно волновали Павла Павлыча, что онъ не былъ въ силахъ просидѣть долго въ департаментѣ въ это утро и ушелъ оттуда, не дописавъ даже спѣшнаго доклада, порученнаго Цезаремъ его „элегантному перу".

Ѣхать самому къ Испанкѣ вслѣдъ за посланнымъ подаркомъ онъ почиталъ въ высшей степени не „gentlemanlike". А онъ сгоралъ, между тѣмъ, нетерпѣніемъ увидѣть эффектъ этого подарка...

Сегодня въ Буффахъ новая оперетка „La boulangère a des écus", вдругъ вспомнилось ему,—она тамъ, вѣроятно, будетъ!

Она была тамъ, дѣйствительно,—и не одна на этотъ разъ: съ нею сидѣла Coralie, одна изъ самыхъ юныхъ, но изъ самыхъ бойкихъ на языкъ нимфъ полусвѣта.

Кресло Павлу Павлычу досталось недалеко отъ ихъ ложи. Онъ поклонился съ мѣста съ таинственно-торжествующею улыбкою. Juana отвѣтила коротким кивкомъ, переглянулась съ товаркою—и обѣ онѣ усмѣхнулись.

Страннымъ показалось это Павлу Павлычу. Страннѣе было еще то, что, въ противорѣчіе вчерашнему, очаровательная Испанка не только не глядѣла на него сегодня, но видимо морщилась, чувствуя на себѣ неотступный взглядъ нашего героя.

Это требовало объясненія.

Въ антрактѣ онъ подошелъ къ ея ложѣ съ вопросительнымъ и нѣсколько оробѣвшимъ выраженіемъ въ лицѣ.

— Je vous dois un mercі, какъ бы желая отдѣлаться скорѣе, поспѣшила коротко проговорить Juana.

— О, это бездѣлица! скромно молвилъ Павелъ Павлычъ.

— Puisque nous sommes en carême! сказала на это она, закусывая губу, и насмѣшливо повела плечомъ.

Павелъ Павлычъ недоумѣло глянулъ на нее во всѣ глаза.

— Je ne comprends pas, пробормоталъ онъ...

— Eh ben, elle était maigre, l'offrande! пояснила Coralie,—и обѣ онѣ залились своимъ неудержимымъ, пронзительнымъ французскимъ смѣхомъ.

„Постное приношеніе"—кольцо въ 400 рублей; за однѣ *надежды!* Во что же она себя цѣнитъ? воскликнулъ внутренно Павелъ Павлычъ, покраснѣвшій какъ ракъ отъ злости и конфуза.

— „L'humble hommage"! говорила между тѣмъ сквозь смѣхъ Испанка.

— Des roses blanches—symbole d'innocence! вторила ей, помирая, Coralie.

Бѣлыя розы, приписка его на карточкѣ, посланной съ букетомъ Татьянѣ Дмитріевнѣ—о, Господи, что же такое!..

Быстрѣе вспугнутаго воробья вылетѣлъ Павелъ Павлычъ изъ театра—и понесся къ себѣ на квартиру.

— Что ты со мною сдѣлалъ; что ты со мною сдѣлалъ? могъ онъ только выговорить, подступая съ сжатыми кулаками къ выбѣжавшему на его бѣшеный звонъ Фридриху и неистово топоча ногами:—кому ты отнесъ утромъ письма и посылку?

— По адресу отнесъ, кому слѣдовало, отвѣчалъ Фридрихъ съ достоинствомъ и осторожно отступая на два шага.

— Ты перепуталъ все... свинья!.. Ты... погубилъ меня, du

hast mich zu Grunde gerichtet! воскликнулъ даже для вящшей силы по-нѣмецки совершенно растерявшійся Павелъ Павлычъ...

Но изъ дальнѣйшихъ, болѣе обстоятельныхъ, объясненій оказалось, что даже этого утѣшенія не оставалось ему. Перепуталъ не Фридрихъ, а онъ самъ:—наканунѣ вечеромъ онъ, полусонный, надписалъ, по ошибкѣ, на конвертѣ съ карточкою, предназначавшеюся къ букету Татьянѣ Дмитріевнѣ, адресъ madame d'Aranjuez... а письмо къ ней, о, ужасъ! любовное письмо вмѣстѣ съ рубиновымъ кольцомъ, пошло на имя жены Цезаря, его начальника, Цезаря, который за это можетъ на вѣки сгубить его карьеру... O horrible, horrible, most horrible! вспомнилъ даже при этомъ Павелъ Павлычъ профессора Тернера, читавшаго о Шекспирѣ въ ихъ привилегированномъ заведеніи...

„Одно средство", рѣшилъ Павелъ Павлычъ, „сейчасъ же повиниться ей во всемъ, объяснить, признаться въ безумномъ, минутномъ увлеченіи, въ которомъ онъ кается, отъ котораго онъ уже вытрезвленъ, молить ея прощенія, помощи, спасенія. Она строга, но умна, и благородна,—она поймете... ей даже, очень можетъ быть, покажется достойнымъ ея (digne d'elle) спасти, вырвать такого молодаго человѣка, какъ онъ, изъ рукъ „подобнаго созданія" („une de ces créatures"), какъ выражается она"...

И чуть-чуть поуспокоенный Павелъ Павлычъ, облекшись во фракъ, направился во Владимірскую, гдѣ жилъ Цезарь.

Сердце его захолонуло, когда онъ очутился у дверей начальнической квартиры.

„А какъ вдругъ услышу: „дома нѣтъ-съ", или просто даже: „не велѣно принимать", что тогда?"—пронеслась у него ужасная мысль...

Но его приняли; благоволившій къ нему старый слуга Степанъ съ тою же своею улыбочкою провелъ его въ кабинетъ „генерала", а самъ „генералъ", завидя его изъ-за письменнаго стола, за которымъ подписывалъ исходящіи бумаги, крикнулъ ему своимъ все тѣмъ же дружественнымъ тономъ:

— Bonsoir, mon cher, пройдите къ женѣ; у меня, видите, какой ворохъ,—на полчаса еще хватитъ!..

Онъ ничего, видимо, не зналъ... И за то спасибо!

Татьяна Дмитріевна сидѣла въ своемъ интимномъ будуарчикѣ, на низкомъ, шелковомъ диванѣ, освѣщенная большою, подъ бѣлымъ колпакомъ лампою, и вырѣзывала цвѣты изъ длинной полосы кретона, лежавшей передъ нею на столѣ.

О, кто скажетъ, что происходило въ душѣ Павла Павлыча, когда онъ переступалъ за порогъ этого будуара!

Онъ вошелъ со вздрагивавшими поджилками... Она подняла голову—и вдругъ вся покраснѣла.

Онъ замѣтилъ это,—но не зналъ, обрадоваться-ли этому, или напротивъ... Онъ смущенно и молча поклонился...

— Садитесь! сказала Татьяна Дмитріевна, замѣтно перемогаясь.

Онъ сѣлъ все такъ же безмолвно.

— Прежде всего, начала она не сейчасъ,—возьмите это! Она вынула изъ-подъ подушки дивана футлярный ящикъ съ его злополучнымъ кольцомъ, протянула ему черезъ столъ и взялась опять за ножницы.

— Madame, заговорилъ было онъ...

Она прервала его:

— Вы сами должны понимать, до какой степени вы забылись. Я не знаю, что это были у меня вчера за „побѣдные взгляды“ (regards vainqueurs) и „оброненныя слова“, — она чуть-чуть усмѣхнулась, не отрывая глазъ отъ своего кретона,—которые привели васъ въ такой экстазъ... Но вы должны были бы вспомнить, что вся моя жизнь—тутъ (toute ma vie est là), чтобъ гарантировать меня противъ такихъ невѣроятныхъ признаній (pour me garantir contre d'aussi incroyables aveux).

Она проговорила все это разомъ, какъ заученый урокъ, строгимъ, догматическимъ тономъ. Менѣе смущенный и болѣе опытный свѣтскій человѣкъ понялъ бы, что тутъ было гораздо болѣе придуманнаго, *дѣланнаго*, чѣмъ настоящаго гнѣва.

— Неужели, все такъ же продолжала она,—могли вы, хотя на мгновеніе, дѣлать себѣ иллюзіи на счетъ *качества* того расположенія, которое я вамъ оказывала?

— Madame, могъ только вымолвить еще разъ совершенно раздавленный Павелъ Павлычъ.

Она глянула на него изподлобья и осталась, повидимому, совершенно довольна произведеннымъ ею впечатлѣніемъ. Улыбка, ея обычная улыбка пробѣжала по изгибу ея рта.

— Наконецъ, Павелъ Павлычъ, заговорила она вдругъ по-русски,—какъ могъ не понимать такой безспорно умный, хотя молодой — слишкомъ даже *молодой*, протянула она уже съ извѣстнымъ лукавоженственнымъ оттѣнкомъ,—человѣкъ, какъ вы, что писемъ въ такомъ стилѣ не пишутъ à des femmes comme il faut... и, главное, не посылаютъ имъ въ подарокъ драгоцѣнныхъ камней?..

— Мнѣ это, конечно, и въ голову никогда притти не могло! вскрикнулъ Павелъ Павлычъ, несказанно обрадованный этою явною для него перемѣною тона;—письмо и подарокъ предназначались не вамъ, Татьяна Дмитріевна!..

Да, онъ, дѣйствительно, былъ еще „слишкомъ молодъ!“.

Татьяна Дмитріевна подняла голову — и пристально уставилась на него:

— Не мнѣ? повторила она.

— Нѣтъ, подтвердилъ онъ чуть слышно.

— Такъ кому же? спросила она, нервно помаргивая рѣсницами.

Онъ только теперь понялъ, какъ трудно было отвѣчать на этотъ, несомнѣнно долженствовавшій послѣдовать вопросъ.

— Я жду, сухо проговорила она, безъ жалости теперь къ болѣе чѣмъ когда либо несчастному выраженію его лица.

— Этой женщинѣ... донеслись до нея невнятные звуки его голоса.

— Какой женщинѣ?

— Которую вы... вы видѣли... вчера въ театрѣ-Буффъ...

Она ничего не сказала на это,—только губы ея дрогнули...

— Я никогда не прощу себѣ этой оплошности, объяснялъ черезъ силу злополучный Павелъ Павлычъ:—вы мнѣ сказали вчера, что сегодня день вашего рожденія, и я считалъ себѣ дозволеннымъ поднести вамъ букетъ... при немъ была моя кар-

точка... Все это попало не къ вамъ... а на обложкѣ этого несчастнаго письма я... я надписалъ, въ разсѣянности, ваше имя.

— Мое имя... Какъ же могло попасть оно у васъ рядомъ съ именемъ этой женщины! пылко вырвалось у нея...

Татьяна Дмитріевна была сама добродѣтель, добродѣтель, возведенная въ кубъ. Она, какъ мы видѣли, себя такою и показала сейчасъ... Но именно потому, что она была — добродѣтель, ей было невыразимо досадно теперь, что этотъ „мальчишка“, это „глупое письмо“... что предметомъ, поводомъ всѣхъ такихъ „глупостей“ служатъ вообще „эти женщины“, а не воспитанныя, изящныя, чистыя „femmes comme il faut“...

— Скажите мнѣ, научите, восклицалъ между тѣмъ въ отчаяніи растерянный ловеласъ,—чѣмъ, какъ могу я извиниться?..

Она нежданно для него засмѣялась,—и какимъ смѣхомъ! Бѣдный Павелъ Павлычъ!

— Къ чему? проронила она:—лучшее извиненіе ваше — ваша откровенность!

Павелъ Павлычъ смутно понялъ, что этими словами она сказала ему: дуракъ... Онъ замолкъ, какъ рыба.

Такъ прошло довольно много времени. Татьяна Дмитріевна продолжала вырѣзывать свой кретонъ...

— Если хотите чаю,—позвоните! сказала она, наконецъ, чуть-чуть морща брови.

Онъ поднялся съ мѣста.

— Нѣтъ, рѣшилъ онъ, — позвольте мнѣ лучше уйти. Я такъ деморализованъ сегодня, что, кромѣ глупостей, ничего сказать не съумѣю, чувствую... Другой разъ, можетъ быть, я буду счастливѣе, домолвилъ онъ заискивающимъ и трепетнымъ тономъ.

— Bonne nuit, сказала она ему просто на это, лѣниво поднимая руку навстрѣчу его протянутой рукѣ.

Онъ робко сжалъ оконечности ея пальцевъ, низко поклонился—и вышелъ черезъ пріемныя комнаты (пройти черезъ кабинетъ Цезаря ему показалось страшнымъ послѣ этого объясненія)...

Татьяна Дмитріевна кинула работу свою на столъ—и прошла къ мужу.

Онъ поднялъ глаза и спросилъ:

— А Ѳедосьевъ гдѣ же?

— У меня голова разболѣлась; я его и отослала, небрежно отвѣчала она, опускаясь въ кресло подлѣ письменнаго стола.

— А я сейчасъ о немъ представленіе подписалъ, сказалъ Цезарь, продолжая подмахивать свои исходящія.

— Какъ, опять? лѣниво промолвила Татьяна Дмитріевна: —онъ, кажется, въ прошломъ году что-то получилъ!

— Да,—чинъ. А теперь мы его въ камеръ-юнкеры представляемъ... Это не въ счетъ! промолвилъ онъ, улыбнувшись.

— А я нахожу, что ты ихъ всѣхъ ужасно какъ балуешь. Ce n'est pas sage...

— Ѳедосьевъ отличный работникъ, сказалъ онъ.

— Можетъ быть... Но человѣкъ во всякомъ случаѣ не умный! И Татьяна Дмитріевна зѣвнула.

Цезарь былъ такъ изумленъ этимъ словомъ, что брызнулъ чернилами на росчеркѣ во всю бумагу.

— Ѳедосьевъ не уменъ?

— Я удивляюсь, какъ, съ *твоимъ* умомъ, ты не замѣтилъ этого до сихъ поръ... И къ тому еще... промолвила она тѣмъ же лѣнивымъ тономъ, отыскивая затылкомъ знакомую ямочку на откидистой спинкѣ кресла.

— „Къ тому", что? спросилъ Цезарь, макая перо въ чернильницу.

— Къ тому, какъ это говорится, засмѣялась она: — до женскихъ сердецъ лакомъ.

Перо выпало изъ рукъ ея мужа; онъ выпрямился, моргнулъ утомленными отъ свѣта и письма вѣками:

— Таня!

— Что? спросила она, не перемѣняя положенія.

Онъ слегка покраснѣлъ.

— Нѣтъ, сказалъ онъ,—я... я не хочу спрашивать, потому что... если-бъ онъ что-нибудь... ты бы мнѣ сказала!..

Она слегка повернулась къ нему лицомъ.

— Ничего бы я тебѣ не сказала, потому что это не твое дѣло. Ты знаешь мои правила: la femme de Cézar...

— Ne doit pas être soupçonnée, договорилъ онъ съ сіяющею улыбкою—и потянулся къ ней...

Она положила на его ладонь свою бѣлую, длинную, прекрасную руку; онъ приникъ къ ней нѣжнымъ и долгимъ поцѣлуемъ...

— А я никакъ не думалъ бы этого про Ѳедосьева, сказалъ онъ вслѣдъ затѣмъ, пододвигая къ себѣ кипу уже подписанныхъ имъ бумагъ и принимаясь рыться въ нихъ.

— И думать о немъ нечего,—и Татьяна Дмитріевна зѣвнула еще разъ,—mais pour en revenir къ нашему вопросу, я такъ думаю, что съ общею массою подчиненныхъ надо быть строго справедливымъ и награждать ровно столько, сколько они этого стоятъ, — а особенные *фаверы* беречь для *безукоризненно*-достойныхъ. Voilà mon avis?

— Онъ знаетъ объ этомъ представленіи его! сказалъ Цезарь, пробѣгая глазами отысканную имъ бумагу, — и ужасно будетъ дуться на меня, промолвилъ онъ съ нѣсколько насилованнымъ смѣхомъ,—если оно не пойдетъ къ Святой.

— Ахъ, Боже мой, сказала на это Татьяна Дмитріевна,— пойдетъ оно или не пойдетъ, ты понимаешь, что это мнѣ совершенно все равно. Les détails m'occupent peu, vous savez... Для меня важенъ всегда вопросъ принципа. У тебя большой недостатокъ для государственнаго человѣка,—сердце! Возьми les vrais hommes d'état, Ришелье, Талейранъ, Бисмарка: они могли сдѣлать то, что они сдѣлали, только потому, что передъ собою всегда видѣли одну свою идею, а сердце на вѣки вѣковъ запечатано было у нихъ Соломоновою печатью.

Цезарь взялъ лежавшій передъ нимъ листъ съ представленіемъ о пожалованіи надворнаго совѣтника Павла Ѳедосьева въ камеръ-юнкеры, поднялъ его до высоты своихъ глазъ—и разорвалъ на четыре куска...

СВОБОДНАЯ ДУША *).

(Психологическій этюдъ.)

I.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ,—именно въ августѣ мѣсяцѣ 1874 года,—стоялъ я у кассы московско-курской желѣзной дороги и бралъ билетъ прямаго сообщенія въ Одессу, куда ѣхалъ по одному весьма скучному дѣлу. Укладывая въ портмоне полученную отъ кассира книжку билетовъ и сдачу съ моихъ пятидесяти рублей, я толкнулъ локтемъ какого-то, ждавшаго подлѣ меня своей очереди, господина.

— Извините! поспѣшилъ я сказать.

— Сдѣлайте милость! отвѣчалъ мнѣ звучный—и до того дружелюбный и веселый—голосъ, что я почувствовалъ необходимость взглянуть въ лицо его любезнаго владѣльца.

Это было одно изъ тѣхъ широкихъ, съ густою темною бородою и сѣдѣющею гривою волосъ, свѣжихъ русскихъ лицъ, которымъ на видъ можно точно также дать 35, какъ и 45 лѣтъ. Онъ былъ довольно высокъ ростомъ и коренастъ въ плечахъ. Глаза его такъ и горѣли довольствомъ, счастіемъ жизни, показалось мнѣ... Я приподнялъ шляпу, улыбнулся ему въ знакъ благодарности — и тотчасъ же отправился занять мѣсто въ вагонѣ.

Вагонъ былъ отличный, новенькій, съ раскидывающимися креслами-кроватями, длинными настолько, что хоть фланго-

---

*) Впервые напечатано въ №№ 161, 168 и 175 „С.-Петерб. Вѣд.“, 13-го, 20-го и 27-го іюня 1876 г.

вому Преображенскаго полка уложиться на нары, и мягкими достаточно, чтобъ двадцать четыре часа сряду проспать на нихъ безъ-просыпу.

Двѣ трети пространства въ этого рода вагонахъ отданы пассажирамъ мужскаго пола. Остальная часть, отдѣленная отъ первой бархатною занавѣскою, протянутою въ ширину всего вагона, составляетъ женское отдѣленіе. Я занялъ кресло въ углу, у самой этой занавѣси. Во-первыхъ, я обезпечивалъ себя хоть съ этой стороны отъ храпа сосѣдей, — женщины если и храпятъ, то все же нѣсколько цѣломудреннѣе,—во-вторыхъ, уже тѣмъ, что не на проходѣ...

Итакъ я устроился, уложилъ на сѣтку плэдъ свой и мѣшокъ, закурилъ папироску и сталъ глядѣть въ окно.

Гляжу, идетъ мой веселый господинъ — и съ дамою подъ руку.

Я совершенно понялъ, откуда это довольство, это счастіе на его лицѣ.

Золотистые волосы изъ-подъ черныхъ перьевъ шляпы, глаза синіе, глубокіе, брови какъ вырисованныя, лѣтъ 23-хъ, свѣжа какъ ландышъ, что-то строгое и, вмѣстѣ съ тѣмъ, лѣнивое въ выраженіи, поступи,—словомъ, царь-барыня!..

А онъ идетъ, будто ногъ подъ собою не чувствуетъ; глядите, молъ, на эту красавицу, она—моя, понимаете, *мо — я!*

Усадилъ онъ ее въ женское отдѣленіе, долго возился, устраивая ее тамъ; хотѣлъ даже остаться, усѣсться подлѣ нея. Но она не допустила. „Здѣсь не ваше мѣсто!“ сказала она ему тихимъ, но рѣшительнымъ голосомъ (мнѣ все было слышно съ мѣста, изъ-за занавѣси)...

Онъ приподнялъ занавѣсь и вышелъ въ мужское отдѣленіе. Пассажировъ было насъ немного, и никого, какъ оказалось, ни у него, ни у меня знакомыхъ. Тѣмъ не менѣе, едва тронулся поѣздъ, завязался тотчасъ же общій разговоръ.

Онъ много разсказывалъ—и очень не глупо и интересно. Человѣкъ онъ былъ, сколько можно судить, практическій и повидавшій кое-что на своемъ вѣку: служилъ когда-то въ черноморскомъ флотѣ, послѣ севастопольскаго разгрома перешелъ на службу русскаго общества пароходства, въ качествѣ аген-

та его жилъ долго на Востокѣ. Онъ занимался теперь какими-то оборотами: самъ имѣлъ пароходъ, принималъ грузы, торговалъ... Зиму онъ провелъ въ Петербургѣ, а теперь ѣхалъ въ Крымъ съ *женою*,—„она еще не видала никогда южнаго берега“... Эту „жену“ онъ вклеивалъ постоянно въ свои рѣчи: „*жена* восхищается Патти“, „*жена* ежедневно каталась въ саняхъ по Невскому“, „понятно, что женщина молодая и недурная, какъ моя *жена*, должна любить наряды“, — и надо было слышать, съ какою неискусною скромностью произносилось имъ это прилагательное „*недурная*“, приставленное къ гремѣвшему въ устахъ его слову *жена*.

И вотъ-съ, ѣдемъ мы съ нимъ такимъ образомъ, бесѣдуемъ о Востокѣ, объ упадкѣ цѣнъ на дома въ Одессѣ,—а красавица его тамъ за занавѣсью, dos à dos со мною. И все его къ ней тянетъ. Нѣтъ, нѣтъ, и юркнетъ въ женское отдѣленіе: то плодовъ купитъ на станціи и ей понесетъ, то, на-ходу, побѣжитъ съ какимъ нибудь вздорнымъ вопросомъ справиться: не холодно-ли ей, не поднять-ли, или не опустить-ли окно?.. Его усердіе ей докучало,—она отвѣчала коротко, нехотя и, наконецъ, просто замѣтила ему, чтобъ онъ такъ часто не заходилъ, что онъ стѣсняетъ другихъ дамъ.

— Я тебѣ предлагалъ взять купе, Вѣраша, смиренно сказалъ онъ ей на это.

— Тамъ душно и скучно! отрѣзала она ему въ отвѣтъ.

Онъ, бѣдный, болѣе уже не входилъ туда... Сама она на станціяхъ не выходила; онъ подбѣгалъ къ окну съ разными предложеніями,—она изрѣдка дозволяла чуть-чуть приподнять губку въ видахъ улыбки: ну, на молъ тебѣ, а теперь отстань!..

А хороша была она, дѣйствительно, такъ, что весь нашъ вагонъ—человѣкъ шесть—готовъ былъ, кажется, пасть къ ея ногамъ, у того же окна: улыбнись каждому изъ насъ хотя этакъ!..

Когда стемнѣло, вечеромъ она наконецъ соблаговолила выйти—чай пить гдѣ-то. Я усѣлся недалеко отъ нея... Отпивъ чашку, слышу, говоритъ она мужу:

— Я залягу спать сейчасъ,—на этихъ креслахъ отлично,—

и тебѣ совѣтую то же! Во всякомъ случаѣ прошу меня не тревожить!

— Когда же я тревожу тебя, Вѣраша? чуть не плача сказалъ онъ на это.

Она прошла не отвѣчая...

Онъ улегся, дѣйствительно, какъ она желала,—и проспалъ, должно быть, до самаго Курска. Бѣдняга, какъ онъ довѣрчиво—и гнусно—храпѣлъ при этомъ!.. А тѣмъ временемъ...

II.

Было это въ августѣ, я уже сказалъ; ночи совсѣмъ темныя въ ту пору, къ тому же луны не было. Къ полуночи въ обоихъ отдѣленіяхъ все спало, казалось; я самъ начиналъ смыкать глаза подъ одуряющій гулъ колесъ...

Но вотъ—стопъ, остановились... Сонъ мой прервался... Станція; впереди тускло горятъ фонари, мороситъ мелкій дождикъ... Вдругъ за занавѣсью послышался мнѣ шорохъ, легкій затѣмъ стукъ опускаемаго окна...

— Вѣра? донесся до меня осторожный шопотъ. Я, какъ можете себѣ представить, весь обратился въ слухъ.

— Тс!.. И красавица что-то прошептала, чего я разслышать не могъ.

Но собесѣдникъ ея за окномъ никакъ не могъ, видно, сладить со своимъ прорывавшимся отъ волненія голосомъ:

— Нѣтъ, говорилъ онъ,—за Орломъ, въ половинѣ третьяго, станція Зміевка,—помни!

— Гдѣ ты сидишь? спросила она уже громче.

— Въ третьемъ классѣ, между Евреемъ и кормилицею.

Окно быстро поднялось опять и, по глухимъ, сдержаннымъ звукамъ, долетавшимъ до меня, я понялъ, что она старалась удержать внезапный взрывъ смѣха, возбужденнаго въ ней вѣроятно этимъ отвѣтомъ ея любовника...

Ну, да, ея *любовника*! Кто же это могъ бы быть иначе?.. А бѣдный мужъ тутъ, въ пяти шагахъ, спалъ какъ убитый, повинуясь ея желанію!.. Мнѣ страстно захотѣлось посмотрѣть

на нее въ эту минуту. Я осторожно потянулъ сторонку занавѣси, пристегнутую къ стѣнкѣ вагона, и жадно вперилъ глаза въ образовавшуюся между ними щель.

Она была отъ меня такъ близко, что, если-бъ въ эту щель вздумалось мнѣ сунуть руку, я бы могъ дотронуться до нея. Синеватый свѣтъ обтянутаго на ночь фонаря падалъ на ея лицо, на ручку въ сѣрой дорожной перчаткѣ, державшую у рта батистовый платокъ. Головка была откинута назадъ, на спинку кресла, и слегка прижмуренные глаза недвижно устремлены были впередъ. Ни упрека себѣ, ни сожалѣнія, ничего не выражалось на ея красивомъ, свѣжемъ лицѣ,—ничего, кромѣ какой-то холодной,—безпощадной, готовъ я былъ бы сказать, — думы. Меня такъ и подмывало вскочить, бѣжать, толкнуть этого гнусно храпѣвшаго мужа, крикнуть ему: „Проснись, открой глаза, слѣпецъ, слѣпецъ, безсмысленный человѣкъ“! (Воображаю, какъ бы онъ меня поблагодарилъ за это!) „Въ Зміевкѣ, въ половинѣ третьяго“... И что тамъ должно произойти, въ Зміевкѣ? спрашивалъ я себя, словно не догадываясь,—и кто этотъ говорившій съ нею?.. Не смотря на шопотъ, голосъ его былъ мнѣ какъ будто знакомъ,—молодой, еще не умѣвшій сдерживать себя голосъ... Мой билетъ прямаго сообщенія до Одессы годенъ былъ на цѣлыя три недѣли. Я рѣшился выйти въ Зміевкѣ, увидѣть того счастливца съ нею... высмотрѣть, выслѣдить ихъ... Не скрываю, досадно мнѣ было до боли... Невозможный ералашъ всякихъ мыслей и ощущеній пробѣгалъ у меня въ головѣ: то приливала какая-то невыразимая злость, и я пресерьезно говорилъ себѣ, что если-бъ мужу вздумалось ее зарѣзать тутъ же, я ни за что не отстранилъ бы отъ нея его руки, то доказывалъ себѣ, что она гораздо моложе своего мужа, что въ каждомъ молодомъ, здоровомъ существѣ законно желаніе жить, любить, быть счастливымъ... и что безконечно счастливъ тотъ, отъ кого ждетъ она этого счастія...

Поѣздъ миновалъ Орелъ, до Зміевки было уже близко. Мужъ ея продолжалъ храпѣть. Я опять приставилъ глазъ къ щели... Она видимо собиралась покинуть вагонъ. Двѣ бывшія еще съ нею въ отдѣленіи дамы спали крѣпкимъ сномъ, за-

вернутыя въ плащи свои и платки. На незанятомъ креслѣ, подлѣ нея, лежалъ ея свернутый плэдъ, дорожный мѣшокъ и какая-то шкатулка. Она наклонилась надъ этою шкатулкою, перебирала что-то рукою, съ которой снята была перчатка. Широкій капюшонъ покрывалъ ея голову вмѣсто шляпки, отложенной тутъ же къ плэду... Свѣча въ фонарѣ догорала, свѣтъ замиралъ въ темныхъ складкахъ ея плаща... Она въ этихъ тяжелыхъ складкахъ и съ наклоненною головою будто какія-то злыя чары готовила, будто волхвовала... Очень ужь настроено было мое воображеніе, какъ видите... Но вотъ засвистѣлъ локомотивъ, выпуская пары передъ станціею; — она быстро замкнула шкатулку, двинула ее къ остальнымъ вещамъ, выпрямилась, откинула слегка капюшонъ на затылокъ и сѣла,—сѣла прямо, и какимъ-то нервнымъ движеніемъ запахнула на колѣняхъ обѣ полы своего плаща, будто всю себя въ эту минуту хотѣла собрать во что-то, скоро и удобно движимое. Лицо ея теперь казалось все также спокойно, но, отъ пламени, что-ли, вспыхивавшей на-послѣдяхъ свѣчи, оно было страшно блѣдно, и глаза глядѣли неподвижно впередъ въ какомъ-то мрачномъ окаменѣніи...

Мнѣ самому нечего было терять времени. Я накинулъ плэдъ мой на руку, захватилъ чемоданчикъ и вышелъ на площадку, съ которой соскочилъ на помостъ, лишь только успѣлъ остановиться поѣздъ въ Зміевкѣ... Все это было очень глупо,— но меня влекло неодолимое любопытство... Почти одновременно со мною мелькнуло что-то по другую сторону вагона. Это была *она*... Кто-то стоялъ на платформѣ, съ протянутыми вверхъ руками; она, сходя, прямо упала на эти руки... Я, что есть мочи, побѣжалъ къ двери станціи: *они* не могли миновать меня такимъ образомъ... Въ дверяхъ человѣкъ, выбѣгавшій оттуда, чуть не сшибъ меня съ ногъ,—и въ то же время раздался за мною торопливый вопросъ: „лошади здѣсь?“

— Готово-съ!

Я обернулся: *она* шла подъ руку съ.... Фамиліи его я не назову, но это былъ знакомый мнѣ молодой человѣкъ. Я только успѣлъ удержать неумѣстное восклицаніе. Не знаю, замѣтилъ ли онъ тоже, узналъ-ли меня. Но онъ какъ будто прибавилъ

шагу, увлекая и ее, спѣша съ нею къ выходу. *Она* опустила капюшонъ на самые глаза и шла, прижавшись къ нему, будто въ маскарадѣ, таинственная и безмолвная... Я машинально двинулся за ними. На дворѣ станціи стояла лихая четверня подъ коляскою съ поднятымъ верхомъ. Онъ посадилъ въ нее свою спутницу, вскочилъ за нею; лошади съ мѣста помчались маршъ-маршемъ,—и я, что̀ говорится, дуракъ-дуракомъ остался на станціи, не зная, что̀ изъ себя дѣлать до ближайшаго поѣзда...

Помню, я прогулялъ такъ на платформѣ, одинъ, до свѣту.

Все это происшествіе произвело на меня очень сильное впечатлѣніе, и я долго не могъ успокоиться.

— Такъ, безъ дальнихъ околичностей, разсуждалъ я, — взялъ, увезъ, отнялъ ее у этого человѣка, такъ пламенно любящаго ее, что, какъ отецъ Гамлета, „не дозволялъ вѣтрамъ лица ея касаться“... А она такъ беззастѣнчиво, такъ жестоко, безъ сожалѣнія, безъ борьбы... Борьба! Да есть-ли на нее матеріалъ въ этой женщинѣ? отправлялся я отъ частнаго къ общему. Вѣдь тутъ прежде всего вопросъ: за *что̀*, во имя *чего* бороться? Тутъ нуженъ извѣстный нравственный устой, нужно нѣчто ясно и твердо усвоенное, съ чѣмъ приходится биться горячей волнѣ страсти... А гдѣ у насъ эти устои, гдѣ тѣ могучіе корни, глубоко запущенные въ женскую душу, которые вырвать изъ себя не могла бы она безъ потрясенія всего своего нравственнаго бытія? Тамъ же, гдѣ все дѣло сводится на простое разсужденіе, что „ну, а теперь довольно, я другаго люблю, мое почтеніе!“—*что̀* вы тутъ подѣлаете и *чѣмъ* остановите?..

Размышленія мои, какъ видитъ читатель, были самаго мизантропическаго свойства. Тѣмъ не менѣе, любопытство дѣлало свое дѣло между тѣмъ: я разговорился съ дежурнымъ сторожемъ и узналъ отъ него, что коляска и лошади, умчавшіе моихъ любовниковъ, присланы были отъ одного молодаго помѣщика, проживающаго въ своей усадьбѣ въ 10-ти верстахъ отъ Зміевки. Все остальное оставалось покрытымъ мракомъ неизвѣстности.

Часу въ шестомъ, гляжу, подходитъ ко мнѣ начальникъ станціи:

— Позвольте, говоритъ, узнать: вы прибыли сюда съ такимъ-то поѣздомъ?

— Да, отвѣчаю нѣсколько сконфуженно, — преглупо замѣшкался тутъ и—остался...

Онъ какъ-то очень двусмысленно поглядѣлъ на меня...

— Вотъ, началъ онъ опять,—я сейчасъ изъ Курска телеграмму получилъ: спрашиваетъ какой-то господинъ, не сходила-ли здѣсь одна дама—супруга его, должно быть,—въ бархатной, каштановаго цвѣта, мантиліи и шляпка круглая съ перомъ. Я положительно не могу сказать, сходила или нѣтъ такая дама, — я не замѣтилъ. А вы, какъ бывшій на томъ поѣздѣ, можетъ быть, знаете ее, и видѣли, что она сошла здѣсь. И, говоря это, глядитъ онъ мнѣ все въ лицо самымъ инквизиторскимъ образомъ,—а между тѣмъ, замѣчаю, будто и самъ онъ смущенъ. Я вспомнилъ тутъ, что его красная фуражка мелькнула у меня въ глазахъ въ ту самую минуту, когда красавица садилась въ коляску. Начальникъ станціи, несомнѣнно, видѣлъ все, догадывался, или, что еще вѣрнѣе, зналъ въ чемъ дѣло,—и теперь допытывалъ меня: что я, другъ или недругъ.

— Я положительно могу сказать то, отвѣчалъ я, глядя ему точно также въ самые глаза, — что въ *бархатной мантиліи и шляпѣ съ перомъ* никакая дама не выходила со мною здѣсь, и что я ни съ какою дамою изъ бывшихъ на поѣздѣ не знакомъ.

— Отлично! воскликнулъ онъ, весь просіявъ, — я такъ именно отвѣчу, что по означеннымъ въ депешѣ примѣтамъ не замѣчено было на станціи никакой дамы... Да не угодно-ли вамъ будетъ выкушать у меня чаю? предложилъ онъ, протягивая мнѣ руку.

Я согласился, выпилъ у него чаю — о ночномъ происшествіи не обмѣнено было нами ни единаго слова,—и уѣхалъ съ почтовымъ поѣздомъ въ Курскъ.

III.

Вернувшись зимою въ Петербургъ, я не преминулъ, разумѣется, справиться о моемъ ловеласѣ. Но никто не могъ со-

общить мнѣ о немъ подробностей: „онъ гдѣ-то за границею, никому не пишетъ".

О похищеніи, кромѣ меня, не было вѣдомо никому.

Я совершенно забылъ объ этой исторіи, какъ вдругъ, годъ спустя, въ ноябрѣ, проходя по Фонтанкѣ, мимо дома Гулевича, — было это часу въ пятомъ,—вижу я, подъѣзжаетъ къ его крыльцу наемная, изъ *мѣсячныхъ*, карета, а изъ нея выходитъ...

Я чуть не крикнулъ.

Это была она,—она, съ золотистыми волосами Аріадна, похищенная знакомымъ мнѣ Тезеемъ!..

Она здѣсь, въ Петербургѣ! Съ нимъ? Съ нимъ. Онъ вышелъ за нею изъ кареты на крыльцо,—но не пошелъ за нею далѣе. Она обернулась въ дверяхъ и что-то поспѣшно и горячо, показалось мнѣ, проговорила ему. Онъ пожалъ плечами, далъ ей исчезнуть за дверями—и перебѣжалъ черезъ улицу на тротуаръ.

Мы очутились носъ къ носу (извините за галлицизмъ!)

— Ахъ, какъ я радъ васъ видѣть! заговорилъ онъ развязно, но подозрительно моргая глазами.

— И я тоже! Давно вы здѣсь? Говорили—вы за границею?

— Само собою! отвѣчалъ онъ, смѣясь, — я на дняхъ вернулся.

— На зиму?

— Какъ случится!..

— Какая хорошенькая женщина, съ которою вы сейчасъ пріѣхали!

— Д-да, это одна моя... знакомая...

— Очень хорошенькая, повторилъ я какъ можно равнодушнѣе и дѣлая видъ, что не гляжу на него.

Мы шли съ нимъ теперь рядомъ по Фонтанкѣ.

— Вы не на службѣ? спросилъ я.

— Нѣтъ, будетъ-съ! Отбылъ свое. И христолюбиваго воинства испробовалъ въ-сласть, и три года предводительствовалъ. Довольно! надо и для себя пожить!..

— И весело?

— Чего?

— Такъ жить?

Онъ какъ бы поморщился, помолчалъ и неожиданно проговорилъ:

— Я, говоритъ, не помню кто, Шатобріанъ, что-ли, сказалъ очень вѣрно, что счастье только въ пробитыхъ колеяхъ,— а какъ только своротишь...

— Споткнешься?

— Нѣтъ, сказалъ онъ... а... просто...

— Не хорошо выходитъ? договорилъ я.

— Пожалуй! И онъ улыбнулся насильно, помолчалъ опять и воззрился на меня вдругъ пристальнымъ и какъ бы заискивающимъ взглядомъ:

— Знаете что, не хотите-ли познакомиться съ этой дамой... которую вы сейчасъ нашли такою хорошенькою?

Я геройски выдержалъ этотъ взглядъ.

— Почему же нѣтъ,—если она такъ же мила, какъ хороша собою...

— Вотъ увидите, сказалъ онъ, какъ бы обрадовавшись;— она здѣсь никого не знаетъ, недавно вернулась изъ-за границы и, я увѣренъ, очень будетъ рада...

— Она замужемъ? спросилъ я самымъ невиннѣйшимъ тономъ.

— Д-да... но съ мужемъ... не въ ладахъ... И такъ, si cela vous arrange, поспѣшилъ промолвить мой ловеласъ,—сегодня dans l'avant soirée, часу въ девятомъ, приходите, — она тутъ живетъ en garni,—и велите мнѣ сказать: я ее заранѣе предварю и буду ждать васъ у нея...

— Очень хорошо, приду!

Мы доходили до Невскаго.

— Итакъ, до свиданія, сказалъ онъ, пожимая мнѣ руку,— ѣду обѣдать въ картофельный клубъ, а съ 8-ми будемъ ждать васъ.

Онъ сѣлъ на извощика и укатилъ. Я пошелъ обратно по Фонтанкѣ.

— А какъ мнѣ однако ее спросить вечеромъ? вспомнилъ я:—я фамиліи ея не знаю. Зайти у швейцара справиться...

— Любезный, сказалъ я, входя въ сѣни, — тутъ сейчасъ

въ каретѣ пріѣхала, у васъ живетъ, одна знакомая мнѣ дама изъ-за границы, госпожа...

— Госпожа Ноготкова? на мое счастье сейчасъ же догадался швейцаръ,—пожалуйте сюда, налѣво!..

— Нѣтъ, сказалъ я,—мнѣ теперь некогда, я хотѣлъ только узнать, гдѣ она живетъ,—я буду вечеромъ сегодня...

И я взялся за ручку двери, уходить, какъ вдругъ кто-то съ той стороны толкнулъ эту дверь такъ, что я чуть не свалился,—и въ сѣни ввалился въ шубѣ и мѣховой шапкѣ высокій господинъ, котораго я тотчасъ же призналъ. Это былъ мужъ красавицы!..

— Господи! чуть не крикнулъ я.

Онъ, со своей стороны, меня не узналъ, — да и едва-ли замѣтилъ... глаза его растерянно сверкали изъ-подъ шапки...

— Здѣсь живетъ госпожа Змаичъ? бухнулъ онъ сразу, глядя въ упоръ въ глаза швейцара.

„Это ея настоящая фамилія—Змаичъ!“ сказалъ я себѣ.

— Змаичъ? повторилъ швейцаръ;—нѣтъ у насъ такой!..

— Молодая, бѣлокурая... изъ-за границы вернулась на дняхъ? проговорилъ торопливо тотъ: въ тонѣ его голоса было что-то надрывающее...

Швейцаръ подозрительно воззрился на него — потомъ на меня.

— Такъ тѣ госпожа Ноготкова... изъ-за границы...

— Ноготкова... Голосъ вошедшаго явственно дрогнулъ... Ноготкова, повторилъ онъ,—она дома?

— Дома, сквозь зубы проговорилъ швейцаръ и глянулъ опять на меня: „тебѣ же, молъ, теперь чего еще нужно?“

Я все дѣлалъ видъ, что не могу справиться съ моею отставшею на задкѣ калошею... Теперь приходилось убираться по-добру, по-здорову...

Я потянулъ ручку—и вышелъ, сильно заинтригованный:

— Приметъ она его, или не приметъ? А если приметъ, что изъ этого произойдетъ? Вѣдь это драмою, кровавою драмою пахнетъ. Этотъ Змаичъ, севастопальскихъ временъ морякъ, онъ... Моему похитителю, во всякомъ случаѣ, придется

провести дурную четверть часа, какъ говорятъ французы, такъ или иначе...

Съ добрыхъ полчаса времени самъ я проволновался, гуляя по набережной, противъ дома Гулевича, въ ожиданіи, что вотъ-вотъ выскочитъ на тротуаръ непринятый мужъ, кликнетъ взволнованнымъ голосомъ извощика... Но онъ не выходилъ:—она его, значитъ, приняла... Я почти ничего не ѣлъ за обѣдомъ, такъ нетерпѣливо ожидалъ часа, когда мнѣ можно будетъ, въ нѣкоторой мѣрѣ, провѣдать о томъ, что же вышло изъ этого свиданія современнаго Менелая со своею прекрасною и вѣроломною супругою.

IV.

Въ началѣ девятаго я звонилъ у дверей г-жи *Ноготковой*-Змаичъ.

— Кого вамъ? рѣзко проговорилъ швейцаръ, выступивъ въ ту же минуту изъ своей конуры.

— Какъ видишь! отвѣчалъ я, грозно взглянувъ на него.

— Не велѣно никого принимать! не смущаясь и рѣшительнымъ видомъ подходя ко мнѣ, отвѣтилъ онъ.

— Это до меня не касается, мнѣ... назначено...

Въ это время дверь квартиры отворилась на половину и въ узкомъ пространствѣ образовавшагося просвѣта показалась вопрошающая и явно испуганная фигура горничной, державшейся за ручку съ очевиднымъ намѣреніемъ не допустить меня войти.

— Что вамъ угодно?

— Мнѣ... назначено, повторилъ я безсознательно слова, сказанныя мною швейцару:—господинъ (я назвалъ фамилію моего молодого человѣка) пригласилъ меня быть... Онъ здѣсь?

— Не знаю! Потрудитесь подождать!.. И она безцеремонно захлопнула за собою дверь, чуть не задѣвъ меня ею по носу.

Я остался въ сѣняхъ подъ подозрительнымъ и, что обиднѣе было для меня, насмѣшливымъ, какъ показалось мнѣ, наблюденіемъ швейцара.

Это, къ моему счастью, продолжалось не долго; ключъ снова щелкнулъ въ замкѣ двери, и, торопливо распахнувъ ее, выбѣжалъ въ сѣни мой молодой знакомый съ весьма замѣтно разстроеннымъ лицомъ.

— Почтеннѣйшій другъ, быстро заговорилъ онъ по-французски, схватывая и пожимая мою руку до боли, — прошу у васъ тысячу извиненій, но madame... эта дама... она въ настоящую минуту не можетъ васъ принять. Она... Намъ сегодня дано было пройти черезъ такія перипетіи, шопотомъ промолвилъ онъ, тщетно стараясь вызвать улыбку на свои блѣдныя губы.

— Да-а? протянулъ я, вопросительно глядя ему въ лицо.

Онъ смутился, видимо понявъ, что мнѣ гораздо болѣе извѣстно, чѣмъ онъ думалъ, или хотѣлъ думать до сихъ поръ.. И вдругъ словно просіялъ отъ внезапно осѣнившей его мысли:

— Послушайте, сказалъ онъ съ тѣмъ заискивающимъ выраженіемъ тона и взгляда, которое я замѣтилъ уже въ немъ утромъ,—мнѣ необходимъ совѣтъ, и вы именно тотъ человѣкъ, который можетъ дать мнѣ его... Можете-ли вы пожертвовать мнѣ часомъ времени для бесѣды... для объясненія *наединѣ?* какъ бы подчеркнулъ онъ.

— Могу, сказалъ я.

— Когда?

— Когда хотите.

— Сегодня можно? Поздно, можетъ быть, не знаю, какъ отсюда удастся... Но такъ, часовъ въ одиннадцать?..

— Хорошо! Я съ десяти буду ждать васъ, и хоть вплоть до зари.

— Вашъ адресъ?

Я сказалъ.

Онъ неожиданно кинулся мнѣ на шею:

— Вы меня просто спасти можете! проговорилъ онъ мнѣ на ухо.

— Э-э, братъ, подумалъ я,—севастопольскіе моряки видно не шутятъ.

V.

Подъ самую полночь, громкій звонокъ колокольчика въ моей передней возвѣстилъ мнѣ о пріѣздѣ моего героя.

Это былъ дѣйствительно онъ (для удобства окрещу его, пожалуй, Волгинымъ).

Началъ онъ, какъ водится, съ извиненій за безпокойство...

— Хотите чаю? прервалъ я его.

— Нѣтъ... А впрочемъ да, пожалуйте! Ужасно холодно сегодня на дворѣ, я прозябъ весь...

Чайникъ у меня стоялъ на комфоркѣ въ кабинетѣ. Слуга былъ высланъ... За чаемъ мой Волгинъ началъ такъ:

— Я знаю, говорилъ онъ,—что не имѣю никакого права на то,—онъ нѣсколько смутился—на то, о чемъ имѣю желаніе просить васъ: я вамъ едва знакомый человѣкъ. Но, во-первыхъ, я знаю, что вы человѣкъ хорошій, по словамъ покойнаго дяди моего ***, съ которымъ вы воспитывались и у котораго я и имѣлъ удовольствіе съ вами познакомиться, а, во-вторыхъ, мое положеніе таково, что я... что васъ мнѣ какъ бы сама судьба послала...

— Это такъ, сказалъ я, съ намѣреніемъ скорѣе притти къ сути предмета, судьба, именно. Я, долженъ вамъ сказать, былъ на томъ самомъ поѣздѣ, съ которымъ ѣхала госпожа *Змаичъ*,—я подчеркнулъ нарочно ея настоящую фамилію,—и съ котораго она на *станціи Зміевкѣ* сошла и ускакала затѣмъ съ вами въ невѣдомыя уже мнѣ страны.

Онъ покраснѣлъ и отвернулся:

— Вы были... да, я догадывался... я тогда узналъ васъ... И, извините меня, тоже понялъ, что вы сошли на той станціи не для чего инаго, какъ чтобы... что вамъ интересно было узнать...

Я въ свою очередь должно быть покраснѣлъ до самыхъ ушей.

— Да, поспѣшилъ я отвѣтить,—но вы можете быть увѣрены, что если я и любопытенъ, то не болтливъ и...

— О, я знаю, знаю, прервалъ онъ меня и схватилъ за

руку,—я видѣлся здѣсь со многими нашими общими знакомыми, которымъ вы въ сущности имѣли полное право сообщить объ этомъ... происшествіи. Но вы этого не сдѣлали, и я безконечно вамъ за это благодаренъ. Отношенія мои къ... къ этой женщинѣ (мнѣ не нравилось это слово въ его устахъ, а еще менѣе выраженіе, съ которымъ произнесъ онъ его), остались такимъ образомъ тайною для всѣхъ, по крайней мѣрѣ, здѣсь, въ Петербургѣ. И это самое обстоятельство какъ бы заставляетъ меня обратиться именно къ вамъ, какъ къ единственному человѣку, посвященному, такъ сказать...

— Мужъ госпожи Змаичъ здѣсь? сказалъ я просто на это.

— Вы знаете?

— Да, я съ нимъ столкнулся въ сѣняхъ дома Гулевича, послѣ того, какъ мы разстались съ вами... Онъ вызываетъ васъ на дуэль?

Волгинъ смутился снова отъ этого прямо поставленнаго вопроса: онъ потупился,—но тутъ же быстро поднялъ голову и тревожно глянулъ мнѣ въ глаза. „Ужь не думаешь-ли ты, что я трушу?“ говорилъ его взглядъ.

— Дуэль, сказалъ онъ:—я съ той минуты, со *Зміевки*, ожидалъ и былъ готовъ на нее... Нѣтъ, хуже.

— Какъ „хуже“?

— А такъ, что этотъ человѣкъ, который... котораго я не могу не уважать, проговорилъ онъ съ усиліемъ, — что онъ обращается къ моей совѣсти...

— Проситъ васъ вернуть ему жену?

Волгинъ засунулъ руку за отворотъ своего модnаго застегнутаго сюртука, досталъ изъ кармана письмо и подалъ его мнѣ:

— Прочтите! коротко сказалъ онъ.

Письмо было слѣдующаго содержанія:

„Милостивый Государь!

„Я былъ сейчасъ у той, которой далъ свое, ничѣмъ не замаранное, имя, и которая, послѣ двухъ лѣтъ моей безграничной любви къ ней, покинула меня внезапно и ушла съ вами. На мой вопросъ: за что это? она отвѣчала, что не любитъ

меня, а любитъ васъ, а потому желаетъ жить съ вами, а не со мною. Больше ничего, кромѣ такихъ словъ, я не могъ отъ нея добиться. Но этого для меня не достаточно, потому она такъ еще молода, что сама не понимаетъ, что̀ можетъ ее ожидать на такомъ скользкомъ пути, а я взялъ ее невинною изъ дома родительскаго и почитаю себя обязаннымъ охранять ее и впредь отъ гибели. А потому обращаюсь къ вашей совѣсти отвѣтить мнѣ: намѣрены-ли вы обезпечить ея будущее, какъ то̀ есть долгъ честнаго человѣка, законнымъ бракомъ? Въ такомъ случаѣ я готовъ принять на себя все, что̀ для этого требуется у насъ закономъ.

„Видѣться съ вами лично я не желаю, по причинамъ, которыя вы должны понимать. Но я буду ожидать вашего отвѣта или письменно, или черезъ какое либо лицо, если у васъ имѣется честный и скромный человѣкъ, которому вы можете вполнѣ и безъ опасенія довѣрить.

Остаюсь вашъ слуга
Ѳеофилъ Змаичъ,

Гостинница Знаменская, противъ Николаевской желѣзной дороги, № 12“.

— Госпожа Змаичъ объ этомъ письмѣ знаетъ? спросилъ я, дочитавъ.

— Нѣтъ! отвѣтилъ, чуть-чуть сморщившись, Волгинъ.

— Но она, конечно...

— Нѣтъ, не „конечно“! послѣдовалъ неожиданный отвѣтъ.

— Какъ такъ? повторилъ я, остолбенѣвъ.

Волгинъ улыбнулся какою-то кислою улыбкою:

— Она говоритъ, что любитъ меня теперь и будетъ любить, „пока хватитъ у нея на меня чувства“, и что поэтому все равно, будемъ мы или нѣтъ связаны „формальными узами“...

— Это, положимъ, такъ теперь, возразилъ я:—но для будущаго...

Онъ опять такъ же кисло улыбнулся:

— А за будущее, говоритъ она, никто поручиться не можетъ: ты, говоритъ, можешь полюбить другую, я, говоритъ, измѣниться,—такъ для чего намъ усложнять наши отношенія?..

И нельзя не признаться, что она въ принципѣ права, поспѣшилъ примолвить Волгинъ, какъ бы въ предупрежденіе возраженія съ моей стороны,—и совершенно честно поступаетъ, говоря то, что̀ думаетъ. Она, нужно вамъ сказать, что̀ говорится, „свободная душа“, необыкновенно правдива; а лгать ей такъ же не возможно, какъ солнцу, напримѣръ, подниматься не съ востока, а съ запада.

— Позвольте однако, замѣтилъ я: — вѣдь, сколько мнѣ извѣстно, мужъ ея никоимъ образомъ не былъ предваренъ ею о томъ, что вы должны были увезти ее въ Зміевкѣ. Она приказала ему просто спать лечь,—я это слышалъ,—и онъ самымъ послушнымъ и довѣрчивымъ образомъ прохрапѣлъ все время, нужное вамъ для похищенія жены его. Это обстоятельство, пожалуй, могло бы мнѣ послужить аргументомъ противъ вашихъ выводовъ.

— Ахъ, у насъ объ этомъ былъ съ нею разговоръ однажды за границею, воскликнулъ молодой человѣкъ:—и я ей тогда поставилъ à peu près вопросомъ то, что̀ вы сейчасъ сказали. А она мнѣ на это отвѣчала, что онъ „человѣкъ старыхъ предразсудковъ“, что онъ не въ состояніи понять „здравыхъ мыслей“, и что „терять свои слова съ такими людьми и безполезно, и глупо“. Онъ бы „самъ только мучиться умѣлъ, а мнѣ помѣшалъ бы“, говорила она:—„я потому ему и не сказала“.

За этимъ наступило какое-то неловкое для насъ обоихъ молчаніе.

— Послушайте, сказалъ я, наконецъ:—разъ у насъ дѣло пошло на откровенность, позвольте уже мнѣ прямо поставить вамъ вопросъ: любите-ли вы ее еще?

Молодой человѣкъ блеснулъ глазами, придвинулъ свое кресло къ моему и положилъ руку на мое колѣно:

— Разрѣшите это вы мнѣ,—самъ я не въ состояніи!.. Бывали минуты, когда мнѣ казалось, что, если-бъ она вздумала меня кинуть, я бы завтра застрѣлился. За то бываютъ другія, когда я самъ бы ее, кажется, застрѣлилъ со злости и отчаянія!... Чувству ея ко мнѣ я не могу не вѣрить,—я вамъ сказалъ:—лгать она не способна. Какъ хороша она, вы знаете!.. И эти глаза! Глубокіе, задумчивые... Я, признаюсь вамъ, долго

предавался всякимъ фантазіямъ, глядя на эти удивительные глаза,—а между тѣмъ... Я-ли не того требую, она-ли не такая, какою слѣдуетъ быть женщинѣ, только я испытываю съ нею... какъ бы вамъ это сказать?.. какъ бы вѣчно неутоленную жажду... Она за это обзываетъ меня „идеалистомъ“, — а какой ужь я идеалистъ изъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ! съ самоуниженною улыбкою промолвилъ Волгинъ.— Знаю я только одно: при такомъ разладѣ жизнь для меня далеко не радость, закончилъ онъ горячимъ, изъ души вырвавшимся взрывомъ и, судорожно прижмуривъ глаза, откинулся въ спинку своего кресла.

— Въ чемъ же вы именно расходитесь? спросилъ я, болѣе для того, чтобъ дать ему выговориться до конца, чѣмъ изъ необходимости дальнѣйшихъ разъясненій.

— Какъ бы вамъ сказать? отвѣчалъ онъ не сейчасъ: — я вотъ, извольте видѣть, современный человѣкъ и совершенно сочувствую прогрессу нашего вѣка, развитію и прочее... Но у меня не порваны еще, такъ сказать, всѣ связи съ прошлымъ, много еще тамъ такого, что мнѣ дорого, близко,—хоть бы, напримѣръ, семья, отношенія, преданія... наконецъ, все русское, родное... все это невольно выливается (онъ нѣсколько путался въ словахъ)... И наконецъ въ наше время такъ много еще такого неразрѣшеннаго, надъ чѣмъ поневолѣ приходится задуматься и волноваться... Для нея — все это не существуетъ... Смѣшно какъ-то все это для нея... Она, надо вамъ сказать, воспитывалась въ гимназіи, въ Одессѣ; родители ея, сколько я знаю, люди не далекіе: отецъ—толстый новороссійскій помѣщикъ; мать—пустая женщина. Она сама себя, можно сказать, воспитала и представляетъ собою, такъ сказать, продуктъ самоновѣйшей формаціи. Все у нея опредѣлено и рѣшено, — все какъ бы ножемъ отрѣзано. Ни вопросовъ, ни сомнѣній, ни даже особенныхъ желаній... „Живи, пока живется“, говоритъ она и смѣется; „надоѣстъ — пуля или нѣсколько капель синильной кислоты, и конецъ!..“ И это съ этими небесными глазками! воскликнулъ неожиданно Волгинъ. — Она такъ и живетъ, „пока ей живется“. Ее ничто особенно не трогаетъ, ничто не умиляетъ... Книги любитъ

она читать — и только. Уѣхали тогда мы съ нею въ Италію. У меня, конечно, по моему образованію, никакой артистической подготовки нѣтъ,—но всѣ эти сокровища, картины, этотъ Рафаэль,—поневолѣ поднимаетъ это все тебя, уноситъ. Гляди, бывало, говорю ей, Вѣра, что̀ за прелесть! Да, отвѣчаетъ она,—ничего, только, когда люди достигнутъ, говоритъ, полнаго развитія, они будутъ болѣе полезнымъ заниматься... Она дѣтей не любитъ. Какъ-то въ первое время, когда я еще имѣлъ иллюзіи, я, разговорившись, сказалъ ей, какъ былъ бы я счастливъ, если-бъ у насъ... Она меня вдругъ сердито прервала: „что̀ же, это вы желали бы видѣть во мнѣ типъ Толстовской самки!“... Это, помните, въ „Войнѣ и мірѣ“, Наташа Безухая въ послѣдней части...

— Но васъ-то она вѣдь любитъ, сами вы говорите? сказалъ я.

— Да; но это опять какая-то не женская, не отвѣчающая, а вызывающая любовь, возразилъ молодой человѣкъ, слегка краснѣя: — вѣдь она, первая, неожиданно сдѣлала мнѣ признаніе... И мысль, чтобъ я увезъ ее... и все, все отъ нея идетъ. Я какая-то игрушка, орудіе въ ея рукахъ... И знаете, пылко воскликнулъ онъ опять:—вѣдь она должна же наконецъ меня презирать за эти... за эту мою подчиненную роль...

Онъ порывисто поднялся и началъ ходить по комнатѣ, какъ бы избѣгая моего взгляда послѣ такого признанія.

Я замолчалъ.

— Такъ вотъ какое мое положеніе! заговорилъ онъ опять, снова опускаясь въ кресло и опуская голову на руку... Признаться-ли вамъ,—когда, вернувшись сейчасъ отъ нея въ Бельвю, гдѣ я остановился, я нашелъ письмо на мое имя съ припискою на конвертѣ „отъ Змаича“, я, еще не распечатывая его, сказалъ себѣ: „это вызовъ“,—и обрадовался. Да, я былъ радъ съ нимъ драться,—радъ, если-бъ онъ убилъ меня... Но вы знаете, чего онъ требуетъ, а требованіе это, если-бъ я самъ и рѣшился, malgré tout, его исполнить, то она не допустила бы меня до этого.

— Вы полагаете?

— Я увѣренъ. У меня былъ съ нею разговоръ,—именно,

когда вы приходили, — бурное объясненіе... Посѣщеніе мужа сегодня ее озлило... Онъ ее, бѣдняга, до сихъ поръ безумно любитъ... (Волгинъ вздохнулъ), и, вмѣсто упрековъ и гнѣва, началъ съ увѣщеваній, предлагалъ ей вернуться къ нему, а когда убѣдился, что это не сбыточно, имѣлъ неловкость сказать ей, что онъ готовъ на все, лишь была бы она спокойна и обезпечена, и предложилъ ей формальный разводъ, на тѣхъ условіяхъ, о которыхъ онъ говоритъ въ письмѣ ко мнѣ, т. е. принимая грѣхъ на себя. „Это меня окончательно взорвало", разсказывала она мнѣ, „и я его попросила уйдти!" За что же? говорю я ей, онъ же тебѣ добра желаетъ. „Это разсчетъ, это подкупъ!" вскрикнула она:—„развѣ ты не понимаешь? Это вексель на мою благодарность и право самоуслажденія своимъ прекраснодушіемъ. А мнѣ ни опеки, ни одолженій его не надо! Съ той минуты, когда я оставила его,—счеты наши съ нимъ покончены, и непрошенныя предложенія услугъ я считаю для себя оскорбленіемъ!".. И вотъ-съ, каково мое положеніе! промолвилъ еще разъ злополучный мой похититель;—затѣмъ, предоставляю вамъ рѣшить: что мнѣ дѣлать?..

Задача была не легка.

— Мнѣ кажется, началъ я,—что, во всякомъ случаѣ, Змаича нельзя оставить безъ отвѣта; съ нимъ слѣдуетъ объясниться.

— Конечно, молвилъ Волгинъ,—но вы читали: онъ не желаетъ меня видѣть...

— Я готовъ поѣхать къ нему...

— Вы чудеснѣйшій человѣкъ! воскликнулъ молодой человѣкъ:—но... что вы ему скажете?

— Все то, что слышалъ сейчасъ отъ васъ, — что вы готовы на ней жениться... Такъ?

— Да, прервалъ онъ меня,—но чтобы онъ не подумалъ, что это я вслѣдствіе письма его, что я изъ страха...

— Онъ васъ ничѣмъ не стращаетъ въ этомъ письмѣ и, какъ видно, нисколько не жаждетъ вашей крови. Онъ несомнѣнно озабоченъ единственно судьбою этой женщины, которую „безумно еще любитъ", какъ вы говорите. Тутъ нечего итти, что говорится, par quatre chemins, а надо прямо и от-

кровенно, какъ вы это сейчасъ со мною сдѣлали, объяснить ему ваше положеніе.

— Дѣлайте, какъ знаете, послѣ минутнаго молчанія проговорилъ Волгинъ:—я вамъ вполнѣ довѣряюсь.

Онъ захватилъ обѣ мои руки въ свои, крѣпко сжалъ ихъ,— и мы разстались, условившись, что онъ завтра, въ ту же пору пріѣдетъ ко мнѣ узнать о послѣдующемъ.

VI.

Часу въ десятомъ утра на другой день я входилъ въ Знаменскую гостиницу. Змаичъ былъ у себя въ нумерѣ. Я послалъ ему черезъ корридорнаго карточку мою съ припискою карандашемъ: „отъ Волгина". Черезъ нѣсколько минутъ корридорный вернулся съ отвѣтомъ:—„просятъ".

Онъ стоялъ у стола, съ устремленными на дверь глазами, въ ожиданіи меня. Глаза эти замѣтно и недружелюбно изучали меня, пока я проходилъ отъ дверей къ его мѣсту. Онъ поклонился, не протягивая мнѣ руки, указалъ на близъ стоявшій стулъ,—и самъ сѣлъ.

— Мы, кажется, гдѣ-то уже съ вами встрѣчались? проговорилъ онъ безъ улыбки.

Какъ мало походилъ онъ теперь на того молодца-счастливца, какимъ представился онъ мнѣ тогда, въ яркомъ блескѣ лѣтняго дня, подъ руку съ сіяющею красавицею и самъ сіяющій весь!.. Видимо, надломлена была теперь эта богатырская натура, и печальная повѣсть сказывалась въ его внезапной сплошной сѣдинѣ, въ этихъ усталыхъ глазахъ, незамѣтно высматривавшихъ меня изъ своихъ темныхъ впадинъ...

— Да, сказалъ я прямо:—въ прошломъ году, въ августѣ, я имѣлъ удовольствіе находиться съ вами въ одномъ вагонѣ московско-курской желѣзной дороги.

Онъ вспомнилъ—и глаза его внезапно блеснули:

— Да... и вы, кажется, ѣхали тогда до Одессы?

— Такъ точно.

— Вы отъ... господина Волгина? спросилъ онъ торопливо;

онъ, видимо, преслѣдовалъ какую-то мысль. И вслѣдъ за тѣмъ тутъ же:—вы гдѣ-то однако, до Курска, вышли тогда ночью?

Я понялъ: онъ подозрѣвалъ во мнѣ участника въ похищеніи его жены.

— Да, отвѣтилъ я, глядя ему въ самые глаза,—но господинъ Волгинъ не причемъ въ этомъ обстоятельствѣ.

Рѣшительность моего тона подѣйствовала очевидно на него.

— Конечно, пробормоталъ онъ... притомъ ваши лѣта...

— Совершенно справедливо, и мои лѣта должны сказать вамъ достаточно, что я не могу находиться въ отношеніяхъ, такъ сказать, „легкаго“ свойства съ весьма молодымъ человѣкомъ, каковъ мой довѣритель. Но я былъ тѣсно связанъ съ однимъ его дядею, черезъ котораго и узналъ его, и онъ, имѣя, согласно желанію, изъявленному вами въ письмѣ къ нему, трактовать съ вами о предметѣ довольно щекотливомъ или письменно, или чрезъ посредство довѣреннаго третьяго лица, просилъ меня...

— Очень радъ, не далъ мнѣ докончить Змаичъ и протянулъ мнѣ свою большую мускулистую руку. Недовѣрчивое выраженіе, съ которымъ онъ до этой минуты глядѣлъ на меня, дало мѣсто сосредоточенному, печальному вниманію.

Я изложилъ ему почти дословно все, что̀ слышалъ наканунѣ отъ Волгина. Онъ слушалъ меня, все время опершись головою на руку и опустивъ глаза и не прерывая меня ни словомъ, ни движеніемъ.

— Онъ ея не любитъ — и никогда не любилъ! тихо сказалъ онъ, когда я кончилъ,—и поднялъ голову (глаза его были влажны):—самолюбіе, одно самолюбіе!.. Онъ отнялъ ее у меня; потому что его льстило... Теперь онъ не переноситъ ея превосходства... Всѣ они теперь такіе!

— Но, позвольте, замѣтилъ я,—въ данномъ обстоятельствѣ затрудненіе идетъ не отъ господина Волгина, а...

— Да, перебилъ меня Змаичъ,—знаю, она мнѣ говорила... Все отъ того же, отъ безумнаго, больнаго самолюбія... Всѣ они безумные, съ толку сбитые (онъ говорилъ какъ бы про себя, лихорадочно, отрывисто и не поднимая на меня глазъ).

Ихъ надо жалѣть... Любить надо,—тогда поймешь... Вѣдь и это у нея все отъ хорошаго, отъ хорошаго побужденія идетъ. Она ушла потому, что не полагала честнымъ оставаться женою человѣка, котораго она уже не любила, и ушла, слова не сказавши, глухо промолвилъ онъ,—потому что ей жаль было меня... Онъ не понималъ, что ее надо спасти, — помимо ея воли спасти! Онъ долженъ, понимаете, долженъ жениться на ней!..

— Но вѣдь однако, сказалъ я, нельзя же заставить ее силою...

Онъ не далъ мнѣ кончить:

— Она его любитъ,—любимое существо всемогуще,—онъ можетъ найти средство уговорить ее. Это его дѣло... А я не могу такъ оставить... Я ее взялъ дѣвочкою... Я не могу допустить, чтобы женщина, носящая мое имя... чтобъ жена моя... состояла на положеніи содержанки господина Волгина, подъ фамиліею какой-то госпожи Ноготковой!

— Надо быть однако послѣдовательнымъ, началъ я опять: разъ вы не желаете воспользоваться правами, предоставленными вамъ, какъ мужу, закономъ...

— Я и послѣдователенъ, я и послѣдователенъ: я не пользуюсь моими правами, — я даже готовъ на все, на все.... Но только съ тѣмъ, чтобъ другой... любимый ею... замѣнилъ меня въ этихъ законныхъ моихъ правахъ быть ей другомъ, покровителемъ до самой смерти. А иначе я не согласенъ!.. Я не съ тѣмъ взялъ ее и уступаю ее теперь, примолвилъ Змаичъ съ усиліемъ, отъ котораго все лицо его побагровѣло,—чтобъ она изъ моихъ рукъ попала въ бездну. Я не допущу ее сдѣлаться распутною женщиною!

— Объ этомъ не можетъ быть и рѣчи, пробовалъ я успокоить его: — тутъ, сколько я понимаю, и, какъ вы сами замѣтили, весь вопросъ въ самолюбіи. Она не желаетъ обязываться вамъ и „въ вашемъ великодушіи видитъ вексель на ея благодарность“.

— Мое великодушіе! повторилъ онъ и горько усмѣхнулся.—Да, я говорю вамъ: всѣ они съ толку сбиты! И сами передъ собою стыдятся лучшихъ своихъ побужденій! Ей

жаль меня и совѣстно, просто, — я это видѣлъ въ каждой чертѣ ея лица; она просила меня уйти, чтобъ не выдать мнѣ то лучшее, что говорило въ ту минуту въ ея душѣ. Я понималъ,—я ее знаю!.. А онъ, этотъ... этотъ любимый ею человѣкъ, онъ обвиняетъ ее въ черствости душевной и не понимаетъ... А я вамъ вотъ что скажу, неожиданно, вскакивая съ мѣста, прервалъ себя Змаичъ и протянулъ впередъ руку:— онъ или дастъ мнѣ расписку, что обязывается обвѣнчаться съ нею тотчасъ по окончаніи формальнаго развода, или я воспользуюсь моими правами и вытребую возвращенія мнѣ жены моей черезъ полицію!

— Вы этого не сдѣлаете! невольно вырвалось у меня.

— Сдѣлаю! вскрикнулъ онъ, сверкнувъ глазами, въ которыхъ какъ бы внезапно сказалась вся огромная сумма энергіи, на которую способенъ былъ этотъ человѣкъ:—мнѣ наплевать, что люди скажутъ! Вы такъ и скажите этому... жалкому господину!.. А если-бъ, въ случаѣ его отказа, да вздумалось ему затѣмъ помѣшать мнѣ сдѣлать то, что сочту я нужнымъ, чтобъ не дать ей окончательно погибнуть, я его убью какъ собаку! Такъ и скажите ему!..

„Къ этому, рано или поздно, должно было притти“, подумалъ я.

— Я могу вамъ повторить только то, сказалъ я послѣ нѣкотораго молчанія,—что имѣлъ уже честь вамъ сообщить:— не его, а другая воля представляетъ помѣху къ осуществленію вашего требованія,—по крайней мѣрѣ, въ настоящую минуту, поспѣшилъ я прибавить.

— А я вамъ повторяю, сказалъ онъ,—его дѣло ее урезонить. На то онъ...

Змаичъ провелъ рукою по лицу, какъ бы отъ внезапнаго ощущенія боли, и затѣмъ быстро и строго взглянулъ на меня:

— Я ему даю три дня сроку; если по прошествіи ихъ я не получу отъ него удовлетворительнаго отвѣта, я начну дѣйствовать!

— Я позволю себѣ однако замѣтить... началъ было я.

— Онъ поклонился мнѣ короткимъ кивкомъ и, тономъ не допускавшимъ возраженія:

— Другаго сказать, проговорилъ онъ,—я ничего не имѣю и не желаю!

Послѣ этого мнѣ разумѣется ничего не оставалось, какъ взять шляпу, также коротко поклониться ему и отправиться домой,—что̀ я и сдѣлалъ.

Не совсѣмъ однако. Я приказалъ себя завезти на Невскій въ Бельвю, гдѣ жилъ Волгинъ. Лучше, не ожидая вечера, теперь же сообщить ему, рѣшилъ я.

Онъ тоже былъ дома и пилъ чай.

Докладъ мой выслушалъ онъ съ видомъ еще болѣе унылымъ, чѣмъ тотъ, съ которымъ слушалъ меня Змаичъ.

— Лучше бы онъ просто вызвалъ меня и положилъ на мѣстѣ! вскрикнулъ онъ съ какимъ-то отчаяніемъ, когда я кончилъ.

— Послушайте, строго замѣтилъ я ему, — это съ вашей стороны ребячество, не соотвѣтствующее, позвольте мнѣ вамъ сказать, той роли, которую сами вы себѣ создали во всемъ этомъ дѣлѣ. Вы увезли жену этого человѣка, на васъ лежитъ и обязанность...

Онъ перебилъ меня нетерпѣливо:

— Знаю я это, все знаю, и повѣрьте, не уступлю ему въ великодушіи, съ какою-то нескладною ироніею промолвилъ онъ;—но что̀ могу я съ нею сдѣлать?

— Желаете-ли вы, сказалъ я ему на это, — чтобы мужъ дѣйствительно вытребовалъ ее къ себѣ черезъ полицію?

На моего похитителя жалко было смотрѣть: онъ блѣднѣлъ, краснѣлъ, то поднималъ, то опускалъ глаза. „И чортъ же меня попуталъ лѣзть въ эту яму!“ словно говорило его плачевно помутившееся лицо.

„Ахъ ты, герой нашего времени!“ подумалось мнѣ.

— Во всякомъ случаѣ, сказалъ я громко, — вы обязаны сообщить ей объ этомъ ультиматумѣ ея мужа.

— Обязанъ, да! проговорилъ Волгинъ, какъ сквозь сонъ. И, какъ бы просыпаясь вдругъ:—вы, сказалъ онъ, не откаже-

тесь, надѣюсь, повторить ей лично эти его слова, если-бъ въ томъ оказалась надобность?

— Не откажусь, конечно, разъ ужь я принялъ на себя обязанность довѣреннаго вами лица...

— Я право ужь и не знаю, какъ благодарить васъ, началъ было онъ опять, но всталъ и сталъ прощаться.

— Такъ вы мнѣ позволите извѣстить васъ письмомъ, въ случаѣ...

— Сдѣлайте милость, сказалъ я.

Мы разстались холодно. Онъ, кажется, чего-то инаго ждалъ отъ меня. Мнѣ онъ былъ жалокъ,—чтобъ не сказать больше...

Вечеромъ я получилъ отъ него записку, которою онъ извѣщалъ меня нѣсколько оффиціальнымъ тономъ, что „Вѣра Николаевна Змаичъ приглашаетъ меня пожаловать къ ней завтра утромъ, часу во второмъ".

Признаюсь, я былъ не мало доволенъ этому приглашенію. Увидимъ, наконецъ, говорилъ я себѣ, что̀ это за „продуктъ новѣйшей формаціи", эта странная женщина, о которой такъ мягко отзывается покинутый ею мужъ и такъ жестко тотъ, для котораго покинула она его...

Въ назначенный часъ я сидѣлъ въ гостиной нумера, занимаемаго Вѣрою Николаевною. Круглый столъ отдѣлялъ меня отъ дивана, на которомъ помѣщалась она. Какая-то затасканная книга, очевидно взятая изъ библіотеки для чтенія, небрежно кинута была ею на этотъ столъ при моемъ входѣ въ комнату и какимъ-то грязнымъ пятномъ распластывала на показъ свои открытые, истерзанные листы. Волгинъ, видимо нервный и растревоженный, расхаживалъ безмолвно вдоль и поперекъ комнаты.

Она тоже молчала и глядѣла на меня глазами, въ которыхъ, за напускною холодностью, ясно для меня читались безпокойство и раздраженіе, а еще болѣе всего этого, что-то глубоко и печально внимавшее... Это были удивительно красивые по очерку и цвѣту ихъ глаза, но въ ихъ выраженіи было теперь очень мало той „небесности", о которой говорилъ Волгинъ.

— Такъ какъ же это, онъ меня думаетъ черезъ полицію вытребовать? небрежно и презрительно проронила она наконецъ, когда я, по просьбѣ молодаго человѣка (онъ, представляя меня ей, наговорилъ множество фразъ о моей обязательности, добротѣ, скромности и т. п.), передалъ ей отъ слова до слова весь разговоръ мой съ ея мужемъ.

— Какъ водится, я полагаю, въ этихъ случаяхъ, нѣсколько замявшись, отвѣчалъ я на это.

— То-есть, это какъ же... „водится?“ повторила она мое выраженіе тѣмъ же презрительнымъ тономъ.

— Пріѣдетъ къ вамъ полиціймейстеръ... или кто тамъ другой, пригласитъ васъ проѣхать отсюда въ нумеръ гостиницы, занимаемый... господиномъ Змаичемъ...

— И я такъ и поѣду—вы думаете? вскрикнула она, сверкнувъ зрачками.

Меня даже ошеломилъ этотъ вопросъ.

— Вы понимаете, сказалъ я не сейчасъ, — что въ этомъ случаѣ полиція, дѣйствуя во имя закона...

Она меня прервала:

— А онъ тамъ у себя въ нумерѣ запирать меня будетъ на ключъ, чтобъ не ушла я опять? Ошейникъ надѣнутъ, на своркѣ держать будутъ,—какъ вы полагаете?..

Я не отвѣчалъ.

— Вѣдь это насиліе! Такъ нельзя же поступать въ нашъ вѣкъ...

Живою краскою зарумянилось блѣдное до этой минуты лицо молодой женщины.

Съ этимъ румянцемъ негодованія на щекахъ, раскрытыми губами и направленнымъ на меня блестящимъ взглядомъ темно-синихъ глазъ—она была обворожительно хороша.

Я продолжалъ молчать, любуясь ею...

Она замѣтила это, не то стыдливо, не то сердито отвернулась и досадливо сказала мнѣ:

— Что же вы глядите и молчите?

Я не могъ не улыбнуться:

— Что прикажете вамъ сказать?..

— Вы находите поступокъ моего... вашего господина Змаича, поправилась она,—правильнымъ?

— Прежде всего, сказалъ я,—онъ не „мой“...

— Все равно! нетерпѣливо перебила она меня опять:—я только васъ спрашиваю, полагаете-ли вы честнымъ съ его стороны прибѣгнуть къ тому, чѣмъ онъ мнѣ теперь грозитъ?

— Да, рѣшительнымъ тономъ проговорилъ я: — для меня неоспоримо то, что побужденіе его въ этомъ случаѣ совершенно честно.

Она мгновенно вскинула опять на меня свои большіе загорѣвшіеся глаза; губы ея раскрылись для возраженія... но она не нашла его—и отвернулась снова, не то разгнѣванная, не то смущенная...

— Онъ говоритъ, продолжалъ я,—что видитъ въ этомъ дѣло своей совѣсти, что онъ взялъ васъ неопытною дѣвушкою отъ вашихъ родителей...

— Моимъ родителямъ до всего этого никакого дѣла нѣтъ! проговорила она пылко, но не поднимая уже глазъ.

— Вы допускаете однако, сказалъ я на это,—что у людей убѣжденія могутъ быть различны? Онъ убѣжденъ въ томъ, что въ вашей судьбѣ онъ отвѣтственъ предъ вами и предъ вашими родителями.

— И хочетъ поэтому благодѣтельствовать мнѣ насильно? возразила она съ видимо напускною ироніею.

Я помолчалъ—и затѣмъ:

— Вѣра Николаевна, не знаю, дозволите-ли вы мнѣ быть совершенно откровеннымъ съ вами?

— Говорите! коротко отвѣтила она.

— Вашего... господина Змаича, поправился я нарочно, въ подраженіе ей,—вы перестали любить:—такъ?

— Брови ея гнѣвно сдвинулись:

— Такъ что же?

— И въ этомъ судьею, продолжалъ я,—можетъ быть только ваша совѣсть.

— Еще бы! такъ же пылко, но такъ же не подвимая глазъ, вскрикнула она.

— Но онъ...

— Что „онъ"?

— Онъ продолжаетъ все такъ же горячо, безгранично и безкорыстно, подчеркнулъ я, — любить васъ, Вѣра Николаевна.

Она опять видимо хотѣла что-то сказать,—и не сказала. На мигъ, на мигъ одинъ, ея снова поблѣднѣвшее лицо приняло мягкое, будто бы умиленное выраженіе. Но она какъ бы тутъ же испугалась того, что происходило въ душѣ ея въ этотъ мигъ.

— Что же изъ этого? отрывисто, сурово спросила она.

— А то, отвѣчалъ я,—что этотъ человѣкъ прежде всего желаетъ того, что, смѣю думать, вы сами должны желать: онъ свои законныя права такимъ же законнымъ путемъ желаетъ передать другому, вами избранному, любимому вами лицу.

Я пріостановился. Она молчала, будто сжавшись вся, будто вся уйдя въ самую глубь своего внутренняго я... Волгинъ, ходившій все время по комнатѣ, остановился теперь у стола и, засунувъ руки въ карманы пальто, исподлобья поглядывалъ то на Вѣру Николаевну, то на меня.

Я продолжалъ:

— Только къ случаѣ, если-бъ вамъ, по какимъ-либо непонятнымъ для него—да и для меня, признаюсь вамъ, прибавилъ я невольно,—причинамъ, не угодно было принять его предложеніе—его жертву, почтетъ онъ себя въ необходимости воспользоваться своими правами мужа... А разъ онъ рѣшится,—онъ сдѣлаетъ! сказалъ я, живо вспоминая въ эту минуту энергическое выраженіе лица и жестовъ Змаича...

— Да, онъ сдѣлаетъ! сказала вдругъ молодая женщина... И страненъ, страненъ до невѣроятности показался мнѣ тонъ этихъ внезапныхъ словъ: будто чѣмъ-то довольнымъ звучали они, какимъ-то торжествующимъ сознаніемъ того, что этотъ человѣкъ дѣйствительно не поколеблется вытребовать ее къ себѣ силою...

— Я смѣю полагать по этому, заговорилъ я снова,—что тутъ между вами происходитъ какое-то, извините меня, дикое недоразумѣніе. Или я очень ошибаюсь, или въ сущности то, что предлагаетъ Змаичъ, должно удовлетворить всѣхъ васъ

троихъ: онъ желаетъ, чтобъ господинъ Волгинъ женился на васъ, господинъ Волгинъ въ свою очередь желаетъ на васъ...

Молодая женщина, не давъ мнѣ кончить, неожиданнымъ движеніемъ закинула нѣсколько назадъ голову и, устремивъ въ упоръ сверкавшіе глаза въ лицо стоявшаго подлѣ нея Волгина:

— Вы желаете, Владиміръ Павловичъ? спросила она его съ насмѣшливою улыбкою.

Но эта улыбка не обманула меня: — за нею сказывался далеко не шуточный, тревожный вопросъ, не разъ вѣроятно уже обсуждавшійся между ними, но отъ рѣшенія котораго теперь, въ эту минуту, какъ бы зависѣла вся ея дальнѣйшая судьба. И она, чувствовалось, лихорадочно ждала желаннаго слова, звука...

Онъ... онъ заикнулся и прищурился, будто ослѣпленный ея горячимъ, пристальнымъ взглядомъ...

— Конечно, Вѣра, я... ты сама знаешь...

Нѣтъ, это было не то слово, не тотъ звукъ!..

Глаза мгновенно потускнѣли; недоброе выраженіе приняло ея измѣнившееся лицо:

— Что я знаю? спросила она.

— Я всегда говорилъ тебѣ, что... если ты желаешь... Но ты...

Онъ взглянулъ на меня, будто говоря: „Вы видите, что съ моей стороны...“

— Но я,—я не желала? точно подгоняла она его между тѣмъ.

— Да, ты всегда говорила, что церковный бракъ...

— Я говорила, правда!.. А вы что же думали, что я вамъ стану навязываться съ нимъ...

Это вырвалось у нея нервно, стремительно, безсознательнымъ порывомъ, отъ котораго она тутъ же застыдилась и отвернулась, вся мгновенно заалѣвъ. И, Боже мой, сколько почуялось мнѣ теперь женственной нѣжности и врожденной деликатности сердца въ этомъ „сбитомъ съ толку“ существѣ, какъ говорилъ про нее мужъ, „въ этомъ—продуктѣ самоновѣйшей формаціи“, какъ выражался о ней ея любовникъ!..

Онъ самъ очевидно почуялъ въ эту минуту, что̀ сказывалось за этими словами ея, и, покраснѣвъ тоже, взглянулъ еще разъ на меня, какъ бы виноватыми глазами.

Не знаю, что̀ прочелъ онъ въ моихъ, но онъ съ видимымъ усиліемъ вызвалъ улыбку на свое прекрасное лицо и, обернувшись къ молодой женщинѣ:

— Какъ бы то ни было, проговорилъ онъ развязно шутливымъ тономъ:—только я днесь честь имѣю формально просить вашей руки, Вѣра Николаевна.

„Ты видишь“, говорилъ мнѣ опять этотъ тонъ,—„что по части великодушія я, какъ сказалъ тебѣ, никому не уступлю“...

— Вы просите „формально“? повторила она; — въ виду чего же это?

— Для моего... для нашего счастья! храбро отвѣтилъ онъ.

— Ну конечно! заключила она — и расхохоталась на всю комнату...

Меня передернуло отъ этого смѣха... Она въ свою очередь скользнула по мнѣ быстрымъ, злобнымъ взглядомъ, какъ бы говоря: „что̀, нравится тебѣ“? и такимъ же быстрымъ движеніемъ откинулась всѣмъ тѣломъ отъ стола въ спинку своего дивана.

— Итакъ, продолжая смѣяться, сказала она мнѣ:—господинъ Змаичъ хочетъ, господинъ Волгинъ хочетъ,—оба хотятъ... а если я не захочу, тогда полиція... Такъ?

— И вы согласитесь, я не сомнѣваюсь! сказалъ я, заставляя себя принять веселый видъ.

Она не отвѣтила. Всѣ мы примолкли на мигъ...

Я обернулся къ Волгину:

— Такъ какой же вы думаете дать отвѣтъ господину Змаичу? Онъ ждетъ.

— Чѣмъ рѣшитъ Вѣра Николаевна, то я и сдѣлаю! поспѣшилъ отвѣтить молодой человѣкъ, но это, разумѣется, совершенно не въ связи съ требованіями этого господина, которыя почитаю для себя необязательными, подчеркнулъ онъ,—и даже ноздри раздулъ...

— Вы, молвила на это молодая женщина,—какъ настоящій

феодалъ, очень даже были бы рады найти тутъ случай показать себя со стороны турнирской храбрости?

— Конечно, кисло возразилъ Волгинъ,—вы почитаете это несовременнымъ понятіемъ, абсурдомъ, какъ вы изволите выражаться... Но я... я на этихъ „дикихъ предразсудкахъ“ воспитанъ и...

— И другаго мужества не понимаете! быстро договорила она.—А сколько онъ даетъ вамъ срока на отвѣтъ? промолвила она тутъ же.

— Три дня, отвѣтилъ я за Волгина.

Что-то рѣшительное и безпощадное пробѣжало у нея молніею по лицу:

— А онъ тамъ, въ своемъ нумерѣ, воображаю, кусаетъ себѣ ногти со злости, стараясь угадать, что я выберу лучше: обвѣнчаться-ли съ Владиміромъ Павловичемъ, чтобъ спастись отъ его полиціи, или уйти къ нему подъ ключъ, чтобы спастись отъ Владиміра Павловича?—желчно, подъ тѣмъ же видомъ шутки, проговорила она, мелькомъ взглянула на досадливо прикусившаго губу Волгина,—печально и презрительно взглянула,—и затѣмъ медленно и отчетливо:

— Хорошо, сказала она:—до того срока онъ будетъ знать, чѣмъ я покончу съ этимъ вопросомъ.

Я съ какою-то неизъяснимою тревогою вскинулъ на нее глаза...

Она спокойно, почти весело улыбалась теперь.

Я всталъ и взялъ шляпу.

— Затѣмъ позвольте, Вѣра Николаевна, пожелать вамъ добраго рѣшенія и всякаго успѣха. А когда я вамъ опять понадоблюсь, промолвилъ я, обращаясь къ Волгину,—вы меня извѣстите.

Благовоспитанный молодой человѣкъ принялся жать мнѣ благодарно руки и расшаркиваться...

— Вы уходите? сказала мнѣ поспѣшно Вѣра Николаевна;—не захватите-ли уже и его съ собою? Я собираюсь сегодня на цѣлый день на Васильевскій островъ къ одной подругѣ, Одесситкѣ тоже... А онъ мнѣ помѣшаетъ, приставать бу[illegible]...

— Съ чѣмъ это „приставать“? повторилъ Волгинъ тономъ надувшагося ребенка.

— А на счетъ „формальнаго“, — вы уже забыли? Не хорошо! расхохоталась она вдругъ опять тѣмъ рѣзкимъ, насилованнымъ смѣхомъ, который и въ первый разъ поразилъ меня чѣмъ-то недобровѣщимъ.

Онъ пожалъ плечомъ и повелъ кругомъ глазами, отыскивая шляпу...

— Правда, что Сѣченовъ переходитъ опять сюда, въ медицинскую академію? совершенно для меня нежданно спросила вдругъ красавица.

— Говорятъ, а впрочемъ, не умѣю вамъ сказать... Васъ это интересуетъ?

— Разумѣется! насмѣшливо отвѣтилъ за нее Волгинъ:— Вѣра Николаевна постоянно посѣщала его лекціи въ Одессѣ.

— Буду и здѣсь посѣщать, если онъ пріѣдетъ.

— Съ чѣмъ васъ и поздравляю! съ замѣтнымъ оттѣнкомъ раздраженія проговорилъ онъ.

— И васъ тоже! усмѣхнулась она.

— Что же, идемъ? сказалъ мнѣ Волгинъ, со шляпою въ рукѣ.

— Я къ вашимъ услугамъ.

Онъ подошелъ къ молодой женщинѣ и протянулъ ей руку:

— До свиданья! Вы когда думаете вернуться?

— Никакъ не раньше... одиннадцати... двѣнадцати...

— Можно будетъ зайти провѣдать васъ?

Она на мигъ сжала брови:

— Не поздно-ли будетъ?

— Поздно—прогоните; а нѣтъ—дадите чаю.

— Какъ знаете! проговорила она вскользь и, протягивая мнѣ руку:

— Надѣюсь, до свиданія! Если впрочемъ, промолвила она вдругъ, весело улыбнувшись,—если я вамъ не слишкомъ противною показалась... Вы вѣдь, кажется, консерваторъ?

— Я?.. Опытъ меня сдѣлалъ эклектикомъ, Вѣра Николаевна, отвѣтилъ я въ тонъ этой внезапной веселости.

— Эклектикъ? Это что-то опять новенькое... Вы объясните мнѣ въ будущій разъ, когда мы съ вами увидимся?..

— Съ большимъ удовольстіемъ, насколько сумѣю.

— Во всякомъ случаѣ, нежданно серьезнымъ голосомъ сказала она мнѣ,—спасибо вамъ!

— Помилуйте, за что же?..

— Нѣтъ, я вижу,—вы хорошій человѣкъ...

А у нея самой какіе хорошіе и грустные глаза были при этомъ!

Она крѣпко, по-мужски, пожала мнѣ руку своею длинною, горячею рукою, кивнула головою Волгину...

Мы вышли съ нимъ въ сѣни.

— Ну, теперь вы сами могли видѣть, каково мое положеніе? заговорилъ онъ, едва мы очутились на улицѣ.

Многое, многое могъ бы я сказать въ отвѣтъ на это эгоистическое восклицаніе, но я отвѣтилъ тѣмъ, что стояло у меня теперь коломъ въ головѣ:

— Вы, смотрите, берегите ее!

— А что? воскликнулъ онъ испуганно.

„Что“—это было трудно сказать. Опасенія мои были совершенно инстинктивнаго свойства, и не могли быть въ сущности ни опредѣлены, ни даже объяснены ничѣмъ.

— Вы полагаете, она вернется къ мужу? спросилъ Волгинъ съ какою-то вдругъ высокомѣрною насмѣшливостью въ тонѣ.

— По правдѣ сказать, отвѣтилъ я ему на это,—это лучшее, что могла бы она придумать.

Онъ махнулъ рукою усталымъ жестомъ:

— Ахъ, хоть бы чѣмъ нибудь это кончилось!

Онъ мнѣ нисколько не былъ интересенъ, и, доведя его до Аничкова моста, я поспѣшилъ съ нимъ раскланяться.

— Вы не пройдетесь по Невскому? спросилъ онъ;—день сегодня чудесный.

— Нѣтъ, мнѣ есть дѣло...

— До свиданія! Скоро увидимся?

Я не отвѣчалъ, сѣлъ на извощика и уѣхалъ домой.

VIII.

Никакъ я не ожидалъ, что увидать его опять мнѣ суждено было въ тотъ же вечеръ. А между тѣмъ вышло такъ: я собирался уже спать ложиться, какъ раздался у меня въ передней сильный ударъ звонка, и хотя въ мою холостую квартиру весьма нерѣдко врывались досужіе пріятели и не въ такіе еще поздніе часы ночи, я тотчасъ же почему-то догадался, что звонитъ Волгинъ, — и съ внезапно охватившею меня тревогою, какъ стоялъ у постели своей со свѣчею въ рукахъ, поспѣшилъ съ нею къ нему навстрѣчу.

— Что случилось? вырвалось у меня невольно, пока онъ сбрасывалъ съ себя шинель на руки моего слуги.

— Она уѣхала! вскрикнулъ онъ одновременно съ моимъ вопросомъ.

— Къ мужу? было моею первою мыслью.

— Въ Москву.

— Въ Москву? Къ кому? Для чего?

— Кто же ее вѣдаетъ!.. Можетъ быть и не въ Москву, можетъ быть и къ мужу. Я совершенно теряюсь, отвѣчалъ онъ, входя ко мнѣ въ кабинетъ и опускаясь въ изнеможеніи на первое попавшееся ему кресло. Онъ былъ совершенно разстроенъ и запыхался отъ волненія и отъ крутой лѣстницы въ мой четвертый этажъ.

— Хотите вина, чего нибудь выпить?

Онъ осушилъ залпомъ большой стаканъ воды и, нѣсколько успокоившись, передалъ мнѣ слѣдующее:

Онъ, ничего не подозрѣвая, провелъ преспокойно вечеръ въ Оперѣ—Буффъ. Онъ зналъ, что у Вѣры Николаевны была дѣйствительно одна одесская подруга по гимназіи, нѣкто Анна Карловна Гроссманъ, занимавшаяся химіею, которая жила на Васильевскомъ острову. Вѣра Николаевна довольно часто ѣздила къ ней и прежде, но онъ не видалъ ея никогда, а точнаго адреса ея не знаетъ. Послѣ Буффъ онъ отправился въ домъ Гулевича „чай пить“; тамъ ему швейцаръ объявилъ, что въ нумерѣ осталась одна горничная, а госпожа Ноготкова

уѣхала въ Москву... Онъ не повѣрилъ даже ему въ первую минуту, предположилъ какое-нибудь недоразумѣніе:—въ Москвѣ, онъ зналъ, у нея не было никакихъ знакомыхъ... Горничную онъ нашелъ въ совершенномъ недоумѣніи: барыня ея уѣхала тотчасъ послѣ нашего ухода, приказавъ ей нанять извощика на Васильевскій островъ,—не то въ 11, не то въ 14 линію, она не помнила,—а въ шестомъ часу вернулась, сказала ей, что̀ уѣзжаетъ въ Москву съ курьерскимъ поѣздомъ, и принялась тотчасъ же укладывать сама кое-какое бѣлье и туалетныя вещи въ дорожный мѣшокъ. Горничная ея спросила, что̀ изъ платья и прочаго прикажетъ она уложить въ чемоданъ и на сколько времени она ѣдетъ? Но та отвѣтила, что никакого чемодана не нужно, и что она скоро, „очень скоро“, вернется. Однако тутъ же спросила ее о жалованьи и разочла ее до копѣйки, даже пять рублей дала лишняго, и сказала, чтобъ „остающіяся вещи и прочее передать Владиміру Павловичу, когда они будутъ“... Никакого письма не оставила, а „призвала только швейцара, и, его также спросивши о счетѣ за нумеръ, передала 35 рублей по сегодняшній день, сколько слѣдовало, и велѣла, когда получитъ онъ въ нихъ расписку отъ управителя, отдать ее также Владиміру Павловичу“. Въ исходѣ сѐдьмаго часа она послала за извощикомъ на Николаевскую желѣзную дорогу и уѣхала съ однимъ мѣшкомъ, сказавъ горничной, „что она сама справится и провожать ее не стоитъ“.

— И она навѣрное поѣхала на Николаевскую желѣзную дорогу? спросилъ я.

— Да, это кажется несомнѣнно, сказалъ Волгинъ, видимо съ трудомъ цѣпляясь за мысли, разбѣгавшіяся въ хаосѣ его ощущеній: — извощикъ... его видѣлъ потомъ швейцаръ... Онъ стоитъ тутъ обыкновенно, на канавѣ... онъ хвалился ему, что барыня за этотъ конецъ „цѣлкашемъ его наградила“... И съ чѣмъ это она уѣхала? воскликнулъ опять молодой человѣкъ:— я хорошо знаю, что у нея вчера никакъ не болѣе ста рублей оставалось въ шкатулкѣ. Заплативъ за нумеръ и горничной, она слѣдовательно съ какими нибудь сорока рублями отправилась въ Москву... Зачѣмъ?.. Къ кому?.. Надо будетъ отыс-

кать эту Анну Карловну Гроссманъ,—она должна знать... Я поѣду завтра къ ней... зачѣмъ въ Москву! Онъ вдругъ прервалъ себя:—скажите, ради Бога, полагаете-ли вы, что я подалъ ей чѣмъ-нибудь поводъ къ этому... къ этому отъѣзду?.. Мысль эта такъ мучитъ меня теперь, если-бъ вы знали!

— Я полагаю, сказалъ я ему съ невольною горечью,—что она ни въ какомъ случаѣ не уѣхала бы, если-бъ вы такъ же рѣшительно и настойчиво потребовали, чтобъ она вышла за васъ замужъ, какъ этого требовалъ отъ васъ ея мужъ.

— Но сами вы тутъ были, слышали, возразилъ онъ: — я говорилъ ей... а заставлять силою...

— Кто сильно любитъ—заставитъ, сказалъ я, признаюсь, нѣсколько сентенціозно.

Онъ схватился за голову обѣими руками.

— О, Боже мой, если это еще должно лежать на моей совѣсти!

— Послушайте, началъ я опять:—объ этомъ надо извѣстить ея мужа.

— Ея мужа? растерянно повторилъ онъ.

— Да. Разъ она не сочла болѣе возможнымъ оставаться съ вами, спасти ее... да, спасти отъ бездны, повторилъ я невольно выраженіе Змаича,—можетъ теперь одинъ онъ.

Волгинъ вскочилъ, какъ ужаленный. Губы его побѣлѣли, глаза загорѣлись будто два угля.

— Вы можете дѣлать, какъ знаете, едва въ силахъ былъ онъ выговорить,—только скажите уже кстати этому мужу, что я ему уступлю ее только съ жизнью.

Я увѣренъ, что онъ былъ совершенно искрененъ въ этой театральной выходкѣ:—самолюбіе не та-ли же страсть?..

Онъ схватился за шапку — и изчезъ, не простившись со мною.

IX.

На другое утро, въ началѣ одиннадцатаго, я спрашивалъ Змаича въ гостиницѣ.

Мнѣ отвѣчали, что онъ уже выѣзжалъ и только сейчасъ вернулся.

Дверь его нумера была открыта, и я еще изъ корридора увидѣлъ его у письменнаго стола: — онъ пересматривалъ какія-то бумаги и укладывалъ ихъ въ портфель.

— Извините меня, сказалъ я входя,—но я счелъ долгомъ пріѣхать извѣстить васъ...

— Она уѣхала, не далъ онъ мнѣ договорить.

— Вы знаете?..

— Да. Во всякомъ случаѣ, искренно благодарю васъ, сказалъ онъ. — Меня извѣстили (онъ не назвалъ кто), и я сейчасъ былъ у одной ея подруги.

— У госпожи Гроссманъ?..

— Да. Онѣ вмѣстѣ воспитывались, и она была тамъ вчера.

— Я знаю! сказалъ я опять. — Узнали вы отъ нея что нибудь?

Змаичъ провелъ рукою по лицу. Онъ былъ страшно блѣденъ, и лицо его то-и-дѣло подергивалось нервными содроганіями, но глаза глядѣли прямо и голосъ звучалъ ровно и спокойно:

— Эта госпожа ничего не знаетъ... или не хочетъ сказать... Она заѣзжала къ ней вчера „проститься“, говоря, что уѣзжаетъ въ Москву. Когда та спросила ее: на долго-ли? она отвѣчала, что сама не знаетъ. Никакихъ будто у нихъ другихъ объясненій не было, да она и не долго тамъ оставалась. Это послѣднее дѣйствительно такъ, — я знаю, примолвилъ Змаичъ (онъ несомнѣнно видѣлъ горничную Вѣры Николаевны). *Она* только спросила: знаетъ-ли та дешевую гостиницу, гдѣ-бы она могла остановиться въ Москвѣ,—и та назвала ей какую-то „Сѣверную звѣзду“,—это почти подлѣ самой станціи... Она сказала на это: „Ахъ, это очень хорошо, спасибо!“—и затѣмъ уѣхала...

— Объясняете-ли вы себѣ, что могло подать поводъ къ этому неожиданному ея отъѣзду? спросилъ я, когда онъ кончилъ.

Онъ быстро поднялъ глаза и уперся ими мнѣ прямо въ лицо:

— Вы имѣете болѣе меня возможности найти къ этому ключъ: вы были у нея вчера за нѣсколько часовъ до ея отъѣзда...

Онъ все зналъ отъ горничной... Я впрочемъ нисколько не почиталъ нужнымъ таиться, ни таить отъ него что-либо въ эту минуту и, безъ всякихъ комментаріевъ, оставивъ въ сторонѣ личныя мои впечатлѣнія при этомъ, передалъ ему сущность вчерашнихъ переговоровъ у Вѣры Николаевны.

Онъ не глядѣлъ на меня, пока я говорилъ,—онъ очевидно не хотѣлъ мнѣ дать увидѣть выраженіе своихъ глазъ,—и нервно перебиралъ въ лежавшихъ на столѣ бумагахъ, будто отыскивая въ нихъ что-то нужное...

— „Спасаться", повторилъ онъ переданное мною, между прочимъ, выраженіе его жены,—да, ей приходилось спасаться... Отъ меня—гордость мѣшала ей вернуться, — и отъ него, съ которымъ... О, жалкій человѣкъ! Я говорилъ вамъ въ тотъ разъ,—онъ не въ состояніи былъ понять ее... онъ не любилъ ея никогда!.. И она „спасалась" отъ него!.. Она къ роднымъ уѣхала, въ Одессу! вдругъ, видимо подъ вліяніемъ только-что мелькнувшей у него мысли, воскликнулъ громко Змаичъ.

Эта догадка показалась мнѣ въ первую минуту совершенно основательною, но я тутъ же вспомнилъ:

— Съ чѣмъ она туда доѣдетъ? Мнѣ говорили, что она отправилась съ сорока рублями въ карманѣ.

Онъ испуганно взглянулъ на меня, но лицо его черезъ мигъ приняло успокоенное выраженіе:

— У меня агентъ есть въ Москвѣ; она его знаетъ и адресъ, — онъ всегда ей можетъ дать сколько нужно... Я ему даже сейчасъ телеграфирую; хорошо, что вспомнилъ!..

И онъ присѣлъ къ столу писать эту телеграмму.

— Хорошо, замѣтилъ я,—если-бъ этотъ вашъ агентъ самъ, какъ бы отъ себя, отыскалъ ее сегодня же и предложилъ...

— Да, да, воскликнулъ онъ опять,—благодарю васъ! А то она, при своей гордости... О, если-бъ сутки, однѣ сутки! вырвалось наконецъ неудержимо изъ груди этого человѣка слово, изобличавшее тотъ мучительный страхъ, которымъ исполненъ онъ былъ весь, не смотря на его усилія казаться спокойнымъ.

— Вы сами ѣдете сегодня?

— Черезъ часъ, съ экстреннымъ поѣздомъ... Я бы успѣлъ,

пожалуй, ранѣе ея въ Москву пріѣхать, если-бъ извѣстили меня объ ея отъѣздѣ не сегодня, а какъ только она вчера уѣхала!..

— Желаю вамъ исполненія всѣхъ вашихъ желаній, сказалъ я съ искреннимъ увлеченіемъ, протягивая ему руку, но при этомъ, припомнилъ я тутъ,—я обязанъ передать вамъ, по порученію этого молодаго человѣка... Волгина, что онъ не намѣренъ... уступить ее вамъ...

Змаичъ на это поглядѣлъ только на меня съ такимъ выраженіемъ, что какъ-молъ тебѣ, въ твои лѣта, не совѣстно передавать мнѣ такой вздоръ!..

Я самъ это почувствовалъ — и нѣсколько сконфуженно примолвилъ:

— Я говорю вамъ это потому, что онъ, по всей вѣроятности, сегодня также отбудетъ въ Москву.

Змаичъ не отвѣчалъ. Мы вслѣдъ затѣмъ простились...

Онъ молча провелъ меня по корридору до лѣстницы, сильно пожалъ мнѣ руку однимъ быстрымъ движеніемъ и все такъ же безмолвно повернулся на каблукахъ и ушелъ въ свой нумеръ.

Черезъ нѣсколько дней въ московскихъ газетахъ читалось слѣдующее:

„19-го числа текущаго мѣсяца, въ одиннадцать часовъ утра, остановилась въ гостиницѣ „Сѣверная Звѣзда“, вблизи отъ станціи Николаевской желѣзной дороги, прибывшая съ пассажирскимъ поѣздомъ изъ Петербурга, молодая, бѣлокурая дама, замѣчательно красивой наружности. При ней былъ одинъ небольшой сакъ-вояжъ. Дама заняла дешевый нумеръ въ верхнемъ этажѣ гостиницы и потребовала себѣ чаю, говоря, что иззябласъ въ дорогѣ. Она, повидимому, собралась ѣхать къ Троицѣ, такъ какъ справлялась у прислуги, въ которомъ часу отправляется туда поѣздъ. Напившись чаю, она просила горничную постлать ей постель, сказавъ, что она ни минуты не могла заснуть на желѣзной дорогѣ и очень устала.

Горничная затѣмъ ушла, и дама заперла на ключъ дверь своего нумера. Въ началѣ третьяго часа въ гостиницу пріѣзжалъ г. Ж., довольно извѣстный въ московскомъ коммер-

ческомъ мірѣ коммисіонеръ,—справляться, не остановилась-ли здѣсь одна, имѣвшая прибыть изъ Петербурга, молодая дама, которую онъ назвалъ г-жею З. Хотя пріѣхавшая не предъявила никакого вида, но по примѣтамъ ея, даннымъ г. Ж., ему указали на ея нумеръ. Но дверь въ него изъ корридора оказалась запертою, и встрѣтившаяся горничная сказала г. Ж., что дама очень устала и легла спать. Г. Ж. удалился, сказавъ, что онъ заѣдетъ опять черезъ два часа, причемъ просилъ передать г-жѣ З., что пріѣзжалъ по порученію ея мужа, отъ котораго получилъ утромъ телеграмму. Дѣйствительно, въ половинѣ шестаго часа, г. Ж. пріѣхалъ опять и поднялся въ верхній этажъ, гдѣ у двери комнаты, занимаемой дамою, засталъ горничную и корридорнаго слугу, которые, съ разстроенными лицами, сказали ему, что такъ какъ дама хотѣла ѣхать къ Троицѣ, они хотѣли предварить ее, что пора ей собираться, и нѣсколько разъ принимались для того стучаться въ эту дверь, сначала тихо, а затѣмъ и съ „громомъ“, но отвѣта не получали. Встревоженный г. Ж. потребовалъ хозяина гостиницы, а затѣмъ послано было за полиціею, въ присутствіи которой дверь и была выломана. Дама найдена была лежавшею на постели, на правомъ боку, лицомъ къ стѣнѣ, и уже совершенно охолодѣлою. Она, какъ казалось, уже нѣсколько часовъ какъ застрѣлилась. Небольшой револьверъ, почти игрушечнаго калибра, изъ котораго она выпустила разомъ два заряда въ полость сердца, и подушка, которую прижимала она къ себѣ лѣвою рукою, пока стрѣляла правою, могутъ служить, въ нѣкоторой мѣрѣ, объясненіемъ, почему шумъ выстрѣловъ не былъ слышенъ ни въ сосѣднихъ съ ея комнатою нумерахъ, ни въ корридорѣ, на который выходитъ она. По мнѣнію производившаго медицинское освидѣтельствованіе врача, смерть за выстрѣлами послѣдовала мгновенно. Что̀ заставило несчастную разстаться съ жизнью, пока не извѣстно“.

„Намъ сообщаютъ при этомъ, что мужъ самоубійцы, г. З. прибывшій на слѣдующій день изъ Петербурга съ экстреннымъ поѣздомъ, узнавъ объ этомъ происшествіи, пораженъ былъ нервнымъ ударомъ, вслѣдствіе котораго жизнь его находится въ опасности“.

БѢЛОКУРАЯ КРАСАВИЦА *).

Было это въ 1845 году. Мнѣ было 22 года. За два года передъ этимъ я поступилъ на службу въ Петербургъ—и ѣхалъ теперь въ Одессу, въ отпускъ, на свиданіе съ родными.

Ѣхалъ я, какъ могъ ѣхать въ тѣ патріархальныя времена новоиспеченный коллежскій секретарь, не получавшій еще отъ казны ни гроша и весьма мало изъ родительскаго дома, т. е. по подорожной на двѣ лошади, перекидывая бренное тѣло съ не менѣе бреннымъ чемоданомъ съ казенной телѣги на телѣгу, изловчаясь прикурнуть на полчасика, между перекладками, на каменной лежанкѣ, или голыхъ доскахъ *диванов*ъ тѣхъ невообразимыхъ клоповниковъ, что̀ именовались тогда почтовыми станціями, и обливая голову водою у каждаго попадавшагося по дорогѣ колодца. Августъ шелъ уже на исходъ, но жара стояла страшная, — ни тучки на небѣ отъ самой Москвы, и палящій вѣтеръ новороссійскихъ степей, съ его неизсякаемыми волнами черной, удушливой, всепроницающей пыли, пристающей корою къ облитому по̀томъ лицу... Нынѣшнія поколѣнія не имѣютъ понятія о тѣхъ пыткахъ.

Въ Дофиновку, послѣднюю къ Одессѣ станцію, пріѣхалъ я въ десятомъ часу вечера. Помню какъ теперь, съ какимъ сладкимъ замираніемъ сердца, соскакивая съ перекладной, приникъ я ухомъ къ доносившемуся до меня ропоту недалекаго моря. Этотъ шумъ волнъ, подъ который прошла моя юность,—онъ говорилъ мнѣ о дорогомъ, родномъ, близкомъ,

*) Впервые напечатано за подписью М. въ № 299 „С.-Петер. Вѣд.„ 29 октября 1876 г.

словно высланный ко мнѣ впередъ съ привѣтомъ, съ лаской отъ нихъ, отъ тѣхъ, что̀ ждали меня теперь тамъ... „Двадцать одна верста, всего двадцать одна!“ повторялъ я мысленно, почти не вѣря этому счастью и съ трудомъ удерживаясь отъ поползновенія облобызать проворнаго писаря, который на вопросъ, есть-ли лошади, отвѣчалъ скороговоркой: „Сейчасъ готово-съ, пожалуйте подорожную!“

За уплатою прогоновъ у меня оставались двѣ пяти рублевыя бумажки и серебряная монета въ полтора рубля,—десять злотыхъ, — таковыя существовали еще тогда въ Россійской Имперіи...

— Десять злотыхъ тебѣ на водку, если черезъ часъ мы будемъ на таможнѣ! сказалъ я ямщику, вваливаясь въ высоконабитое въ перекладную сѣно.

— Извольте на часы поглядѣть! подбирая вожжи, сказалъ онъ мнѣ только на это...

Синее ночное небо, сіяніе полнаго мѣсяца, озаренное море, въ одномъ мѣстѣ подкатившее свою серебряную пѣну подъ самыя колеса моей телѣги, темныя пятна заночевавшаго въ степи стада воловъ, храпъ несущихся коней, свистъ ямщика, замелькавшіе вдругъ и все ближе и ближе несущіеся навстрѣчу огни на *Пересыпи*, таможня, грохотъ мостовой, уличные фонари, плошки на тумбахъ и, наконецъ, вотъ, вотъ, направо, на Дерибасовской, длинный, трехъ этажный домъ... О, какъ все это живо, какъ ярко, будто вчера!..

Но, что̀ же это?—сердце у меня упало,—въ окнахъ темно... У насъ въ домѣ всѣ были извѣстные полунощники, ранѣе часу, двухъ утра не расходились никогда. А теперь одиннадцать... Что̀ это значитъ? Тутъ-ли они, благополучно-ли все у насъ?.. Ноги подкашивались у меня, вбѣгая на лѣстницу. Дрожащею рукою рванулъ я звонокъ...

Старикъ Флягинъ, камердинеръ отца моего, тридцать лѣтъ выслужившій у насъ въ домѣ, кинулся мнѣ на шею, выронивъ изъ-за этого свѣчу, съ которою выбѣжалъ отворять дверь. Онъ всхлипывалъ и бранился отъ радости и досады, обшаривая впотьмахъ рукою полъ, по которому, зазвенѣвъ, покатился куда-то шандалъ... Благодареніе Создателю, говорилъ

онъ, всѣ живы и здравы, только никого дома нѣтъ,—всѣ на балѣ.

— На балѣ? Какъ это, у кого?

— Въ Биржевомъ залѣ: городъ Полякамъ балъ отдаетъ.

Я вспомнилъ:—такіе балы давались тогда въ Одессѣ каждый годъ. Польскіе помѣщики кіевскаго генералъ-губернаторства, для которыхъ добыть заграничный паспортъ въ тѣ трудныя времена представлялось дѣломъ величайшаго затрудненія, пріѣзжали толпою, вслѣдъ за своею пшеницею, на купанье въ морѣ, въ городъ, который, благодаря тогдашнему его главному начальнику, графу (впослѣдствіи князю) Воронцову, изо всѣхъ русскихъ городовъ наиболѣе, дѣйствительно, носилъ на себѣ подобіе европейскаго. Пріѣздъ ихъ составлялъ *сезонъ*, оканчивавшійся неизмѣнно баломъ, который они давали по подпискѣ поживившейся отъ нихъ Одессѣ, а благодарная за наживу Одесса отплачивала польской любезности, черезъ нѣсколько дней затѣмъ, такимъ же баломъ въ той же своей, объемистой и красивой биржевой залѣ.

Я именно пріѣхалъ въ вечеръ такого бала, 30-го Августа,—день табельный, тезоименитство Наслѣдника Цесаревича.—То-то плошки горѣли на улицахъ, вспомнилъ я...

— Я непремѣнно за *папенькою* съѣзжу сейчасъ, объявилъ мнѣ Флягинъ, добывъ наконецъ огня:—они васъ ждутъ не дождутся...

Старикъ отецъ мой прискакалъ, едва успѣлъ я отмыть наслоившуюся на тѣлѣ моемъ десятисуточную грязь.

— Одѣвайся, сказалъ онъ мнѣ, послѣ первыхъ изліяній радости,—ѣдемъ!

— Куда? вскрикнулъ я въ недоумѣніи...

— На балъ.

— Помилуйте, батюшка, на кого я похожъ!..

— На себя похожъ, возразилъ онъ смѣясь; хуже мы были послѣ Аустерлица... Загорѣлъ—не бѣда. А тамъ всѣ наши друзья, рады будутъ увидать тебя. Матери сюрпризъ какой,—я ей, нарочно, ничего не сказалъ.

— Да какъ же такъ? все еще колебался я.

Отецъ пуще разсмѣялся.

— Да такъ, просто, „какъ Чацкій, съ корабля на балъ“, отвѣчалъ онъ мнѣ стихомъ изъ Онѣгина, къ которому питалъ настоящую страсть.

Черезъ полчаса мы входили съ нимъ въ танцовальный залъ.

Представьте же себѣ, читатель, теперь, послѣ десяти дней телѣги, пыли, грязи, ломоты, спаленныхъ степей, душу воротящихъ станцій, вонючихъ армяковъ, истерзанныхъ лошадей,— что̀ долженъ былъ испытать 22-хъ-лѣтній юноша, перенесенный внезапно, словно въ какой-то волшебной сказкѣ, въ это море свѣта, звуковъ, благоуханья, волнующееся море цвѣтовъ, перьевъ, воздушныхъ тканей надъ цѣлымъ полкомъ очаровательныхъ женскихъ головокъ кругомъ, мраморныхъ блистательныхъ плечъ!..

У меня, въ первую минуту, буквально замутилось въ глазахъ.

Мазурка неслась прямо на насъ во всей своей польской, щегольской, беззавѣтной, опьяняющей удали. Мы съ отцомъ только успѣли посторониться. Впереди всѣхъ, ведя фигуру, летѣлъ невысокаго роста, но чрезвычайно стройно сложенный и съ выразительными чертами лица молодой человѣкъ, брюнетъ. Довольно коротко, à la mal content, остриженные его волосы надвигались своими пятью углами на гладкій, невысокій лобъ; небольшіе усики загибались спѣсиво къ верху, черные глаза горѣли, какъ два угля,—и когда онъ лихимъ, извѣстнымъ настоящимъ мазуристамъ, колѣнцемъ пріостановился на поворотѣ, поводя плечами и быстро постукивая каблукомъ о каблукъ, эти черные глаза, какъ двѣ стрѣлы, метнулись въ глаза его дамы...

Боже мой, что̀ же и за красавица это была? Высокая, почти одного роста съ нимъ, бѣлокурая, того золотого оттѣнка, что̀ не то спѣлый колосъ, не то свѣжеотлитая мѣдь, съ васильками въ этихъ золотыхъ, безконечно густыхъ волосахъ, съ васильками, усѣянными по бѣлой, воздушной кисеѣ платья, обнимавшаго ее будто облакомъ, и глазами синими, какъ эти васильки, длинными, подъ длинными и темными рѣсницами... Другой подобной я уже не встрѣчалъ въ жизни...

Она тоже на поворотѣ выдѣлывала свое женское мазурочное колѣнце: тонкій станъ, плечи, бедра подъ складками кисеи чуть-чуть вздрагивали и поджимались съ какою-то лѣнивозабористою, неотразимой граціей. Смиренно опущены были рѣсницы, блѣдное лицо не улыбалось, но упоеніе танца сказывалось въ расширенномъ очеркѣ тонкихъ, почти прозрачныхъ, какъ у кровнаго арабскаго скакуна, ноздрей, въ изгибахъ влажныхъ губъ, со сверкавшею между ними тонкою линіею тѣсныхъ бѣлыхъ зубовъ...

И вотъ мгновеннымъ, словно неудержимымъ движеніемъ, вскинула и она глаза на своего кавалера,—и, какъ двѣ птицы, сорвались они опять и помчались назадъ подъ звуки страстно заливавшейся мазурки.

— Кто это, ради Бога? спросилъ я, схватывая отца за руку.

— А, а, хороша, не правда-ли? засмѣялся онъ,—это Полька, panna Blondowska, blonde comme son nom, какъ видишь; отецъ ея старый мой знакомый, кавалеристъ отставной, у Константина Павловича служилъ, въ Варшавѣ. Хочешь, я тебя представлю?

— Ни за что! воскликнулъ я съ какимъ-то невольнымъ испугомъ, заставившимъ отца моего расхохотаться изо всей мочи.

— Боишься сердце потерять? говорилъ онъ, — не трудно, она прелестна. Не первымъ будешь! примолвилъ онъ.

— Этотъ молодой человѣкъ, — что съ нею танцуетъ, не правда-ли? сказалъ я,—какъ его фамилія?

— Стецкій. Онъ, дѣйствительно, влюбленъ въ нее, какъ сумасшедшій. И напрасно,—она невѣста другаго.

Пары пронеслись между тѣмъ; мы могли теперь пробраться къ мѣсту, гдѣ сидѣла моя мать...

Балъ длился до четырехъ часовъ утра. Матушка вскорѣ уѣхала, въ числѣ другихъ пожилыхъ одесскихъ дамъ; но мы съ отцомъ оставались до конца, любуясь непрерывавшеюся мазуркою, какъ умѣютъ ее танцовать только Поляки объ руку

съ польскими красавицами, когда каждое мгновенное замышленіе кавалера угадывается такъ же мгновенно его дамою, когда оба они, составляя какое-то вдохновенное цѣлое, мчатся въ огнѣ танца, соперничая изяществомъ, ловкостью и страстью. Денисъ Давыдовъ, если не ошибаюсь, недаромъ говорилъ, что кто не видалъ польскаго бала, не знаетъ, что̀ такое прелесть и упоеніе жизни.

Царица этого вечера была панна Блондовская. Ее то-и-дѣло поднимали, то-и-дѣло мелькало по залу ея бѣлое съ васильками платье. Мы съ отцомъ встали неподалеку отъ ея мѣста. Въ рѣдкія минуты, когда приходилось ей отдыхать рядомъ съ танцовавшимъ съ нею Стецкимъ, она быстро, не переводя дыханія и не поднимая на него глазъ, отвѣчала короткими, сколько можно было замѣтить, словами на его спѣшныя, какъ бы раздраженныя, судя по выраженію его глазъ, рѣчи. И затѣмъ срывалась на поклонъ новаго приглашающаго — и уносилась по залѣ... Онъ складывалъ руки па приподнятое колѣно и, прищурясь, слѣдилъ за нею неотрывающимся взглядомъ. Она снова прилетала, опускалась на стулъ, тяжело дыша и чуть-чуть улыбаясь; онъ, сжавъ брови, начиналъ говорить опять, спѣшно, торопливо, какъ бы дорожа каждымъ мгновеніемъ. И на одно мгновеніе, замѣтилъ я, въ отвѣтъ на его слова чуть-чуть дрогнули ея великолѣпныя плечи, и приподнявшіеся глаза блеснули мимолетнымъ, тутъ же потухшимъ блескомъ...

— Вотъ и женихъ ея! сказалъ мнѣ отецъ,—Головинскій, богатый галиційскій помѣщикъ.

Это былъ типъ настоящаго джентльмена; холодный, сдержанный, изысканный, человѣкъ лѣтъ подъ сорокъ, гладко выбритый, съ рѣдкими уже волосами надъ высокимъ лбомъ, въ бальномъ костюмѣ безукоризненнаго парижскаго покроя тѣхъ временъ. Онъ гораздо болѣе походилъ на Англичанина, чѣмъ на Поляка. Было что-то презрительное въ его сдержанности, въ его ледяномъ взглядѣ, въ тонкихъ губахъ, едва шевелившихся, когда онъ говорилъ, или, видимо насилуя себя, усмѣхался. Онъ будто—мнѣ, по крайней мѣрѣ, такъ представилось это,—всею своею наружностью, пріемами, старался отдѣлить

себя отъ своихъ земляковъ, какъ бы говоря: „Я все же подданный цивилизованной страны, не то, что̀ вы, стоящіе подъ москалемъ“. Онъ не танцовалъ и сидѣлъ у стѣны подлѣ какой-то пожилой дамы, съ плоскимъ клякомъ своимъ на колѣняхъ и неподвижно сложенными руками на расшитомъ передѣ рубашки, застегнутой тремя великолѣпными бирюзовыми запонками.

Онъ, медленными шагами пробираясь за танцующими, подошелъ теперь къ своей невѣстѣ, остановился за ея стуломъ и, чуть-чуть наклонившись къ ней, проговорилъ нѣсколько словъ. Она, съ живой усмѣшкой и какъ бы нѣсколько смущеннымъ взглядомъ, обернула къ нему голову и заговорила въ свою очередь. Онъ качнулъ головою, улыбнулся ей одними глазами—и отошелъ такъ же медленно къ своему мѣсту у стѣны. Стецкій, откинувшись на спинку своего стула, съ замѣтною тревогой въ глазахъ слѣдилъ за движеніемъ ихъ устъ въ продолженіи короткаго ихъ разговора. Головинскій не удостоилъ его ни единаго взгляда.

— Этотъ Стецкій, сообщалъ мнѣ, между тѣмъ, отецъ мой,— очень хорошей фамиліи молодой человѣкъ. Подолянинъ, и состояніе отличное имѣлъ. Только остался онъ сиротою слишкомъ рано; состояніе это, кажется, все прахомъ у него уже пошло. Изъ-за того-то и разошлось у него съ этою красавицею; онъ, говорятъ, уже объявленнымъ ея женихомъ былъ, да старикъ Блондовскій испугался его безумной жизни и отказалъ ему.

— И она безъ сожалѣнія со своей стороны на это согласилась, какъ вы думаете? невольно спросилъ я.

— Ну, этого, милый мой, она мнѣ не повѣряла, засмѣялся въ отвѣтъ мой старикъ; а только, полагаю, очень хорошо она дѣлаетъ, что выходитъ не за него, а за Головинскаго: человѣкъ это, какъ слышно, весьма уважаемый, отличный хозяинъ, очень богатъ, воспитывался въ Англіи, и, какъ самъ ты видишь, un homme tout à fait comme il faut.

— А теперь, mon cher, пойдемъ ужинать; ты, чай, крѣпко проголодался съ дороги...

У меня, дѣйствительно, съ утра, что̀ говорится, маковой

росинки во рту не было. Тѣмъ не менѣе за этимъ ужиномъ комьями стояли у меня въ горлѣ проглатываемые мною куски. Золотые волосы и длинные синіе глаза панны Блондовской не выходили у меня изъ головы. Разсѣянно отвѣчалъ я на вопросы и шутки старыхъ знакомыхъ и товарищей-Ришельевцевъ *), встрѣченныхъ мною на балѣ, къ которымъ теперь присоединились мы съ отцомъ въ столовой. Усталости я не чувствовалъ никакой,—напротивъ: меня всего пронимало какое-то лихорадочное возбужденіе, пополамъ съ досадою, чуть не съ тоскою...

Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ въ столовую Стецкій и сѣлъ за столъ, прямо насупротивъ насъ. Онъ вѣжливо поклонился моему отцу.

— Мы вотъ съ нимъ, сказалъ ему тотъ, кивнувъ на меня, все время любовались на васъ; отличный вы мазуристъ!.. Мой сынъ, рекомендую.

Стецкій приподнялся слегка и протянулъ мнѣ черезъ столъ руку. Я пожалъ ее, заглянувъ ему при этомъ случаѣ прямо въ глаза. Они горѣли полымемъ; лобъ его еще былъ весь влаженъ отъ танцевъ.

— *Фляжку шампанскѐго!* сказалъ онъ слугѣ, отталкивая подносимое ему блюдо съ неизбѣжнымъ маіонезомъ.

Подали бутылку. Онъ налилъ отцу и мнѣ въ стаканы. Я выпилъ мой залпомъ.

Батюшка спросилъ шампанскаго въ свою очередь.

За нами послѣдовала вся сидѣвшая тутъ компанія. Пошли тосты, поздравленія съ моимъ пріѣздомъ. Едва опорожненныя бутылки замѣнялись тотчасъ же другими. Стецкій пилъ вино, какъ воду, стаканъ за стаканомъ, и, каждый разъ, какъ принимался за новый, подносилъ его на высоту своего лица съ улыбкою и кивкомъ по моему адресу. Я долженъ былъ дѣлать то же, и дѣлалъ это съ какою-то далеко непривычною мнѣ алчностью. Отецъ мой изрѣдка поглядывалъ на меня и хмурился. Но вино не производило на меня никакаго дѣй-

*) Въ Одессѣ въ ту пору состоялъ высшимъ учебнымъ заведеніемъ *Ришельевскій лицей*.

ствія; я чувствовалъ—я могъ бы безконечно пить въ этотъ вечеръ...

— Мазурка кончилась? спросилъ я Стецкаго.

Да... по крайней мѣрѣ, для меня, отвѣтилъ онъ:—женихъ моей дамы побоялся для нея утомленія танцевъ и — промолвилъ онъ, словно шипя,—повелъ прохлаждать ее по заламъ, comme un cheval après la course (разговоръ шелъ у насъ разумѣется по-французски).

— Счастливый онъ человѣкъ! вырвалось у меня на это совершенно безсознательно.

— Видно, стоитъ этого! расхохотался вдругъ молодой человѣкъ громкимъ, истерическимъ смѣхомъ.

Батюшка, разговаривавшій съ кѣмъ-то сидѣвшимъ по другую его сторону, обернулся, оглядывая насъ обоихъ совершенно уже недовольными глазами.

Онъ увелъ меня, едва успѣлъ я доѣсть какое-то желе, подававшееся послѣднимъ блюдомъ.

— Пора и честь знать! сказалъ онъ мнѣ громко — и обрывисто.

Мы молча прошли уже опустѣвшій танцовальный залъ. Въ передней толпились уѣзжающіе, толкались лакеи, добираясь до своихъ барынь съ плащами и накидками.

Панна Блондовская, съ высокимъ, красивымъ, совершенно сѣдымъ старикомъ-отцомъ своимъ подъ руку, стояла, укутанная вся въ бѣлый, настоящій арабскій бурнусъ; надѣтый на голову капюшонъ его строго обрамлялъ ея прелестныя черты. Она, подъ этимъ капюшономъ, напоминала портреты M-lle de la Valière въ монашеской одеждѣ; — я живо припоминаю именно это впечатлѣніе, сдѣланное ею на меня въ ту минуту. Она казалась глубоко усталою и вся висѣла на рукѣ здоровяка-отца, ухватившись за его локоть обѣими руками. Женихъ, въ широкомъ, свѣтломъ пальто, со своимъ распущеннымъ клякомъ на головѣ, стоялъ недвижно подлѣ нихъ, словно изваянный въ статую благовоспитанности и приличія.

— А, добрый вечеръ! заголосилъ весело по-польски старикъ Блондовскій, завидѣвъ моего отца,—отъ-то, что называется, вмѣстѣ да врозь: въ одномъ мѣстѣ были, да не вида-

лись весь вечеръ. Сынъ панскій? По сходству узналъ. Сдалека пріѣхалъ?

— Изъ Петербурга, четыре часа тому назадъ, отвѣчалъ отецъ, обернувшись на меня, и такъ же весело улыбнулся, успокоившись, повидимому, глядя на мое лицо, насчетъ многочисленныхъ стакановъ, выпитыхъ мною въ перегонку съ Стецкимъ. Mademoiselle, permettez moi de vous présenter mon fils!“ прибавилъ онъ къ этому, обращаясь къ бѣлокурой красавицѣ.

Красавица мелькомъ повела на меня взглядомъ, кивнула своею золотистою головкою, и тутъ же, лѣнивымъ движеніемъ, обернулась къ жениху, отвѣчая на какой-то вопросъ его.

— Долго вы еще въ Одессѣ пробудете? спросилъ отецъ мой ея отца.

— А завтра ѣдемъ, завтра вечеромъ, поспѣшилъ онъ отвѣтить, пора до Подолу, домой! Черезъ двѣ недѣли *шлюбъ* (свадьбу) вотъ ея справлю,—онъ опять весело, счастливо улыбнулся, взглянувъ на дочь,—такъ спѣшить надо!..

Что говорило ея лицо? Я тщетно старался угадать это. Ничего, казалось, кромѣ той же глубокой усталости,—только будто еще тѣснѣе жались ея руки кругомъ отцовской руки, и очаровательная головка, съ опущенными глазами, глубже уходила подъ капюшонъ...

У меня какимъ-то уже совсѣмъ глупымъ манеромъ замирало сердце, глядя на нее. Женихъ пребывалъ все въ томъ же невозмутимомъ величіи и глядѣлъ на свои сложенныя, въ чистѣйшихъ перчаткахъ, руки.

Отецъ раскланялся. Мы вышли съ нимъ на улицу.

— Экая ночь! воскликнулъ онъ:—что мы домой пѣшкомъ, или ты не въ силахъ?

— Даже очень радъ, сказалъ я,—пойдемте бульваромъ, я радъ буду море увидѣть...

Мы прошли до статуи *Дюка* *) и повернули влѣво, по площади, мимо „Новороссійской гостиницы“. У воротъ ея

*) Герцога Ришелье. Памятникъ его стоитъ по самой серединѣ Приморскаго бульвара въ Одессѣ.

стояла вѣнская коляска съ стекляннымъ передкомъ,—экипажъ особенно любимый польскими семействами въ оное время. Это были Блондовскіе; они, какъ видно, не жили тутъ, а заѣхали выпустить жениха, который стоялъ еще у коляски и разговаривалъ съ сидѣвшимъ въ ней будущимъ тестемъ. Басистый голосъ старика торопливо звучалъ на пустынной улицѣ, въ гулкомъ ночномъ воздухѣ. Я оставилъ отца итти по тротуару, мимо гостиницы, и направился прямо, норовя пройти по другой сторонѣ экипажа. Опершись головою на руку, сидѣла по этой сторонѣ красавица и глядѣла въ дверцы, видимо равнодушная къ раздававшемуся о-бокъ ея разговору. Она какъ бы вся отдавалась теперь тишинѣ и свѣжести ночи, послѣ духоты и лихорадочныхъ впечатлѣній бала. Капюшонъ свой она откинула на затылокъ; полный мѣсяцъ обливалъ палевымъ сіяніемъ ея сбившіеся на лбу волосы, приподнятые къ небу глаза и полную, обнаженную до локтя, руку, выпроставшуюся изъ мягкихъ складокъ окутывавшаго ея бурнуса.

Медленно и осторожно подвигался я, безшумно переступая по камнямъ мостовой, жадно вглядываясь въ этотъ прелестный, озаренный мѣсяцемъ обликъ, выдвигавшійся изъ темной рамы коляски, бѣлый весь и задумчивый какъ видѣнье...

Я прошелъ въ пяти шагахъ отъ нея. Она замѣтила меня, быстро, судорожно подалась впередъ... Я приподнялъ шляпу.

Увы, другаго, очевидно, чаяла она узрѣть въ этомъ прохожемъ... Еще быстрѣе собрала она кругомъ себя складки своего бурнуса—и откинулась въ темную глубину коляски.

Чуть не бѣгомъ отбѣжалъ я отъ нея. Я чувствовалъ, какъ вся кровь прилила мнѣ въ голову и лицо мое пылало какъ въ огнѣ...

Я нагналъ отца у Пале-Ройаля *). Онъ не сказалъ мнѣ ни слова, а только, какъ бывало съ нимъ въ веселыя минуты, принялся напѣвать изъ какого-то водевиля Аустерлицкихъ временъ:

L'amour est un enfant volage...

---

*) Одесскій гостиный дворъ.

Не смотря на смертельную усталость, помню, я только въ десятомъ часу утра могъ уснуть послѣ этого бала.

Они, дѣйствительно, отецъ, невѣста и женихъ, выѣхали на другой день изъ города „до Подола на шлюбъ“. Я узналъ это отъ Стецкаго, съ которымъ встрѣтился вечеромъ въ оперѣ. Давали „Пуританъ“. Дюжинные итальянскіе пѣвцы орали немилосердно; меломаны-евреи такъ же немилосердно рукоплескали имъ въ партерѣ. Въ половинѣ послѣдняго акта Стецкій скользнулъ мимо моего кресла:

— Я бы всю эту жидовину, и съ пѣвцами ихъ вмѣстѣ, охотно пересѣкъ, сказалъ онъ смѣясь; не хотите-ли, вмѣсто этой какофоніи, пойти выпить бутылку у Каруты *)?

Я предпочелъ дослушать какофонію до конца; изъ послѣднихъ моихъ двухъ пятирублевыхъ бумажекъ оставалось у меня теперь въ карманѣ два другривенныхъ.

Онъ оставался еще съ недѣлю въ Одессѣ, безумно соря деньгами, поя и кормя цѣлую толпу прихлебателей, собиравшуюся кругомъ него въ ранніе и поздніе часы трапезъ. Наканунѣ своего отъѣзда онъ далъ ужинъ, на который назвалъ множество народа. Одинъ изъ старыхъ товарищей моихъ, лицеистовъ, участвовавшій на немъ, разсказывалъ мнѣ потомъ, что подъ конецъ того ужина, когда выпито было уже очень много, Стецкій, бывшій все время до того необычайно веселымъ и забавнымъ, схватился вдругъ за голову и залился слезами, за которыми послѣдовалъ такой страшный судорожный припадокъ, что его насилу отлили водою...

Прошло десять лѣтъ. Рыцарскіе защитники луны и Пророка стояли подъ Севастополемъ. Другъ нашъ, Австрія, удивляла міръ своею неблагодарностью. Гвардія вышла изъ Петербурга. Уныло глядѣлъ городъ, пусто на улицахъ, въ теа-

*) Извѣстный тогда содержатель кафе-ресторана въ новоотстроенномъ Пале-Ройалѣ.

трахъ,—вездѣ, гдѣ недавно собирались, двигались, шумѣли люди...

Въ декабрѣ однажды подъ полночь, возвращаясь съ одного унылаго, какъ и все остальное въ тѣ дни, вечера, заѣхалъ я съѣсть котлетку къ Дюссо,—къ старому, волоокому, не говорливому и вѣчно сонному Дюссо.

Въ ресторанѣ было тихо, какъ въ могилѣ. Содержатель за прилавкомъ, спиною къ стѣнкѣ, вертѣлъ пальцемъ о палецъ, воздѣвъ очи въ потолокъ. Татары его, съ салфетками въ рукахъ, клевали носомъ на стульяхъ и диванахъ. Звонокъ отворенной мною двери заставилъ все это вскочить на ноги. Вся узкоглазая и скуластая компанія кинулась встрѣчать меня. „Пожалуйте сюда-съ, въ кабинетъ прикажете?“ вопило это все, перебивая другъ друга. Я объявилъ, что мнѣ все равно ужинать въ общей. Меня повели въ общую чуть-ли не подъ руки. Гость, очевидно, былъ теперь дорогимъ товаромъ, — cosa гага, какъ говорятъ итальянцы.

Оказалось насъ, однако, въ общей комнатѣ двое: въ углу за столикомъ сидѣлъ какой-то черномазый господинъ, поглощенный въ чтеніе „Journal de St. Pétersbourg“, развернутый въ длину листъ котораго полузакрывалъ ему лицо. Онъ отъ времени до времени протягивалъ руку къ рюмкѣ съ какимъ-то ликеромъ, стоящей подлѣ него, медленно поднималъ ее ко рту, прихлебывалъ и такъ же медленно ставилъ ее опять на столъ, не отрывая, казалось, глазъ отъ газеты. При входѣ моемъ онъ поднялъ, однако, голову и, какъ я могъ замѣтить, пристально поглядѣлъ на меня.

Мнѣ стало вскорѣ очевидно, что онъ все внимательнѣе и настойчивѣе высматривалъ меня изъ-за своего листа, пока я перек[redacted]вался словами съ татариномъ, перечислявшимъ мнѣ наизу[redacted] французскія названія всякихъ блюдъ, годныхъ на ужинъ. Наконецъ, какъ бы окончательно убѣдившись, что я—я, поднялся и двинулся къ моему столу.

— Господинъ ***, если не ошибаюсь? Началъ онъ по-французски.

— Точно такъ... А вы, виноватъ... пробормоталъ я, при-

знавая несомнѣнно знакомое мнѣ лицо, но никакъ не вспоминая, какую къ этому лицу слѣдовало приложить кличку.

— Стецкій. Мы съ вами когда-то, въ юности нашей, промолвилъ онъ съ невеселою усмѣшкою, пировали въ Одессѣ...

— Ахъ, Боже мой, какъ же! Я очень радъ, говорилъ я, пожимая ему руку и вглядываясь въ его, дѣйствительно, замѣтно поблекшую съ той поры физіономію.—По какому случаю вы здѣсь? Поселились, или на время пріѣхали?..

Онъ, вздыхая, отвѣчалъ мнѣ на это, что уже третій годъ принужденъ проживать по зимамъ въ Петербургѣ, изъ-за „цѣлаго легіона процессовъ, которые имѣлись у него въ сенатѣ", что два изъ нихъ онъ уже выигралъ, а остается еще цѣлыхъ пять, и Богъ знаетъ, когда придется дождаться ему ихъ рѣшенія; что онъ ужасно скучаетъ всѣмъ этимъ, болѣетъ въ этомъ медвѣжьемъ климатѣ...

— Но что же дѣлать? говорилъ онъ, продолжая вздыхать,— зрѣлымъ лѣтамъ приходится, видно, расплачиваться за заблужденія юности. А весело все же было, помните, въ тѣ годы, въ Одессѣ...

Онъ тамъ былъ въ прошломъ году, весною, въ самое время бомбардированія, „когда одесское населеніе такъ мужественно показало себя, толпами разгуливая по бульвару, пока гранаты лопались надъ городомъ".

— А впрочемъ, Одесса не тронута, она все та же... *мы* только перемѣнились, уныло промолвилъ онъ—и, тотчасъ же спохватившись, примолвилъ съ польскою льстивою любезностью;—я не про васъ говорю, вы все тотъ же, такой же свѣжій (aussi frais), какимъ я васъ зналъ тогда... Но я, благодаря всѣмъ этимъ моимъ заботамъ, поблекъ, такъ сказать, ранѣе времени.

Я глядѣлъ на него, мало тронутый его лестными [redacted]ывами о моей „свѣжести", не менѣе равнодушный къ его воздыханьямъ о безвременной поблеклости собственной его особы, но подъ монотонный и нѣсколько, признаться, скучноватый тонъ его книжныхъ французскихъ фразъ передо мною съ какою-то захватывавшею за сердце силою воскресали картины и впечатлѣнія, пережитыя въ тѣ нѣсколько часовъ моей первой встрѣчи

съ нимъ:—залитый свѣтомъ залъ, польская огненная мазурка, южная ночь и тотъ прелестный, бѣлокурый и синеокій образъ, озаренный луннымъ сіяніемъ...

— А какъ хороша была та особа, съ которою, помню, неслись вы прямо на меня въ мазуркѣ въ ту минуту, когда увидѣлъ я васъ въ первый разъ! сказалъ я.

— Ванда Блон... госпожа Головинская! поправился онъ... Ея ужь нѣтъ! опустивъ вдругъ голову, промолвилъ онъ глухо.

Я такъ и вскрикнулъ.

— Умерла?..

— Да, сказалъ онъ, для міра—умерла.

— Что это значитъ?

— Она въ монастырѣ, постриглась.

— Давно!

— Съ 1848 года.

— Какъ же такъ, недоумѣло допрашивалъ я,—овдовѣла она?

— Нѣтъ, мужъ и до сихъ поръ живъ...

— Такъ разошлась съ нимъ, не вынесла?

Стецкій закачалъ головою.

— Нѣтъ, они, говорятъ, были счастливы... Но съ нею, промолвилъ онъ съ замѣтнымъ усиліемъ, приключилось нѣчто столь ужасное, что послѣ того ей, дѣйствительно, въ мірѣ оставаться было нельзя.

Я уже не спрашивалъ, а глядѣлъ на него во всѣ глаза, ожидая объясненія...

— Вы, конечно, знаете, читали о крестьянскомъ возстаніи, въ 1848 году, въ Галиціи. Но вамъ, можетъ быть, не извѣстно, что это была организованная рѣзня, une jacquerie... Какъ и кѣмъ было это подстроено, мы не будемъ говорить. Фактъ тотъ, что нѣмецкія полицейскія власти во всемъ этомъ дѣлѣ руководились политико-экономическимъ лозунгомъ laissez faire, laissez aller и оставляли народъ нашу братью-помѣщиковъ грабить, жечь и рѣзать, какъ барановъ... Имѣнія Головинскаго находились въ самомъ центрѣ возмущенія. Какъ такъ случилось, что въ самое это страшное время онъ находился въ Львовѣ, а молодую жену рѣшился оставить дома, — я не сумѣю вамъ сказать. Нѣтъ никакого сомнѣнія, поспѣшилъ прибавить Стец-

кій, что онъ никакъ не предвидѣлъ опасности, что онъ уѣхалъ, вѣроятно, когда гроза была еще далека, еще не начиналась, быть можетъ,—подробностей я не знаю. Какъ бы то ни было, но толпа возставшихъ, грабившая и палившая окрестные замки, ввалилась и къ нему въ имѣніе во время его отсутствія. Начали, разумѣется, съ погребовъ, разбили, выпили, что могли. Принялись затѣмъ за расправу, потребовали управляющаго, конторщиковъ, — и повѣсили безъ дальнѣйшаго разговора... Гдѣ паны? спрашиваютъ наконецъ; узнали, что пана нѣтъ, одна панни дома. Гда она?.. Несчастная женщина, полумертвая отъ страха, заперлась, забилась въ своей спальнѣ. Къ ней выломали двери,— и вся эта пьяная, остервенѣлая толпа ринулась на эту женщину, на эту красавицу...

— Господи! могъ я только вскрикнуть.

И Стецкій, и я—мы долго молчали...

— Она, какъ я слышалъ, заговорилъ онъ наконецъ, пришла въ себя лишь черезъ сутки. Когда съ жизнью возвратилось къ ней и сознаніе своего несчастія, своего позора, она рѣшила, что для нея все кончено. Когда вернулся мужъ въ свой разоренный замокъ, онъ не нашелъ ея болѣе тамъ; она, до его пріѣзда, велѣла отвезти себя въ находившійся недалеко оттуда монастырь Урсулинокъ... Съ тѣхъ поръ ни мужъ, никто изъ родныхъ не видалъ ея. Мнѣ говорили, что даже подруги ея, монахини, не видали ея, — она не снимаетъ вуаля, глухо закрывающаго это, когда-то прелестное лицо, осквернённое подлымъ плебейскимъ насиліемъ!... вырвалось у Стецкаго неудержимымъ порывомъ...

Скажу въ заключеніе, что послѣ этого ужина у Дюссо я, какъ въ ту сіяющую ночь, десять лѣтъ передъ тѣмъ, вернувшись домой, не могъ заснуть до зари.

АНЕКДОТИСТЪ.

(Фотографическая сценка).

Въ гостиной, послѣ званаго обѣда въ честь пріѣзжаго дипломата. Общество человѣкъ въ десять. Хозяйка, „мечтательная“ брюнетка лѣтъ 30-ти, полулежитъ, загораживаясь ручнымъ экраномъ отъ огня пылающаго подлѣ камина. Рядомъ, справа, пьетъ кофе ложечкою пріятельница ея, бойкая особа, называемая въ свѣтѣ: „l'intransigeante“; слѣва, украдкою вздыхаетъ страстно, но безуспѣшно до сихъ поръ влюбленный въ хозяйку кавалергардикъ съ губами въ формѣ сердечка. Спиною къ камину, растопыривъ фалды фрака, грѣется мужъ-хозяинъ, бельомъ лѣтъ за 40, вида нѣсколько бычачьяго. Центръ позиціи занимаетъ виновникъ обѣда; онъ только что договорилъ очень тонкій, притомъ неизданный анекдотъ о Талейранѣ. (*Общіе возгласы одобренія:*)

— Délicieux!.. Talleyrand... Un esprit si fin!..

Дипломатъ (вѣско). Notre maître à tous.

Пріятельница хозяйки (*восторженнымъ кликомъ*). Но вы и разсказываете comme un ange!..

(*Дипломатъ благодарственно прикладываетъ руку къ сердцу*).

Хозяинъ (*съ мѣста, густымъ и самоувѣреннымъ басомъ*). Я знаю про Талейрана другой, еще болѣе остроумный анекдотъ...

(*Всѣ оборачиваются на него съ любопытствомъ.*)

Пріятельница (*испуганно на ухо хозяйкѣ*). Mon Dieu, de quoi va t'il accoucher?

Хозяинъ (*принимая не то лукавый, не то внушительный видъ*). Надо вамъ сказать, что Талейранъ un beau matin, про-

ходя въ Парижѣ по boulevard Montmartre... встрѣчаетъ короля Луи-Филиппа, который говоритъ ему: „mon cher ami“... (*Нежданно смолкаетъ и третъ себѣ лобъ рукою*).

Пріятельница (*язвительно, словно обиженно*). Eh bien, après?

Хозяинъ. Ah voilà... Я не совсѣмъ помню, что̀ сказалъ Louis—Philippe... Но тотъ, comprenez vous,—Талейранъ (*торжественно улыбаясь*) отвѣчаетъ ему: „Sire“ (*обрываетъ и растерянно чешетъ себѣ за ухомъ*)...

Хозяйка (*опуская экранъ, задыхающимся голосомъ*). Eh bien, après? Finissez donc!

Хозяинъ (*смущенно и принимаясь насиловано смѣяться*). Après, après... Mille pardons, но я совершенно забылъ, что̀ Talleyrand отвѣтилъ... Vous comprenez, послѣ обѣда... la mémoire... (*окончательно нѣмѣетъ*).

(*Внезапное общее молчаніе. На всѣхъ лицахъ страстное, съ трудомъ сдерживаемое приличіемъ, желаніе расхохотаться. Находчивый дипломатъ принимается усиленно кашлять*).

Пріятельница (*сверкая глазами, на ухо хозяйкѣ*). Ma chère, если бы злая судьба наградила меня такимъ мужемъ,— я бы завтра же отправила его à tous les diables!..

Хозяйка (*закрываясь опять экраномъ и еле замѣтнымъ движеніемъ оборачивая голову къ унылому кавалергардику*). Завтра вечеромъ, въ девять часовъ... venez... я буду одна...

УТРО КАРЬЕРИСТА.

(Эпизодъ изъ неоконченнаго романа).

I.

На одной изъ улицъ сосѣднихъ съ Владимірской, въ нероскошной, но довольно просторной и опрятно содержимой квартирѣ втораго этажа стараго, окрашеннаго казенно-желтою краской дома только-что возсталъ отъ сна молодой человѣкъ лѣтъ тридцати двухъ. Онъ лежалъ въ постели, широко раскрывъ глаза и закинувъ руки надъ головой, за высокими ширмами, обтянутыми еще свѣжимъ французскимъ кретономъ, которымъ задрапированы были и двери, и единственное окно его небольшой спальни. Видъ этой спальни съ ея недорогимъ, но густымъ и мягкимъ ковромъ во весь полъ, большимъ зеркаломъ въ золоченой рамѣ и обширнымъ, съ мраморною на немъ доскою, столомъ, на которомъ наставлены были въ изобиліи всякія фаянсовыя, стеклянныя, стальныя и щетинныя принадлежности омовенія и туалета, — видъ этой спальни свидѣтельствовалъ о томъ, что хозяинъ ея принадлежалъ по привычкамъ своимъ и воспитанію къ породѣ людей, называемыхъ *свѣтскими*.

Владиміръ Ивановичъ Жиздринъ происходилъ, дѣйствительно, изъ старинной и извѣстной русской фимиліи, владѣвшей еще за его память большими помѣстьями на югѣ Россіи, гдѣ и прошло его дѣтство. Воспитанъ онъ былъ въ роскоши и холѣ, на старыхъ дворянскихъ преданіяхъ, то-есть при помощи

всякихъ Швейцарцевъ, Англичанъ и Нѣмцевъ-гувернеровъ, поступилъ затѣмъ въ Харьковскій университетъ, куда ѣздилъ на лекціи въ собственной колескѣ и гдѣ учился прилежно и *амбиціозно*, жадно добиваясь полныхъ пятерокъ на экзаменахъ. Но ко времени его совершеннолѣтія, совпавшаго съ эпохою освобожденія крестьянъ, номинальное состояніе, считавшееся еще до той минуты за его родителями, въ одинъ прекрасный Божій день какъ-то разомъ разлетѣлось въ прахъ. Отецъ его, лихой лейбъ-гусаръ тридцатыхъ годовъ, знаменитый въ свое время „прожигатель жизни“, умеръ отъ удара, не переживъ этого разгрома. Герой нашъ, по окончаніи курса, переселился съ матерью въ Петербургъ, гдѣ и существовали они съ тѣхъ поръ небольшими доходами вырваннаго ими какимъ-то чудомъ изъ общаго крушенія полтавскаго имѣнія, десятинъ въ 600, и тѣмъ, что давала Владиміру Ивановичу служба, оказавшаяся для него съ первымъ шагомъ поступленія его на нее, далеко не „мачихою“.

Онъ вернулся домой наканунѣ съ бала въ австрійскомъ посольствѣ, часу въ четвертомъ утра.—Но уже въ 8-мъ, еще среди полутьмы петербургскаго зимняго разсвѣта, открылъ глаза и не закрывалъ ихъ уже болѣе. Онъ лежалъ, какъ мы видѣли, въ постели, со сложенными надъ головой руками и неподвижно устремленнымъ въ какую-то точку на противоположной стѣнѣ взглядомъ. Жиздринъ глядѣлъ упорно въ эту точку, и какая-то счастливая улыбка пробѣгала отъ времени до времени по его полураскрытымъ губамъ. Онъ видимо отдавался весь въ эту минуту одному изъ тѣхъ блаженныхъ мечтаній, которыя такъ неотразимо уносятъ молодыя воображенія на радужныхъ крылахъ своихъ... Но читатель весьма ошибся бы, если бы предполагалъ, по старой рутинѣ, что это мечтаніе олицетворялось въ какомъ-нибудь обаятельномъ женскомъ образѣ. Владиміръ Ивановичъ былъ сынъ своего *„реальнаго“* вѣка, въ полномъ объемѣ этого слова. Изъ вчерашняго блестящаго бала, на которомъ были всѣ Петербургскія красавицы, онъ вынесъ въ воспоминаніи одинъ только образъ: образъ старой дѣвы, давно уже не танцовавшей и слегка красноносой, но которая, въ промежуткѣ между двумя кадрилями, подо-

звала его къ себѣ едва замѣтнымъ кивкомъ и, когда онъ наклонился къ ней, шепнула ему, играя вѣеромъ и спокойно глядя въ другую сторону: C'est fait, вы назначены, но пока никому ни слова".

Этотъ голосъ, эти слова звучали неотразимо и сладко въ ухѣ нашего героя. Онъ повторялъ мысленно коротенькую фразу,—онъ упивался ею; договоривъ, начиналъ снова, будто дилеттантъ, преслѣдуемый неотвязчивымъ мотивомъ. И точно, для него эти слова были первымъ звукомъ побѣды, для достиженія которой онъ употребилъ, какъ увидимъ впослѣдствіи, не мало трудовъ и дарованныхъ ему свыше способностей.

— Наконецъ, наконецъ-то... повторялъ онъ изрѣдка шопотомъ,—первый шагъ, а теперь, теперь...

И все сладостнѣй, все свѣтлѣе, вереницей прелестной и манящей, словно виллисы фантастической легенды, парящія подъ мѣсяцемъ въ теплую майскую ночь, тянулись передъ нимъ задушевныя, чудесныя видѣнія; съ невыразимо-сладкимъ замираньемъ сердца прозрѣвалъ онъ ихъ внутреннимъ окомъ, in the mind's eye, какъ выражался покойный Гамлетъ. По мѣрѣ того, какъ они проходили передъ нимъ, онъ переводилъ ихъ словами, а именно:

— Статскаго совѣтника я получу теперь, къ новому году, за выслугу, — со старшинствомъ. Черезъ годъ слѣдовательно должны мнѣ дать на шею,—но не возьму ни за что; je serai vierge de décorations до первой здѣзды; устрою, чтобы представили въ дѣйствительные... Князь теперь непремѣнно будетъ меня сильно награждать; онъ пойметъ, что *обязанъ* это дѣлать, чтобъ оправдать теперешнее мое назначеніе... Если удастся тамъ что-нибудь реорганизировать; или написать эффектный *проектъ*, еще черезъ годъ — звѣзда... Въ тридцать лѣтъ съ небольшимъ—ce sera beau! Мнѣ скажутъ, что „Питтъ 25-ти лѣтъ отъ роду управлялъ Англіею", да вѣдь то Англія!... Да и наконецъ почему же... Думалъ-ли я, когда пріѣхалъ въ Петербургъ... Тѣмъ временемъ я женюсь... съ *прежнимъ* на днякъ покончу... Если на той, о которой мнѣ говорили, наберется съ моими тысячъ тридцать слишкомъ въ годъ, sans compter les espérances... Домъ поставляю sur un pied sévère... Un sa-

lon sérieux... Хорошенькая жена... le corps diplomatique будетъ ѣздить... Броницина года черезъ три должны сдѣлать сенаторомъ, мѣсто директора будетъ вакантнымъ...

Богъ вѣсть, до чего домечтался бы Владиміръ Ивановичъ Жиздринъ, если бы въ его спальню не вошелъ его слуга, съ сапогами въ рукахъ.

— Что тебѣ нужно? закричалъ ему нетерпѣливо изъ-за ширмъ баринъ, прерванный на самомъ интересномъ мѣстѣ честолюбиваго мечтанія.

— Приказывали раньше будить, такъ я и пришелъ пробужать, отвѣчалъ обиженнымъ голосомъ Демьянъ, или, какъ онъ самъ называлъ себя, Демянъ, суровый и упрямый Хохолъ, бывшій крѣпостной человѣкъ Жиздриныхъ.

— Не знаешь, матушка встала?

— А когда-жь онѣ раненько такъ выбираются съ постели! объяснилъ Демянъ, презрительно поведя плечомъ.

— Поди, узнай!

— А я ужь знаю, *почему* я спрашивалъ Авдотью Ефимовну, а пойду я теперича опять къ нимъ, такъ онѣ мнѣ безъ всякихъ цивилизацій въ глаза плюнутъ, *почему* Авдотья Ефимовна слишкомъ капризная и гримасы любятъ.

— Дуракъ, когда ты выучишься говорить полюдски! крикнулъ на это Владиміръ Ивановичъ. Ступай, принеси мнѣ чаю!

Глубоко уязленный Демянъ (онъ ужасно старался говорить красно по-русски, для чего употреблялъ въ разговорѣ самыя, какія могъ придумать, *мудреныя* слова), опустилъ съ шумомъ сапоги на полъ и выскочилъ изъ горницы, нѣсколько похожій на кота, котораго мальчишки облили водой.

— Прогоню на дняхъ этого болвана вонъ, подумалъ вслѣдъ ему баринъ,—теперь мнѣ даже и не прилично держать у себя эту рожу... Если-бъ можно было достать порядочнаго Нѣмца, вотъ какъ у графа Брынскаго... Пора завести наконецъ у себя une valetaille quelque peu présentable...

Что, въ свою очередь, думалъ въ то же время Демьянъ, не дошло до нашего свѣдѣнія...

Вставъ съ постели, Владиміръ Ивановичъ тщательно совершилъ свои омовенія, надѣлъ туфли и щегольской халатъ

съ бархатными отворотами и кистями, — и перешелъ въ свой кабинетъ. Подойдя къ окну, взглянулъ на градусникъ, потомъ на улицу. По улицѣ тащился ванька на изнуренной кляченкѣ; Охтянка со своими жестянками скользила, спѣша, по тротуару; городовой на углу переминался съ ноги на ногу, хлопая себя руками по плечамъ; дымъ вился изъ трубъ; снѣгъ валилъ хлопьями; изъ воротъ противоположнаго дома прошмыгнула дѣвка, поднявъ платокъ на голову, и тутъ же исчезла въ сосѣдней лавочкѣ:—всѣмъ и давно извѣстныя картины петербургской будничной жизни...

— Отвратительная улица! сказалъ про себя Владиміръ Ивановичъ, выставляя впередъ нижнюю губу въ знакъ глубокаго презрѣнія; — непремѣнно перемѣню квартиру; теперь можно. Должно, прибавилъ онъ, и какая-то строгая важность мгновенно разлилась по его лицу.

Онъ отошелъ отъ окна, взглянулъ на часы. — Къ князю еще рано, сказалъ онъ мысленно и, взявъ съ этажерки большой портфель, вынулъ изъ него бумаги и сѣлъ за письменный столъ.

Давно уже изъ комнатъ матери Жиздрина вынесенъ былъ на старинномъ серебряномъ подносѣ и стылъ въ передней чай Владиміра Ивановича, но Демьянъ не шевелился. Онъ видимо мстилъ барину. Опершись на окно локтями, онъ также глядѣлъ на улицу, но другими глазами, чѣмъ баринъ. Охтенка, будочникъ, проѣзжій, ванька—были ему все лица любезныя, въ которыхъ онъ принималъ видимое участіе; онъ слѣдилъ за ними, улыбался, качалъ головою и бормоталъ себѣ что-то подъ носъ. Увидя дѣвку, путешествующую въ лавочку, онъ даже довольно громко вскрикнулъ: „Чтобъ тебя, толстогубую! пятый разъ, анаѳема, продираетъ къ лавочнику. Чего твоя барыня смотритъ?.. Вотъ я бы тебя пробралъ, такого бы тебѣ перцу задалъ“...

Сильный ударъ колокольчика, почти надъ самымъ его ухомъ, прервалъ справедливое негодованіе Демьяна. Онъ вздрогнулъ.

— Экъ его звонитъ, проклятый! сказалъ онъ, не двигаясь впрочемъ съ мѣста и продолжая глядѣть на улицу.

— И чего она въ лавочкѣ забыла?—спрашивалъ онъ себя, возвращаясь къ „своимъ мыслямъ", какъ говорятъ гадальщицы. Колокольчикъ брякнулъ опять.

— Демьянъ! послышалось изъ кабинета,—гдѣ ты? Не слышишь, звонятъ?

— Валяй, валяй, оборви ручку! бормоталъ Демьянъ, отворяя двери.

Въ переднюю вошелъ довольно высокій и здоровый человѣкъ, въ енотовой шубѣ, съ заиндевѣвшимъ воротникомъ; изъ подъ нахлобученной шляпы выглядывало пухлое лицо и живые, большіе глаза.

— Встамши Владиміръ Ивановичъ? спросилъ онъ, скидывая шубу и шляпу и глядясь, какъ замѣтно было,—не безъ удовольствія, въ зеркало, висѣвшее въ передней.

— Всталъ! отвѣтилъ угрюмо слуга.

Нѣсколько словъ о посѣтителѣ. Мартынъ Ивановичъ Прыжковъ, служившій по одному вѣдомству съ Жиздринымъ, принадлежалъ къ созвѣздію тѣхъ весельчаковъ-чиновниковъ, которыми изрѣдка освѣщается тусклый горизонтъ петербургскихъ канцелярій. Отдѣленіе, въ которомъ онъ сидѣлъ столоначальникомъ по дѣламъ о наградахъ и производствахъ, оглашалось ежедневно, въ продолженіи пятнадцати лѣтъ, громкимъ его смѣхомъ, похожимъ на звукъ валторны, неожиданнымъ, внезапнымъ и порывистымъ смѣхомъ, отъ котораго ежедневно, въ продолженіи пятнадцати лѣтъ, каждый разъ вздрагивалъ начальникъ отдѣленія, зеленоватый и подслѣповатый человѣчекъ, постоянно зябнувшій и вообще походившій на собаченку американской породы. Но общая симпатія къ Мартыну Ивановичу была такъ велика, что бѣдный страдалецъ въ этихъ случаяхъ только ежился, искривлялъ тоскливой улыбкой свои тонкія и дрожащія губы и говорилъ: „Веселая голова Мартынъ Иванычъ,—счастливый организмъ!" И точно: счастливый организмъ былъ Мартынъ Иванычъ!.. Усидчивый, по службѣ смѣтливый, услужливый до крайности, любимый сослуживцами, равно какъ и строгимъ, но справедливымъ начальствомъ, онъ дослужился до пряжки, не вѣдая ни безсонныхъ ночей, ни тоскливыхъ сомнѣній, — „змѣи сокрытой

сей",—ни боли въ поясницѣ, ни сердечныхъ угрызеній, ни флюсовъ, ни калошъ, о которыхъ отзывался съ гордымъ презрѣніемъ, говоря, что онѣ ему столь же невѣдомы, сколько еврейскій языкъ. Эпикуреецъ по призванію и сангвиникъ темпераментомъ, Мартынъ Ивановичъ внѣ службы былъ нѣжнѣйшимъ поклонникомъ красоты, зимою велъ балы въ странахъ, смежныхъ съ Аларчинымъ и Кокушкинымъ мостами, лѣтомъ занимался донъ-жуанствомъ по всему протяженію Карповки и Черной рѣчки.

Владиміръ Ивановичъ, съ первыхъ же дней поступленія своего на службу, почелъ нужнымъ, вслѣдствіе какихъ-то особыхъ соображеній, сдѣлать себѣ закадычнаго пріятеля изъ Прыжкова. Нашему герою удалось это тѣмъ легче, что, кромѣ природной своей услужливости и того, что Жиздринъ пользовался прямою и явною протекціею князя Катырева, главнаго начальника ихъ вѣдомства, Мартынъ Ивановичъ питалъ еще самое чистосердечное, млѣющее благоговѣніе къ свѣтскимъ людямъ. Глаза его прыгали при обмѣнѣ поклономъ съ княземъ на Невскомъ; отъ рукопожатія графа (онъ почему-то предпочиталъ графовъ князьямъ) онъ утопалъ въ сладчайшей патокѣ. Онъ безусловно и съ какой-то умилительной покорностью сознавалъ превосходство этихъ „избранниковъ Провидѣнія", какъ выражался онъ, надъ остальнымъ человѣчествомъ: читалъ лишь одни „великосвѣтскіе" романы и въ кругу товарищей-служакъ любилъ держать еретическія рѣчи, въ родѣ того, что „большой свѣтъ не признаетъ служебныхъ преимуществъ, что тамъ всѣ равны и что отличія, которыя кажутся намъ такъ важными, для свѣта одинъ миѳъ и пустая мечта". „Какъ вы полагаете, напримѣръ", говорилъ онъ, поражая дерзостью софизма противниковъ своихъ, старовѣровъ службы,— „что лестнѣе для образованнаго человѣка: принятымъ быть, напримѣръ, въ домѣ княгини Краснорѣцкой, или въ молодыхъ лѣтахъ получилъ орденъ на шею, а?.." При подобномъ душевномъ расположеніи понятно, что дружескія отношенія съ такимъ „свѣтскимъ козыремъ", какимъ былъ Жиздринъ, Мартынъ Ивановичъ почиталъ для себя нѣкоею благостынею. Бывало, когда въ театрѣ, выходя изъ ложи прелестной графини

Мытищевой, великолѣпныя плечи которой пожиралъ эротическимъ взоромъ Мартынъ Ивановичъ изъ своихъ креселъ, Жиздринъ возвращался на свое мѣсто и, проходя мимо него, жалъ ему руку, Мартынъ Ивановичъ испытывалъ ощущеніе, похожее на то, какъ вотъ бы взяли человѣка и неожиданно опустили въ тепленькое и благовонное масло: сначала какое-то внезапное замираніе охватывало его, а потомъ нѣга, рай, рай невыразимый! Ему въ эти минуты чудилось, что черезъ посредство Жиздрина онъ самъ какъ бы уже вошелъ въ этотъ заколдованный кругъ, гдѣ каждый день, и близко, можно видѣть эти великолѣпныя плечи, что между нимъ и недоступной графиней произошло, все чрезъ того же Жиздрина, какое-то таинственное общеніе, и что онъ Мартынъ Ивановичъ, только не хочетъ, а стоитъ лишь ему захотѣть, — и онъ самъ, собственной своей особой, отправится вотъ сейчасъ на мѣсто Жиздрина, сидѣть за этими плечами, упиваться этимъ аристократическимъ дыханіемъ, которое, по его мнѣнію, должно было быть непремѣнно чѣмъ-то въ родѣ bouquet de l'Impératrice, любимыхъ духовъ Мартына Ивановича. За то же и стоялъ онъ за Жиздрина, и готовъ былъ вцѣпиться въ глаза лучшему другу, если-бъ тотъ осмѣлился изъявить малѣйшее сомнѣніе въ государственныхъ способностяхъ и европейскомъ образованіи свѣтскаго его пріятеля. Надо сказать, что съ своей стороны, до самой той минуты, когда начинается нашъ разсказъ, Владиміръ Ивановичъ, хотя повидимому не имѣлъ особенной нужды въ Прыжковѣ, обходился съ нимъ, какъ съ совершенно себѣ равнымъ, и называлъ его не иначе, какъ „милѣйшій“, или „любезнѣйшій“ Мартынъ Ивановичъ.

Прыжковъ отворилъ дверь кабинета.

— А, почтеннѣйшій, добро пожаловать! воскликнулъ хозяинъ, оборачиваясь въ креслѣ и протягивая руку гостю: — вотъ не думалъ, не гадалъ... Тѣмъ лучше; садитесь, пожалуйте... Что, на дворѣ скверно?

— Такъ и сыпетъ, что твоя смоленская крупа, отвѣчалъ Мартынъ Ивановичъ и громко разсмѣялся. — Я, признаться, думалъ застать васъ еще въ объятіяхъ соннаго божества. А вы, смотрите, какимъ молодцомъ,—уже за дѣломъ!

— Я всегда рано встаю, сказалъ съ серьезнымъ видомъ Жиздринъ:—утро лучшее время для занятій, — aurora musis amica,—вы помните латинскую пословицу...

— Какъ же, какъ же! помню!.. aurora musam... ха, ха, ха! Да, да, я самъ во время оно зналъ не мало ихъ, пословицъ-то этихъ... были славныя, помню... какъ бишь это: per risum multum... А вотъ это хорошо: tolle me, mu, mi, mis, si declinare domus vis... Господи, старина-то, старина, преданія старины глубокой!..

И Мартынъ Ивановичъ такъ расхохотался при этомъ, что даже закашлялся и замахалъ руками.

— Чѣмъ вы это занимаетесь, Владиміръ Ивановичъ? спросилъ онъ, прійдя въ нормальное положеніе и глядя на Жиздрина глазами, которые такъ и говорили: а вотъ, погоди, я имѣю сообщить тебѣ кой-какія новости, за которыя ты мнѣ скажешь спасибо. Владиміръ Ивановичъ чуть-чуть только улыбнулся на это. Со входомъ Прыжкова въ комнату онъ догадался о причинѣ его посѣщенія, но лицо его оставалось спокойнымъ.

— Да вотъ, надо окончить подробный отчетъ по моему слѣдствію, отвѣчалъ онъ.

— А! по просьбѣ этихъ подрядчиковъ, да, да, знаю. Да развѣ вы не видались съ княземъ съ вашего пріѣзда?

— Видѣлся и объяснялся лично; теперь надо представить по формѣ.

— Ну что, они правы?

— Вздоръ: отъ жира бѣсятся люди.

— Вотъ какъ! А я думалъ, что ужь если этотъ народъ рѣшается жаловаться...

— Конечно, со стороны мѣстнаго управленія были придирки, которыя я и вывелъ, и отъ князя будетъ нахлобучка, кому слѣдуетъ; онъ ужь мнѣ говорилъ; но въ принципѣ,—и при этомъ Жиздринъ откинулъ голову назадъ и взглянулъ выразительно и почти строго на Прыжкова,—въ принципѣ этимъ кляузамъ нельзя давать повадки; это бы значило перевернуть вверхъ дномъ всю администрацію. Для разбора такого дѣла есть предлежащія мѣста и власти,—а это съ чѣмъ же согла-

симо, если со всѣхъ концовъ Имперіи будутъ приходить сюда съ жалобами, въ ногахъ валяться. То-то и вся бѣда наша, что у насъ въ Россіи вы нигдѣ не найдете чувства легальности, уваженія къ закону... Посмотрите въ Англіи, что̀ одинъ констебль со своей палочкой значитъ...

— Конечно, конечно, сказалъ Прыжковъ, котораго рѣчь Жиздрина привела даже въ нѣкоторое умиленіе.—Эхъ, право, Владиміръ Ивановичъ, промолвилъ онъ, касаясь слегка рукой до его колѣнки и не замѣчая, что эта фамильярность повидимому не понравилась Жиздрину,—какъ посмотрю на васъ, право, въ сорочкѣ родились вы.

— Отчего же вы такъ полагаете? холодно спросилъ тотъ.

— А то нѣтъ? Родились аристократомъ, умны, образованы, въ женщинахъ счастливы...

— А вамъ это первое дѣло, замѣтилъ, неловко улыбнувшись, Владиміръ Ивановичъ.

— Помилуйте, еще бы женщинъ не любить! Вѣдь это, Владиміръ Ивановичъ, такъ сказать, одно утѣшенье въ юдоли сей;—вы, можетъ быть, не любите, ни! прибавилъ Прыжковъ съ громкимъ смѣхомъ и уже заносилъ руку, чтобъ снова коснуться колѣна Жиздрина, но на этотъ разъ Владиміръ Ивановичъ весьма ловко откатилъ свое кресло назадъ, и рука веселаго чиновника прогулялась по пустому пространству.

— Владиміръ Ивановичъ, воскликнулъ онъ вдругъ, перемѣняя тонъ:—вѣдь я къ вамъ съ доброю вѣстью... Магарыча дадите?

— За что̀?

— За что̀!—Вы назначены!

— Куда? спросилъ Жиздринъ съ видомъ изумленія, будто рѣшительно не понималъ, о чемъ идетъ рѣчь.

— Не догадываетесь? А помните, мы съ вами встрѣтились подъ аркой, и я сообщилъ вамъ, что Косицкій на ладанъ дышетъ; вотъ, говорю, вамъ, Владиміръ Ивановичъ, мѣсто—проситесь..!

— Ну?

— Назначены; сегодня же формальную бумагу получите.

— Неужели? сказалъ нашъ герой, будто все еще недоумѣвая;—вотъ ужь, подлинно, неожиданно!

— Признаюсь, самъ я не думалъ. Я очень хорошо зналъ, какъ расположенъ къ вамъ князь, но все же, согласитесь, въ такихъ молодыхъ лѣтахъ... Вѣдь какіе, батюшка, конкурренты-то у васъ были! Хоть бы Огородниковъ, напримѣръ: тузъ, можно сказать, давно дѣйствительный, ко звѣздѣ представленъ и человѣкъ опытный. Просился и онъ. Приходилъ ко мнѣ. „Сдѣлайте милость, говоритъ, Матвѣй Ивановичъ любезнѣйшій, нельзя-ли поразвѣдать, имѣетъ-ли кого нибудь въ виду князь на мѣсто Косицкаго“. Смѣхота, скажу вамъ, вѣдь онъ скупердяй страшный: позвалъ меня съ собою къ Дюссо обѣдать.

— Вотъ какъ!

— Разумѣется, я не пошелъ; провались онъ со своими обѣдами! Надулъ же я только его. Признаюсь, вы все у меня въ мысляхъ-то были;—думаю, начнетъ онъ тамъ по заднимъ крылечкамъ похаживать, дѣла можетъ не сдѣлаетъ, а пожалуй и напакоститъ намъ. Вотъ, знаете, я и принялъ это таинственный видъ и говорю ему: знаете, говорю, слышалъ я стороной, что нашъ директоръ, Иліодоръ Николаевичъ, прочитъ на это мѣсто шурина своего Арташевича, Антона Ивановича. Какъ услыхалъ то мой Огородниковъ, такъ и носъ повѣсилъ: „Ну, говоритъ, князь Иліодору Николаевичу не откажетъ; нечего дѣлать, прощайте, говоритъ, Мартынъ Ивановичъ“, и вздохнулъ даже. Умора, просто! Я ему чуть въ носъ не фыркнулъ.

— Неужели Иліодоръ Николаевичъ въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ помѣстить сюда своего шурина? спросилъ Жиздринъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ. Вѣдь онъ же изъ другаго вѣдомства?

— Говорили такъ, говорили, а навѣрное кто-жь его знаетъ? Нашъ-то, конечно, не станетъ никому повѣрять своихъ плановъ. Можетъ быть, у нихъ съ княземъ былъ какой-нибудь разговоръ, да вѣдь это же дѣло темное, семейное...

— Какъ же вы узнали о моемъ назначеніи?

— Да такъ, неожиданно, будто громомъ въ колокольню

хватило: сегодня рано, часу въ девятомъ, посылаетъ онъ за мною. Прихожу къ нему внизъ, онъ еще въ халатѣ, чай пьетъ. Надо заготовить, говоритъ, бумагу къ Жиздрину: онъ назначается на мѣсто Косицкаго.

— И не замѣтили вы, что, какъ онъ?

— У! Андрей Степанычемъ глядитъ!

— Какимъ Андрей Степанычемъ? спросилъ съ удивленіемъ хозяинъ.

— Букою, букою, то-есть, отвѣчалъ расхохотавшись веселый столоначальникъ; это у насъ въ канцеляріи острятъ...

— Да, какъ же вы думаете, не доволенъ онъ?

— Ужь не безъ того, конечно. Хотя, положимъ, онъ о шуринѣ своемъ и не думаетъ, да все-таки назначены-то вы помимо его; ну, а сами знаете, человѣкъ самолюбивый, съ гоноромъ...

— Не намекалъ онъ вамъ чего-нибудь?

— И, что вы! ни гугу... Даже поторопилъ исполненіемъ. Бумаги, говоритъ,—только, знаете, такъ отрывисто, будто рѣжетъ,—бумаги отправить надо къ князю до 12 часовъ; поторопитесь прислать мнѣ скрѣпить.

— И не знаете, когда все это сдѣлалось?

— Должно быть, сегодня же; на столѣ у него лежала записка, почеркъ князя,—я сейчасъ узналъ. Должно быть, только что получилъ.

— Да, князь рано встаетъ, замѣтилъ Жиздринъ съ легкою улыбкой.

— Ну, что же, Владиміръ Ивановичъ, началъ опять гость послѣ нѣкотораго молчанія,—не моя правда? и не признаете вы себя счастливчикомъ? Девятый годъ на службѣ и этакое мѣсто! Сами начальникъ, канцелярія своя. Ну, и содержаніе отличное,—до пяти тысячъ всего наберется.

— Да, я очень радъ, сказалъ Владиміръ Ивановичъ,—и постараюсь, по мѣрѣ силъ и способностей, оправдать довѣріе князя.

— Конечно, вамъ съ перваго раза можетъ и трудненько покажется, дѣло новое, непривычное, да у васъ тамъ будутъ хорошіе помощники, старые дѣльцы...

— Я на помощниковъ не разсчитываю, перебилъ хозяинъ съ необыкновеннымъ чувствомъ достоинства:—надѣюсь самому справиться.

— Конечно, конечно, возразилъ на все согласный столоначальникъ,—не боги горшки лѣпили, а ума-то вамъ не занимать стать... А признайтесь, удивилъ я васъ, не ожидали?

— Никакъ, и много вамъ благодаренъ, любезный Прыжковъ, за то, что потрудились пріѣхать сами.

— Помилуйте, Владиміръ Ивановичъ, вы намъ теперь отецъ и командиръ... И при этомъ Мартынъ Ивановичъ шаркнулъ ножкой и опять разсмѣялся. — А что вы думаете, спросилъ онъ полусерьезно, полушуткой, не проситься-ли мнѣ теперь къ вамъ подъ начало? Подъ вашимъ крылышкомъ авось либо и мы въ люди вышли бы!

— Вамъ и на вашемъ мѣстѣ хорошо: поглядите, какъ всѣ вамъ кланяются, отвѣчалъ, улыбаясь любезно, Владиміръ Ивановичъ, но такимъ тономъ, который не подалъ бы большой надежды бѣдному Прыжкову, въ случаѣ, если бы онъ въ самомъ дѣлѣ думалъ просить мѣсто у „счастливчика"-пріятеля.

— Не жалуюсь, сказалъ онъ смиренно,—пока мѣсто мое годится; да, признаюсь, иногда беретъ меня раздумье: впередъ-то ничего не видать.

— Э, батюшка, повѣрьте, рано-ли, поздно-ли, всѣ въ сенатѣ сойдемся. Терпѣніе и усердіе,—вотъ главное. Помните великое изреченіе: усердіе все превозмогаетъ.

— Такъ-то такъ, тихо проговорилъ невѣсть отчего вдругъ сконфузившійся Прыжковъ;—однако, прощайте, Владиміръ Ивановичъ, мнѣ пора, у меня-то тамъ дѣла гибель; отлучился всего на четверть часа, извѣстить васъ хотѣлъ... До пріятнаго свиданія!

— Прощайте, любезный Прыжковъ, еще благодарю васъ, сказалъ Жиздринъ, подавая ему руку, но не подымаясь съ креселъ.

„Ловкій человѣкъ, Владиміръ Ивановичъ, очень ловкій, далеко пойдетъ, разсуждалъ Мартынъ Ивановичъ, спускаясь съ лѣстницы,—а имя и отчество мое забылъ, должно быть; все Прыжковымъ называлъ... Э, да что, сказалъ веселый столона-

чальникъ послѣ минутнаго размышленія,—для этихъ господъ законъ не писанъ... Ей! извощикъ!"

Мимо тротуара въ саняхъ проѣхала какая-то барыня въ собольей шапочкѣ.

— Четвертакъ тебѣ, воскликнулъ онъ, садясь на извощика,— догоняй вотъ эти сани, да живо!..

II.

Владиміръ Ивановичъ, оставшись одинъ, только-что принялся за работу, какъ Демьянъ внесъ совершенно остывшій чай и доложилъ, что Прасковья Николаевна просятъ ихъ на свою половину.

Жиздринъ положилъ перо и отправился къ матери.

Прасковья Николаевна, еще не очень старая и весьма молодившаяся барыня, нѣсколько тучная и съ весьма пухлыми и бѣлыми руками, которыми она очень щеголяла, сидѣла въ своей спальнѣ на диванѣ, въ бѣломъ пеньюарѣ и утреннемъ чепчикѣ съ длинными лентами, и кушала чай.

— Хорошъ былъ балъ? было ея первымъ словомъ, когда вошелъ въ комнату сынъ.

— Новость лучше, отвѣчалъ онъ, садясь за столъ противъ матери,—я получилъ мѣсто. Дайте мнѣ чаю, пожалуйста, мой болванъ принесъ мнѣ совершенно холодный.

— Получилъ мѣсто! воскликнула Прасковья Николаевна,— и это вѣрно, вѣрно?

— Графиня Fanny сказала мнѣ первая вчера на балѣ, а вотъ только-что былъ у меня одинъ нашъ чиновникъ,—бумаги пишутъ...

— Ахъ, Господи, какое счастье, какое счастье! Да поцѣлуй меня, другъ мой, на радостяхъ.

Владиміръ Ивановичъ поднялся съ креселъ и подошелъ къ матери. Она его поцѣловала въ щеку; онъ слегка коснулся губами ея руки.

— Ахъ, какъ я рада, какъ я рада, повторяла она; — жалованье тамъ хорошее, ты мнѣ говорилъ...

— Да, тысячъ до пяти всего наберется.

— Прежде на ассигнаціи это составляло бы двадцать тысячъ, вздохнула почтенная дама,—mais à l'heure qu'il est...

— Будемъ и этимъ довольны, maman, строго возразилъ на это сынъ.

— Certainement, mon cher, поспѣшила сказать она, — я только такъ говорю... Это все-таки чудесно, pour commencer... Надо будетъ прежде всего перемѣнить намъ квартиру, Voldemar!

— Успѣемъ, сказалъ онъ съ нетерпѣливымъ движеніемъ плеча, хотя за часъ передъ этимъ самъ помышлялъ о томъ же.

— Въ Сергіевской если-бъ можно было, вкрадчиво замѣтила Прасковья Николаевна и умильно взглянула на сына;— здѣсь точно въ глуши какой-то... А какъ я благодарна à la cousine Fanny, какъ она это все скоро обдѣлала.

— Не даромъ же я ей все проигрываю и на скучные вечера ѣзжу, сказалъ Жиздринъ, который, какъ человѣкъ положительный, имѣлъ мало иллюзій и не расточалъ легкомысленно чувства благодарности.

— А я-то, мой другъ, какъ ей надоѣдала, сказала, смѣясь, Прасковья Николаевна; — какъ встрѣтимся только, я каждый разъ ей говорю: „Cousine, когда же вы устроите Вольдемара?“

— Ну, признаться, это не очень было тонко, замѣтилъ небрежно сынъ, обмакивая сухарь въ чашкѣ.

— Тонко или не тонко, а не надоѣдай я ей, она бы и забыла, пожалуй. А ей стоило только научить дядю, графа Василія Ѳедоровича,—оно, вотъ видишь, и устроилось.

Жиздринъ покачалъ головой.

— Какъ вы отстали, maman, сказалъ онъ;—графъ Василій давно ничего не можетъ; это свѣтило давно угасло... А притомъ онъ даже когда и въ силѣ былъ,—имѣлъ дурную привычку просить за встрѣчнаго и поперечнаго: — его рекомендація всегда мало уважалась.

— Какъ? воскликнула изумленная Прасковья Николаевна,—какъ же ты мѣсто получилъ?

— Да, воскликнулъ онъ, — князь всегда былъ обо мнѣ очень хорошаго мнѣнія.

— Однако ты мнѣ говорилъ, что онъ тебѣ отказалъ, когда ты заговорилъ о мѣстѣ...

— Отказалъ!... Онъ собственно не отказывалъ, а находилъ только, что такое быстрое повышеніе мое можетъ показаться обиднымъ для людей, которые старше меня по службѣ.

— Ну да, ну да; тогда мы обратились къ Фанни... Чрезъ кого же она дѣйствовала?

— Чрезъ свою amie intime, маркизу Тривульчи, отвѣчалъ сквозь зубы Владиміръ Ивановичъ: — старикъ совершенно въ ея рукахъ...

— Давно-ли? вскрикнула Прасковья Николаевна и расхохоталась, прибавивъ:—pauvre vieux, уходитъ его эта италіанка?

— Помилуйте, съ самаго лѣта жили на островахъ рядомъ. Это всѣмъ извѣстно! замѣтилъ Жиздринъ, какъ бы удивляясь, какъ могла не знать этого мать.

— Но скажи мнѣ, Владиміръ, ты вѣдь, кажется, къ ней не ѣздишь?..

— Ахъ, maman, возразилъ онъ, пожимая плечами,—я рѣшительно убѣждаюсь, что въ васъ недостаетъ соображенія. Ну, сами посудите, къ чему бы я къ ней ѣздилъ? Во-первыхъ, старикъ, чего добраго, и приревновалъ бы меня къ ней, а потомъ всѣ бы говорили, что я интригами черезъ Тривульчи получилъ мѣсто... Помилуйте, я дорожу своей репутаціей.

— Правда, правда, свѣтъ такъ золъ, а тутъ черезъ Fanny въ сторонѣ... Ты уменъ, Вольдемаръ, заключила разнѣженная мать и влажными глазами взглянула на сына.

— Поцѣлуй меня, мой другъ, сказала она.

Но сынъ будто не разслышалъ. Онъ закинулъ голову на спинку кресла и, запахивая полы своего халата:

— Умному человѣку не вездѣ удача, заговорилъ онъ: — что вы меня не спросите о пріятельницѣ вашей, m-me Vautiau?

— А что? Развѣ съ ней случилось что-нибудь? спросила Прасковья Николаевна съ любопытствомъ.

— А то, что Сугорская выгнала ее изъ дому.

— Можетъ-ли быть? Что же у нихъ вышло?

— Дура она, француженка вѣтреная, чуть меня совсѣмъ не скомпрометтировала... А вы во всемъ виноваты, maman; вы, право, иногда дѣйствуете какъ малый ребенокъ.

— Что ты, Вольдемаръ, что ты? воскликнула встревоженная Прасковья Николаевна, всплеснувъ своими пухлыми руками,—я-то здѣсь чѣмъ виновата?

— Скажите, такъ-ли надо было дѣйствовать? Вздумалось вамъ женить меня на Катенькѣ Сугорской, такъ вы бы и вели дѣло съ тактомъ, осторожно, исподоволь... А вы что? воспользовались моимъ отсутствіемъ—при мнѣ этого бы не случилось,—и наплели Богъ знаетъ что этой француженкѣ про мою soi disant любовь, а та и пошла, дай только волю, наговорила съ три короба, дѣвочку съ толку сбила, дѣвочка краснѣетъ при одномъ моемъ имени... Понятно, дѣвочкѣ 17 лѣтъ, въ свѣтѣ не была еще! Ну, а нашлись добрые люди, — шепнули матери;—та гувернантку со двора вонъ,—и хорошо сдѣлала! Хорошо еще, что Vautiau насъ не выдала. Сугорская допрашивала ее.

— Ахъ, Боже мой! воскликнула жалобно Прасковья Николаевна,—а она что?

— Говоритъ, клялась, что у ней никогда ни съ вами, ни со мною не было рѣчи о M-lle Сугорской, а что хвалила она меня по убѣжденію, безъ всякой цѣли, зная меня съ дѣтства.

— Гдѣ ты видѣлъ Vautiau?

— У ней на квартирѣ. Она писала мнѣ; она переѣхала въ chambres garnies.

— Несчастная! что съ ней будетъ?

— Она мнѣ сказала, что Наденька Полорѣцкая обѣщала ей мѣсто на дняхъ, у кого-то въ Москвѣ.

— Наденька! вскрикнула Прасковья Николаевна, какъ бы пораженная внезапнымъ открытіемъ:—мой другъ, сказала она, во всей этой исторіи безъ Наденьки не обошлось.

— Можетъ быть, сказалъ спокойно Владиміръ Ивановичъ. Мать взглянула вопросительно на сына, какъ бы ожидая, что онъ прибавитъ еще что-нибудь.

— Но однако не все еще потеряно? спросила она, не дождавшись ничего иного.

— Совершенно потеряно, рѣзко сказалъ Жиздринъ:—Сугорская сказала между прочимъ Vautiau, что она напрасно трудилась, что Катеньку никогда бы не выдали за меня.

— Ахъ она дрянь! воскликнула, вся вспыхнувъ, Прасковья Николаевна; прошу покорно! что же, ты не партія для ея дочери? Да кого же ей надобно,—нѣмецкаго принца, что-ли?

— А вы что думали? замѣтилъ холодно и иронически г-нъ Жиздринъ;—вы воображали, можетъ быть, что она вотъ съ перваго раза такъ и бросится мнѣ на шею и поблагодаритъ за честь? Въ такомъ случаѣ что же вы не обратились прямо къ ней,—она же вамъ и родней приходится,—а подучали гувернантку влюблять въ меня дочь?

Прасковья Николаевна, нѣсколько сбитая съ толку силою этого аргумента, промолчала и опустила очи. Поднявъ ихъ опять, она взглянула на сына: онъ равнодушно игралъ кистями своего халата съ отворотами.

— Я все же не пойму, сказала она,—изъ чего она такъ чуфырится. Слава Богу, Жиздрины не послѣдняя фамилія въ Россіи, получше, кажется, Сугорскихъ... Богъ ихъ еще знаетъ, откуда они... А что она княжна Ижемская de son nom de fille, такъ вѣдь она меня этимъ не удивитъ. Дѣдъ мой, князь Карголомскій, генералъ-аншефъ былъ!

— Да вѣдь этого никто не помнитъ, maman, отвѣчалъ Владиміръ Ивановичъ, продолжая играть своими кистями,—разрядныя книги давно сожгли. Положительно во всемъ этомъ то, что Ижемскіе нажили, а Сугорскіе сохранили свое состояніе; Карголомскіе же, сколько ихъ ни на есть, всѣ промотались.

Въ этихъ словахъ заключался вѣроятно горькій и невеликодушный упрекъ: они видимо задѣли мать Жиздрина прямо за сердце. Слезы выступили на ея глазахъ и ея розовыя ногти внезапно побѣлѣли.

— Прошлаго не воротишь, Вольдемаръ, проговорила она, тихо утирая слезы батистовымъ платкомъ;—не мало, кажется, проплакала я отъ своей глупости... Что же дѣлать?.. Молоды мы были съ отцомъ твоимъ... онъ не то, чтобы меня удержать... въ гусарахъ самъ служилъ, игралъ... За то, съ жи-

востью промолвила она,—оставшись вдовою, я всю себя посвятила на твое воспитаніе, старалась, чтобъ ты былъ un homme distingué... Все можетъ назадъ притти, ты сдѣлаешь карьеру... Прости меня, не сердись, мой другъ...

— Съ чего вы взяли, что я сержусь, maman? возразилъ сынъ съ нѣкоторою досадой;—я говорю вамъ для того, чтобъ вы на будущее время были осторожнѣе. Въ свѣтѣ нужно прежде всего savoir faire, а, не въ обиду вамъ сказать, вамъ часто этого недостаетъ. Сдѣлайте одолженіе, съ Сугорскими будьте любезны попрежнему, какъ бы ни въ чемъ не бывало. Дѣло испорчено, и его не поправишь. Спасибо и за то, что сухи изъ воды вышли, если только Vautiau не лжетъ. Хуже не напортите!

— Жаль мнѣ, что эта дѣвочка не будетъ твоей женою, Вольдемаръ, говорила въ раздумьи Прасковья Николаевна,— она такая кроткая, не избалована... мать вѣдь ее не очень любитъ... Я была бы счастлива назвать ее своею дочерью.

— Всѣ они миды до замужства, отвѣчалъ зѣвнувъ Вольдемаръ. — А вотъ еще, сказалъ онъ: — и свѣдѣнія ваши не вѣрны. Катенька имѣнія не получаетъ въ приданое; отецъ даетъ десять тысячъ въ годъ; всѣ его капиталы въ дѣлахъ, и до смерти дочь у него будетъ на пенсіи.

— Какъ же такъ? Мнѣ говорила сама Сугорская...

— Много она смыслитъ!.. А я встрѣтился на дорогѣ съ товарищемъ Сугорскаго по банку, Мурзинымъ; онъ мнѣ говорилъ,—онъ всѣ ихъ дѣла въ подробности знаетъ.

— Десять тысячъ! Только! Да Богъ съ ними! воскликнула въ благородномъ негодованіи Прасковья Николаевна, у которой это извѣстіе, видимо, отбило совершенно охоту назвать дѣвицу Сугорскую своею дочерью.

— Конечно, не много, при моемъ положеніи, сказалъ Владиміръ Ивановичъ и задумался.—У меня лучше въ виду, промолвилъ онъ вполголоса, какъ бы про себя.

— Кто такое, кто? съ любопытствомъ спросила мать; скажи, Вольдемаръ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, подымаясь съ креселъ,—вы знаете,

я не люблю тратить словъ попустому. Это еще такъ, одно предположенье... Надо будетъ разузнать... Скажу современемъ.

— Скажи теперь, скажи! настаивала Прасковья Николаевна.

Но сынъ не слушалъ. Онъ исчезалъ уже за дверью комнаты.

— Вольдемаръ, а Вольдемаръ! вдругъ закричала она ему вслѣдъ:—можешь-ли ты мнѣ дать семьдесятъ рублей... серебромъ, прибавила она тономъ ниже.

— На что вамъ? спросилъ сынъ недовольнымъ голосомъ, показавшись опять въ дверяхъ.

— Мой другъ, сказала она робко и потупившись, — отъ m-me Jzombard приходили...

— Помилуйте, maman, давно-ли заплачено ей по счету триста рублей?

— Мой другъ, не виновата же я, что она мнѣ счеты подаетъ! возразила наивно Прасковья Николаевна.

Сынъ не могъ не улыбнуться:

— Нельзя-ли поменьше тратить на туалетъ?

— Такъ мнѣ прикажешь салопницей ходить! воскликнула она обиженнымъ тономъ.

— Однако, сказалъ онъ, раздосадованный въ свою очередь, — когда не откуда взять, поневолѣ приходится поудержаться.

— Что же, Владиміръ, сказала она дрожащимъ отъ волненія голосомъ, — ты этого не можешь сдѣлать для матери? Такая бездѣлица, какъ какіе нибудь семьдесятъ рублей разорятъ тебя?

— Бездѣлица! Вотъ этими-то бездѣлицами ухлопали вы съ папашей моимъ три тысячи бывшихъ душъ!

И, запахнувъ съ сердцемъ отвернувшуюся полу своего халата, Владиміръ Ивановичъ ушелъ къ себѣ.

По уходѣ сына, Прасковья Николаевна принялась плакать. Чрезъ нѣсколько минутъ вошелъ Демьянъ и принесъ отъ Владиміра Ивановича деньги,—пятьдесятъ цѣлковыхъ,—завернутыя въ бумагѣ. Она взяла ихъ, тяжко вздохнувъ, и спросила, что дѣлаетъ сынъ. Демьянъ отвѣчалъ, что они одѣваются и

приказали карету закладывать. Прасковья Николаевна поглядѣла на Демьяна, будто хотѣла о чемъ-то спросить его, но ничего не спросила и сказала только:

— Хорошо, ступай!

Затѣмъ она утерла не обсохшія еще слезы и позвала свою горничную:

— Дунюшка, сколько надо M-me Jzombard?

— Да онѣ-съ онамедни счетъ приносили-съ, такъ по немъ приходится двѣсти, не то двѣсти двадцать рублевъ, не запомню, да вотъ въ счетѣ посмотрѣть можно...

— Не нужно, не нужно, а вотъ что, Дунюшка: Володя беретъ карету, такъ я не успѣю къ ней заѣхать, а ты ступай, промолвила Прасковья Николаевна съ новымъ глубокимъ вздохомъ,—отнеси ей вотъ эти деньги, чтобъ она взяла въ счетъ тѣхъ, и скажи ей, чтобъ она мнѣ приготовила къ послѣ-завтра, слышишь, непремѣнно къ послѣ-завтра, чепчикъ изъ bruxelles, точно такой же, какъ я видѣла у нея вчера для французской актрисы M-lle Fabien,—будешь помнить, Fabien?..

— Фабва, слушаюсь.

— Да. Я послѣ-завтра у баронессы Бернгеймъ обѣдаю.

— Надежда Петровна Полорѣцкая, доложилъ вошедшій Демьянъ.

— Проси, проси!..

III.

Владиміръ Ивановичъ, въ вицмундирѣ и съ шляпой въ рукѣ, только-что собирался уѣхать, какъ въ запертую на ключъ дверь его кабинета, за которымъ находилась гостиная его матери, послышался легкій стукъ.

— Кто тамъ? спросилъ онъ.

— Я, заговорилъ торопливый женскій голосъ,—если вамъ можно, пустите меня на минуту.

— Это вы, Nadine! Pardon, я сейчасъ ѣду, отвѣчалъ нашъ герой, хмуря брови и съ видимымъ неудовольствіемъ направляясь къ двери.

— Мнѣ вамъ только два слова сказать.

Дверь отворилась и, съ легкимъ шелестомъ шелковаго платья, скользнула въ комнату женщина, еще молодая, высокая и тонкая, въ бархатной, расшитой стеклярусомъ мантильѣ и темносиней шляпкѣ, изъ-подъ которой вились роскошные волосы пепельнаго цвѣта. На первый взглядъ едва-ли можно бы было назвать ее красивою. Лицо ея напоминало выцвѣтшій пастелевый портретъ, въ которомъ глазъ съ трудомъ отыскиваетъ исчезающія очертанія. Тонкія его линіи сливались въ какой-то общій, смутный, изжелта-блѣдный абрисъ; губы были безцвѣтны, прекраснаго очерка голубые глаза подъ свѣтлыми бровями словно потухли. А между тѣмъ на балѣ эта блѣдная, усталая женщина была обворожительна. То была кровная петербургская красавица, умирающая на солнцѣ и разцвѣтающая при блескѣ огней, въ тепличномъ воздухѣ свѣтскихъ вечеровъ. Кто бы узналъ ее тамъ! Глаза ея сіяли тихимъ, но свѣтлымъ пламенемъ, губы горѣли, румянецъ игралъ подъ тонкою кожей. Молодежь роилась вокругъ нея, не смотря на то, что она уже лѣтъ десять состояла на положеніи Бальзаковской femme de trente ans. Молодежь была права: стройная, гибкая, вся потонувшая въ цвѣтахъ и кружевѣ, со своими густыми пепельными волосами, въ дымкѣ и кружевахъ, она напоминала идеальные женскіе образы романовъ Вальтеръ-Скотта. Недаромъ общимъ голосомъ названа она была Брендою, когда въ первый разъ появилась въ свѣтъ, юная и застѣнчивая,

„Съ раздумьемъ тайнымъ на челѣ..."

— Ты уѣзжаешь? спросила она, быстро окинувъ взглядомъ комнату и убѣдившись, что они одни. — Bonjour, промолвила она, вынимая изъ муфты длинную, почти прозрачную ручку, съ множествомъ блестящихъ колецъ на безымянномъ пальцѣ и подымая ее на высоту губъ Владиміра Ивановича.

— По какому случаю такъ рано? сказалъ онъ, улыбаясь слегка и цѣлуя эту красивую руку.

— Я не сплю третью ночь; съ зарею я на ногахъ... право, это не весело. Я заѣхала увезти твою мать, она одѣвается, nous allons rouler, а потомъ она у меня обѣдаетъ. Ты пріѣдешь?

— Мнѣ сегодня нельзя, сказалъ онъ, я отозванъ.

— Къ кому? Къ Сугорскимъ?

И она пристально взглянула ему въ лицо.

— Нѣтъ, не къ Сугорскимъ. Отчего же непремѣнно къ Сугорскимъ?

— Такъ... я думала... Да, — и черты ея старались принять самое равнодушное выраженіе,—объясните мнѣ, прошу васъ, матушка ваша дѣлала мнѣ сейчасъ какіе-то намеки... Я не совсѣмъ поняла...

— Какіе намеки? спросилъ еще болѣе спокойно Владиміръ Ивановичъ, угадавшій съ первыхъ словъ своей собесѣдницы, что Прасковья Николаевна опять наболтала какого-нибудь вздора.

— Она мнѣ сейчасъ давала понимать, будто я виновата въ томъ, что Сугорскіе отослали m-me Vautiau.

— Матушка вамъ говорила это?

— Я такъ поняла изъ ея словъ.

— Странно, тѣмъ болѣе странно, что матушка не видала ея съ той поры, сказалъ громко Владиміръ Ивановичъ. „Поди“, думалъ онъ въ то же время, „поправляй теперь ребяческія глупости моей почтенной матушки; когда же я ото всего этого избавлюсь?“

— Почему же она знаетъ?

— Что знаетъ?

— Про исторію m-me Vautiau, mon Dieu! проговорила она нетерпѣливо.

Владиміръ Ивановичъ чувствовалъ приближеніе грозы; онъ собрался встрѣтить ее неуклонно и смѣло.

— Я ей сказалъ какъ-то, отвѣчалъ онъ небрежно.

— А, вы сказали! Monsieur daigne s'interesser à m-me Vautiau?

— Вы развѣ забыли, сказалъ онъ любезно, — сколько у нея права на мое участіе? во-первыхъ, она была у насъ въ домѣ, а потомъ, главное, не ей-ли я обязанъ знакомствомъ съ вами?.. Надѣюсь, промолвилъ онъ, смѣясь и взявъ ее за руку,—что вы не ревнуете...

Она отдернула руку.

— Что же вы еще говорили матушкѣ? Что значатъ ея слова?

— Рѣшительно не понимаю, сказалъ онъ... Или скорѣе вы не такъ поняли. Пойдемте къ ней, спросимъ...

— Не нужно, быстро возразила она:—къ чему? Будто я не знаю, что вы заставите ее сказать все, что захотите!

— Такъ чего же ты хочешь, Nadine? началъ было онъ ласково:—что это, инквизиція?

— Прошу отвѣчать мнѣ прямо, сказала Nadine голосомъ, въ которомъ все болѣе и болѣе слышалось волненіе: — вы знаете, отчего отослали m-me Vautiau?

Вопросъ былъ такъ поставленъ, что скрыть истину было довольно затруднительно. Жиздринъ впрочемъ и не намѣренъ былъ прямо скрывать ее.

— Знаю, отвѣчалъ онъ съ неподражаемо-искусной улыбкой, въ которой его собесѣдница могла прочесть развѣ какое-то беззаботное чувство сожалѣнія къ участи неосторожной гувернантки, потерпѣвшей изгнаніе по собственной винѣ.

Но госпожу Полорѣцкую также было не всегда легко провести.

— А, воскликнула она,—вы ее видѣли, elle vous a dit le fait, а вы въ свою очередь сказали вашей матушкѣ, что, вѣроятно, сдѣлала все это я, чтобъ помѣшать вамъ жениться на Катенькѣ Сугорской!

Владиміръ Ивановичъ молчалъ.

— Отвѣчайте же! сказала она настойчиво, ударивъ ножкою объ полъ.

— Я никогда не говорилъ этого матушкѣ, отвѣчалъ Жиздринъ, продолжая улыбаться тою же разсѣянной, беззаботной улыбкой;—я никогда этого не говорилъ, и вамъ бы никогда не сказалъ, но если вы непремѣнно хотите знать мое мнѣніе, извольте,—мое мнѣніе, что въ этомъ дѣлѣ вы таки постарались...

— Это неправда!

— Тѣмъ лучше для васъ...

— Ты мнѣ не вѣришь, Вольдемаръ? сказала она вдругъ нѣжнымъ, вкрадчивымъ голосомъ.

— Честное слово? спросилъ онъ,—и тутъ почувствовалъ, что поступилъ неловко,—но было уже поздно.

— Ah, vous y tenez donc? воскликнула она, и глаза ея потемнѣли.—А если-бъ это сдѣлала я, я, что бы вы сказали?

— Что вы очень дурно поступили, продолжалъ онъ хладнокровно:—вы лишили мѣста бѣдную женщину изъ-за того, что ей какъ-то вздумалось похвалить меня передъ своей воспитанницей...

— Какая невинность въ самомъ дѣлѣ! И эта бѣдная женщина, — ее жалѣть нечего, я ей лучше мѣсто нашла, — эта несчастная женщина дѣйствовала такъ, по собственному вдохновенію, безъ вашего участія, не такъ-ли? Вы сами не думали жениться на Катенькѣ?..

— Извините меня, сказалъ Владиміръ Ивановичъ,—я право не знаю, изъ-за чего вы мнѣ дѣлаете эту сцену. Я не отвѣтчикъ за госпожу Vautiau... И притомъ, прибавилъ онъ, ища глазами шляпу,—вы выбрали для объясненій такое время, когда мнѣ рѣшительно некогда,—меня ждетъ князь Катыревъ по службѣ...

— Нѣтъ, Вольдемаръ, воскликнула эта слабая женщина, ухвативъ его за руку съ такою силою, что нашъ ловеласъ даже поморщился,—нѣтъ, ты не уйдешь отсюда, пока не поклянешься мнѣ, что ты не намѣренъ былъ жениться на Катенькѣ Сугорской...

Бѣдная Бренда! Она не повѣрила бы ему, можетъ быть, если-бъ онъ далъ ей эту клятву,—а между тѣмъ ей такъ жадно хотѣлось, чтобъ онъ произнесъ ее!

Жиздринъ на нее взглянулъ. Его не тронуло выраженіе страсти, говорившее въ ея дрожащихъ устахъ, въ умоляющемъ и влажномъ взорѣ. А когда-то онъ такъ упорно добивался ея любви! Но съ тѣхъ поръ много воды утекло. Страсть эта уже давно стала для него бременемъ и помѣхой. „Какая досада“, думалъ онъ въ настоящую минуту, „мнѣ давно пора къ князю, а между тѣмъ, пропустивъ сегодня случай, долго, можетъ быть, не представится такой оказіи объясниться съ нею разъ навсегда:—сама напрашивается;—нечего дѣлать, опоздаю къ князю“...

— Послушайте, сказалъ онъ, освобождая свою руку,—я

вамъ уже говорилъ и считаю лишнимъ повторять сто разъ, что въ этой глупой исторіи я совершенно въ сторонѣ. Я былъ, вы знаете, въ командировкѣ, и въ мое отсутствіе старая егоза, Француженка, а можетъ быть и матушка, je vous la livre, придумали это умное дѣло. Я же узналъ все только вчера отъ Vautiau.—Но скажите мнѣ, продолжалъ онъ медленнымъ голосомъ, пристально глядя на нее,—если бы въ самомъ дѣлѣ, когда нибудь, мнѣ вздумалось жениться, я бы всегда встрѣтилъ васъ на моей дорогѣ?

— Такъ это правда! прошептала она, измѣняясь въ лицѣ, и закрыла лицо руками, — но вдругъ быстро подняла голову.

— Всегда! воскликнула она, смѣло взглянувъ въ глаза своему любовнику.

— А! это вызовъ! проговорилъ онъ, закусивъ губу.

Онъ почувствовалъ, что желчь подымается въ немъ, но господинъ Жиздринъ умѣлъ владѣть собою. Онъ скрестилъ руки, взглянулъ на кончикъ своего сапога—и послѣ небольшаго молчанья продолжалъ:

— И такъ, вы меня обрекаете на вѣчное безбрачіе, Надежда Петровна, началъ онъ насмѣшливо, но не измѣняя прежнему хладнокровію,—а не то безпощадная война, не такъ-ли? C'est une idée comme une autre... Но позвольте вамъ сдѣлать нескромный вопросъ: къ чему это васъ повѣдетъ?

— Отомстить вамъ—и я буду счастлива!

— „Кинжаломъ я владѣю,
Я близъ Кавказа рождена!“

сказалъ Владиміръ Ивановичъ съ ироническимъ смѣхомъ.

Но сарказмъ его пропалъ даромъ: она его и не слышала. Свѣтская Бренда далеко не походила на пылкую Зарему. Ея слабая натура не выдержала мгновенной вспышки страсти; она упала на кресло съ глухимъ рыданіемъ.

— Такъ, теперь слезы, проговорилъ Жиздринъ, пожимая плечами, и взглянулъ на часы:—половина перваго! Не попаду я сегодня къ князю.

— Я заслужила это, говорила она между тѣмъ,—я васъ слишкомъ любила, я слишкомъ долго вѣрила въ васъ... я имѣ-

ла право вѣрить... зачѣмъ вы меня обманывали? Помните, какъ долго вы преслѣдовали меня. Я была уже не ребенокъ, я долго боролась... я не отдалась вамъ безумно, по капризу... Вы были такъ постоянно страстны и нѣжны... вы такъ терпѣливо, покорно и настойчиво просили моей любви... О, вы умѣете быть настойчивымъ и терпѣливымъ, когда надо!.. Я повѣрила вамъ, вашимъ клятвамъ... Вы были такъ молоды; я думала, молодость не обманываетъ... Зачѣмъ было лгать, зачѣмъ было говорить, что вся ваша жизнь принадлежитъ мнѣ, когда все это должно было кончиться такъ! — Вы знали меня, вы знали, что я не какая-нибудь Варенька Лисовская, что я не шучу любовью... Гдѣ же ваше постоянство, ваши клятвы...

— Да чѣмъ же я васъ обманулъ? возразилъ онъ нетерпѣливо: — неужели тѣмъ, что сегодня въ первый разъ послѣ шести лѣтъ осмѣлился сказать, что когда-нибудь могу жениться...

— Не надо было говорить, я это знала! Развѣ я давно не вижу, что я вамъ въ тягость,—уже два года я это вижу... Вы никогда не поймете, какъ невыносимо для женщины такое униженіе — замѣчать, что она надоѣдаетъ тому, кого любитъ. Развѣ ужь вы давно не перемѣнились? Гдѣ прежніе восторги?.. Прежде, я помню, какъ нетерпѣливо, бывало, просите вы свиданья... Теперь вы меня избѣгаете. Вы, напримѣръ, недѣлю какъ вернулись, а я сегодня въ первый разъ вижу васъ наединѣ... и то я пришла къ вамъ, вошла почти насильно!.. Quelle honte pour moi!.. Вамъ вѣчно некогда, вы заняты, вы сдѣлались государственнымъ человѣкомъ!.. Какое мнѣ до этого дѣло! воскликнула она съ новымъ увлеченьемъ: — я хочу любви! Что я сдѣлала! За что вы меня разлюбили?

— „Что ты сдѣлала?“ повторилъ онъ мысленно, смотря тѣмъ временемъ съ безпощаднымъ вниманіемъ на тонкія, лучеобразныя морщинки, образовавшіяся у ней въ углахъ глазъ,—„что ты сдѣлала?“.. Chère Nadine, сказалъ онъ громко,—я не переставалъ васъ любить, но вы, надѣюсь, не имѣете претензіи дѣлать изъ меня героя романа madame Sand. Нельзя требовать, какъ вы говорите, восторговъ послѣ шести лѣтъ постоянной связи! Это было бы безуміе! Шесть лѣтъ,—подумайте!—

да это вѣчность въ любви. Про насъ давно въ свѣтѣ говорятъ, что намъ слѣдуетъ пряжку дать за взаимную вѣрную службу.— Графиня Мытищева назвала меня вчера Филемономъ..! Encore un peu et nous tomberons dans le ridicule... Не пора-ли намъ вспомнить, Надежда Петровна, что и въ любви, какъ въ супружествѣ, настаетъ наконецъ минута, когда страсть должна уступить болѣе безмятежнымъ чувствамъ!.. а шесть лѣтъ, шесть лѣтъ любви... Поищите-ка другой примѣръ такого постоянства!..

— А князь Пинскій? сказала она совершенно неожиданно, поднимая на него глаза еще полные слезъ.

— Что такое? спросилъ онъ съ изумленіемъ.

— Да, старикъ князь Пинскій? Онъ на дняхъ женится на графинѣ Шрекенфельсъ. Вы знаете, что въ продолженіе тридцати лѣтъ онъ любилъ ее и былъ вѣренъ, comme aux premiers jours de sa passion. Мужъ ея умеръ въ прошломъ году — и Пинскій теперь на ней же...

Бѣдная Бренда! скажемъ мы опять. Въ минуты одинокаго размышленія, когда она печально припоминала малѣйшія подробности свиданій своихъ съ Жиздринымъ, когда съ тревожнымъ біеніемъ сердца она сознавалась, что съ каждымъ новымъ днемъ, уносящимъ постепенно ея красоту, все труднѣе, все несбыточнѣе становится для нея удержать охладѣвающаго любовника, мысль о князѣ Пинскомъ и о его долголѣтней привязанности къ замужней женщинѣ представлялась ей какимъ-то спасительнымъ якоремъ, къ которому прикрѣпляла она свои угасающія надежды. Примѣръ этихъ двухъ посѣдѣлыхъ любовниковъ, идущихъ рука объ руку сквозь бури жизни, успокоивалъ примиряющимъ поученіемъ своимъ больное сердце легкомысленной, но любящей женщины. „Отчего же наконецъ и ея Вольдемару не оставаться ей вѣрнымъ, какъ старикъ Пинскій вѣренъ старушкѣ Шрекенфельсъ?“ Она забывала въ эти минуты все то, надъ чѣмъ она иногда такъ горько задумывалась, забывала и тѣ темныя стороны характера своего любовника, которыя, послѣ долгаго ослѣпленія, увы! яснѣли для нея съ каждымъ днемъ, сжимая грудь ея все болѣе и болѣе безнадежною тоскою. Она все забывала, — и въ ея романи-

ческомъ воображеніи рисовалась для Жиздрина и для нея та же судьба,—въ далекомъ будущемъ ждалъ ихъ, тогда обоихъ свободныхъ, тотъ же обѣтованный край супружества послѣ долгаго любовнаго странствованія... Бѣдная Бренда! эта мысль, ея ultima ratio, такъ наконецъ усвоилась ей, такъ съ нею сроднилась, что и теперь, когда для нея рѣшался такой важный вопросъ, когда всякая другая женщина нашла бы тысячи средствъ удалить хоть на время роковую минуту разрыва, она не нашла ничего иного, какъ призвать на помощь тотъ же примѣръ князя Пинскаго, какъ неоспоримый, побѣдоносный доводъ, на который, по ея мнѣнію, Жиздринъ не могъ найти отвѣта и долженъ былъ слѣдовательно пасть къ ея ногамъ, нѣжно и пламенно моля о прощеніи.

Какое грустное ждало ее разочарованіе!

— Князь Пинскій! воскликнулъ Владиміръ Ивановичъ и разразился звучнымъ, искреннимъ,—дѣтскимъ хохотомъ, прибавили бы мы, если-бъ у насъ была малѣйшая возможность предполагать что-нибудь дѣтское во Владимірѣ Ивановичѣ.— Князь Пинскій, графиня Шрекенфельсъ! Monsieur et madame Denis! И онъ даже запѣлъ (чего съ нимъ никогда не случалось,) отрывокъ изъ старинной французской пѣсни о двухъ карикатурныхъ супругахъ-старикахъ, вспоминающихъ свою молодость:

Ma culotte en bouracan,
Souvenez vous en, souvenez vous en.

— Да, князь Пинскій, что вы тутъ находите смѣшнаго? говорила Надежда Петровна, совершенно растерянная и смотря на него почти съ ужасомъ.

— Милая Наденька, сказалъ онъ, подходя къ ней, — и взялъ ее за обѣ руки, которыя она отдала ему безчувственно и безсознательно,—у васъ бываютъ иногда безцѣнныя фантазіи. Князь Пинскій — вамъ одной могутъ притти въ голову такія забавныя помышленія,—получилъ послѣ тридцати лѣтъ воздыханій беззубый предметъ своей страсти; такъ и намъ вздыхать столько же? Прелестно! Мнѣ, значитъ, остается каждый день молить Творца о прекращеніи счастливыхъ дней лучшаго моего друга, Ивана Леонтьевича... Ну, а вообразите,

какъ вдругъ Творецъ не услышитъ смиренной моей молитвы,—и Иванъ Леонтьевичъ возьметъ, да и переживетъ насъ съ вами? Une bonne farce, n'est-ce-pas?

Иванъ Леонтьевичъ, скажемъ мимоходомъ, былъ мужъ Надины. Это былъ штатскій генералъ безъ должности, толстый, плѣшивый и очень богатый. Въ свѣтѣ звали его вѣчнымъ именинникомъ. Онъ вполнѣ оправдывалъ это прозваніе. Ни для кого жизнь не казалась такимъ даромъ, какъ для почтеннаго Ивана Леонтьевича. Счастье, довольство собою и другими дышали въ его благодушной, важной, открытой и вѣчноулыбающейся наружности. Знаменитый гастрономъ, амфитріонъ по прозванію, все то, что̀ прозывается аристократическимъ Петербургомъ, съѣзжалось на его Лукулловскіе пиры. У него не было враговъ ни единаго! Къ женѣ онъ питалъ нѣжнѣйшую и самую безкорыстную привязанность, вмѣняя ей въ единственный относительно себя долгъ—непремѣнно присутствовать на его обѣдахъ. Во всемъ остальномъ онъ доводилъ терпимость до крайнихъ предѣловъ. Свѣтъ долго потѣшался разсказомъ, какъ однажды Иванъ Леонтьевичъ, вернувшись очень по́здно изъ клуба, наткнулся въ полуосвѣщенной гостиной на Жиздрина, выходившаго изъ уборной его жены. Положеніе было довольно затруднительное, и въ первую минуту Жиздринъ страшно сконфузился. Но Иванъ Леонтьевичъ скоро совершенно успокоилъ его; онъ прошелъ мимо, сказавъ ему скороговоркой: „Уходите осторожнѣе, вы можете сейчасъ встрѣтить Заборова и Бѣловѣжскаго, которыхъ я звалъ изъ клуба кончать партію“.

— Какъ же вы думаете, повторилъ Владиміръ Ивановичъ, что̀ намъ тогда дѣлать, прелестный другъ мой?

— Оставьте меня! говорила съ отчаяніемъ Надежда Петровна. Она чувствовала себя въ положеніи утопающаго, у котораго набѣгъ волны вырвалъ изъ руки обломокъ мачты, — единственную ея надежду достигнуть берега.—Оставьте меня, у васъ ничего нѣтъ святаго! Я все понимаю теперь... Вы давно ужь задумали оставить меня, развязаться съ женщиной, которая не нужна болѣе вамъ. Да! Не нужна... вы человѣкъ разсчетливый... на что̀ я вамъ теперь, les ailes vous ont poussé.

Вы твердо стали... а любви, сердечной привязанности вамъ не нужно, никогда не было нужно! О! я хорошо понимаю, вы не меня любили...

— Надежда Петровна! громко произнесъ Жиздринъ...

— Не пугайте меня, я васъ не боюсь. Давно уже все это накипѣло у меня въ сердцѣ; я все удаляла страшную, унизительную для себя мысль, но въ васъ не было даже довольно деликатности, чтобъ дать себѣ трудъ обманывать меня до конца. Въ вашихъ глазахъ я всегда была женщина недальняя, съ которой очень церемониться было не для чего... Вы были правы,—я была непростительно глупа, но приходитъ наконецъ минута, когда и слѣпой откроетъ глаза...

— Надежда Петровна, довольно! началъ было опять все болѣе и болѣе блѣднѣвшій отъ внутренняго гнѣва Владиміръ Ивановичъ. Но она его не слушала.

— Если не изъ сожалѣнія, то хоть изъ благодарности, говорила она съ возрастающею энергіею, — должны бы вы были щадить меня, а не показывать мнѣ такъ явно, съ такимъ нахальнымъ смѣхомъ, что я стала для васъ une non valeur, что меня можно выбросить теперь въ окно, какъ выжатый лимонъ. Вспомните, *чѣмъ* я была для васъ... вспомните, что мнѣ, мнѣ одной должны вы вашимъ положеніемъ въ свѣтѣ... Когда вы пріѣхали сюда изъ провинціи, кто васъ зналъ, кто принималъ въ васъ участіе? У васъ родни былъ полонъ городъ, но вы были бѣдны, не извѣстны, отецъ вашъ оставилъ послѣ себя дурную репутацію. Вы сами разсказывали мнѣ, что графъ Брынскій, родной cousin вашей матери, съ которымъ вы теперь другъ и пріятель, одинъ разъ какъ-то рѣшился въ то время пригласить васъ обѣдать, да и то, когда вы пріѣхали, было вамъ отказано подъ какимъ-то предлогомъ... Съ трудомъ нашли вы тогда какое-то мѣсто безъ жалованья. Я узнала про васъ отъ m-me Vautiau; она меня заинтересовала вами, вашимъ труднымъ положеніемъ. Иванъ Леонтьевичъ еще служилъ тогда, управлялъ департаментомъ у князя Катырева; васъ по моей просьбѣ перевели, повысили; я пожелала познакомиться съ вами... Вспоминать-ли остальное? Я была для васъ первою ступенью къ успѣху. Принятые на короткой но-

гѣ въ нашемъ домѣ,—весь Петербургъ былъ открытъ для васъ; замѣченные мною, васъ замѣтилъ свѣтъ. Я выпросила, наконецъ, для васъ у мужа двадцать тысячъ денегъ, чтобы спасти послѣднее ваше имѣніе...

— Вы женщина, прервалъ ее Владиміръ Ивановичъ, сверкая глазами,—я на ваши неприличныя слова отвѣчать тѣмъ-же не стану. Прощайте! И кинулся къ своей шляпѣ.

Но Надежда Петровна дошла въ негодованіи своемъ до того предѣла, когда остановиться нѣтъ уже никакой возможности:

— Ступайте, говорила она голосомъ звенѣвшимъ, какъ струна,—ступайте, ищите богатаго приданаго, но вспомните, что если вы теперь въ такомъ положеніи, что имѣете право его искать,—то и этимъ вы мнѣ, и только мнѣ обязаны. Боже мой! воскликнула она и вдругъ зарыдала, — могла-ли я думать, что все это такъ кончится, что для этого безжалостнаго, безстыднаго человѣка я всѣмъ пожертвовала, обманывала мужа, забыла все...

— Для меня-ли одного? возразилъ онъ съ злобнымъ, дурнымъ смѣхомъ.

Надежда Петровна схватилась рукой за грудь, выпрямилась, взглянула на него—и какъ взглянула!...

— Вы мерзавецъ! воскликнула она—и кинулась вонъ изъ комнаты.

Прасковья Николаевна, разодѣтая въ пухъ и прахъ, встрѣтила ее въ гостиной.

— Я готова, Nadine, сказала она, — ѣдемъ!.. Но та, не слушая, не замѣтивъ даже ея, пробѣжала мимо, спустилась съ лѣстницы—и уѣхала.

— Что это значитъ, что съ ней? говорила растерянно такъ нежданно покинутая мать Жиздрина... Уѣхала: вотъ сюпризъ!... Должно быть, повздорили, сообразила она затѣмъ и развела руками... Однако этакъ я рискую остаться безъ экипажа...

И Прасковья Николаевна, удвоивъ шаги, поспѣшила въ кабинетъ къ сыну. Но кабинетъ былъ пустъ, и Демьянъ изъ передней крикнулъ ей, что Владиміръ Иванычъ „уѣхамши къ министру“. Видно въ книгѣ судебъ рѣшено было, что на этотъ день почтенная барыня останется безъ кареты...

ИЗЪ ПРОЖИТЫХЪ ДНЕЙ *).

I.

Августъ мѣсяцъ.

Мы жили тогда съ Левушкою (Львомъ Ивановичемъ) Арнольди въ Ваганьковскомъ переулкѣ, что̀ между Вздвиженкою и Знаменкою, почти прямо противъ воротъ двора дома Пашкова (нынѣ Румянцевскаго музея), въ домѣ бывшемъ Левашова, доставшемся затѣмъ нѣкоему Скопину, отдававшему его теперь внаймы.

Бывшій его владѣлецъ, отставной гвардіи полковникъ, состоятельный баринъ стараго времени и холостой человѣкъ, извѣстенъ былъ въ Москвѣ тѣмъ, что не ложился никогда спать въ постель, которой у него даже и въ заводѣ не было. Въ 1814 году, по вступленіи въ Парижъ побѣдоносныхъ нашихъ войскъ, отправился онъ однажды къ извѣстной госпожѣ Ленорманъ, гадальщицѣ, у которой перебывала въ тѣ дни едва-ли не вся до единаго находившаяся во Франціи русская военная молодежь, судя по огромному числу прорицаній ея, сохранившихся въ семейныхъ преданіяхъ русскаго дворянства. Левашову пророчица объявила, что онъ преспокойно умретъ въ своей постели. Онъ такъ съ тѣхъ поръ и не ложился никогда, и умеръ, на зло предсказанію, въ креслѣ, въ маленькой „боскетной“ въ одно окно, именно въ той комнатѣ, которую я выбралъ себѣ спальнею.

*) Впервые напечатано въ №№ 141 142 и 143 „С.-Петер. Вѣд.“ 23-го 24-го и 25-го мая 1884 года.

Умеръ онъ въ преклонныхъ лѣтахъ и, какъ всѣ старики, страдалъ безсонницею, засыпая лишь къ утру и проводя половину ночей въ тоскливомъ блужданіи по комнатамъ со свѣчею въ рукѣ. Свѣча эта, прогуливавшаяся съ трепетнымъ сіяніемъ мимо оконъ комнатъ, выходившихъ на передній дворъ, чудилась обитавшей во флигелькѣ, подлѣ воротъ, дворницкой семьѣ долго еще послѣ смерти хозяина, въ тѣ два или три года, когда домъ оставался пустъ, вслѣдствіе спора о принадлежности его между наслѣдниками покойнаго. Помню, какъ, послѣ первой проведенной мною въ немъ ночи, разбуженъ я былъ рано утромъ скрипомъ двери, противъ которой спалъ, и увидѣлъ въ просвѣтѣ ея просунувшееся изъ корридора, видимо встревоженное, лицо моего слуги и выглядывавшую изъ-за его спины какую-то бородатую фигуру въ тулупѣ.

— Что такое? воскликнулъ я съ-просонковъ, очень раздосадованный, такъ какъ далеко еще не успѣлъ выспаться досыта.

— Благополучно-ли изволили почивать? какъ бы растерянно пролепеталъ мой Иванъ.

— Убирайся!

И, повернувшись на бокъ, я тутъ же заснулъ тѣмъ мгновеннымъ, блаженнымъ сномъ молодости, котораго, увы! я такъ давно уже не знаю.

Поднявшись въ свой часъ, я вспомнилъ о несвоевременной заботѣ моего Личарды о благополучіи моего „почиванія“ и спросилъ у него объясненія.

Онъ, по обыкновенію, очень глупо улыбаясь и показывая мнѣ при этомъ свои брусничнаго цвѣта десны, сообщилъ, что былъ перепуганъ дворникомъ, пришедшимъ къ нему на зарѣ съ тѣмъ, чтобы онъ „безпремѣнно шелъ навѣдаться къ барину, все-ли у нихъ какъ слѣдуетъ, потому, значитъ, чтобы можетъ они чего не испужались“. — „Чего это?“ спросилъ Иванъ. Дворникъ долго мялся прежде, чѣмъ рѣшиться отвѣтить, что, „значитъ, такое у нихъ замѣчаніе, что покойный старикъ баринъ по комнатамъ со свѣчею ходитъ“. На скептическое же замѣчаніе Ивана, что это, молъ, можетъ у тебя самого спьяна плошки въ глазахъ горятъ, онъ отвѣтилъ, что „испро-

бовано-де", потому они съ сыномъ „нарочито для эвтого песочкомъ полы посыпали, когда въ домѣ жильцовъ не было, а на другой день пришли, глядимъ: по песочку-то слѣдъ идетъ, въ акуратѣ какъ они (старый баринъ, то-есть) въ бархатныхъ сапожкахъ завсегда ходили, такъ они и есть". Послѣ подобнаго убѣдительнаго доказательства Иванъ уже болѣе не колебался и отправился навѣдаться, не понесъ-ли я какого изъяна отъ неугомоннаго ходебщика въ бархатныхъ сапожкахъ. Изъяна, ниже чего подобнаго ни въ эту ночь, ни въ послѣдующія я не потерпѣлъ и провелъ въ этомъ домѣ три едва-ли не счастливѣйшіе года моей жизни.

Съ Арнольди мы были дружны съ дѣтства, проведеннаго въ двухъ сосѣднихъ домахъ, подъ кіевскимъ небомъ, на Печерскѣ, откуда, бывало, помню, шумною толпою однолѣтковъ отправлялись мы, подъ предводительствомъ гувернеровъ и учителей, въ праздничные лѣтніе дни, на долгія прогулки по берегамъ Днѣпра. Ближайшимъ путемъ спускалась къ нимъ веселая компанія наша съ высотъ царскаго сада, то-есть скользя попросту на спинѣ по покатой отлогости мелкаго желтаго песку прибрежныхъ горъ... Что смѣху и клику, что шалостей и безполезныхъ наставническихъ увѣщаній и угрозъ было при этомъ!.. Зимою, на святкахъ, та же компанія превращалась въ труппу актеровъ: то въ томъ, то въ другомъ домѣ играли-сь по-французски пьесы изъ дѣтскаго театра Беркена (Berquin) и отрывки изъ трагедій Озерова. Помню, какъ я однажды (мнѣ тогда было лѣтъ десять), въ красной рубахѣ, подпоясанной какою-то лентою, съ картонными мечемъ и шишакомъ, оклееннымъ золотою бумагою, игралъ роль Бренскаго въ „Дмитріи Донскомъ"; помню даже до сихъ поръ два стиха, которые я произносилъ, повидимому, съ большимъ эффектомъ, такъ какъ зрители очень сильно мнѣ за нихъ апплодировали, и одинъ старикъ назвалъ меня даже за это, въ видѣ остроты, не Бренскимъ, а Брянскимъ, то-есть именемъ петербургскаго актера, пользовавшагося въ тѣ годы большою славою въ трагическихъ роляхъ:

Стремишься ты на смерть: и я стремлюсь съ тобою,
И часть мою съ твоей не разлучу судьбою...

Разстались мы съ Левушкою, когда шло обоимъ намъ по тринадцатому году. Отецъ его, извѣстный артиллерійскій генералъ, одинъ изъ героевъ двѣнадцатаго года, лишившійся правой ноги подъ Лейпцигомъ, повезъ его, вмѣстѣ со старшими сыновьями своими, въ Петербургъ, гдѣ эти старшіе помѣщены были въ пажескій корпусъ и артиллерійское училище, а Лева, какъ довольно слабый здоровьемъ и почитавшійся поэтому непригоднымъ къ военной службѣ, въ гимназію. По окончаніи тамъ курса, онъ поступилъ въ петербургскій университетъ, откуда перешелъ (по желанію отца, командовавшаго въ ту пору всею артиллеріею въ Южномъ краѣ и штабъ котораго находился въ Кременчугѣ, то-есть въ 400 верстахъ всего отъ Одессы) на третій курсъ юридическаго отдѣленія ришельевскаго лицея, въ которомъ я въ ту пору кончалъ курсъ. Дѣтская дружба наша возобновилась съ большею еще силою въ юношескомъ возрастѣ. Черезъ годъ мы очутились съ нимъ оба опять уже на службѣ, въ Петербургѣ, а въ 1848 году въ Москвѣ; гдѣ онъ состоялъ совѣтникомъ губернскаго правленія, а я—чиновникомъ особыхъ порученій при тогдашнемъ военномъ генералъ-губернаторѣ, графѣ Закревскомъ.

Домъ Скопина, не особенно обширный и одноэтажный съ небольшимъ подвальнымъ помѣщеніемъ для прислуги, нанятъ былъ подъ аукціонную камеру, состоявшую въ ту пору подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ генералъ-губернатора, которымъ и возложено было на меня, въ числѣ другихъ моихъ занятій, вслѣдствіе открытыхъ тамъ безпорядковъ, ближайшее „завѣдываніе“ ею, за что и пользовался я при ней казенною квартирою.

Состояла эта квартира изъ четырехъ комнатъ, изъ которыхъ кабинетъ мой въ два окна выходилъ въ крошечный садикъ, огороженный полуразвалившеюся деревянною рѣшеткою, вдоль которой тянулись шпалерами кусты сирени, а у самой стѣны каменнаго забора, отдѣлявшаго нашъ дворъ отъ двора сосѣдняго дома, принадлежавшаго князю Леониду Голицыну, раскидывала вѣтви свои одинокая яблоня, вся покрывавшаяся весною бѣлымъ, какъ снѣгъ, съ чуть-чуть розоватымъ оттѣнкомъ, цвѣтомъ. (Какъ нетерпѣливо, бывало, ожидалъ я каж-

дый годъ этихъ первыхъ теплыхъ дней, когда разцвѣтали эти мои сирень и яблоня, и въ открытыя окна врывалась ихъ проницающая, душистая свѣжесть!). Кабинетомъ Левушкѣ служила бывшая гостиная покойнаго Левашова. Довольно широкій корридоръ раздѣлялъ мою отъ его спальни.

Какъ это почти всегда бываетъ между молодыми холостяками, живущими на одной квартирѣ, мы днемъ не видались почти никогда. Онъ въ десятомъ часу каждое утро уѣзжалъ аккуратно въ свое правленіе; я, часомъ или двумя позднѣе,— къ начальству, съ докладомъ или за приказаніями, и оба затѣмъ пропадали до ночи. Принадлежа къ тому же обществу, мы проводили время, однако, въ довольно отличныхъ другъ отъ друга кружкахъ его. Арнольди былъ честолюбивъ, чаялъ скораго вице-губернаторства и держался человѣкомъ серьезнымъ, посѣщая преимущественно степенные дома, гдѣ велись дѣльные разговоры и играли въ вистъ, котораго онъ былъ большой охотникъ и мастеръ. Я, признаюсь откровенно, былъ моложе своихъ лѣтъ, страстно любилъ балы до зари зимняго утра, любительскіе спектакли, веселые ужины...

Увы, на разныя забавы
Я много жизни погубилъ,

могъ бы я сказать съ Пушкинымъ, если бы дѣйствительно жалѣлъ объ этомъ „погубленномъ“ времени. Но я не жалѣю о немъ: много еще въ тѣ дни было поэзіи въ этой размашистой жизни старой дворянской Москвы!..

Но по заведенной какъ-то съ перваго же дня совмѣстнаго житья нашего привычкѣ, возвращаясь домой ночью, ни одинъ изъ двухъ насъ не засыпалъ, не дождавшись возвращенія другаго. Кто позднѣе пріѣхалъ, тотъ непремѣнно заходилъ къ лежавшему уже въ постели, съ книгою въ рукахъ, пріятелю съ отчетомъ о проведенномъ днѣ. Оба мы были по природѣ то, что называютъ полуночниками; нервы наши разыгрывались во-всю именно въ то время, когда у большинства порядочныхъ людей тяжелѣютъ вѣжды отъ законно, въ свой часъ наступающей, дремоты. Разсказы и пренія затягивались у насъ часто до звона колоколовъ къ заутрени. Левушка вспоминалъ

тогда вдругъ, что ему надо встать рано, что эта „безобразная“ жизнь его окончательно въ „чахотку вгонитъ“, и гналъ меня съ проклятіями изъ своей спальни. Но на другой день входилъ въ мою въ такой же поздній часъ, и начинались опять нескончаемые разговоры:

„О Шиллерѣ, о славѣ, о любви“..

Оба мы любили литературу, поэзію особенно, до какого-то бѣшенства, оба владѣли на стихи огромною памятью, оба пописывали ихъ; онъ—русскіе, я—французскіе, сознавая, впрочемъ, каждый, что настоящаго поэтическаго дара у насъ нѣтъ никакого и вздыхая подъ часъ объ этомъ, хотя и не съ особеннымъ сокрушеніемъ. Мы за то знали наизусть Пушкина, Лермонтова, Баратынскаго, Виктора Гюго, Шенье, всѣ непропускаемыя или урѣзываемыя тогдашнею цензурою стихотворенія и строфы русскихъ поэтовъ, всѣ ходившіе въ рукописяхъ по рукамъ сатирическіе стихи и эпиграммы на лица и событія того времени, и очень досадовали вмѣстѣ съ тѣмъ на пародіи, появлявшіяся въ то время въ „Современникѣ“, на пріятеля нашего Щербину, котораго я за годъ передъ тѣмъ (въ 1850 году) нашелъ въ Одессѣ и привезъ съ собою въ Москву, а Арнольди опредѣлилъ помощникомъ редактора „Губернскихъ Вѣдомостей“, издававшихся при губернскомъ правленіи.

На литературу и стихи сворачивали неизмѣнно наши ночныя бесѣды, съ какого бы предмета онѣ ни начинались, причемъ въ сужденіяхъ Арнольди сказывалось довольно сильное вліяніе близко знакомаго ему кружка московскихъ тогдашнихъ славянофиловъ и Гоголя, друга сестры его по матери, извѣстной красавицы и умницы, Александры Осиповны Смирновой, рожденной Россетъ, у которой, скажу кстати, онъ имѣлъ случай слышать чтеніе самимъ Гоголемъ втораго тома „Мертвыхъ душъ“ *). Я же Гоголя видѣлъ всего раза два у той

*) Имъ были написаны воспоминанія его объ этомъ чтеніи (происходившемъ въ Калугѣ, въ ту пору, когда былъ тамъ губернаторомъ мужъ Александры Осиповны и Гоголь гостилъ у нихъ), которыя послѣ смерти его напечатаны были въ 60-хъ годахъ, не помню именно въ какомъ, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“.

же Александры Осиповны (впечатлѣніе онъ на меня произвелъ очень непріятное), съ большинствомъ славянофиловъ почти вовсе знакомъ не былъ и держался мнѣній эклектическихъ, если не совсѣмъ западническихъ. Tempi passati, какъ видите!..

И вотъ, однажды, въ это время, свѣтлымъ весеннимъ днемъ, пріѣзжаю я обѣдать въ ресторанъ Шевалье (позднѣе Шевріе, гдѣ нынѣ магазинъ Дарзанса), въ Газетномъ переулкѣ, лучшій, и едва-ли въ то время не единственный, куда ѣздили трапезовать люди, не пристрастные спеціально къ отечественной кухнѣ, и застаю тамъ моего сожителя съ какимъ-то незнакомымъ мнѣ молодымъ человѣкомъ нашихъ лѣтъ, невысокаго роста, черноволосымъ, съ правильнымъ блѣднымъ лицомъ и большими темными и, какъ теперь помню, какъ-то очень ярко горѣвшими глазами. Арнольди представилъ насъ другъ другу. Звали его Евгеніемъ Александровичемъ Арсеньевымъ. Онъ былъ тульскій помѣщикъ и жилъ обыкновенно въ деревнѣ, откуда по временамъ наѣзжалъ въ Москву. Съ перваго же взгляда, по рѣчамъ его и пріемамъ, видѣнъ былъ хорошо рожденный и хорошо воспитанный человѣкъ.

Усѣлись мы втроемъ въ отдѣльной комнатѣ и принялись весело за обѣдъ. Къ концу его Арнольди обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Ты куда отсюда думаешь?

— Въ паркъ, къ Оболенскимъ.

— Успѣешь. Я предлагаю сейчасъ отсюда ѣхать всѣмъ намъ тремъ въ одно мѣсто.

— Куда?

— Къ Ивану Яковлевичу, съ полуусмѣшкою говоритъ Левушка.

Я разсмѣялся. Иванъ Яковлевичъ (по фамиліи Корейша) былъ извѣстный юродивый, или корчившій юродство, увѣчный, содержавшійся въ одной изъ московскихъ больницъ, въ даръ прорицанія и цѣленія котораго вѣрила вся неграмотная и двѣ трети грамотной Москвы того времени. Въ русской печати извѣстнаго пошиба и до сихъ поръ можно встрѣтить это имя, когда заходитъ рѣчь о легендарномъ „мракобѣсіи“ Бѣ-

локаменной. Но вѣра въ него дѣйствительно доходила тогда у многихъ до безпредѣльнаго фанатизма; онъ, говоря безъ шутокъ, могъ бы, какъ второй Петръ Амьенскій, поднять Москву на крестовый походъ за освобожденіе гроба Господня, если бы это ему вздумалось, или, вѣрнѣе, если бы вышло ему на то дозволеніе отъ полиціи...

Арнольди былъ очень религіозный по природѣ, и даже, какъ Гоголь, съ весьма замѣтною наклонностью къ мистицизму человѣкъ. Но до Ивана Яковлевича отъ этого было еще очень далеко.

— Что это ты вздумалъ! воскликнулъ я невольно.

— Очень просто, интересно, отвѣтилъ онъ, не смущаясь,— поѣдемте всѣ!

— Ни за что! брезгливо сказалъ я, — онъ грязенъ, говорятъ, до гадости и сквернословитъ, какъ послѣдній извозчикъ,— что за охота! Я къ тому же обѣщалъ быть въ паркѣ ровно въ шесть, а теперь уже половина шестаго.

— Типъ! улыбнулся Арнольди иронически. — А вы поѣдете? обратился онъ къ Арсеньеву.

— Увольте! проговорилъ тотъ съ какимъ-то страннымъ, будто испуганнымъ выраженіемъ, такъ что я съ невольнымъ изумленіемъ поглядѣлъ на него.

Онъ это замѣтилъ и слегка покраснѣлъ даже... Онъ былъ мнѣ очень симпатиченъ своею благовоспитанною сдержанностью и чѣмъ-то какъ бы болѣзненнымъ, сказывавшимся въ его лицѣ, когда не оживлялся онъ разговоромъ.

— Я не люблю всѣхъ этихъ... вѣщихъ, тутъ же улыбнулся онъ, какъ бы нарочно отыскавъ въ памяти это необычное слово для выраженія своей мысли.

Арнольди оно очень понравилось:

— Славный эпитетъ! „Вѣщій Олегъ“, подчеркнулъ онъ,— народъ „вѣдунами“ ихъ зоветъ... вѣдаютъ... А вы не вѣрите, что этотъ даръ вѣдѣнія дается инымъ? Я вѣрю, прямо говорю.

— И я тоже, сказалъ Арсеньевъ смущенно, поднося къ губамъ поспѣшно стоявшій передъ нимъ стаканъ шамберте-

на, какъ бы для того, чтобы скрыть свое смущеніе,—и потому ихъ не люблю.

И Арнольди, и я какъ-то разомъ почуяли, что онъ имѣлъ какія-то особыя причины не любить этихъ „вѣщихъ“. Оба мы молча уставились на него невольно вопрошающими глазами.

Онъ самъ, будто невольно побуждаемый нашимъ нѣмымъ вопросомъ, проговорилъ запинаясь:

— Со мною былъ одинъ случай, въ дѣтствѣ... и я съ тѣхъ поръ...

— Разскажите, пожалуйста, разскажите! такъ и присталъ къ нему теперь мой сожитель.

Арсеньевъ нервно сдвинулъ брови:

— Мнѣ это тяжело вспоминать всегда; но, пожалуй, я вамъ разскажу...

Мы такъ и замерли.

— Мнѣ было лѣтъ двѣнадцать. Мы жили всею семьею въ Тульской деревнѣ, но у отца моего было еще имѣніе въ Симбирской губерніи, куда онъ ѣзжалъ отъ времени до времени надзирать за хозяйствомъ. Собрался онъ такимъ образомъ однажды весною ѣхать туда и взялъ меня съ собою. Я, разумѣется, былъ въ восхищеніи. Ѣхали мы въ покойной коляскѣ, погода стояла чудесная, ясная, лѣса, поля зеленѣли кругомъ, — чудесное это было путешествіе!.. Вотъ, какъ-то утромъ, я еще спалъ, прижавшись въ углу къ подушкѣ, лошади остановились. Я открылъ глаза, гляжу: станція, лошадей ведутъ перепрягать, а отецъ мой, не выходя изъ коляски, разговариваетъ съ вышедшимъ къ нему на дорогу смотрителемъ. А въ то же время, съ моей стороны, тащится навстрѣчу намъ кочевье цыганъ: телѣги, лошади, смуглыя женщины съ грудными дѣтьми, босоногіе ребята, отвратительныя старухи въ лохмотьяхъ. Поравнявшись съ нами, одна такая старуха отдѣлилась отъ прочихъ, быстро подошла ко мнѣ и такъ же быстро и шопотомъ проговорила: „Молодой баринъ, дай ручку!“ Я машинально протянулъ ее. Но отецъ мой обернулся на ея голосъ, увидалъ цыганку и крикнулъ на нее съ досадою: „Убирайся вонъ, вѣдьма!“ Она тотчасъ же отошла и скрылась за полуприподнятымъ кузовомъ коляски. Отецъ

заговорилъ опять со смотрителемъ. А цыганка, скользнувъ ко мнѣ, прошептала снова: „Дай, молодой баринъ, ручку, всю правду скажу“... Я до сихъ поръ, будто вчера это произошло, помню впечатлѣнія мои въ эту минуту: какой-то ужасъ и отвращеніе, которое производилъ на меня видъ этой грязной, лохматой, со страшными глазами старухи, и неодолимое любопытство, и вмѣстѣ съ тѣмъ какое-то странное чувство, что я никакъ не могу не сдѣлать того, что̀ она требуетъ. Я протянулъ руку. Она схватила ее своими костлявыми и холодными какъ у мертвой пальцами, повернула ее ладонью вверхъ и, низко наклонившись надъ нею, жалобно проговорила: „Ай, берегись, молодой баринъ, берегись августа мѣсяца“. Отецъ мой въ то же время обернулся еще разъ на нее и, разсердившись не на шутку, заставилъ ее грознымъ крикомъ торопливо отбѣжать къ своимъ, а меня разбранилъ за непослушаніе. Лошадей между тѣмъ запрягли, новый ямщикъ полѣзъ на козлы, и мы снова тронулись въ путь.

Въ молодые годы не долговѣчны впечатлѣнія, и я очень скоро, само собою, забылъ о цыганкѣ и объ ея загадочномъ предостереженіи. Пріѣхавъ въ нашу Симбирскую деревню, я очутился тамъ въ такихъ счастливыхъ для моего возраста условіяхъ жизни, какими не могъ пользоваться дома. Тамъ за нами, дѣтьми, установленъ былъ постоянный надзоръ, существовалъ правильный распорядокъ занятій, трапезъ, прогулокъ. Здѣсь я былъ на полной свободѣ. Отецъ съ утра до ночи погруженъ былъ въ хозяйство и въ повѣрку управляющаго, оказавшагося мошенникомъ, и котораго приходилось смѣнить, и не имѣлъ поэтому времени надзирать за мною. Я пропадалъ на цѣлые дни въ поляхъ и лѣсахъ, удилъ рыбу, ходилъ косить съ крестьянами въ луга, жилъ, словомъ, какъ говорится, въ полное свое удовольствіе. Пребываніе наше здѣсь, какъ думалъ сначала отецъ, никакъ не должно было продолжаться долѣе мѣсяца. Но прошелъ и іюнь, и іюль, а мы не трогались съ мѣста: отецъ все ждалъ пріѣзда новаго управляющаго и все еще бился, учитывая стараго. Такъ протянулось до половины августа.

Погода все это лѣто стояла жаркая, и отецъ мой, довольно-

но тучный отъ природы человѣкъ, очень страдалъ отъ нея и отправлялся въ рѣчку купаться два раза на день... 14-го числа, — памятенъ мнѣ этотъ день! — возвращаюсь я съ однимъ деревенскимъ мальчикомъ, часу въ 6-мъ послѣ обѣда, со ржаного поля—поймали мы тамъ двухъ перепеловъ и очень счастливы были, — подходимъ къ дому... Вдругъ слышимъ со стороны рѣки несутся голоса, крикъ какой-то... Кинулись мы на этотъ крикъ... Не успѣли добѣжать до берега, — а намъ навстрѣчу нѣсколько человѣкъ, дворовые наши, несутъ на рукахъ тѣло, съ раскинутыми безжизненно руками... Я какъ увидѣлъ его, такъ и упалъ замертво.

Отца моего, какъ узналъ я уже потомъ, поразилъ въ водѣ апоплексическій ударъ. Онъ только вскрикнуть успѣлъ и опустился тутъ же подъ воду. Когда бывшій съ нимъ камердинеръ, замѣтивъ это, бросился одѣтый съ берега въ рѣку и вытащилъ его, онъ уже былъ мертвъ. А со мною сдѣлалась горячка, и я, какъ оказалось, на девятый только день пришелъ въ себя. Одинъ сердобольный сосѣдъ нашъ по имѣнію, узнавъ о положеніи сироты-мальчика, пріѣхалъ съ докторомъ посѣтить меня и перевезъ къ себѣ въ усадьбу, гдѣ я и оставался, пока мать моя, извѣщенная о случившемся, не успѣла пріѣхать за мною. Едва еще оправившагося отъ болѣзни, увезла она меня оттуда домой... Мы ѣхали по той же дорогѣ, по которой весною такъ весело катилъ я съ моимъ бѣднымъ отцомъ, такимъ тогда еще бодрымъ, молодымъ,—ему и 50-ти лѣтъ еще не было... А теперь, рядомъ со мною, въ той же колясѣ, сидѣла убитая горемъ матушка, въ черномъ съ головы до ногъ, исхудалая и блѣдная, и вся природа кругомъ точно хмурилась и плакала подъ стать ей: кропилъ день и ночь мелкій осенній дождикъ безъ перерыва и просвѣта... Я отъ слабости и унынія дремалъ почти всю дорогу. Просыпаюсь однажды опять раннимъ утромъ,—узнаю вдругъ мѣсто: тутъ именно, противъ самой этой станціи, подошла ко мнѣ старуха-цыганка,—и тутъ только въ первый разъ припомнились мнѣ ея слова: „Берегись августа мѣсяца“ и то, что *его* именно въ августѣ не стало. Невообразимый ужасъ охватилъ меня теперь, я кинулся на шею матери и разрыдался.

Арсеньевъ примолкъ, видимо очень взволнованный. И мнѣ, и Арнольди, вызвавшему его на этотъ разсказъ, было какъ бы теперь совѣстно глядѣть на него.

Но онъ осилилъ себя, улыбнулся черезъ мочь и продолжалъ:

— Съ тѣхъ поръ прошло шестнадцать лѣтъ. За это время пришлось мнѣ перенести много тяжелыхъ утратъ и даже несчастій. Я лишился довременно матери, любимой сестры, старшаго брата, чуть не задохся однажды со всею семьею въ загорѣвшемся у насъ ночью домѣ, чуть не убитъ былъ лошадью на охотѣ, прошелъ черезъ всякія болѣзни,—и все это, повѣрьте, случалось никакъ не въ иную пору, какъ въ томъ же роковомъ для меня августѣ мѣсяцѣ.

Прошло нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ возобновился разговоръ,—очень ужь поразительно подѣйствовалъ на меня съ Арнольди этотъ разсказъ.

Обѣдъ нашъ между тѣмъ пришелъ къ концу, мы отпили кофе. Я взглянулъ на часы.

— Мнѣ пора, сказалъ я, — меня ждутъ въ паркѣ. Извините.

Я поднялся, крѣпко пожалъ руку Арсеньеву, спросилъ, долго-ли онъ еще останется въ Москвѣ, и искренно подосадовалъ, получивъ отъ него въ отвѣтъ, что онъ собирается завтра же назадъ въ деревню, о томъ, что не увижусь съ нимъ болѣе (я чувствовалъ къ нему самое сердечное влеченіе); затѣмъ взялъ шляпу и уѣхалъ.

Вернулся я домой часу въ первомъ.

— Дома Левъ Ивановичъ? спросилъ я у сторожа, вышедшаго отворять мнѣ со свѣчею въ рукѣ.

— Съ часъ какъ вернулись.

Я прошелъ къ нему въ спальню.

Онъ лежалъ въ постели, опершись рукою на локоть, покоившійся на подушкѣ, и читалъ книгу.

— Гдѣ ты былъ? спросилъ я:—у Марьи Аполлоновны?

Онъ утвердительно кивнулъ.

Марья Аполлоновна Волкова—личность, съ которою имѣлъ случай познакомиться русскій читатель по письмамъ ея, на-

печатаннымъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ „Вѣстникѣ Европы“, подъ нелѣпымъ заглавіемъ „Грибоѣдовская Москва“. Заглавіе это, придуманное очевидно писакою-демократомъ, лишеннымъ всякаго литературнаго и историческаго чутья и никогда не видавшимъ порядочнаго общества, не имѣетъ ничего общаго съ сущностью и тономъ самихъ писемъ этой умной, живой, наблюдательной и образованной особы, принадлежавшей къ высшему кругу общества ея времени и пользовавшейся въ немъ большимъ уваженіемъ и сочувствіями. Старая дѣва, фрейлина императрицъ Маріи и Елисаветы, весьма цѣнимая императоромъ Николаемъ, любившимъ ея „прямодушную московскую рѣчь“ и искавшимъ бесѣдъ съ нею каждый разъ, какъ встрѣчалъ ее въ Москвѣ или Петербургѣ (куда она пріѣзжала изрѣдка, для свиданія съ родственною ей семьею Віельгорскихъ), — она въ тѣ дни, къ которымъ относится мое повѣствованіе, была уже почти 70-лѣтнею старушкою, но необыкновенно бодрою, юношески оживленною, съ некрасивымъ, похожимъ на ликъ мопса, но чрезвычайно умнымъ и привлекательнымъ въ этой невзрачности своей лицомъ. Съ утра затянутая въ корсетъ, по всѣмъ правиламъ традиціоннаго благоприличія, въ неизмѣнномъ чепцѣ на головѣ, острословка, страстная охотница посмѣяться, неизмѣнный другъ друзей своихъ, она въ своемъ небольшомъ, собственномъ одноэтажномъ домикѣ на Сѣнной площади, подлѣ Екатерининскаго института, въ которомъ все, отъ почтенныхъ сѣдыхъ слугъ и до фарфоровыхъ горшковъ съ цвѣтами на окнахъ, носило на себѣ печать старо-дворянскаго житья, возродившагося на пожарищахъ 12-го года,—представляла собою бережно сохранившійся образчикъ своеобразнаго духа, независимыхъ понятій и благовоспитанныхъ привычекъ образованныхъ людей того времени. Память у нея была огромная; читала она все интересное, дѣльное, появлявшееся тогда въ европейскихъ литературахъ, и слѣдила за событіями съ какою-то совершенно молодою жадностью. Собирались у нея раза три въ недѣлю играть въ вистъ; но карты были здѣсь гораздо скорѣе предлогъ, нежели цѣль. Между тремя роберами и по окончаніи ихъ шли оживленные разговоры о новостяхъ дня, о свѣже-вышедшей книгѣ,

о какой-нибудь статьѣ „Revue des deux Mondes“ или „Indépendance Belge“, которымъ мѣткія, всегда неожиданныя замѣчанія хозяйки и воспоминанія о прошломъ, воскресавшія въ ея памяти по этому поводу, придавали особенную занимательность. Общество при этомъ было всегда не многочисленное, люди коротко всѣ знакомые другъ съ другомъ, что̀ придавало обмѣну мыслей между ними характеръ особенной искренности и задушевности.

Къ Левушкѣ Арнольди Марія Аполлоновна питала большое благоволеніе. Онъ, въ свою очередь, никого не посѣщалъ съ такимъ удовольствіемъ, какъ ее, и не пропускалъ ни одного изъ ея пріемныхъ вечеровъ.

— Что̀, ты выигралъ? спросилъ я его.

— Не играли совсѣмъ, болтали... А что̀-жь ты меня не спрашиваешь, быстро перемѣняя разговоръ и садясь на кровать, проговорилъ онъ,—объ Иванѣ Яковлевичѣ?

— А ты былъ тамъ?

— Былъ... Съ Арсеньевымъ, примолвилъ онъ, и голосъ у него чуть-чуть дрогнулъ.

— Онъ согласился поѣхать?

— Да, я имѣлъ глупость уговорить его.

— А что̀?

— Вотъ слушай! началъ онъ съ видимымъ волненіемъ.— Пріѣзжаемъ мы; вводятъ насъ въ особую, довольно просторную комнату. Сидитъ этотъ уродъ, небритый, грязный, въ больничномъ халатѣ, спустивъ ноги со своей постели, и жадно, руками, ѣстъ цыпленка. Передъ нимъ пять, шесть какихъ-то мѣщанокъ и купчихъ въ платочкахъ, глядятъ на него, сложивъ руки, будто передъ образомъ. Слышимъ, одна изъ нихъ молитъ его стонущимъ голосомъ: „Помоги утробушкѣ моей, блаженный, заставь за себя вѣчно Бога молить!“ Молчитъ онъ и продолжаетъ ѣсть. Она ему въ ноги повалилась: „Помоги!“ вопитъ. А онъ ей на это: „Брысь“, какъ на кошку, оторвалъ мякоти отъ лежавшей передъ нимъ на столѣ краюхи хлѣба, скаталъ ее этими грязными, масляными руками и кинулъ ей на полъ шарикъ. Она поползла на колѣняхъ доставать его, подняла и вся дрожитъ отъ радости. „Что̀ прикажешь

съ эвтимъ дѣлать, блаженный?“—„Ѣшь!“ Она въ ротъ, проглотила и крестится... Меня чуть не стошнило, признаюсь. Я, однако, пересилилъ себя, — не уѣзжать же, разъ ужь здѣсь, — подхожу къ нему. „Скажи мнѣ что-нибудь, Иванъ Яковлевичъ?“ Онъ пристально поглядѣлъ на меня, — глаза у него острые, умные, совсѣмъ не юродивые,—и отвѣчаетъ: „Не великъ червякъ, а и сосну одолѣетъ“.

Я невольно засмѣялся.

— Что же, говорю Левушкѣ, — для такого честолюбца, какъ ты, это даже лестно.

— Ты сказалъ! усмѣхнулся и онъ.—Отошелъ я отъ него къ Арсеньеву. А онъ стоитъ у дверей въ самой глубинѣ комнаты, и на лицѣ у него написано глубокое отвращеніе и какой-то ужасъ... И не могу я себѣ простить, воскликнулъ Арнольди съ отчаяньемъ, ударяя рукою по одѣялу,—присталъ я, чтобы онъ подошелъ, тоже спросилъ что-нибудь... А тотъ...

Голосъ оборвался у него на этомъ словѣ...

— Что же!..

— А тотъ, какъ только увидѣлъ его, откинулся спиною къ стѣнкѣ, замахалъ руками и закричалъ: „Бойся августа мѣсяца, бойся августа мѣсяца!..“

— Что ты? воскликнулъ я, опускаясь къ нему на постель: у меня ноги подгибались.

— Буквально, какъ тебѣ говорю, подтвердилъ, блѣдный какъ полотно, Арнольди.

— Что же Арсеньевъ? спросилъ я.

— Такъ и замеръ на мѣстѣ... Я думалъ, онъ въ обморокъ упадетъ. Однако, ничего, выдержалъ. Я его взялъ подъ руку, увелъ, воды заставилъ выпить...

— Сказалъ тебѣ что-нибудь?

— Одно только слово: „Вы видите!“ И улыбнулся при этомъ такъ, что я того вѣкъ не забуду...

Прошло девять лѣтъ. Много перемѣнъ произошло за то время въ нашей съ Левушкою судьбѣ. Оба мы перешли опять на службу въ Петербургъ: я — въ государственную канцеля-

рію, онъ—въ министерство внутреннихъ дѣлъ, откуда назначенъ былъ вице-губернаторомъ въ Калугу. Онъ поселился тамъ съ молодою женою, Варварою Дмитріевною (домъ отца ея, Дмитрія Николаевича Свербѣева *), на Собачьей площадкѣ, былъ очень въ свое время извѣстенъ въ Москвѣ происходившими въ немъ горячими преніями собиравшихся туда славянофиловъ и западниковъ, равно привлекаемыхъ любезною гостепріимностью умныхъ и образованныхъ хозяина его и хозяйки), и принялся ревностно за службу. Но планамъ его на карьеру, на которую способности его давали ему несомнѣнно право, не суждено было осуществиться. Чахотка, грозившая ему дѣйствительно съ юныхъ лѣтъ, начала сказываться уже совершенно опредѣленно, когда перевалило ему за 35-тилѣтній возрастъ. Онъ принужденъ былъ выйти въ отставку, переѣхалъ жить на югъ, въ Одессу, потомъ за границу... Мы не видѣлись съ нимъ года четыре. Въ 1859 году въ началѣ сентября, возвращаясь изъ Баденъ-Бадена, гдѣ я провелъ большую часть лѣта, встрѣтился я съ нимъ на „Прусскомъ Орлѣ“, пароходѣ, совершавшемъ тогда почтовые рейсы между Штетиномъ и Петербургомъ. Мы очень обрадовались другъ другу, но я былъ скорбно пораженъ его болѣзненнымъ видомъ. Онъ возвращался изъ Содена, гдѣ выдержалъ курсъ, въ Москву, къ женѣ, гостившей у родителей. Онъ говорилъ, что Соденъ замѣтно помогъ ему, но что полнаго исцѣленія онъ не ждетъ и давно знаетъ, что ему суждено умереть рано. Онъ при этомъ былъ очень бодръ и ясенъ духомъ и какъ-то особенно кротокъ... Выйдя изъ рѣки въ море, пароходъ нашъ начала довольно сильно качать засвѣжѣвшая погода, сопровождавшая насъ до самаго Кронштадта. Вѣтеръ былъ, впрочемъ, попутный и качка довольно сносная. Спутники наши, не смотря

*) Д. Н. Свербѣевымъ напечатано было въ „Русскомъ Архивѣ“ нѣсколько чрезвычайно интересныхъ отрывковъ изъ воспоминаній его объ этомъ времени и крупныхъ людяхъ—посѣтителяхъ его гостиной, между прочимъ объ одинокой, печальной кончинѣ Герцена, котораго, въ одну изъ поѣздокъ своихъ въ Парижъ, нашелъ онъ въ гробу, поставленномъ на четырехъ стульяхъ посреди комнаты, занимаемой имъ гдѣ-то въ отелѣ, въ видѣ какой-то поклажи, безъ псаломщика, безъ единой души при немъ...

на это, скоро попрятались по своимъ каютамъ; но ни мой бѣдный Левушка, ни я не страдали морскою болѣзнью и просиживали всѣ дни вдвоемъ на палубѣ, припоминая прошлые дни и вздыхая о нихъ... Онъ говорилъ мнѣ, между прочимъ, какъ о „патологическомъ“ фактѣ, что въ немъ какъ-то вдругъ, съ утра на вечеръ, замерло то честолюбивое чувство, которое развито было въ немъ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ. „Проснулся въ одинъ прекрасный Божій день и вдругъ почувствовалъ, что все это такой вздоръ, дребедень, что надо просто жить, какъ живутъ птицы, какъ трава растетъ, жить, смирясь и думая о душѣ своей...“

— А помнишь, сказалъ я смѣясь, — какъ Иванъ Яковлевичъ предсказывалъ тебѣ, что ты „сосны одолѣвать“ будешь.

Онъ уныло усмѣхнулся и вспомнилъ въ свою очередь:

— Да, ты знаешь, Арсеньевъ этотъ, который со мною тогда у него былъ...

— Ну? вскрикнулъ я съ любопытствомъ.

— Онъ умеръ скоропостижно, отъ разрыва сердца...

— Давно?

— Три года назадъ; мнѣ разсказывалъ одинъ его сосѣдъ, съ которымъ встрѣтился я въ Парижѣ, и какъ предсказано было ему, въ томъ же роковомъ для него августѣ мѣсяцѣ.

Четыре мѣсяца послѣ этого послѣдняго свиданія моего съ Арнольди не стало и его самого. Онъ умеръ въ январѣ 1860 года.

ИЗЪ ПРОЖИТЫХЪ ДНЕЙ *).

II.

Профили старыхъ временъ.

Поколѣніе, къ которому принадлежу я, было дѣйствительно „воспитано на Пушкинѣ“. Мнѣ шелъ девятый годъ, когда попалась въ руки послѣдняя пѣснь Онѣгина, издававшагося, какъ извѣстно, поэтомъ отдѣльными книжками, по мѣрѣ написанныхъ имъ главъ. Помню до сихъ поръ, какъ поражено было мое молодое существо музыкальною прелестью первыхъ прочтенныхъ мною строкъ:

Въ тѣ дни, когда въ садахъ лицея
Я безмятежно расцвѣталъ,
Читалъ охотно Апулея,
А Цицерона не читалъ;
Въ тѣ дни, въ таинственныхъ долинахъ,
Весной при кликахъ лебединыхъ,
У водъ сіявшихъ въ тишинѣ...

Эта музыкальность именно,—я слишкомъ малъ былъ, разумѣется, чтобы имѣть возможность цѣнить то существенное, что̀ облекалось въ эти божественные звуки,—врѣзалась сразу въ мою память. За обѣдомъ, къ удивленію и смѣху отца моего и матери, я прочелъ наизусть эту первую строфу только-что появившейся восьмой главы... О Пушкинѣ слышалъ я впрочемъ и ранѣе. Отецъ мой, страстный его поклонникъ, усѣвшись въ

*) Впервые напечатано въ №№ 164, 165, 167, 168 и 170 „С.-Петерб. Вѣдомостей“, 16-го, 17-го, 19-го, 20-го и 22-го Іюня 1884 года.

сумерки за фортепіано, подбиралъ аккорды къ распѣваемымъ въ тѣ дни по всей Россіи „Талисману“ и „Тройкѣ“, и на мотивъ послѣдней пѣвалъ пушкинскую „Телѣгу жизни“. „Птичку Божію“ выучила меня съ голоса мать, вмѣстѣ со „Стрекозою“ и „Осломъ и соловьемъ“ Крылова, когда я еще не умѣлъ читать. И по мѣрѣ того, какъ росъ я, все шире, живительнѣе и слаще набѣгала, охватывала и уносила меня въ бодрящее теченіе свое пушкинская волна, если дозволено мнѣ будетъ такъ выразиться.

Когда мнѣ минуло десять лѣтъ, мнѣ дали „русскаго учителя“. Съ глубокою благодарностью и любовью вспоминаю я о немъ. Звали его Василій Григорьевичъ Юшковъ. (Онъ у меня подъ этимъ же именемъ воспроизведенъ, смѣю сказать фотографически, въ романахъ моихъ: „Четверть вѣка назадъ“, „Переломъ“ и „Бездна“). Ему въ то время было лѣтъ 26—27; это былъ чистѣйшій идеалистъ тѣхъ далекихъ временъ, воспитанный въ свою очередь на Жуковскомъ и вносившій въ жизнь, въ отношенія къ ученикамъ своимъ, всю ту какую-то женственную чистоту и нѣжность, ту нѣсколько сентиментальную мечтательность, которыми отличался его кумиръ, безсмертный творецъ „Свѣтланы“ и „Людмилы“, какъ выражался онъ. Уроки его были для меня настолько же наслажденіемъ, насколько мукою преисполняла меня нѣмецкая грамматика Гейнзіуса, которую преподавалъ мнѣ въ то же время суровый гувернеръ мой, пруссакъ Музольфъ. Я какъ-то чрезвычайно быстро прошелъ сквозь дебри отечественнаго правописанія и синтаксиса и продѣлалъ весь курсъ упражненій въ орѳографіи по составленной Гречемъ книгѣ, въ которой заключался рядъ фразъ и маленькихъ разсказовъ съ нарочитыми ошибками въ правописаніи и конструкціи, которыя ученикъ долженъ былъ исправлять и возстановлять грамматически правильно... Помню одинъ эпизодъ, относящійся до этихъ упражненій и очень характерно рисующій моего милаго Василія Григорьевича. Въ книгѣ была, между прочимъ, фраза: „Въ рощѣ поетъ соловей“. Я очень хорошо понималъ, что здѣсь шла рѣчь о пѣніи и что поэтому слѣдуетъ поставить третье лицо настоящаго времени изъявительнаго наклоненія

отъ глагола „пѣть“, но подумалъ—и написалъ въ своей тетради такъ, какъ было напечатано въ книгѣ. „Ай-ай-ай, воскликнулъ Юшковъ, когда я ему подалъ заданное упражненіе,— какъ же вы, милый, могли пропустить такую грубую ошибку“? — „Я знаю, отвѣтилъ я, — что слѣдуетъ собственно написать поетъ, потому что соловей — птица, но я думалъ, — именно потому, что онъ такъ сладко поетъ,—что его можно назвать также поэтомъ“... Никогда не забуду выраженія его лица: глаза его заморгали, онъ захватилъ мою голову обѣими руками. „Ахъ мой милый, милый мальчикъ!“—и заплакалъ...

Не смотря на свое личное пристрастіе къ Жуковскому (слезы буквально точились изъ его глазъ, когда онъ читалъ, бывало, мнѣ подъ конецъ урока „Эолову арфу“: „Владыка Морвены, жилъ въ дѣдовскомъ замкѣ могучій Орданъ...“), Василій Григорьевичъ признавалъ Пушкина не менѣе великимъ поэтомъ; рядомъ со „Свѣтланою“ и „Пѣвцомъ въ станѣ русскихъ воиновъ“ онъ диктовалъ мнѣ, для выучки затѣмъ наизусть, „Вѣщаго Олега“ и „Полтаву“, изъ которой, впрочемъ, тщательно выключались имъ строки, относящіяся до любовныхъ отношеній Мазепы къ Маріи, „какъ менѣе интересныя“, объяснялъ онъ. Онъ такъ былъ чистъ душою, что помимо руководившихъ его очевидно при этомъ соображеній, что объ атомъ „рано знать“ двѣнадцатилѣтнему мальчику, самъ, надо полагать, краснѣлъ, когда попадались ему на глаза подобныя „мѣста“ въ книгахъ... Душевная чистота эта, юношеская восторженность сохранились въ немъ, какъ старая влага драгоцѣннаго вина въ засмоленной бутылкѣ, до позднихъ лѣтъ. Четверть вѣка послѣ того, когда, оба рыдая, разстались мы съ нимъ въ Кіевѣ, откуда родные мои переѣзжали на жительство въ деревню, мнѣ однажды утромъ, въ Петербургѣ, доложилъ слуга о „какомъ-то старичкѣ“, который приходилъ уже седодня рано утромъ и, узнавъ, что я сплю еще, не приказалъ будить, ушелъ, а теперь опять вернулся и спрашиваетъ меня.

— Кто такой?

— Не сказывали, а велѣли только сказать: узнаете-ли вы?

— Проси.

Входитъ, дѣйствительно, старичекъ, видимо провинціалъ, сѣдой, съ большими голубыми, влажными глазами.

— Узнаете? спрашиваетъ онъ меня дрожащимъ голосомъ, называя меня по имени.

— Виноватъ.

— Юшковъ.

— Василій Григорьевичъ!

И мы кинулись другъ другу въ объятія. Онъ отыскалъ меня по справкѣ изъ адреснаго стола и явился „обнять милаго ученика“, не забытаго имъ въ теченіи всего этого долгаго времени. Я былъ несказанно обрадованъ этому свиданію. Онъ уѣзжалъ на другой же день, куда-то спѣшилъ по дѣлу, и я только узналъ отъ него, что онъ все время, „послѣ учительства въ гимназіи“, занималъ должность смотрителя уѣзднаго училища въ городѣ Б., Харьковской губерніи, а теперь выслужилъ пенсію и собирается „на покой“ въ томъ же городѣ. Но онъ былъ все тотъ же, какъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ. Входя въ мой скромный холостой кабинетъ, онъ увидѣлъ на полкахъ библіотеки подобранный рядъ русскихъ и иностранныхъ поэтовъ. Голубые глаза его такъ и засіяли. „Пушкинъ, Жуковскій, Шиллеръ, Гёте, громко прочелъ онъ,—вѣренъ, милый, прежнему, вѣренъ!“—и кинулся обнимать меня еще разъ.

Въ деревнѣ мы прожили три года безвыѣздно. Тамъ русскій языкъ soi-disant преподавалъ мнѣ пріѣзжавшій изъ сосѣдняго города, сонный и точно разбитый весь учитель уѣзднаго училища, нѣкто Семеновскій. Изъ воспоминаній о немъ осталось у меня лишь то, что онъ однажды, оставшись очень доволенъ передѣланнымъ мною на русскіе нравы изъ французской дѣтской повѣстушки разсказомъ, представленнымъ мною ему въ видѣ упражненія, сказалъ мнѣ, что „эта вещица достойна быть напечатанною“. Онъ велѣлъ мнѣ переписать разсказъ мой начисто и, дѣйствительно, послалъ его, при письмѣ отъ себя, въ редакцію издававшагося тогда Очкинымъ „Дѣтскаго Журнала“, который мы въ деревнѣ получали, вмѣстѣ съ „Сѣверною Пчелою“ и „Библіотекою для Чтенія“ Сенковскаго (которую я, сказать кстати, жадно прочи-

тывалъ отъ доски до доски, уходя съ книгою въ какой-нибудь дальній уголъ дома или сада, такъ какъ боялся, чтобы ее у меня не отняли). Какъ описать мое торжество и радость, когда въ слѣдующемъ же нумерѣ привезеннаго намъ почтою „Дѣтскаго Журнала“ я увидѣлъ въ немъ напечатанную „какъ есть“ мою „Золотую монету“, съ подстрочною замѣткою „отъ редакціи“ слѣдующаго содержанія: „Повѣсть эта прислана намъ отъ имени тринадцатилѣтняго мальчика. Съ удовольствіемъ печатаемъ ее, чтобы не лишить новаго сочинителя заслуженной имъ чести“. Я ногъ подъ собою не чувствовалъ и въ продолженіи нѣсколькихъ дней смотрѣлъ на братьевъ и сестру съ глубочайшимъ презрѣніемъ. „Я сочинитель, а вы кто!“ говорилъ я имъ съ высоты своего величія... Вслѣдъ затѣмъ въ „Дѣтскомъ Журналѣ“ помѣщено было еще нѣсколько моихъ разсказовъ, состоявшихъ изъ передѣланныхъ въ повѣствовательной формѣ историческихъ эпизодовъ, которые я вычитывалъ въ Карамзинѣ... Я вслѣдствіе этого самымъ серьезнымъ образомъ представлялъ себѣ, что непремѣнно долженъ буду сдѣлаться „большимъ сочинителемъ“, такъ какъ въ разныхъ французскихъ книжкахъ, писанныхъ для юношества, которыя, вмѣстѣ съ другими, выписывались въ большомъ числѣ отцомъ моимъ изъ Петербурга, я вычиталъ, что большинство извѣстныхъ писателей, а также художниковъ и музыкантовъ, начинали рано, „то-есть, какъ я“. Но мечты мои какъ-то разомъ вдругъ обрушились и развѣялись затѣмъ на много-много лѣтъ.

Я прочелъ только-что появившіеся тогда „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“.

Никогда ничто „въ прозѣ“ не производило до тѣхъ поръ на меня такого впечатлѣнія. Тутъ въ первый разъ въ моей 13-лѣтней головѣ сказалось, что не нужно риѳмъ, не нужно размѣренныхъ строчекъ, чтобы вызывать въ читающемъ то самое „восхищеніе“, какое производилъ на меня стихами своими Пушкинъ. Даже напротивъ, иные стихи теперь наводили на меня просто скуку, какъ напримѣръ „Торквато Тассо“ Кукольника, котораго Сенковскій въ это время превозносилъ до небесъ въ своей „Библіотекѣ для Чтенія“, между тѣмъ

какъ этотъ никому неизвѣстный Рудый Панько (имя Гоголя еще не стояло на этомъ первомъ его изданіи,) меня просто „съ ума сводилъ своею прелестью“. Ощущеніе, возбуждаемое во мнѣ его разсказами, было тѣмъ сильнѣе, что я имѣлъ въ нѣкоторой степени возможность повѣрять по существу все, что было въ нихъ „настоящей правды“. Я жилъ на землѣ „старой гетманьщины“, подъ Уманью, мнѣ знакомы были не по одной этой книгѣ божественныя украинскія ночи, заросшіе вербами пруды, вишневые сады съ ихъ ссыпающимся весною снѣжно-розовымъ цвѣтомъ, бѣло-вымазанныя хаты подъ золотистою соломою крышъ, паробки, „колядующіе“ въ пору святочныхъ вечеровъ подъ замерзлыми оконцами широко раскинувшагося села, бурсаки изъ кіевскаго братскаго монастыря, въ Рождество приходившіе къ намъ въ домъ съ „вертепомъ“, въ которомъ, облеченные въ тряпички, фольгу и золотую бумагу, проходили предъ восторженно-изумленными дѣтскими взорами нашими ясли съ божественнымъ младенцемъ, и Пресвятая Матерь, и волхвы, предшествуемые звѣздою, и царь Иродъ въ зубчатой коронѣ, и, въ заключеніе, какой-то, помню, съ кѣмъ-то бодавшійся козелъ изъ бѣлой ваты, съ длинными золотыми рогами... И при этой близко знакомой мнѣ дѣйствительности, все это невыразимое обаяніе содержанія: Левко и Ганна, и Голова, и замученная злою мачихою „панночка“ Оксана, съ ея черевичками, которые влюбленный кузнецъ Вакула ѣздилъ верхомъ на чортѣ добывать для нея съ ножки самой царицы въ Петербургѣ, и колдунъ Пасюкъ, которому изъ миски прыгаютъ сами галушки въ ротъ... Выразить-ли мнѣ теперь то былое, словно всего меня насквозь пронизывавшее обаяніе этихъ образовъ, этихъ картинъ!.. И какъ чисты, здоровы, благотворны были впечатлѣнія, вносимыя подобными книгами въ открывавшіяся тогда къ жизни молодыя души! Ихъ не дано было знать, увы! позднѣйшимъ поколѣніямъ, воспитавшимся на Некрасовѣ и критикахъ покойнаго „Современника“.

Я не разставался съ „Вечерами на хуторѣ“, заучивалъ изъ нихъ наизусть цѣлыя страницы, бралъ изъ нихъ мотивы для сочиненія драматическихъ сценъ, которыя разыгрывалъ съ

братьями и сестрою въ праздничные зимніе вечера. Но сочинительство свое за то я отложилъ окончательно въ сторону, совершенно ясно выведя въ головѣ такое заключеніе, что „такъ сочинять, какъ этотъ Рудый Панько, я никогда не буду въ состояніи, а слѣдовательно лучше не сочинять и вовсе“...

Одолѣвалъ уже очень меня при этомъ французскій языкъ и упражненія во французскомъ стихотворствѣ. Родители мои имѣли рѣдкое въ то время счастье напасть на француза-гувернера, дѣйствительно благовоспитаннаго, образованнаго и нравственнаго. М-г Queiréty (я его тоже выставилъ подъ настоящимъ его именемъ въ романѣ моемъ „Забытый вопросъ“, въ которомъ нашли себѣ мѣсто многіе дѣйствительные эпизоды изъ моей юношеской жизни) былъ родомъ изъ южной Франціи, провансалецъ, безъ всякаго, впрочемъ, провансальскаго акцента, и поэтъ ламартиновской школы. Онъ писалъ очень недурные стихи, исполненные чувства безконечной тоски по родинѣ, которую онъ долженъ былъ покинуть „pour gagner son pain sur la terre étrangère и о возвращеніи въ которую онъ страстно, болѣзненно думалъ каждый день. Но ему не суждено было увидѣть опять затопленные солнцемъ виноградники и нивы своей „belle Provence“. Скоротечная чахотка унесла его 37 лѣтъ отъ роду, въ какіе-нибудь три-четыре мѣсяца, къ величайшему огорченію всей нашей семьи, любившей его, какъ роднаго... Никогда не забуду одного утра зимою, дня три передъ его кончиною. Кругомъ его постели сидѣли матушка, тетка, гостившая у насъ, 12-тилѣтняя сестра моя и я. Queiréty дремалъ, тяжело дыша, покрытый по горло одѣяломъ. Печать смерти уже лежала на его осунувшемся, блѣдномъ, какъ саванъ, лицѣ, на его ввалившихся, посинѣвшихъ губахъ. Онъ вдругъ открылъ глаза и повернулъ ихъ къ окну. Тамъ за стеклами—поднявшаяся метель несла хлопьями крупный, ослѣпительный снѣгъ. Онъ судорожно откинулъ голову въ сторону моей матери и зарыдалъ: „Oh, madame, il n'y a jamais de neige dans mon pays, promettez-moi qu'il n'y en aura pas sur ma tombe“... Завѣтъ его былъ свято исполненъ: на уманьскомъ католическомъ кладбищѣ, надъ камнемъ, поставленнымъ отцомъ моимъ надъ его могилою, соору-

жена была желѣзная крыша, съ которой церковному сторожу приказано было тщательно сметать снѣгъ, когда онъ покрывалъ ее, что̀ и соблюдалось до самой той поры, когда мы навсегда покинули эти мѣста...

Мѣсяца полтора до смерти Queiréty испыталъ большую радость. Онъ получилъ изъ Петербурга напечатанное имъ тамъ изданіе, экземпляровъ въ 1,000, стихотвореній своихъ, подъ общимъ заглавіемъ: „Fleurs de l'éxil". Кромѣ нашей семьи и двухъ-трехъ сосѣдокъ нашихъ, чувствительныхъ до поэзіи, едва-ли кто другой въ Россіи, а на родинѣ его тѣмъ паче, имѣлъ въ рукахъ эти „цвѣты изгнанія" бѣднаго француза...

Къ преподавательскимъ своимъ обязанностямъ Queiréty относился не только добросовѣстно, но и съ выходящею изъ всякихъ предѣловъ ревностью. Мы учились буквально цѣлый день, отъ девяти часовъ утра до трехъ, т.-е. до обѣда, и затѣмъ отъ шести до девяти. Ложились спать въ десять. Такимъ образомъ, отдохновеніемъ пользовались мы только въ теченіи трехъ часовъ послѣ обѣда и одного до минуты сна. И это безъ перерыва, круглый годъ, зимою, какъ лѣтомъ. Три раза въ недѣлю пріѣзжалъ давать намъ уроки латинскаго языка пресмѣшной монахъ уманьскаго греко-уніатскаго базиліанскаго монастыря (вскорѣ затѣмъ упраздненнаго), по фамиліи Дашкевичъ, носившій длинную черную сутану, полы которой онъ вѣчно придерживалъ руками, такъ какъ подъ нею не носилъ ничего, кромѣ нижняго бѣлья, а въ домѣ были дамы, „пани",—ихъ же онъ страшно боялся, и при встрѣчѣ съ ними краснѣлъ и опускалъ глаза, какъ мальчикъ. Преподавалъ онъ мнѣ по-нѣмецки, такъ какъ по-польски я не зналъ. Латинистъ онъ былъ посредственный, но латинскимъ склоненіямъ и спряженіямъ выучилъ меня довольно твердо. Въ другіе три дня недѣли являлся на два часа Семеновскій, кромѣ русскаго языка преподававшій намъ математику, въ которой съ первыхъ же дней преподаванія ея мнѣ и до послѣдняго затѣмъ времени пребыванія моего въ гимназіи я оказался сущимъ идіотомъ. Все остававшееся отъ этихъ уроковъ время посвящено было французскому языку, исторіи, миѳологіи и географіи, которыя преподавались намъ m-r Queiréty.

Даже географіи Россіи учились мы по-французски, по изданной на этомъ языкѣ книгѣ Всеволожскаго. Наставникъ нашъ гналъ насъ, какъ выгоняютъ садовники цвѣты въ парникѣ. Въ два года времени я, какъ старшій, прошелъ съ нимъ полный подробный курсъ французской грамматики и словесности отъ Alain Chartier и Charles d'Orléans, поэтовъ XIV и XV вѣковъ, до Виктора Гюго и романтиковъ включительно, и искусился во всѣхъ тонкостяхъ французскаго стихосложенія по трактату Буаста. Исторію „отъ мидянъ и персовъ" прошелъ я также довольно подробно, до самой семилѣтней войны, такъ что затѣмъ въ гимназіи не открывалъ уже ни разу ни одного русскаго учебника, содержаніе которыхъ заключалось въ рамкахъ гораздо болѣе узкихъ, чѣмъ тѣ, въ какихъ учился я исторіи у моего француза-наставника.

Четырнадцати лѣтъ отъ роду я поступилъ въ пятый гимназическій классъ ришельевскаго лицея, въ Одессѣ, куда родные мой переселились на жительство изъ деревни. Тамъ между учителями были еще тогда курьезнѣйшіе экземпляры старосвѣтскихъ педагоговъ. Нѣкто Жуковъ, напримѣръ, малороссъ, съ сильнѣйшимъ хохлацкимъ акцентомъ, преподавалъ намъ исторію по Кайданову, „отъ такой-то страницы до такой-то", т. е. читалъ просто вслухъ, прижмуривъ лѣвый глазъ, данное число страницъ учебника, которыя имѣли мы выучить „къ будущему разу". Длина заданнаго урока зависѣла отъ болѣе или менѣе игриваго расположенія его духа. Игривости было менѣе вообще, когда урокъ въ гимназіи приходился послѣ часа урока его въ женскомъ институтѣ, гдѣ онъ преподавалъ русскую словесность. Онъ тогда особенно сильно смущался гамомъ и драчбою учениковъ при входѣ его въ классъ и начиналъ съ крику: „Смирно, гайдамаки, пираты!" а затѣмъ, когда шумъ умолкалъ, принимался за назиданіе, въ которомъ главнымъ мотивомъ служило сравненіе „благочинія молодыхъ отроковицъ" съ нашимъ „негодяйствомъ". Въ первый разъ, когда, по поступленіи моемъ въ гимназію, вызвалъ онъ меня отвѣчать,—какъ теперь помню, о первой пунической войнѣ,—я началъ было довольно подробно по французскому руководству Сегюра, по которому проходилъ древнюю исторію

дома. Жуковъ нахмурился, поглядѣлъ на меня съ высоты каѳедры и остановилъ величественнымъ движеніемъ руки: „Не распространяйся, ох(ф)ранцуженное дытя, держысь книжечки!“ И затѣмъ не спрашивалъ меня уже ни разу до окончанія курса, а на экзаменахъ, не успѣвалъ я бывало еще раскрыть рта, говорилъ мнѣ „довольно“ и ставилъ полный баллъ—12.

Совершенно въ другомъ родѣ, но не менѣе курьезный и забавный типъ представлялъ собою учитель латинскаго языка старшихъ классовъ, Кнорре, или, какъ неизмѣнно назывался онъ всею гимназіею, „Domine Кнорре“. Представьте себѣ плечистаго и рослаго, вершковъ 12, человѣка лѣтъ сорока, съ гладко, по-рекрутски, обстриженною головою, огромными, шлепающими, какъ у негра, губами, переломленнымъ по самой серединѣ носомъ и судорожнымъ подергиваньемъ всѣхъ членовъ тѣла, дѣлавшимъ его поразительно похожимъ на какую-то огромную куклу театра маріонетокъ, руки и ноги которой двигаютъ за кулисами какія-то невидимыя нити. При этомъ голосъ какъ изъ бочки, и внезапные взрывы смѣха въ родѣ ослинаго рева. Мягкій и уступчивый, какъ женщина, въ обычномъ теченіи жизни, на него находили иной разъ припадки вспыльчивости, гдѣ онъ ничего не помнилъ и готовъ былъ бы убить, кажется, того, кто въ эту минуту возбуждалъ его болѣзненный гнѣвъ. Онъ былъ грозою маленькихъ классовъ, надзоръ за которыми порученъ былъ ему, какъ помощнику инспектора, и въ которыхъ мальчишки усердно стремились раздразнить и вывести изъ себя эту громадную фигуру, съ задоромъ мосекъ, лающихъ на слона. Никогда не забуду одной сцены. Всѣ гимназическіе классы лицея помѣщались вдоль одного длиннаго, монастырскаго пошиба, корридора (лицей построенъ былъ, въ пору генералъ-губернаторства герцога Ришелье, іезуитами для школы, основанной ими тамъ, и въ которой состоялъ принципаломъ извѣстный аббатъ Nicole, бывшій прежде того руководителемъ такой же школы въ Петербургѣ), въ который во время перемѣнъ и высыпала шумною ордою вся ученическая толпа. Кнорре неизмѣнно въ эту пору укоренялся, словно дубъ, посреди корридора, противъ одной

изъ дверей своихъ классовъ, и наблюдалъ за порядкомъ. Мальчишки гикали, прыгали кругомъ него, дергали за полы его длиннаго, однобортнаго, со стоячимъ воротникомъ, форменно-синяго цвѣта сюртука, съ форменными же золотыми пуговицами, который онъ самъ себѣ сочинилъ и постоянно носилъ, вопреки положенію, вмѣсто установленнаго тогда мундирнаго фрака. Пока все это, по его мнѣнію, было только „Kinderspiel", онъ былъ кротокъ какъ агнецъ, самъ гоготалъ и даже игралъ, бѣгалъ и ловилъ маленькихъ первоклассниковъ; но когда шалость переходила въ „Skandal" и расходившіеся мальчуганы переставали повиноваться его „Stille" и "Нэ съ такой шумъ!" онъ начиналъ сначала браниться. Брань же его состояла въ двухъ, грозно произносимыхъ словахъ, не имѣющихъ впрочемъ на нашемъ языкѣ никакого ругательнаго свойства, а именно: „Земледѣльцы! хлѣбопашцы!" Это должно было значить собственно „мужики", но такъ какъ въ нѣмецко-русскомъ словарѣ, въ которомъ Domine Кнорре, въ первую пору своей педагогической дѣятельности въ русскихъ заведеніяхъ, искалъ перевода нѣмецкаго слова Bauer, онъ прочелъ первыя стоявшія: „земледѣлецъ, хлѣбопашецъ", то и зазубрилъ ихъ на память, пропустивъ безъ вниманія слѣдовавшіе „крестьянинъ" и „мужикъ", изъ которыхъ только послѣднее соотвѣтствовало именно тому бранному смыслу, который требовался ему для обихода съ „ungebildeten russischen Schülern". Russische Shüler, разумѣется, разражались нескончаемымъ хохотомъ въ отвѣтъ на эту брань. Въ гигантѣ просыпался тогда левъ, и горе уже тому изъ дерзновенныхъ, кто подвертывался ему подъ руку. Въ тотъ день, о которомъ я говорю, попались ему именно такіе двое, изъ которыхъ одинъ былъ десятилѣтній младшій братъ мой. Кнорре ухватилъ одного изъ нихъ правою, а другаго лѣвою рукою за воротники ихъ растегнутыхъ сюртучковъ, и, растянувъ эти руки во всю ихъ безконечную длину, понесъ à bras tendus дрыгавшихъ ножками на разстояніи полуаршина отъ пола и ревущихъ бѣлугами отъ боли и страха преступниковъ черезъ весь корридоръ, по направленію карцера, помѣщавшагося въ нижнемъ этажѣ зданія. Но на половинѣ пути гнѣвъ успѣлъ съ него соскочить; онъ механическимъ движе-

ніемъ уронилъ, разжавъ пальцы, мальчишекъ на зе́млю, прочелъ имъ подобающую нотацію и отпустилъ затѣмъ съ Богомъ, поцѣловавъ и притомъ,—по неизмѣнной своей въ этихъ случаяхъ привычкѣ, — щелкнувъ ихъ пальцемъ по лбу... Оригиналъ онъ былъ первостепенный. Окончивъ курсъ въ дерптскомъ университетѣ, онъ вздумалъ совершить по образу пѣшаго хожденія „діагональное“ путешествіе съ сѣверо-востока на юго-западъ Европы, а именно отъ Дерпта до Лиссабона. И совершилъ его, какъ разсказывалъ онъ бывало намъ въ классѣ, въ два съ половиною года, питая постоянную мечту въ томъ же діагональномъ, но наперекрестъ прежняго, направленіи предпринять новый вояжъ, отъ Тифлиса и до Гебридскихъ острововъ.

— И все это пѣшкомъ; черезъ моря на острова? пресерьезно спросилъ кто-то изъ насъ.

— Ну, черезъ море можно на лодка ѣхать, потому ноги до дна не достанутъ! какъ бы не менѣе серьезно отвѣчалъ Кнорре, и тутъ же, очень довольный своимъ вицемъ, захохоталъ своимъ ослинымъ ревомъ...

Онъ по природѣ своей былъ настоящій „буршъ“, и анекдотамъ, болѣе или менѣе достовѣрнымъ, о немъ въ гимназіи не было конца. Разсказывали, между прочимъ, что обѣдалъ онъ однажды у законоучителя лицея, протоіерея Павловскаго, человѣка весьма умнаго, чтимаго во всей Одессѣ, и между ними произошелъ слѣдующій разговоръ:

— Скоро постъ наступаетъ, Domine Кнорре, говоритъ ему, въ видѣ шутки, хозяинъ,—намѣрены вы поститься?

— О, нэтъ, никогда! хохочетъ Кнорре.

— Почему же такъ?

— Почэму? Нэ въ мой религія это приказано.

— Да, я знаю, говоритъ опять Павловскій, — что лютеранство отвергаетъ посты. Я позволю себѣ замѣтить однако, что оно при этомъ забываетъ примѣръ, поданный единымъ для всѣхъ христіанъ божественнымъ учителемъ нашимъ, Іисусомъ Христомъ, который сорокъ дней и сорокъ нощей...

— Ну, это хорошо для Исусъ Христосъ, прерываетъ его тотъ,—онъ Богъ билъ (былъ), а не я такой глупецъ буду...

Кнорре любилъ выпить—и сильно. Увѣряли даже, что онъ

ложился каждый вечеръ спать не иначе, какъ мертвецки пьяный, но никто изъ учениковъ однако не видалъ его въ такомъ состояніи. Умеръ онъ года два по выпускѣ моемъ изъ лицея, отъ воспаленія брюшины. Старые товарищи мои разсказывали мнѣ впослѣдствіи, что за день до смерти посѣтилъ его пасторъ, которому онъ весьма истово выражалъ вѣру свою въ безсмертіе души и желаніе покончить скорѣе съ земною жизнью, „такъ какъ тамъ должно быть гораздо болѣе интересно (es soll dort vielmehr interessant sein...)

Учитель онъ былъ далеко неудовлетворительный: превосходный самъ латинистъ, онъ лишенъ былъ всякой способности приноровлять свои познанія къ уровню требованій гимназическаго преподаванія. Extemporolia онъ намъ не задавалъ почти никакихъ и, читая съ нами Цезаря и Саллюстія, требовалъ только бѣглаго перевода и „a verbo“, то-есть флексій, встрѣчавшихся въ текстѣ неправильныхъ глаголовъ, мало останавливаясь на объясненіи синтаксическихъ формъ, а сообщая намъ взамѣнъ этого, по поводу той или другой страницы „Bella Gallica“ или „Bella Iugurthina“, множество интереснѣйшихъ по содержанію и совершенно безполезныхъ въ лексическомъ отношеніи этнографическихъ и археологическихъ подробностей объ исторіи и бытѣ римлянъ и покоряемыхъ ими народовъ. Все это притомъ сообщалось въ хаотическомъ, отрывочномъ видѣ, соотвѣтственно тому, какъ „Богъ ему на душу положитъ: сегодня много, завтра мало, послѣ завтра нѣтъ ничего“, какъ выражались у насъ про него въ гимназіи... Плохъ, правду сказать, очень плохъ былъ нашъ лицейскій классицизмъ!..

За то былъ у насъ тамъ превосходный учитель русскаго языка, кандидатъ московскаго университета, Будринъ, средняго роста, довольно полный, съ рѣдкими бѣлокурыми волосами на головѣ и внушительнымъ видомъ, человѣкъ лѣтъ 35-ти. По пріемамъ своимъ и рѣчи онъ представлялъ-собою совершенную противоположность съ моимъ милымъ Василіемъ Григорьевичемъ Юшковымъ; строгій, иногда даже грубоватый, но въ высшей степени справедливый и добросовѣстный, онъ внушалъ къ себѣ полное уваженіе въ разноплеменномъ сбродѣ учениковъ своихъ...

Про Одессу тѣхъ временъ посѣтившій ее десятью годами ранѣе Пушкинъ не даромъ сказалъ:

...гдѣ ходятъ гордый славянинъ,
Французъ, испанецъ, армянинъ,
И грекъ, и молдаванъ тяжелый,
И сынъ Египетской земли...

Лицей нашъ, соотвѣтственно этому, полонъ былъ воспитанниками всевозможныхъ народностей, состоящихъ подъ русскимъ скипетромъ. Изъ сорока человѣкъ, бывшихъ въ моемъ классѣ, едва-ли можно было насчитать четыре или пять учениковъ великорусскаго происхожденія; остальные были малороссы, новороссійцы съ греческими, сербскими, французскими, левантскими фамиліями,—дѣти или внуки иностранныхъ пришельцевъ, населившихъ наши южныя степи въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія, бессарабскіе молдаване, пероты, родители которыхъ имѣли случай оказать ту или другую услугу нашему правительству во время войнъ его съ Турціею, и которые вслѣдствіе этого принимаемы были въ лицей на казенный счетъ, евреи (въ весьма ограниченномъ еще тогда числѣ) и т. п. Большинство товарищей моихъ пятиклассниковъ были здоровенные малые, лѣтъ отъ 18 до 20-ти, съ густою растительностью на черномазыхъ физіономіяхъ, такъ какъ далеко уже не дѣтьми поступили всѣ они въ младшіе классы заведенія, да еще просиживали въ нихъ по два, если и не по три года. Способностями они вообще не отличались, особенно „тяжелые“ молдоване, всякіе Стамо, Коронелли, Бачеи, Червенводали. Брали они за то удивительнымъ развитіемъ мышцъ, суровою важностью рѣчи и выправкою „почти военнаго человѣка“. Они подъ плечи своихъ гимназическихъ шинелей съ тогдашнимъ краснымъ на нихъ воротникомъ подшивали ваты, имѣвшей изобразить подобіе отсутствующихъ офицерскихъ эполетъ, и въ этихъ шинеляхъ отправлялись прохаживаться передъ кордегардіею, помѣщавшеюся на Соборной площади. Такъ какъ кокардъ на военныхъ фуражкахъ тогда еще не существовало, а красный цвѣтъ воротника и околыша былъ у насъ общій съ офицерами армейской пѣхоты, то солдатъ, стоявшій у будки, дѣлалъ имъ зачастую на караулъ, прини-

мая ихъ за офицеровъ, чего они только и добивались. Прикладывали ему въ отвѣтъ два пальца къ козырьку и маршировали далѣе, исполненные самодовольства... Къ младшимъ изъ товарищей, къ числу которыхъ принадлежалъ я и большой мой тогда пріятель Валеріанъ Мазаракій, однихъ лѣтъ со мною, миніатюрный и очень способный мальчикъ, шедшій у насъ первымъ по всѣмъ предметамъ, — лже-офицеры наши относились съ величайшимъ презрѣніемъ, называли насъ „шпиргелями“ (скворцы на бессарабско-румынскомъ нарѣчіи), „выскочками“ и „долбилами“. Будрина они какъ-то особенно возмущали своею пошлостью, и онъ не стѣснялся при случаѣ обзывать ихъ „телятиною“ и „дубьемъ“... Но когда я вспоминаю обо всемъ, относящемся къ эпохѣ этихъ моихъ Lehrjahren, меня, сравнительно съ тѣми днями, которые суждено мнѣ было пережить подъ старость, поражаетъ одно обстоятельство. Эти соученики мои, принадлежавшіе къ самымъ разноплеменнымъ, по происхожденію, преданіямъ и первоначальному воспитанію, семьямъ, какъ бы претворялись всѣ въ одно русское цѣлое воспитывавшимъ ихъ заведеніемъ, принимали русскій складъ, усвоивали себѣ русскую суть, если можно такъ выразиться, не только безропотно, но съ несомнѣннымъ чувствомъ гордости какого-то завоеваннаго права. Это замѣчалось даже между дѣтьми поляковъ, помѣщиковъ или чиновниковъ, давно жительствовавшихъ въ Новороссійскомъ краѣ. Исключенія бывали рѣдки, и я имѣлъ случай натыкаться на нихъ лишь въ ту же пору, когда былъ студентомъ, и на университетскіе курсы лицея стали переходить въ довольно большомъ, сравнительно, числѣ студенты-поляки изъ Кіевскаго университета. Они тотчасъ же сформировали отдѣльную, тѣсно сплоченную группу, замѣтно чуждавшуюся русскихъ или успѣвшихъ вполнѣ обрусѣть въ гимназіи товарищей. Но общій тонъ, общій духъ, общій языкъ „ришельевцевъ“ моихъ временъ были, повторяю, чисто русскіе; никто бы изъ нихъ и не понялъ тогда даже возможности тѣхъ „сепаратическихъ“ измышленій, которыми затуманено въ наши дни не мало молодыхъ головъ на русскихъ окраинахъ. Сильная правительственная власть заставляла невольно эти окраины тянуть къ государственному

центру, какъ бы спеціально,—какъ въ Одессѣ, напримѣръ, съ ея тогда порто-франко,—и ни преобладали въ нихъ мѣстныя бытовыя условія самаго космополитическаго свойства.

Здѣсь опять невольно лучезарною звѣздою сіяетъ предо мною великое имя Пушкина. „Его стиховъ плѣнительная сладость“ служила несомнѣнно тѣмъ связующимъ цементомъ, на которомъ слагалось это претвореніе чуждыхъ по происхожденію другъ другу элементовъ нашего лицея въ одно русское цѣлое. Дѣти лавочниковъ-грековъ, буджакскихъ помѣщиковъ *) и мелитопольскихъ колонистовъ заучивали и повторяли эти стихи съ тѣмъ же восхищеніемъ, какъ и молодые великороссы и украинцы, не мечтавшіе еще тогда объ отдѣльной литературѣ съ Шевченкою во главѣ. Недолгое пребываніе Пушкина въ Одессѣ, въ началѣ двадцатыхъ годовъ, оставило тѣмъ не менѣе въ ней живую и свято оберегавшуюся между учащеюся молодежью память. Всѣ мы знали наизусть извѣстныя строфы изъ пропущенной главы Онѣгина:

Я жилъ тогда въ Одессѣ пыльной, —
Тамъ долго ясны небеса...

Всѣмъ намъ знакомы были два окна во второмъ этажѣ дома барона Рено, на углу Ришельевской улицы, изъ которыхъ, по сложившейся уже легендѣ, высовывалась курчавая голова поэта и кликалъ онъ для расплаты стоявшихъ на этомъ углу биржевыхъ извозчиковъ, которымъ оставался долженъ за ѣзду во дни безденежья. Всѣ мы какъ бы обязательно ходили пить шоколадъ и кофе въ незврачную, окрашенную бѣлою клеевою краскою, кофейную Пфейфера на Дерибасовской, съ единственнымъ въ ней убогенькимъ прилавкомъ, на которомъ стояли скромныя тарелки съ бисквитами, леденцами и обсахареннымъ миндалемъ,—ходили изъ-за благоговѣйнаго чувства къ дырѣ въ мягкомъ камнѣ, изъ котораго строятся дома въ Одессѣ, пробитой въ одной изъ стѣнъ этой кофейни оконечностью желѣзной палки, которую носилъ постоянно съ собою Пушкинъ, приходившій сюда почти каждый день „Sein Taschen Kaffe

*) Буждакъ—южная часть Бессарабіи.

trinken", какъ горделиво пояснялъ намъ старый нѣмецъ-хозяинъ, тщательно оберегавшій неприкосновенность этого увѣчья своей стѣны, какъ несомнѣнно плодоприносящую выгодамъ его реликвію... Уроки Будрина, читавшаго намъ въ пятомъ классѣ частную риторику и теорію стихосложенія, причемъ постоянно цитировались имъ мѣста изъ Пушкина, указывались красоты его и „возвышенности мысли",—поддерживали въ общемъ настроеніи это восторженное отношеніе наше къ творцу „Онѣгина" и „Бориса Годунова"... Имъ же была сообщена намъ страшная вѣсть о кончинѣ этого „властителя нашихъ думъ"... Какъ живо помню я до сихъ поръ ту печальную минуту! Нашъ учитель русскаго языка, какъ я уже сказалъ, внушалъ всей гимназіи чрезвычайное къ себѣ уваженіе и даже нѣкоторый страхъ. За нѣсколько еще минутъ до его прихода на урокъ въ классѣ обыкновенно водворялся какъ-то невольно порядокъ, и онъ входилъ въ него всегда при общемъ почтительномъ молчаніи. Онъ вошелъ въ этотъ день какъ-то особенно озабоченный и сумрачный... „Будетъ рѣзать сегодня", подумалось многимъ, такъ какъ на этотъ разъ назначена была „репетиція". Мы поклонились, но онъ, не замѣчая и не поднимая глазъ, тихо прошелъ къ каѳедрѣ, поднялъ ногу на первую ея ступеньку и, обернувшись вдругъ къ намъ, проговорилъ судорожно-задрожавшимъ голосомъ: „Господа, великое горе постигло Россію—Пушкина не стало!" Весь классъ, какъ одинъ человѣкъ, вскочилъ съ лавокъ. „А—ахъ" стономъ кликнуло все. Поэтъ нашъ, осьмнадцати-лѣтній Ашикъ *), которому суждено было самому умереть годъ спустя отъ чахотки, истерически зарыдалъ и упалъ

*) Онъ былъ братъ извѣстнаго тогда археолога, директора Керченскаго музея, Ашика, отличался необыкновенною памятью и писалъ очень недурные съ технической стороны стихи, въ романтическомъ, само собою, духѣ. Поэма его „Измѣнница" была имъ даже напечатана и удостоилась затѣмъ похвалы въ „Одесскомъ Вѣстникѣ". Онъ и В. Мазаракій получали у насъ въ классѣ полные баллы по всѣмъ предметамъ, между тѣмъ какъ я никогда не могъ подняться „по математикѣ„ выше 6-ти при 12-балльной системѣ, и при этомъ непереводномъ баллѣ переводился каждый разъ въ высшій классъ лишь въ виду совокупности удовлетворительныхъ балловъ по другимъ предметамъ.

навзничь, въ обморокѣ. И затѣмъ все кругомъ громко зарыдало...

Пушкинъ! Чистѣйшія мечты моей юности, высшія и лучшія помышленія молодыхъ лѣтъ моихъ относятся къ этому незабвенному имени. Впослѣдствіи, въ самыя тяжелыя минуты жизненныхъ битвъ и невзгодъ, его „елей благоуханный“ вливалъ мнѣ каждый разъ въ душу неописуемое утѣшеніе, примиреніе и усладу. Если поздняя моя писательская дѣятельность заключаетъ въ себѣ что-либо имѣющее „уйти отъ тлѣнія“, если отъ написанныхъ мною страницъ могло, быть можетъ, иной разъ повѣять на душу моихъ читателей добрымъ чувствомъ, то все это неотъемлемо, исключительно принадлежитъ тому благословенному вліянію, которое отъ самой зари моей жизни и до склона ея имѣлъ на нее великій мой и всѣхъ насъ учитель. И до сихъ поръ съ тою же, неизсякнувшею съ годами, силою негодованія вспоминаю я о тѣхъ, обреченныхъ на проклятіе потомства, годахъ, когда сбродъ дикихъ семинаристовъ и нахальныхъ недоучекъ закидывалъ вонючею грязью своею, подъ одобрительные клики русской „либеральной интеллигенціи“, его священную тѣнь...

Шестнадцати лѣтъ я перешелъ изъ гимназіи въ высшіе курсы лицея, переформированные тогда, по образцу университетскихъ факультетовъ, на три отдѣленія: юридическое, камеральное и восточныхъ языковъ. Я поступилъ на юридическое faute de mieux, такъ какъ меня влекло единственно къ чисто словеснымъ наукамъ, а къ законовѣдѣнію нисколько. Я поэтому хотя и кончилъ курсъ вторымъ по списку, но вынесъ весьма шаткія свѣдѣнія изъ области юридическихъ знаній, которыя намъ впрочемъ и преподавались весьма жалкими профессорами. Тѣ предметы за то, которыми я единственно серьезно занимался, читались на мое счастье лицами, дѣйствительно знающими и добросовѣстно относившимися къ своему дѣлу: Римская словесность и „Antiquitates Romanae“—профессоромъ Беккеромъ, бывшимъ впослѣдствіи директоромъ Ришельевскаго лицея (отцомъ стяжавшаго себѣ двадцать лѣтъ послѣ того печальную извѣстность покушеніемъ на жизнь нынѣшняго императора германскаго, тогда еще только короля

прусскаго, Оскара Беккера, — на процессѣ котораго, скажу мимоходомъ, я присутствовалъ въ 1859 году, въ г. Бруксалѣ, въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ); исторія — чрезвычайно симпатичнымъ и скромнымъ, при большой начитанности, профессоромъ Филиппомъ Карловичемъ Бруномъ, и Русская словесность—незабвеннымъ для меня, по его горячей ко мнѣ дружбѣ, весьма молодымъ еще тогда, магистромъ Московскаго университета, Константиномъ Петровичемъ Зеленецкимъ, воспитанникомъ того же Ришельевскаго лицея, откуда посланъ онъ былъ въ Москву, на казенный счетъ, на философскій, какъ тогда назывался онъ, факультетъ. Зеленецкій не принадлежалъ къ такъ называемымъ „даровитымъ натурамъ“; онъ былъ совершенно лишенъ ораторскихъ способностей, читалъ вяло, путался въ рѣчи, не отличался ни ясностью, ни изяществомъ изложенія. Но онъ много трудился, много зналъ, какъ по русской, такъ и по иностраннымъ литературамъ, а главное—что̀ могли оцѣнить лишь тѣ, кто, какъ я, были близки къ нему, въ неофиціальныхъ бесѣдахъ съ нимъ, — онъ весь горѣлъ любовью къ „прекрасному“, какъ говорилось въ тѣ дни. Я съ нимъ перечелъ систематически, въ хронологическомъ порядкѣ, всѣхъ поэтовъ и писавшихъ стихами въ Россіи, начиная съ Кантемира, Хераскова, Сумарокова и Ломоносова до Туманскаго, Теплякова и Подолинскаго, второстепенныхъ и даже третьестепенныхъ свѣтилъ лучезарной пушкинской плеяды. Я съ раннихъ лѣтъ дѣтства, какъ большинство впрочемъ людей моего времени, былъ то, что̀ французы называютъ un liseur infatigable, т. е. имѣлъ способность поглощать ежедневно огромную массу чтенія, самаго разнообразнаго по содержанію и въ самомъ хаотическомъ безпорядкѣ. Но, подъ руководствомъ Зеленецкаго, чтеніе это въ нѣкоторой мѣрѣ упорядочилось и, насколько это возможно было, восполняло тѣ пробѣлы, которые оставлялъ въ моемъ образованіи недостатокъ строгой классической школы,—о чемъ впрочемъ мнѣ приходилось сожалѣть всю мою жизнь. Въ гимназіи у насъ преподавался греческій языкъ, но предметъ этотъ былъ не обязателенъ, и девять-десятыхъ гимназистовъ, а въ томъ числѣ и я, не учились ему. На юридическомъ отдѣленіи

лицея профессоръ Беккеръ имѣлъ у насъ въ первомъ курсѣ четыре часа въ недѣлю на чтеніе авторовъ (онъ читалъ намъ Цицерона, „Георгики“ Виргилія и Горація), а во второмъ—три урока, изъ которыхъ два на авторовъ и одинъ на древности. Лекціи читались имъ на латинскомъ языкѣ, и прекрасно, съ большимъ одушевленіемъ и тѣмъ, что нѣмцы называютъ Tüchtigkeit. Я съ наслажденіемъ слушалъ эти лекціи и прилежно готовился къ нимъ, но плохая наша грамматическая подготовка въ гимназіи давала себя постоянно чувствовать: зачастую приходилось замѣнять „смѣкалкою“ то, что должно было бы быть усвоеннымъ какъ дважды два четыре и не представлять ни малѣйшихъ затрудненій уже и въ ту пору, когда читали мы Федровы басни и „De viris illustribus“... Но поэтическія красоты Виргилія и Горація все же производили на меня сильное впечатлѣніе. Я до сихъ поръ вспоминаю одну изъ лекцій Беккера, на которой пришлось мнѣ переводить „Carmen saeculare“. Дойдя до стиха:

Nihil possis urbe Roma visere majus,

у меня вдругъ голосъ задрожалъ отъ какого-то внезапнаго прилива восторга. Въ воображеніи моемъ такъ живо въ эту минуту предстало всемірное величіе этого семихолмнаго града, повелителя вселенной, необъятная панорама его храмовъ, дворцовъ, площадей, тріумфальныя шествія его диктаторовъ и проконсуловъ, ведущихъ въ цѣпяхъ со всѣхъ концовъ міра царей и царицъ порабощенныхъ ими странъ, вся эта безконечная картина торжествъ и могущества,—что я будто самъ въ это мгновеніе обратился въ римлянина, и едва-ли не съ тѣмъ же восторженнымъ чувствомъ, съ какимъ должны были пропѣть эту пѣсню юноши и дѣвы, которымъ влагаетъ ее въ уста поэтъ миродавца-Августа, возгласилъ на распѣвъ:

„Ясное солнце, обѣгающее на пламенной колесницѣ своей вселенную, ничего на лучезарномъ пути твоемъ не можешь увидать ты болѣе великаго, чѣмъ градъ Римъ!“

Беккеръ замѣтилъ мое необычное одушевленіе, слегка усмѣхнулся и промолвилъ, не глядя на меня, своею скороговоркою: „Macte animo, generose puer, sic itur ad astra“,—что въ его устахъ (онъ далеко не былъ падокъ на похвалы)

звучало столько же ироніею, сколько и поощреніемъ, такъ что я, помню, сразу остылъ послѣ этихъ словъ и опустился на скамью, покраснѣвъ и не смѣя поднять глазъ на улыбавшихся товарищей.

Съ Зеленецкимъ я ироніи не боялся: онъ самъ, когда мы съ нимъ à tour de rôle по вечерамъ читали русскихъ и нѣмецкихъ поэтовъ, приходилъ въ то восторженное состояніе духа, способность къ которому представляется на склонѣ лѣтъ едва-ли не лучшимъ изъ даровъ, выпадающихъ на долю счастливой юности, и которую такъ рѣдко дано сохранить въ душѣ своей человѣку, прошедшему сквозь всякій переломъ и кипѣнь жизни. Невольно припоминаются мнѣ здѣсь соотвѣтствующіе этому стихи Баратынскаго, тогда, въ тѣ счастливые молодые годы, прочтенные мною въ первый разъ:

Вѣрь тотъ надеждѣ обольщающей,
Кто сердцемъ бодръ и бодръ умомъ,
Кто, по молвѣ разновѣщающей,
Съ судьбой насмѣшливой знакомъ.
Идите-жъ, юноши кипящіе,
Идите, крылья вамъ даны,
Для васъ и замыслы блестящіе,
И сердца трепетные сны...

Не однихъ поэтовъ читалъ я съ Зеленецкимъ. Онъ очень хлопоталъ о моемъ „эстетическомъ образованіи“ и давалъ мнѣ изъ своей довольно обширной библіотеки многія, имѣвшія способствовать этому, русскія и иностранныя теоретическія сочиненія: лекціи Надеждина и Шевырева, „Лаокоона“ Винкельмана, „Stimmen der Völker“ Гердера, статьи Лессинга о французскомъ псевдо-классицизмѣ, „Исторію романскихъ литературъ“ Сисмонди, „Les origines du Dante“ Форіэля и т. д. Онъ же далъ мнѣ случай познакомиться въ первый разъ съ Шекспиромъ въ извѣстномъ нѣмецкомъ переводѣ братьевъ Шлегелей, и поставилъ мнѣ въ обязанность проштудировать въ не менѣе извѣстномъ переводѣ Фосса гомеровскую „Иліаду“, съ которою я былъ знакомъ до тѣхъ поръ по жалкой французской интерпретаціи m-me Dacier (Гнѣдичевъ переводъ я прочелъ почему-то уже позднѣе).

Читалъ я весьма много и по исторіи... Вспоминая объ этомъ теперь, едва-ли ошибусь, говоря, что учившаяся молодежь моего времени была вообще гораздо начитаннѣе, чтобы не сказать прямо культурнѣе, чѣмъ нынѣшняя. Читать, много читать, хотя бы далеко не систематично, не въ достодолжномъ порядкѣ и съ надлежащимъ разборомъ дѣйствительно нужнаго и ненужнаго—было какою-то потребностью у каждаго изъ насъ, претендовавшаго на званіе „образованнаго человѣка". Большинство нашихъ лицеистовъ, разумѣется, какъ всегда и вездѣ въ Россіи, училось для экзаменовъ, для перехода изъ класса въ классъ и полученія, по выходѣ изъ заведенія, вмѣстѣ съ XII классомъ, перворазрядныхъ правъ на службѣ. Но извѣстное меньшинство, далеко не довольствуясь тѣмъ, что давали намъ профессорскія лекціи, жадно искало удовлетворить горѣвшую въ немъ потребность знанія ближайшимъ знакомствомъ съ литературою того предмета, который приходился наиболѣе по душѣ каждому. Замѣтьте при этомъ, что никто изъ насъ не готовился къ ученой карьерѣ, и что мы поэтому въ правѣ были сказать, что для насъ существовало знаніе единственно для знанія, безотносительно къ тому, на что оно могло пригодиться намъ въ дѣйствительности. Въ то время, особенно въ нашемъ заведеніи, ничего похожаго на какой-либо „политическій" оттѣнокъ, на какую-нибудь „тенденцію" и въ понятіяхъ ни у кого не было (за исключеніемъ развѣ двухъ-трехъ болгаръ, братьевъ Мутевыхъ и Палаузова *), готовившихся по окончаніи курса въ лицеѣ ѣхать учителями на стонавшую тогда подъ игомъ турокъ родину свою, съ цѣлью пробужденія ея къ умственной жизни, и перешедшихъ, впрочемъ, вскорѣ изъ лицея въ Боннскій университетъ). Чтенія наши поэтому никакъ не отличались односторонностью, и мы далеко не искали въ нихъ, какъ это дѣлается теперь молодежью, именующею себя спеціально „интеллигентною", единственно подтвержденія извѣстныхъ, заказныхъ, а ргіогі возводимыхъ въ непреложный принципъ, „убѣжденій". Эта нынѣшняя молодежь ужасно кичится,—или кичи-

*) Спиридонъ Николаевичъ, умершій лѣтъ 8—9 тому назадъ, въ Петербургѣ, членомъ и секретаремъ Археографической комиссіи.

лась, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ,—такими своими „убѣжденіями“. Убѣжденія же эти, какъ уже замѣчено было Тургеневымъ, по отношенію ихъ къ знанію, сводятся на простѣйшую изъ простѣйшихъ формулу: схвати за хвостъ „послѣднее слово науки“, а тамъ все остальное, факты—по боку! Она фактовъ никакихъ и не вѣдаетъ, эта молодежь. (Я зналъ одного университетскаго кандидата современной формаціи, который однажды при мнѣ самымъ докторальнымъ образомъ доказывалъ „по Луи Блану“, что „французская революція прямо истекла изъ реформаціи Лютера“; но когда по этому поводу завязался разговоръ, къ немалому изумленію моему, оказалось, что ученый нашъ и о Лютерѣ, и о самой реформаціи имѣлъ самыя дѣтскія понятія и относилъ и его, и ее къ XII вѣку (sic). — „Нѣсколько позднѣе!“ осмѣлился я замѣтить. Онъ прервалъ меня, высокомѣрно усмѣхаясь: „Къ XII или XVIII— это все равно-съ, подробность, а главное, что здѣсь идеи вы ничѣмъ не выкинете!..“ Я, разумѣется, тутъ же и примолкъ). Болѣе скромные, мы съ любовью изучали и затверживали факты, и въ концѣ концовъ, право, не знаю, слѣдуетъ-ли людямъ нашего поколѣнія расшаркиваться раболѣпно передъ новымъ... „Не идеи“—образы, а съ ними опредѣленные идеалы добра, доблести, культуры, извѣстный подъемъ мышленія, слагались въ головахъ нашихъ изъ совокупности свѣдѣній, почерпаемыхъ нами изъ того необузданнаго, готовъ я сказать, чтенія, которому предавались мы въ тѣ годы... Кромѣ чисто литературнаго чтенія, скажу мимоходомъ, я въ годы моего студентства прочелъ Іоганна Миллера („Всеобщая исторія“) Гиббона, Нибура, Мишо („Исторія крестовыхъ походовъ“), Гизо („Исторія цивилизаціи Европы“), Робертсона („Исторія Карла V“ и „Открытіе Америки“), Амедея Тьери („Исторія завоеванія Англіи“), „Исторію Англіи“ Юма и Галама „Middle age“, Карамзина и Полеваго („Исторія русскаго народа“), Тьера и Минье („Исторія французской революціи“), массу французскихъ мемуаровъ, относящихся до исторіи Франціи прошлаго и начала нынѣшняго столѣтій, не говоря уже объ историческихъ романахъ, которые пожиралъ я десятками въ двѣ-три недѣли, начиная съ Вальтера-Скотта (сохраняющаго

для меня и по сей день все свое прежнее обаяніе) и кончая Ал. Дюма, Фредерикомъ Сулье, Bibliophile Jacob и т. под.

Въ то же время читалъ я „Фауста“ и „Трилогію Валленштейна“ съ нашимъ лекторомъ нѣмецкаго языка, Морицемъ Карловичемъ Эртелемъ, превосходнымъ знатокомъ своего дѣла и такимъ же пламеннымъ любителемъ поэзіи. Уроки его слушали только двое студентовъ, товарищъ мой по курсу Аржіо, французъ по происхожденію, и я. Не разъ при чтеніи какого-нибудь трогательнаго мѣста, какъ напримѣръ „Zueignung“ къ Фаусту, или въ знаменитомъ монологѣ Теклы, плакали мы отъ умиленія всѣ трое: лекторъ и оба его слушателя.

При совершенно иномъ настроеніи приходилось мнѣ слушать нашего „профессора“ итальянскаго языка, „статскаго совѣтника и кавалера“ Пиллера. Это былъ весьма забавный и премилый старичекъ. Невысокаго роста, кругленькій, румяный, лѣтъ подъ шестьдесятъ, вѣчно веселый, онъ преподавалъ свой предметъ какъ бы шутя, но немногочисленные слушатели его преуспѣвали, тѣмъ не менѣе, въ немъ очень изрядно. Мнѣ не случалось въ жизни встрѣчать человѣка, болѣе довольнаго своею судьбою, чѣмъ этотъ, вѣчно готовый на шутку, на буффонство, съ его гирляндою густыхъ и бѣлыхъ, какъ лунь, волосъ кругомъ красной лысины лба, старый итальянецъ. Онъ имѣлъ, впрочемъ, полное право на это довольство жизнью, въ виду тѣхъ скромныхъ данныхъ, съ которыми вступилъ онъ въ нее. Не смотря на свою нѣмецкую фамилію, онъ былъ родомъ римлянинъ, учился, что̀ говорится, на мѣдныя деньги, или вѣрнѣе даже, безъ всякихъ денегъ, изъ милости, въ какой-то монашеской школѣ для бѣдныхъ дѣтей, и по выходѣ изъ нея, весьма еще юнымъ малымъ, сдѣлался чичероне, т.-е. водилъ иностранцевъ показывать храмы и памятники древности вѣчнаго города. Въ этомъ ремеслѣ онъ пріобрѣлъ тѣ знанія, которыя заключаются въ любомъ, нѣсколько полно составленномъ гидѣ по Италіи, къ которымъ присоединялъ, впрочемъ, кое-что вычитываемое имъ и въ книгахъ, случайно попадавшихъ ему въ руки. Надо прибавить къ этому устныя преданія, которыхъ такъ много сохраняется въ народной памяти въ Италіи, вмѣстѣ съ тѣмъ

наглядным образованіемъ, почерпаемых обитателями этой классической страны въ постоянномъ зрѣлищѣ историческихъ и художественныхъ поученій, начертаннымъ на камняхъ, мѣди и полотнѣ, на каждомъ углу ихъ городовъ. Молодой, смѣтливый чичероне, понабравшись всякихъ такихъ дешево достающихся свѣдѣній, могъ легко казаться кладезем учености большинству тѣхъ, болѣе богатыхъ золотомъ, чѣмъ свѣдѣніями, путешественниковъ, которыхъ водилъ онъ по Святому Петру и развалинамъ Колизея. Такимъ „ученымъ чичероне“ онъ и остался бы, надо полагать, вѣкъ свой, если бы случай не натолкнулъ его на одного русскаго благодѣтеля, а именно Александра Яковлевича Булгакова (бывшаго долго почтъ-директоромъ въ Москвѣ, извѣстнаго дружескими связями своими съ арзамасцами и страстью къ перепискѣ. Въ „Русскомъ Архивѣ“ были въ разное время напечатаны многія, весьма интересныя по содержанію письма его къ разнымъ извѣстнымъ лицамъ), который предложилъ ему ѣхать съ нимъ въ Россію, гдѣ обѣщалъ опредѣлить на должность учителя и доставить много уроковъ въ богатыхъ дворянскихъ семьяхъ. По возвращеніи Булгакова въ Москву, онъ, дѣйствительно, доставилъ своему protégé должность лектора итальянскаго языка при Московскомъ университетѣ. Но частныхъ уроковъ оказалось гораздо менѣе, чѣмъ этого ожидалось, и нашъ лекторъ черезъ нѣсколько времени перешелъ изъ Москвы въ Одессу, полуитальянскій тогда городъ, на такое же мѣсто въ Ришельевскомъ лицеѣ. Тамъ, по старому уставу, преподаватели наукъ и иностранныхъ языковъ пользовались равными по службѣ правами, и на вакансіи „профессоровъ“ поступали равно тѣ и другіе по старшинству выслуженныхъ годовъ. Такимъ образомъ, Пиллеръ, пятидесяти съ чѣмъ-то лѣтъ, достигъ всѣхъ почестей, какія только могла доставить тогда высшая педагогическая служба въ русскомъ второклассномъ заведеніи. Эти достигнутыя вершины исполняли его душу неумолчною, ежечасною усладою. Читаемъ мы съ нимъ, бывало, Данте:

Leggiavamo un giorno per diletto
Di Lancilotto come l'amor lo strinse,

знаменитый эпизодъ Франчески ди-Римини, убитой мужемъ въ ту минуту, когда она съ возлюбленнымъ Гвидо читала любовныя страницы того романа о Ланчилотѣ... Пиллеръ улыбнется, поправитъ недостаточно a bocca aperta (открывая ротъ) произнесенное читающимъ слово (онъ, какъ римлянинъ, владѣлъ лучшимъ, какое существуетъ въ Италіи, произношеніемъ), и, поджавъ мясистый подбородокъ, глянетъ изъ-подъ опустившихся вѣкъ на вальяжный анненскій крестъ, висѣвшій на всегда свѣжей орденской лентѣ у него на шеѣ,—посмотритъ и опять улыбнется и неожиданно воскликнетъ, указывая пальцемъ на этотъ крестъ: „C'est pourtant beau, messious, avouez, d'être статскій совѣтникъ, ваше высокородіе et d'avoir Santa Anna au cou!"—„Très beau, m-r Piller, superbe!" отвѣчаемъ мы хоромъ и принимаемся тутъ же пѣть изъ Семирамиды: „V-va superba, va superba". Пиллеръ бьетъ одобрительно тактъ рукою, затѣмъ стучитъ линейкою по столу: довольно, молъ, теперь, и мы послушно продолжаемъ читать о злополучныхъ любовникахъ:

Soli eravamo e senza alcun sospetto...

Жена добродушнаго „профессора" держала пансіонъ для дѣвицъ, пользовавшійся хорошею репутаціею въ Новороссійскомъ краѣ,а потому выпускавшій каждый годъ довольно значительное число воспитанницъ. Выпуски эти всегда сопровождались баломъ, на который, само собою, получали неизмѣнно приглашеніе „синіе воротники" (какъ гордились мы тогда этими нашими студенческими синими, съ двумя золотыми петлицами, воротниками и шпагою при бедрѣ!), слушавшіе курсъ итальянскаго языка. Нужно-ли говорить, какъ весело было на этихъ балахъ, гдѣ старшему изъ кавалеровъ было никакъ не болѣе двадцати, а изъ дамъ 18 лѣтъ?.. Но царицею, помрачавшею всѣхъ сверстницъ своихъ прелестью, была signora Elvira, дочь самого „профессора", роскошная въ полномъ смыслѣ этого слова красавица, высокая, съ цѣлымъ лѣсомъ черныхъ волосъ на тонко выточенной головѣ и такими пле-

наглядным образованіемъ, почерпаемых обитателями этой классической страны въ постоянномъ зрѣлищѣ историческихъ и художественныхъ поученій, начертаннымъ на камняхъ, мѣди и полотнѣ, на каждомъ углу ихъ городовъ. Молодой, смѣтливый чичероне, понабравшись всякихъ такихъ дешево достающихся свѣдѣній, могъ легко казаться кладезем учености большинству тѣхъ, болѣе богатыхъ золотомъ, чѣмъ свѣдѣніями, путешественниковъ, которыхъ водилъ онъ по Святому Петру и развалинамъ Колизея. Такимъ „ученымъ чичероне“ онъ и остался бы, надо полагать, вѣкъ свой, если бы случай не натолкнулъ его на одного русскаго благодѣтеля, а именно Александра Яковлевича Булгакова (бывшаго долго почтъ-директоромъ въ Москвѣ, извѣстнаго дружескими связями своими съ арзамасцами и страстью къ перепискѣ. Въ „Русскомъ Архивѣ“ были въ разное время напечатаны многія, весьма интересныя по содержанію письма его къ разнымъ извѣстнымъ лицамъ), который предложилъ ему ѣхать съ нимъ въ Россію, гдѣ обѣщалъ опредѣлить на должность учителя и доставить много уроковъ въ богатыхъ дворянскихъ семьяхъ. По возвращеніи Булгакова въ Москву, онъ, дѣйствительно, доставилъ своему protégé должность лектора итальянскаго языка при Московскомъ университетѣ. Но частныхъ уроковъ оказалось гораздо менѣе, чѣмъ этого ожидалось, и нашъ лекторъ черезъ нѣсколько времени перешелъ изъ Москвы въ Одессу, полуитальянскій тогда городъ, на такое же мѣсто въ Ришельевскомъ лицеѣ. Тамъ, по старому уставу, преподаватели наукъ и иностранныхъ языковъ пользовались равными по службѣ правами, и на вакансіи „профессоровъ“ поступали равно тѣ и другіе по старшинству выслуженныхъ годовъ. Такимъ образомъ, Пиллеръ, пятидесяти съ чѣмъ-то лѣтъ, достигъ всѣхъ почестей, какія только могла доставить тогда высшая педагогическая служба въ русскомъ второклассномъ заведеніи. Эти достигнутыя вершины исполняли его душу неумолчною, ежечасною усладою. Читаемъ мы съ нимъ, бывало, Данте:

Leggiavamo un giorno per diletto
Di Lancilotto come l'amor lo strinse,

пошлякa“ Шиллеръ, ни „олимпіецъ“, какъ называли мы его въ ту пору, или „сытый индифферентъ“, какъ обозвала его та же отечественная критика, Гёте, ни наконецъ Пушкинъ, о которомъ передавали мнѣ недавно такого рода отзывъ нѣкоего современнаго молодаго стихоплета: „Я, знаете, отношусь къ Пушкину, какъ къ доброй старой болтуньѣ - нянѣ, которая, конечно, ничему здравому васъ не научитъ, но иногда разскажетъ вамъ кое-что занимательное про старыхъ людей и старый вздоръ“. Но едва-ли за то и выноситъ изъ временъ своего студенчества эта моледежь тѣ благодарныя воспоминанія, тѣ свѣтлые помыслы и чистыя наслажденія, которые воспринимали мы, люди поколѣнія сороковыхъ годовъ, отъ могущественнаго вѣянія духовныхъ вожаковъ нашей юности. Положительности, того, что значится нынѣ подъ извѣстною радикальною формулою „трезваго отношенія къ жизни“, они, конечно, намъ не давали; они пріучали насъ, пожалуй, гораздо болѣе къ „витанію въ мірѣ грезъ“ и „несбыточныхъ аспирацій“, чѣмъ къ разумѣнію житейской мудрости; но несомнѣнно то, что подъ вліяніемъ ихъ выработывался въ насъ, повторяю, извѣстный идеалъ, страстное отношеніе къ человѣческой цивилизаціи, къ искусству, вѣра въ свѣтлое будущее, ожидающее міръ, просвѣтленный знаніемъ и „развитіемъ чувства прекраснаго въ погруженныхъ до тѣхъ поръ во мракъ невѣжества массахъ“. Не забудемъ, впрочемъ, и того, что идеализмъ этой нашей, такъ нагло оплеванной слѣдовавшимъ за нами поколѣніемъ „прогрессистовъ“, эпохи, не помѣшалъ, чтобы не сказать прямо—способствовалъ, людямъ ея служить отечеству своему незабвенную службу въ дѣлѣ освобожденія русскаго народа отъ крѣпостнаго состоянія и создать цѣлый рядъ высоко-художественныхъ произведеній, которымъ теперь начинаютъ все болѣе и болѣе удивляться и завидовать иностранцы, знакомящіеся съ нашимъ языкомъ и литературнымъ творчествомъ. Въ этомъ самомъ лагерѣ (оскудѣвающемъ, впрочемъ, съ каждымъ днемъ все замѣтнѣе) отечественныхъ „прогрессистовъ“, гдѣ такъ еще недавно строчили самоувѣренно перья всякихъ недоучекъ и „аблакатовъ“ о ничтожествѣ значенія какихъ-нибудь Тургеневыхъ и Гончаровыхъ „по отно-

шенію ихъ къ молодому поколѣнію *) сравнительно съ такими настоящими выразителями идеаловъ этого поколѣнія, каковы Помяловскіе, Рѣшетниковы и комп.,—въ ономъ лагерѣ, говорю я, все чаще приходится слышать теперь невольное признаніе заслугъ „людей сороковыхъ годовъ“, рядомъ съ обличеніемъ самого себя, своихъ жалкихъ „новыхъ“ людей въ полной неспособности создать въ какой бы то ни было области человѣческаго творчества нѣчто, могущее подняться до уровня ихъ, еще вчерашнихъ, ребячески-нахальныхъ притязаній.

А между тѣмъ высшія учебныя заведенія нашего времени, исключая развѣ Московскій университетъ, высоко дѣйствительно стоявшій по общему въ немъ духу преподаванія въ тѣ блестящія для него „строгоновскія“ времена, далеко не отвѣчали возлежащимъ на нихъ задачамъ. Наука въ строгомъ значеніи этого слова имѣла въ нихъ весьма немного представителей, достойныхъ стать на ряду своихъ европейскихъ собратій. Въ Ришельевскомъ лицеѣ, исключая профессора Нордмана, преподававшаго естественную исторію на камеральномъ отдѣленіи, ученаго первокласснаго, ни одинъ въ сущности изъ нашихъ профессоровъ (а вся коллегія ихъ тѣмъ паче) никакъ не поднимался къ верхамъ, занимаемымъ свѣтилами тогдашняго ученаго міра. Да и мы, студенты, весьма не зрѣлые по подготовкѣ, мало походили на твердо стоящихъ на ногахъ своихъ слушателей какихъ-нибудь германскихъ университетовъ. Тѣмъ не менѣе, относясь къ тому времени на разстояніи почти полувѣка, мнѣ приходится въ настоящую пору чуть не удивляться той культурной окраскѣ, которая получалась все-таки тогда нѣкоторыми изъ насъ въ этомъ заведеніи, особенно вспомнивъ опять тѣ условія разноплеменности, меркантильнаго духа и полнаго отсутствія воспитательныхъ традицій въ такомъ городѣ, какимъ была, да и едва-ли не всегда будетъ Одесса. Въ средѣ „озабоченныхъ купцовъ“, исключительно поглощенныхъ разсчетами своей торговли, жирныхъ помѣщиковъ, хлыщеватыхъ польскихъ пановъ, корчившихъ па-

*) Зри хотя бы статьи нѣкоего г. Утина въ „Вѣстникѣ Европы“ прошлыхъ лѣтъ.

рижанъ, и доморощенныхъ жуировъ, ожидавшихъ лишь „устрицъ отъ цареградскихъ береговъ“ *), эта группа юношей, страстная до поэзіи, жаждущая чистаго знанія, безъ примѣси всякаго соображенія о практической выгодѣ, какую можно было изъ него извлечь впослѣдствіи, представляется мнѣ теперь чѣмъ-то какъ бы анормальнымъ даже... Надо признаться, впрочемъ, что насъ было очень немного, и всѣ почти были дѣти образованныхъ дворянскихъ семей. Мы, прибавлю къ этому, и держались тѣсно другъ друга, какъ бы инстинктивно ограждая нашъ общій свѣтлый внутренній міръ отъ нечистыхъ прикосновеній... „Иныхъ уже нѣтъ“ давно изъ этихъ дорогихъ товарищей моихъ, „а тѣ далече“... Невольно припоминаются мнѣ имена... Л. И. Арнольди, о которомъ я имѣлъ уже случай говорить на этихъ столбцахъ, умеръ еще въ 1860 г. Въ прошломъ году угасъ извѣстный знатокъ Китая, бывшій русскій генеральный консулъ въ Шанхаѣ, К. А. Скачковъ. Карлъ и Александръ Минчіаки (сыновья бывшаго нашего генеральнаго консула въ румынскихъ княжествахъ во время управленія ими графомъ Киселевымъ), поступивъ на дипломатическую службу, провели большую часть жизни внѣ Россіи. Старшій, Карлъ, состоитъ до сихъ поръ генеральнымъ консуломъ въ Неаполѣ; Александръ, занимавшій такую же должность въ Копенгагенѣ, живетъ теперь на покоѣ на родинѣ своей, въ Одессѣ. По выходѣ изъ лицея мы очутились всѣ на службѣ въ Петербургѣ, и въ теченіи двухъ лѣтъ жили втроемъ на одной квартирѣ. Равно тяжелъ былъ для насъ этотъ жизненный новиціатъ нашъ на угрюмыхъ берегахъ Невы; мы долго не могли свыкнуться съ холодомъ сѣвера, съ его короткими зимними и безконечно-долгими лѣтними ночами, съ казенщиною, духовною нищетою и чиновными интересами Петербурга... Я ѣздилъ въ свѣтъ, но выносилъ оттуда гораздо болѣе угнетавшихъ меня, чѣмъ сладостныхъ впечатлѣній. Сожители мои, кромѣ французскаго театра, никакихъ развлеченій не знали. Большую часть вечеровъ про-

*) Но мы, ребята безъ печали
Средь озабоченныхъ купцовъ, —
Мы только устрицъ поджидали
Отъ цареградскихъ береговъ.

водили мы за тѣми же дорогими намъ книгами, читали французскихъ историковъ, итальянскихъ поэтовъ и Пушкина; все того же верховодца Пушкина, изъ за котораго, помню, велъ я въ тѣ дни такіе горячіе споры съ Д. А. Т., сверстникомъ нашимъ, который, съ своей стороны, страстно увлеченный вѣяніемъ недавно еще погибшаго Лермонтова, никого не хотѣлъ признавать выше творца „Демона“ и „Пѣсни о купцѣ Калашниковѣ“... За нѣсколько времени до перехода моего на службу въ Москву братья Минчіаки покинули тоже равно ненавистный намъ Петербургъ и переселились „въ страны, любимыя солнцемъ“... Не болѣе какъ пять или шесть разъ въ жизни съ тѣхъ дней случилось мнѣ встрѣтиться съ этими старыми друзьями, но то были всегда все тѣ же, братски-радостныя встрѣчи...

Готовясь съ нѣкоторыми товарищами къ выходному изъ 3-го курса экзамену при іюньской, невыносимой, градусовъ въ тридцать, жарѣ, не помню, кто изъ насъ, совершенно разваренный, воскликнулъ съ комическимъ отчаяніемъ: „Я буду такъ счастливъ, когда сдамъ послѣдній предметъ, что готовъ расцѣловать въ обѣ щеки сторожа Егорку“. Всѣ мы расхохотались: сторожъ Егорка былъ старый, кривой, грязный, съ вѣчно подмараннымъ табачнымъ сокомъ подносьемъ, — инвалидъ, сильно подпивавшій и грубый, котораго студенты постоянно дразнили, на что онъ, въ свою очередь, отвѣчалъ презабавными ругательствами. Но мысль товарища въ эту минуту показалась намъ такою счастливою, что мы положили тутъ же всѣмъ, сколько насъ тамъ было, „по алфавитному порядку“, расцѣловать Егорку по сдачѣ послѣдняго предмета. Такъ и было сдѣлано. Выходя изъ актовой залы, гдѣ происходили испытанія, мы кинулись хохочущею гурьбою отыскивать старика. Онъ плелся, какъ нарочно, намъ навстрѣчу, по коридору, своею разваливавшеюся старческою походкою, съ метлою въ одной рукѣ и шваброю въ другой. На нашъ внезапный натискъ онъ отвѣтилъ, поднявъ на насъ эту метлу свою и грозя „такъ и смазать шваброю барчуковъ по мордасамъ“. Угрозы, разумѣется, оказались тщетными. „Первый по алфавиту“ вырвалъ у него боевыя орудія изъ рукъ и принялся ло-

бызать, не смотря на его громкое ораніе. За нимъ послѣдовали другіе. Я былъ такъ же веселъ, какъ и товарищи, такъ же счастливъ „покончить съ проклятыми экзаменами“, но когда дошла моя очередь обнимать сторожа, меня внезапно охватила мысль, что за этимъ „все кончено, я болѣе не студентъ, и эти стѣны, эти веселые товарищи, все это болѣе не будетъ существовать для меня“,—и мнѣ сдѣлалось вдругъ такъ больно, такъ жутко, что слезы чуть не брызнули у меня изъ глазъ. Егорка видимо удивился, когда я, напечатлѣвъ настоящій поцѣлуй на его морщинистой щекѣ, сказалъ ему дрогнувшимъ голосомъ: „Ну, прощай, старина, не поминай насъ лихомъ!“ Но старый служивый, видно, чутьемъ почуялъ, что происходило у меня на душѣ въ эту минуту; онъ покачалъ головою и зашамкалъ, замѣтно смягчившись: „Ну, Богъ съ вами, озорниками, счастливо вамъ оставаться“... Извѣстныя ощущенія сообщительны. Общее шутовское расположеніе какъ-то разомъ слетѣло съ насъ; всѣ мы примолкли. Какія у кого были деньги въ карманѣ, перешли въ руки инвалида, а выходя затѣмъ изъ воротъ лицея, мы какъ-то сурово переглянулись, пожимая другъ другу руку,—сурово, такъ какъ иначе мы бы, вѣроятно, расплакались. Каждому сказывалось въ душѣ, что эта минута была финалъ, „прощанье съ жизнью молодою“, съ хорошею, невозвратною жизнью...

ИЗЪ ПРОЖИТЫХЪ ДНЕЙ *).

III.

На югѣ въ сороковыхъ годахъ.

Тамъ все Европой дышетъ, вѣетъ...

—сказалъ про Одессу Пушкинъ, посѣтившій ее лѣтъ за пятнадцать до того времени, къ которому относятся мои воспоминанія. Этотъ европейскій характеръ носила она и въ ту пору моихъ студенческихъ годовъ. „Единственный уголокъ въ Россіи, гдѣ дышется свободно“, говорили недорожившіе службою господа и баре, испытавшіе недочеты на этой службѣ или разорившіеся на ней, переселяясь изъ столицъ или поселяясь временно въ этомъ дѣйствительно жившемъ непохожею на тогдашнюю жизнь русскихъ городовъ жизнью, окраинномъ мѣстечкѣ Россіи. „Отъ аржанаго хлѣба даже отвыкли, каждый день франзолю **) жуешь, умирать не надо!“ говорилъ въ свою очередь пришлый (на половину бѣглый, изъ среднихъ губерній) народъ, находившій въ Одессѣ вѣрный и обильный заработокъ, долгое тепло юга и безпаспортную вольную волюшку. Хорошо было дѣйствительно и господамъ, и крѣпостному люду, бѣжавшимъ съ холоднаго, строгаго сѣвера „николаевскихъ временъ“, на этихъ берегахъ, гдѣ такими потоками лились солнечные лучи и иностранное золото, и такъ мало было полицейскихъ и иныхъ стѣсненій; гдѣ жить было такъ

*) Впервые напечатано въ №№ 223, 224, 226, 227 и 230 „С.-Петерб. Вѣд.“ 14-го, 15-го, 17-го, 18-го и 21-го августа 1884 года.

**) Мѣстное названіе бѣлаго, французскаго хлѣба.

баснословно дешево, а разживаться, кто имѣлъ на то охоту и способность, представлялся случай на каждомъ шагу... Но разживались тамъ, какъ водится на всѣхъ концахъ необъятной матушки-Руси, почти исключительно чужеземцы, да матерый кулакъ или старообрядецъ, переносящій равно во всѣ эти концы свою племенную сметку и прирожденное скопидомство. Русскіе господа и въ этомъ дешевомъ городѣ, какъ и въ покинутыхъ ими дорогихъ столицахъ, проживали впередъ свои „грядущіе доходы“ и, говоря языкомъ все того же Пушкина, „средь озабоченныхъ купцовъ“ умѣли только „поджидать устрицъ отъ цареградскихъ береговъ“.

А устрицы эти—повѣритъ-ли кто этому въ наше время?—самыя крупныя стоили тамъ тогда 1 рубль сотня... Правда, то былъ тогда настоящій, звонкій, серебряный рубль,—монета, по чеканкѣ и достоинству почитавшаяся едва-ли не лучшею во всемъ мірѣ. Десять такихъ крупныхъ серебряныхъ рублей въ карманѣ жилета — и ты видишь себя, бывало, Крезомъ, сокровищамъ котораго дна не видно. На три, на четыре дня на пиры и всякое удовольствіе хватитъ. Судите сами. Самымъ дорогимъ рестораномъ въ Одессѣ была Ришельевская гостиница, содержимая Отономъ (Autonne). Въ немъ порція любаго блюда на выборъ стоила 15 копѣекъ. Отчего у васъ дороже другихъ? спрашиваешь почтеннаго, грузнаго, съ правильными чертами старо-французскаго лица, неторопливо-предупредительнаго, важно-любезнаго хозяина.—„Oh, mon Dieu, monsieur, c'est pour n'avoir chez moi qu'une société choisie.“—Monsieur Autonne, вѣдь вы воспѣты Пушкинымъ, говоришь ему опять какъ-то невольно льстиво.—J'ai entendu dire, en effet, отвѣчаетъ онъ съ величавымъ видомъ министра, которому докладываютъ между прочимъ о хвалебной статьѣ, напечатаной про него въ какой-нибудь ничтожной газетѣ,—que monsieur Pouskine avait eu la bonté de parler de moi dans ses vers *). C'est

*) Шумъ, споры, легкое вино
На столъ сейчасъ принесено
Рукой услужливой Отона.
Часы летятъ, а грозный счетъ
Межъ тѣмъ невидимо растетъ.

très aimable à lui de l'avoir fait".—Онъ часто обѣдалъ у васъ здѣсь?—„Très souvent, oui, monsieur. Il préférait le Saint-Péray à toutes les autres marques de champagne, et j'en ai toujours eu d'excellent dans ma cave". И улыбнется при этомъ, точно орденомъ пожалуетъ... Прелестнѣйшій образчикъ француза стараго закала былъ monsieur Antonne.

Но „société choisie", которою дорожилъ почтенный ресторраторъ, кромѣ пріѣзжихъ, останавливавшихся въ самомъ отелѣ, посѣщало заведеніе его только въ экстренныхъ случаяхъ. Любимымъ „трактиромъ" одесской jeunesse dorée моего времени былъ Маттео, въ Новороссійской гостиницѣ. Тамъ та же порція всѣхъ безъ исключенія блюдъ au choix стоила 10 коп. И какъ отлично, какъ жирно, совсѣмъ по-итальянски ѣли тамъ! Что шампанскаго было тамъ перепито, настоящаго, по пяти рублей ассигнаціями за бутылку! И какъ весело пилось и ѣлось, и болталось, среди „ребятъ безъ печали" тѣхъ временъ!

Эта, какъ я уже сказалъ, баснословная дешевизна въ тогдашней Одессѣ распространялась на все, что служитъ потребностямъ и фантазіямъ человѣка. Тотъ же рубль серебромъ стоило око лучшаго турецкаго табаку, прямо выписаннаго изъ Константинополя,—а око равняется тремъ фунтамъ. За тотъ же рубль вы пріобрѣтали кресло въ театрѣ во всѣхъ рядахъ безразлично... За наемъ цѣлаго двухъэтажнаго дома съ конюшнями и отдѣльными службами для помѣщенія людей, въ которомъ жило наше семейство, отецъ мой платилъ хозяину его, извѣстному И. И. Фундуклею, 1,200 рублей ассигнаціями, что соотвѣтствовало тогда тремъ стамъ рублямъ серебряною монетою. Содержаніе четверки лошадей обходилось рублей во сто ассигнаціями, и все остальное въ тѣхъ же пропорціяхъ.

А небо южное, а море!
Чего-жь вамъ болѣе друзья...
Благословенные края.

Благословенные были они и въ самомъ дѣлѣ для нашей братьи, учащейся молодежи, для богатѣвшихъ негоціантовъ, да для много испытавшихъ, обманутыхъ или пресыщенныхъ

жизнью свѣтскихъ скитальцевъ, ничего уже болѣе не требовавшихъ отъ нея, какъ солнца, покоя и недорого обходящагося комфорта. Одесса давала этого имъ вдосталь, какъ открывала она искателямъ фортуны всякое средство достигнуть ея легко и быстро. Но на требованія высшаго, духовнаго порядка не находилось матеріала въ этомъ матеріальномъ „европейскомъ“ городѣ. То, что извѣстно въ нынѣшнее время подъ именемъ „общественныхъ вопросовъ“ (вопросовъ „объ общемъ благѣ“-тожь), по поводу которыхъ, сказать кстати, наболтано у насъ было такъ много, такъ нудно и такъ, по большой части, вздорно со дней Крымской войны, — озабочивало вообще въ тѣ дни весьма еще немногихъ. Но умственное движеніе, въ аналитическомъ стремленіи своемъ проникавшее все далѣе и далѣе въ изученіи и разъясненіи причинности извѣстныхъ явленій и условій нашего государственнаго и соціальнаго бытія, сказывалось уже весьма замѣтно въ мыслящихъ центрахъ Россіи, особенно въ Москвѣ, гдѣ духовная жизнь, благодаря болѣе слабому на нее воздѣйствію офиціальныхъ сферъ, благотворному вліянію тогдашняго университета и той дворянской, образованной и независимой по средствамъ и духу средѣ, въ которой слагалась тогда ея „интеллигенція“ (употребляю здѣсь терминъ, тогда еще не выдуманный, или вѣрнѣе— незаимствованный еще тогда русскою печатью у польской),— гдѣ эта жизнь, говорю я, находила наиболѣе благотворную почву для успѣшнаго роста своего и развитія. Высшія задачи и интересы образованія вызывали тамъ живые отзвуки въ обществѣ; сознаніе національной самобытности, коренныхъ основъ ея и правъ на законное, само себѣ довлѣющее, существованіе начинало слагаться въ самостоятельную, гордую теорію, заимствовавшую отъ осмѣянной „Арзамасомъ“ шишковской „Бесѣды“ свое названіе славянофильства, подъ которымъ суждено ей было занять такое видное мѣсто въ дальнѣйшемъ поступательномъ ходѣ русской мысли. Теорія эта теперь уже смѣло выступала противъ слѣпаго и рабскаго поклоненія Западу, которымъ въ тѣ дни, какъ и нынѣ, щеголяла и кичилась выстроенная Петромъ на болотахъ Ингріи столица, какъ драгоцѣннѣйшимъ перломъ своимъ, какъ синтезомъ всей сво-

ей raison d'être: Въ періодической, или, вѣрнѣе, журнальной литературѣ (такъ какъ газеты, при строгости тогдашней цензуры, имѣли возможность лишь очень поверхностно касаться серьезныхъ вопросовъ), начиналось горячее препирательство между Петербургомъ и Москвою по этому, сознаваемому уже и здѣсь, и тамъ принципіальному вопросу... Ничему подобному не было мѣста въ Одессѣ; все это едва-едва, глухимъ, отдаленнымъ, ничего и никого не пробуждавшимъ эхомъ доносилось до той случайной амальгамы индивидовъ изъ всѣхъ странъ и племенъ міра, которая, проходя сквозь общую реторту торгашескаго духа и внѣшняго европейскаго лоска, претворялась въ концѣ концовъ въ типъ тогдашняго одессита. Въ петербургскихъ придворныхъ сферахъ городъ, въ которомъ вырабатывалась эта особь, слылъ почему-то „карбонарскимъ“ городомъ. Ничего не было забавнѣе того заблужденія, которому одолжена была Одесса этою кличкою; ни съ какой стороны не заслуживала она

Ni cet excès d'honneur, ni cette indignité.

Изъ всѣхъ городовъ Россійской имперіи наименѣе чертъ подобія находилось у нея съ Москвою, а наиболѣе аналогическихъ точекъ можно было въ ней указать съ тѣмъ самымъ Петербургомъ, въ которомъ такъ подозрительно глядѣли на нее съ дворскихъ высотъ. Ели мыслящаго москвича могло коробить, пожалуй, здѣсь отъ ярко кидавшагося въ глаза иностраннаго характера, сказывавшагося во всемъ наружномъ обликѣ какъ самого города, такъ и его населенія, отъ „языка Италіи златой“, новогреческой, румынской и жидовской рѣчей, звучащихъ на улицахъ, въ трактирахъ, погребахъ, лавкахъ и купальняхъ (въ „магазинахъ“ аристократы-приказчики изъяснялись по-французски); если соплеменники его, какіе-нибудь курскіе или орловскіе кацапы *) ломали здѣсь свой чисто русскій говоръ, уснащая его всякими коверканными чужеземными словцами и оборотами безобразнаго ново-

*) Великоруссовъ, какъ извѣстно, малоруссы называютъ кацапами, т.-е. козлами.

россійскаго діалекта, въ виду быть удобнѣе понятыми разношерстнымъ населеніемъ, въ которомъ тонули они, какъ капли свѣтлаго вина въ тинѣ взбаламученнаго озера; если наконецъ въ одесскихъ гостиныхъ московскій пріѣзжій натыкался опять на такое же пестрое по составу свѣтское общество, на людей приличныхъ, благовоспитанныхъ, часто весьма образованныхъ даже, но для которыхъ совершенно было не понятно то, въ чемъ состояла его особенная русская сущность, — то истый петербуржецъ, напротивъ, находилъ во всемъ этомъ тѣ любезныя ему черты шаблоннаго европеизма, которыя отличали его самого и представлялись ему съ пеленокъ исключительными признаками высшей культуры.

И сходсто этимъ не ограничивалось. Если въ словѣ карьера выражался безусловный идеалъ, къ которому жадно, болѣзненно, неуклонно стремились всѣ вожделѣнія тогдашняго петербуржца, то идеалъ, такъ же страстно и упорно преслѣдуемый одессистомъ, выражался въ словѣ нажива; тамъ чины и ордена, здѣсь—англійскіе фунты стерлинговъ и французскіе луидоры; тамъ—консерватизмъ чиновника, дорожащаго пріобрѣтеннымъ имъ почетнымъ или выгоднымъ мѣстомъ, здѣсь—подобный же консерватизмъ алчнаго буржуа, дрожащаго надъ наживаемыми имъ милліонами. И здѣсь, и тамъ—полное равнодушіе и презрительное невѣдѣніе того, что не прямо, не непосредственно относилось къ личнымъ, своекорыстнымъ интересамъ того и другаго... Едва-ли ошибусь я, предполагая, что этимъ именно объяснялось то обстоятельство, что изъ числа переселявшихся тогда съ Сѣвера на постоянное или временное жительство въ Одессу лицъ изъ высшаго сословія болѣе всего было петербуржцевъ, а менѣе всего москвичей.

Объясняется это, съ другой стороны, и тѣмъ притяженіемъ личности тогдашняго главноначальника Новороссійскаго края, графа (княжескій титулъ онъ получилъ уже позднѣе, на Кавказѣ) Воронцова, личности, хорошо извѣстной Петербургу и вовсе незнакомой въ Москвѣ, которая группировала кругомъ него этихъ переселявшихся съ береговъ Невы свѣтскихъ людей... Говоря о русскомъ югѣ тѣхъ временъ, никакъ нельзя обойти эту во всякомъ случаѣ очень крупную индивидуальность,

заслугъ которой на его пользу этотъ русскій югъ никогда не въ правѣ будетъ забыть.

Извѣстная эпиграмма Пушкина:

Полу-милордъ, полу-купецъ,
Полу-подлецъ, полу-невѣжда,—
И говорятъ, ужь есть надежда,
Что будетъ цѣлый наконецъ,

принадлежащая, скажу мимоходомъ, къ наименѣе у него удачнымъ, грѣшитъ уже тѣмъ, что злость ея бьетъ совсѣмъ не туда, куда мѣтитъ. Графъ Воронцовъ никакъ не былъ половинчатымъ человѣкомъ. Это былъ совершенно цѣльный характеръ и умъ несомнѣнно государственный,—и вся дѣятельность его носитъ на себѣ именно этотъ отпечатокъ просвѣщенности, который, само собою, исключаетъ упрекъ въ „полуневѣжествѣ“, дѣлаемый ему Пушкинымъ. Но по природѣ своей онъ былъ, конечно, одинъ изъ тѣхъ людей, которые менѣе всего способны были оцѣнить по настоящей мѣркѣ геніальность молодаго поэта и прощать ему изъ-за нея его тогдашній строптивый нравъ, невоздержность языка и далеко не всегда подчинявшуюся строгимъ приличіямъ манеру держать себя, какъ это дѣлалъ добродушнѣйшій нѣмецъ Инзовъ, относившійся къ находившемуся у него передъ тѣмъ подъ началомъ изгнаннику съ совершенно отеческими снисходительностью и участіемъ. Графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ далеко не походилъ на этого кроткаго, съ большими мечтательно-голубыми глазами (я какъ теперь вижу его старческую, почтенную, необыкновенно симпатичную фигуру) генерала-піэтиста. Въ немъ, воспитанномъ въ Англіи чуть не до 20-лѣтняго возраста, была „вся англійская складка, и такъ же онъ сквозь зубы говорилъ“, такъ же былъ сдержанъ и безукоризненъ во внѣшнихъ пріемахъ своихъ, такъ же гордъ, холоденъ и властителенъ in foro interno, какъ любой изъ сыновей аристократической Британіи. Его прирожденная чопорность, его чисто англійскій cant не могли инстинктивно переносить слишкомъ независимые „аллюры“, ни необычайную популярность среди молодежи этого „подражателя Байрона“ (какъ выражался онъ про него въ

извѣстномъ письмѣ своемъ къ графу Нессельроде),. ни язвительныхъ словечекъ дерзкаго стихослагателя по его адресу, передаваемыхъ ему услужливыми сикофантами. Пламенный нравъ Пушкина тѣхъ годовъ, „вмѣнявшаго себѣ въ законъ страстей единый произволъ“, возмущался въ свою очередь безпредѣльною спѣсью и неукротимымъ своевластіемъ, скрывавшимися подъ утонченными формами учтивости и наружною либеральностью его новаго начальника. Сдерживаться онъ никогда не умѣлъ, а графъ Воронцовъ никогда не умѣлъ прощать...

Вслѣдъ за извѣстнымъ письмомъ къ графу Нессельроде, Пушкинъ, какъ мы знаемъ, былъ исключенъ изъ вѣдомства иностранныхъ дѣлъ и сосланъ въ деревню. Видѣлся-ли онъ передъ отбытіемъ своимъ изъ Одессы съ виновникомъ новой своей ссылки, не видно ни изъ какихъ свидѣтельствъ, относящихся къ этому времени его жизни. Но можно навѣрное сказать, что въ то самое время, когда замышлялась на него невзгода, графъ Воронцовъ при встрѣчѣ съ поэтомъ улыбался и жалъ ему руку съ особенною любезностью. Таковъ былъ неизмѣнный обычай у Михаила Семеновича. Чѣмъ ненавистнѣе былъ ему человѣкъ, тѣмъ привѣтливѣе обходился онъ съ нимъ; чѣмъ глубже вырывалась имъ яма, въ которую готовился онъ пихнуть своего недоброхота, тѣмъ дружелюбнѣе жалъ онъ его руку въ своей. Тонко разсчитанный и издалека заготовляемый ударъ падалъ всегда на голову жертвы въ ту минуту, когда она менѣе всего ожидала таковаго... Много могъ бы я разсказать слышанныхъ мною въ юности примѣровъ подобнаго образа дѣйствій тогдашняго новороссійскаго проконсула. Но я не пишу его біографіи, да и вообще это повлекло бы меня слишкомъ далеко...

А все же, скажу опять, остріе пушкинской эпиграммы не попадаетъ въ намѣченную цѣль, и менѣе всего заслуживаетъ предметъ ея прозвища „полу-милорда“. Графъ Воронцовъ былъ grand seigneur, и притомъ русскій баринъ въ полномъ значеніи этого слова. Достаточно припомнить лишь два факта. Во время отечественной войны обширный домъ родоваго его помѣстья Андреева, во Владимірской губерніи, былъ обращенъ

имъ въ лазаретъ, гдѣ 300 раненыхъ офицеровъ пользовались, кормились, снабжались бѣльемъ и платьемъ, и по выпускѣ изъ числа больныхъ получили (кто нуждался) пособіе на счетъ владѣльца имѣнія. Въ 1815 году графъ Воронцовъ начальствовалъ оккупаціоннымъ корпусомъ нашихъ войкъ, оставленнымъ во Франціи послѣ второй реставраціи Бурбоновъ; по выходѣ его оттуда, корпусный начальникъ заплатилъ изъ своего кармана всѣ долги, сдѣланные его офицерами въ занятой странѣ, сумма которыхъ, говорятъ, превосходила 500,000 рублей... Это послѣднее обстоятельство, говорили злые языки, имѣло послѣдствіемъ бракъ, заключенный графомъ Воронцовымъ въ 1819 году со встрѣченною имъ въ Парижѣ дочерью извѣстной богачки, графини Браницкой, любимой, какъ извѣстно, племянницы князя Потемкина, оставившаго ей значительнѣйшую часть своего огромнаго состоянія.

И наружность его поражала своимъ истинно барскимъ изяществомъ. Есть извѣстный его портретъ (весьма искусно воспроизведенный гравюрою), писанный знаменитымъ англійскимъ живописцемъ Лауренсомъ чуть-ли еще не до 1820 года; графъ Воронцовъ сохранялъ съ нимъ сходство до позднихъ лѣтъ. Если бы не русскій генеральскій мундиръ и военная форменная шинель, небрежно накинутая на плечи, вы бы поклялись, что это англійскій пэръ, типъ утонченнаго временемъ и цивилизаціею потомка одного изъ желѣзныхъ сподвижниковъ Вильгельма Завоевателя. Высокій, сухой, замѣчательно благородныя черты, словно отточенныя рѣзцомъ, взглядъ необыкновенно спокойный, тонкія, длинныя губы съ этою вѣчно игравшею на нихъ ласково-коварною улыбкою... Несомнѣнно, что въ этомъ человѣкѣ было нѣчто обаятельное, противъ чего рѣдко кто изъ состоявшихъ съ нимъ въ близкихъ или даже дальнихъ отношеніяхъ въ силахъ былъ устоять. Во многихъ изъ наиболѣе приближенныхъ къ нему культъ его доходилъ до фанатизма. Въ Одессѣ и Крыму, его любимыхъ дѣтищахъ, онъ состоялъ на положеніи какого-то божества. „Графъ“—выше этого имени и этой власти словно и не подозрѣвалъ простой народъ этой дальней русской окраины; „le comte“—былъ Гогъ и Магогъ, альфа и омега, за которые не считалъ нужнымъ и загляды-

вать одесскій биржевикъ, пришелецъ съ береговъ Адріатики или Архипелага. Графъ Воронцовъ зналъ это, и былъ въ высшей степени то, что французы называютъ „bon prince.“ Благодаря своему англійскому воспитанію, онъ былъ прирожденный врагъ всякаго безполезнаго стѣсненія личной свободы. „Main de fer et gant de velours“ было, можно сказать, девизомъ его управленія. Широкое довѣріе и глубокое уваженіе, которыя питалъ къ нему императоръ Николай, давали ему возможность распоряжаться почти совершенно своевластно на всемъ пространствѣ ввѣреннаго ему края,—и горе тому, кто осмѣливался подвергать сомнѣнію правильность его образа дѣйствій и воззрѣній въ этомъ его status in statu! Но онъ искреннѣйшимъ образомъ радѣлъ за то, чтобы обитавшимъ въ этомъ подвѣдомомъ ему краѣ людямъ жилось какъ можно болѣе легко и удобно. Убѣжденный поборникъ свободы торговли, врагъ крѣпостнаго состоянія, онъ unguibus et rostro (а когти и клювъ были у него изъ ряду вонъ тверды и безпощадны) ратовалъ за сохраненіе порто-франко въ Одессѣ, которое и отстоялъ до конца своего управленія, и покрывалъ бѣглыхъ крестьянъ изъ внутреннихъ губерній, которыми населялось огромное пространство безлюдныхъ до тѣхъ поръ Новороссійскихъ степей.

Европеецъ, дѣйствительно, со всѣми качествами и недостатками, присущими этому названію, гр. Воронцовъ заботливо поддерживалъ тотъ иностранный характеръ, который носила на себѣ Одесса со временъ еще первыхъ ея главноправителей французовъ, герцога Ришелье и графа Ланжерона, и сочувственно усмѣхался уже во весь ротъ, когда называли ее при немъ „итальянскимъ городомъ“. И дѣйствительно, улица пользовалась въ Одессѣ свободою неслыханною, да и немыслимою во всей остальной Россіи тѣхъ временъ. Тамъ курили, разгуливали въ жаркіе дни безъ сюртуковъ, торговали всѣмъ, чѣмъ угодно, выносили свободно на тротуары передъ окнами и воротами домовъ, передъ кофейнями и магазинами, стулья и столы, за которые усаживались компаніями пить по вечерамъ чай, „пробавляться“ арбузами и мороженымъ... Вотъ эта-то самая уличная свобода и порождала въ петербургскихъ вла-

стяхъ мрачное представленіе о „карбонарствѣ“ буржуазнѣйше-консервативной Одессы.

Популярность свою графъ Михаилъ Семеновичъ поддерживалъ съ удивительнымъ тактомъ, безъ малѣйшей тѣни заискиванія ея, и съ тѣмъ особымъ оттѣнкомъ, при которомъ врожденная въ немъ спѣсь удивительно уживалась съ самымъ демократическимъ, повидимому, внѣшнимъ обращеніемъ. Доступный всѣмъ и каждому, онъ всѣмъ равно, съ тою же, знакомою намъ, привѣтливою усмѣшкою тонкихъ губъ, подавалъ и жалъ руку: старому генералу-ветерану, увѣшанному орденами, и послѣднему греченку или нѣмчику, плясавшему у него на вечерахъ по понедѣльникамъ въ числѣ гуртомъ приглашаемыхъ кавалеровъ. Въ этомъ полномъ отсутствіи нюансовъ обращенія съ людьми, стоявшими на различныхъ ступеняхъ общественной іерархіи, внимательный наблюдатель могъ весьма основательно заподозрить надменную заднюю мысль: „Я, а ниже меня всѣ остальные равны“. Но нѣмчикъ и греченокъ изъ конторы Пуля, или Ралли съ Родоконаки, почитали себя, само собою, чрезмѣрно польщенными тѣмъ, что „графъ“ любезенъ съ ними ровно столько же, сколько и съ самымъ заслуженымъ генераломъ... Заслуженый генералъ былъ, пожалуй, другаго мнѣнія, но молчалъ, хотя бы уже и потому, что жаловаться на это было какъ-то не ловко,—да и некому...

Я упомянулъ о танцовальныхъ вечерахъ по понедѣльникамъ въ домѣ графа Воронцова, на которые приглашались кое-кто изъ нашей братіи студентовъ. Вечера эти, по составу съѣзжавшагося на нихъ общества, представляли опять-таки собою нѣчто, что въ тѣ времена вы не встрѣтили бы рѣшительно ни въ какомъ иномъ русскомъ городѣ, гдѣ еще такъ рѣзко отдѣлялись тогда другъ отъ друга сословія, и одно дворянство пользовалось правами свѣтскаго гражданства. До сихъ поръ помню забавно, почти испуганно раскрывшіеся глаза одной, весьма юной тогда, свѣтской дамы, проѣзжавшей съ мужемъ изъ Крыма обратно въ Петербургъ, когда на одномъ изъ этихъ понедѣльниковъ, на вопросъ ея: „Кто вашъ визави?“—я отвѣтилъ ей: „M-r S., employé de la maison Maas“. — „Quelle maison?“ воскликнула она въ полномъ недоумѣніи. Я объяснилъ

ей, что это былъ весьма извѣстный въ Одессѣ торговый домъ. „Oh, mon Dieu, всплеснула она съ ужасомъ руками, — on reçoit ces gen-là ici"!... А между тѣмъ, этотъ С., молодой человѣкъ, воспитанный въ парижской политехнической школѣ, и попавшій противъ воли, вслѣдствіе семейныхъ обстоятельствъ въ купцы, былъ одинъ изъ самыхъ образованныхъ, умныхъ и благовоспитанныхъ одесситовъ тѣхъ дней. Дочь его, скажу мимоходомъ, носитъ въ настоящую пору двойную, княжескую и графскую, корону надъ своимъ гербомъ и принадлежитъ по мужу къ высшему обществу того же Петербурга, который, въ лицѣ моей тогдашней танцорки, княгини К., такъ высокомѣрно относился сорокъ лѣтъ тому назадъ къ société mêlée баловъ графа Воронцова.

На балахъ этихъ хозяинъ встрѣчалъ своихъ гостей въ неизмѣнно томъ же, любимомъ своемъ мундирѣ пѣхотнаго (кажется, нарвскаго) армейскаго полка, котораго онъ былъ шефомъ; онъ носилъ его не по формѣ, растегнутымъ, съ виднѣвшимся подъ нимъ бѣлымъ пикейнымъ жилетомъ, георгіевскимъ крестомъ на шеѣ и со стоячими, по-англійски, воротниками сорочки надъ высокимъ чернымъ галстухомъ. Пережавъ всѣмъ руки и проговоривъ каждому сквозь зубы свое неизмѣнное „Enchanté de vous voir", онъ отправлялся въ особую комнату играть въ старинную игру ломберъ съ тремя одними и тѣми же всегда партнерами (изъ которыхъ одинъ, тогдашній начальникъ портовой таможни, Гамалѣй, весьма плохо кончилъ, попавъ подъ судъ и затѣмъ какъ-то черезчуръ скоропостижно умеревъ), и затѣмъ выходилъ въ залу уже только къ ужину. Ужинъ же былъ неизмѣнно скверенъ, что̀ приписывалось друзьями дома тому, что ни графъ, ни графиня „ничего не понимали въ кухнѣ", а злыми языками объяснялось скупостью хозяйки, наслѣдовавшей-де это качество отъ матери, графини Браницкой, о скопидомствѣ которой, помню, было въ тѣ дни не мало разсказовъ (что̀ не помѣшало ей однако, какъ слышалъ я изъ вѣрнаго источника, передать не одинъ милліонъ любимому зятю на постройку волшебнаго замка его въ Алупкѣ).

Танцы на этихъ вечерахъ велъ ex-officio чиновникъ осо-

бых порученій и главный тогда любимецъ графа, Сафоновъ. Это былъ типъ вылощеннаго чиновника, отплясывавшій такъ же искусно и усердно, какъ и докладывалъ бумаги начальству, почитая и то, и другое равно необходимымъ для споспѣшествованія по службѣ, въ которой онъ дѣйствительно преуспѣвалъ отличнымъ манеромъ *).

— Вы рѣшительно неутомимы, Степанъ Васильевичъ, сказалъ ему однажды при мнѣ, въ видѣ любезности, кто-то.

— Скачи враже, якъ панъ каже, отвѣтилъ онъ съ молчановскимъ смиреніемъ, но сопровождая его улыбкою, имѣвшею, видимо, выразить протестъ противъ этой своей танцорской обязанности.

Кромѣ Сафонова, пользовавшіеся наибольшимъ расположеніемъ графа чиновники были: состоявшій съ нимъ въ дальнемъ родствѣ Михаилъ Павловичъ Щербининъ (уже сенаторъ, въ шестидесятыхъ годахъ главноначальствовавшій въ управленіи по дѣламъ печати), Иванъ Ѳедоровичъ Золотаревъ, весьма еще недавно скончавшійся и оставившій такую по себѣ добрую память въ славянскомъ комитетѣ, въ благой дѣятельности котораго онъ принималъ столь живое и сердечное участіе, состоя въ немъ казначеемъ **), и баронъ Николаи (бывшій министръ народнаго просвѣщенія), съ отцомъ котораго графъ Воронцовъ былъ очень друженъ, вслѣдствіе чего поступившій изъ Царскосельскаго лицея подъ начальство его сынъ этого друга имѣлъ въ домѣ его квартиру и столъ... Первые два изъ этихъ лицъ пользовались въ Одессѣ всеобщимъ сочувствіемъ и уваженіемъ. Это были дѣйствительно отличные, прекрасно образованные, расположенные къ добру люди, не жертвовавшіе всѣми и всѣмъ для узкихъ разсчетовъ честолюбія своего и благосостоянія.

Сила, по объясненію тогдашнихъ одесскихъ политикановъ, которою графъ Воронцовъ поддерживалъ свое положеніе и „не

*) Въ пору намѣстничества графа Воронцова на Кавказѣ, Сафоновъ былъ директоромъ его канцеляріи, а затѣмъ сенаторомъ въ Петербургѣ, гдѣ и умеръ.

**) Онъ былъ на Кавказѣ директоромъ походной канцеляріи намѣстника князя Воронцова.

давалъ забывать о себѣ въ Петербургѣ", заключалась, главнымъ образомъ, въ многочисленной и систематической перепискѣ, которую велъ онъ какъ съ самимъ Государемъ, такъ и съ разными правительственными лицами въ Петербургѣ. Онъ „проводилъ", выражаясь извѣстнымъ канцелярскимъ оборотомъ, предположенія свои и добивался своего не путемъ официальныхъ бумагъ, а частными письмами, въ которыхъ было ему гораздо свободнѣе развивать свою тему со всѣми исходящими изъ нея варіаціями, чѣмъ въ казенныхъ рамкахъ „доклада", „представленія" и т. д. Въ Петербургъ онъ ѣздилъ рѣдко. На моей памяти, съ 1837 года, когда, послѣ извѣстнаго вознесенскаго смотра, императоръ Николай посѣтилъ Одессу, и до 1845 года, когда былъ онъ вызванъ государемъ въ столицу, предъ назначеніемъ своимъ на Кавказъ, онъ изъ своего генералъ-губернаторства выѣхалъ только разъ, на короткую побывку въ Англію у сестры своей, леди Пэмброкъ. Онъ не жаждалъ, какъ изъ этого можно видѣть, „личныхъ докладовъ" и не боялся „подкапываній" подъ себя враговъ, точившихъ на него зубы въ Петербургѣ. Графъ Воронцовъ при случаѣ ломалъ имъ шею самымъ искуснымъ и рѣшительнымъ образомъ, какъ это было въ томъ же 1845 году со статсъ-секретаремъ Позеномъ, креатурою и любимцемъ военнаго министра, князя Чернышова, который, какъ извѣстно, былъ тоже не малый тузъ въ эту эпоху...

Переписку графъ Воронцовъ велъ, впрочемъ, далеко не съ одними правительственными лицами: онъ совершенно по англійскому обычаю поддерживалъ ее регулярно съ родными своими, старыми друзьями, управляющими своихъ имѣній и т. д. Велась она преимущественно на французскомъ языкѣ и на нее посвящались имъ два или три часа утренняго занятія. Самъ онъ не писалъ почти никогда, а диктовалъ чиновнику, секретарю, обязанности котораго только въ этомъ и заключались. Этимъ секретаремъ по иностранной перепискѣ былъ сначала М. П. Щербининъ, котораго замѣнилъ, по пріѣздѣ своемъ въ Одессу, баронъ Николаи, продолжавшій занимать эту должность при патронѣ своемъ и на Кавказѣ, до самаго, если не ошибаюсь, назначенія его, барона, попечителемъ та-

мошняго учебнаго округа. На мѣсто его поступилъ тогда лицейскій товарищъ мой, А. Минчіаки, о которомъ я имѣлъ уже случай упомянуть. Минчіаки, по оставленіи княземъ Воронцовымъ своего поста намѣстника предъ Крымскою войною, сопровождалъ его за границу и оставался при немъ до самой его смерти.

Здѣсь невольно припоминается мнѣ разсказъ стараго товарища моего о впечатлѣніи, которое произвела на этого леданаго съ виду человѣка вѣсть о кончинѣ императора Николая. Получивъ объ этомъ депешу, больной старикъ выронилъ ее изъ рукъ, челюсти его судорожно задрожали, и со словами: „L'Empereur n'est plus!“, онъ закрылъ глаза обѣими руками и зарыдалъ какъ ребенокъ... Едва-ли кто до тѣхъ поръ видѣлъ Михаила Семеновича Воронцова плачущимъ. Но здѣсь, вопреки всей своей англійской стойкости и власти надъ собою, сказался вѣрный слуга и сынъ Россіи, пораженный въ сердце ударомъ, падавшимъ на отечество въ ту минуту, когда чуть не вся Европа ополчилась на него...

У Михаила Семеновича былъ сынъ, Семенъ Михайловичъ, учившійся одновременно со мною въ Ришельевскомъ лицеѣ. На голубомъ воротникѣ своего студенческаго мундира онъ велѣлъ вышить золотыя петлицы, между тѣмъ какъ всѣ мы носили форменныя, галунныя: это все, что я могу сказать про его Lehrjahre. Онъ умеръ въ позапрошломъ году, въ званіи генералъ-адъютанта: едва-ли что другое будетъ въ состояніи сказать и про все его остальное curriculum vitae историкъ рода, кончившагося съ нимъ... Кромѣ того же, довольно высокаго роста, онъ ни одною, ни наружною, ни духовною чертою не напоминалъ своего родителя; тонкія линіи и общее изящество облика отца замѣнялись у сына грубыми, мясистыми очертаніями бѣлокурой головы и далеко не изобличавшими хорошаго воспитанія и добраго нрава внѣшними пріемами. Онъ по наружности вышелъ, какъ говорится, въ материнскую родню, а именно въ Голицыныхъ; откуда шло остальное, довольно трудно понять... да и не интересно.

Какое за то милое, „любезное очамъ“, добросердѣчное и привѣтливое существо была жившая въ домѣ Воронцовыхъ

племянница хозяйки, вдова, графиня Варвара Григорьевна Шуазель, урожденная княжна Голицына. Оставшись послѣ мужа, полу-француза, полу-поляка, безъ всякаго, если не ошибаюсь, состоянія, она нашла у этихъ родныхъ своихъ пріютъ и ласку, за которые отплатила цѣлою жизнью благодарности, любви и заботъ о нихъ въ старости. Елисавета Ксаверіевна, вдова князя-фельдмаршала, пережила, какъ извѣстно, многими годами мужа, по смерти котораго переселилась на старое пепелище, въ Одессу, гдѣ всю себя посвятила дѣламъ милосердія. Графиня Шуазель была ея ангеломъ хранителемъ, ближайшею и усерднѣйшею помощницею ея, и по кончинѣ тетки, долго еще, обратившись въ настоящую монахиню, состояла начальницею основанной княгинею въ Одессѣ общины сестеръ милосердія... Въ отошедшемъ навсегда въ вѣчность этомъ поколѣніи русскихъ свѣтскихъ женщинъ можно встрѣтить не мало типовъ, отъ которыхъ вѣетъ какимъ-то неотразимымъ, романическимъ благоуханіемъ...

Но въ тѣ годы, къ которымъ относятся мои воспоминанія. графиня Варвара Григорьевна была женщина лѣтъ 35 — 36. высокая, „blonde comme les blés“, съ задушевными голубыми глазами и „плечами-мраморомъ“, большая охотница играть на сценѣ и очень мило, а еще болѣе охотно, съ музыкальностью, врожденною всей вѣтви Голицыныхъ, къ которой принадлежала она, распѣвавшая русскіе и иные романсы того времени... Не могу забыть до сихъ поръ одного изъ нихъ на слова Бенедиктова, слышанный мною изъ ея устъ въ одинъ волшебный весеній вечеръ, въ началѣ апрѣля, въ залѣ съ открытыми окнами на море, гдѣ, подъ серебрянымъ сіяніемъ полной луны, по темно-синимъ, едва колыхавшимся волнамъ скользили суда подъ надутыми парусами, словно какіе-то изваянные лебеди на матовомъ фонѣ античной вазы...

Небо полночное звѣздъ міріадами
Взорамъ безсоннымъ горитъ,
Дивный вѣнецъ его блещетъ плеядами,
Альдебараномъ горитъ...

Долго, долго еще потомъ сохранялся въ душѣ моей невыразимо сладостный arrière-goût того, всего меня охватившаго,

поэтическаго впечатлѣнія, которое произвели на меня при этой обстановкѣ музыкальные звуки совершенно безсмысленнаго по словамъ романса... Да нѣтъ, я не буду лгать: самая безсмысленность этихъ словъ служила, быть можетъ, тому очарованію, тому неотразимому захвату юнаго, мечтательнаго чувства, уносившаго меня въ ту минуту... И теперь, вспоминая о ней,

Das strenge Herz es fühlt sich mild und weich ..

Любительскіе спектакли въ Одессѣ не стѣснены были обычными въ столицахъ узкими рамками залы какого-нибудь частнаго дома (достаточно большой залы для этого не было тогда ни въ одномъ домѣ города). Они давались на сценѣ настоящаго, единственнаго тогда тамъ театра, съ благотворительною цѣлью, и дѣлались всегда полные сборы, такъ какъ, кромѣ временно, преимущественно лѣтомъ, залетавшихъ провинціальныхъ актерскихъ компаній, въ которыя иной разъ пріѣзжалъ гастролировать изъ Москвы Щепкинъ (а также превосходный, пользовавшійся тогда большою репутаціею, провинціальный комикъ Соленикъ), никакой драматической труппы въ Одессѣ не было, и пробавлялась она одною имѣвшеюся у нея постоянною итальянскою оперою. „Благородные спектакли“, иниціатива которыхъ принадлежала графинѣ Шуазель, доставляли поэтому тамошней публикѣ истинное удовольствіе. Сама она исполняла въ нихъ первые женскіе grands rôles, вѣрнѣе роли jeune première, такъ какъ давались преимущественно небольшія комедіи и водевили. Ingénue играла не очень, какъ и сама графиня, молодая, но еще весьма привлекательная наружностью и съ очень милымъ голосомъ, княгиня Гагарина, рожденная Бороздина, бывшая замужемъ за декабристомъ Поджіо, и по ссылкѣ мужа на каторгу вышедшая замужъ за князя Александра Ивановича Гагарина, отличнѣйшаго человѣка, одного изъ тогдашнихъ адъютантовъ графа Воронцова. (Онъ впослѣдствіи, въ званіи Кутаисскаго генералъ-губернатора, былъ зарѣзанъ въ этомъ городѣ какимъ-то бѣшенымъ мѣстнымъ княземъ, вмѣстѣ со служившимъ подъ его начальствомъ пріятелемъ своимъ, Ильинымъ, весьма из-

вѣстнымъ въ Одессѣ въ тѣ дни, о которыхъ я говорю, своимъ остроуміемъ, любовью къ вину и діогеновскимъ неряшествомъ, чтобы не сказать болѣе, своей наружности). Присяжнымъ jeune premier былъ чрезвычайно красивый молодой новороссійскій помѣщикъ, отставной гвардейскій офицеръ, Шостакъ, обладавшій прелестнѣйшимъ теноромъ, весьма изящными внѣшними пріемами и прекрасными черными глазами, горѣвшими тѣмъ особымъ блескомъ, который замѣчается у людей, склонныхъ къ чахоткѣ. Онъ дѣйствительно вскорѣ затѣмъ умеръ отъ этой болѣзни, послѣ двухъ лѣтъ счастливѣйшаго брака съ дочерью тогдашняго одесскаго откупщика, Николая Михайловича Исленьева, такою же, какъ и онъ, красивою брюнеткою, Екатериною Николаевною. (Вдова его въ настоящую пору состоитъ начальницею петербургскаго николаевскаго института). Два превосходные комика были М. П. Щербининъ и А. И. Соколовъ, одинъ изъ одесскихъ чиновниковъ, бывшій студентъ Московскаго университета, довольно приземистый, грузный, и тѣмъ болѣе комичный на сценѣ, чѣмъ менѣе можно было этого ожидать отъ него, претендовавшаго въ обыкновенной жизни изображать собою модную въ тѣ печоринскія времена „романтическую мрачность“ внѣшности. Роли всякаго жанра, и комическія, и серьезныя, исполнялъ въ этой свѣтской труппѣ и „знаменитый“ графъ Самойловъ.

Я не могу не остановиться на этомъ лицѣ. Графъ Самойловъ, сынъ извѣстнаго екатерининскаго генералъ-прокурора, племянника князя Таврическаго, представлялъ собою рѣдкое соединеніе самыхъ блестящихъ внутреннихъ и внѣшнихъ качествъ и такихъ же яркихъ, если можно такъ выразиться, пороковъ. Типъ чисто русскій, — ему, казалось, все было дано лишь для того, чтобы ничто изъ щедротъ, разсыпанныхъ на него судьбою, не пошло ему въ прокъ. Въ судьбѣ его повторилась именно та старинная сказка, въ которой забытая приглашеніемъ волшебница является непрошенная вслѣдъ за другими позванными къ новорожденному царскому младенцу, и ко всѣмъ дарамъ, напророченнымъ ему уже ея сестрами, прибавляетъ въ гнѣвѣ своемъ: „Да, онъ будетъ все это имѣть, но ничѣмъ не воспользуется“. Тщательно воспитанный, пре-

восходно образованный, одаренный необыкновенною физическою силою, неотразимымъ, мужественнымъ и съ тѣмъ вмѣстѣ сладкопроницающимъ органомъ голоса и красотою какого-то античнаго бога, знатный и богатый, первый стрѣлокъ и всадникъ въ Россіи, необычайно ловкій во всѣхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ,—онъ былъ замѣчательнѣйшій, а вмѣстѣ съ тѣмъ несчастнѣйшій... и развратнѣйшій человѣкъ во всей Русской имперіи. Адъютантъ Ермолова на Кавказѣ, затѣмъ, если не ошибаюсь, флигель-адъютантъ, онъ женился на богатѣйшей въ то время русской невѣстѣ, графинѣ Паленъ, въ которую, какъ говорятъ, былъ страстно влюбленъ. Но счастье промелькнуло для него быстрѣе лѣтнихъ розъ. Широкій разгулъ его натуры, не только не укладывавшейся въ строгія рамки брачной жизни, но и пренебрегавшей тѣми компромиссами съ нею, которыя называютъ въ свѣтѣ convenances, повлекъ за собою обычныя послѣдствія. Онъ вскорѣ долженъ былъ убѣдиться, что обманутъ въ свою очередь... Подробности происшедшаго затѣмъ разрыва его съ женою, возмездіе, которое, съ своей стороны, заставилъ онъ претерпѣть захваченнаго имъ на мѣстѣ преступленія оскорбителя своего,—все это, по едва вѣроятному своему содержанію, могло бы быть передано лишь наивно скабрезнымъ перомъ Боккачіо, Брантома или Tallemant des Réaux, и носитъ на себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ печать той полудикой, но чуть не грандіозной безудержности, съ которою говорятъ страсти у людей, скроенныхъ, какъ графъ Самойловъ, по размѣру сказочныхъ богатырей... Какъ бы то ни было, но вслѣдъ за этою „исторіею“ съ женою, онъ въ чинѣ полковника, вышелъ въ отставку (императоръ Николай питалъ къ нему самое рѣшительное нерасположеніе). Началась безцѣльная бродячая жизнь по Россіи (за границу, кажется, его, по повелѣнію нелюбившаго его императора Николая, не пускали). Онъ жилъ то въ Москвѣ *), то въ бога-

*) Ко времени одного изъ этихъ пребываній его въ Москвѣ относится эпизодъ съ Живокини, разсказъ о которомъ, со словъ самого покойнаго московскаго актера, я еще весьма недавно видѣлъ гдѣ-то въ печати, и именно такъ, какъ онъ переданъ былъ мнѣ лично еще во дни моего студенчества однимъ изъ ближайшихъ пріятелей графа Самойлова. Одно очень вы-

томъ своемъ кіевскомъ имѣніи Смѣлъ (наслѣдованномъ послѣ его смерти сестрою его, графинею Бобринскою, и принадлежащемъ нынѣ ея сыновьямъ), откуда ѣздилъ по зимамъ въ Кіевъ на „контракты", въ Харьковѣ и Одессѣ, гдѣ прожилъ три или четыре года сряду, въ пору моего тамъ студентства. Это была печальная, разбитая жизнь, сознаніе которой мучительно точило его внутренно и побуждало искать забвенія въ безумныхъ пирахъ и наслажденіяхъ самой низкой, по большей части, пробы. Гульба съ обѣда и до утра слѣдующаго дня, превращавшаяся часто въ настоящія сатурналіи, въ компаніи бѣшеныхъ друзей и погибшихъ, но далеко не милыхъ созданій,—вотъ на что тратились дары, расточенные какъ бы на смѣхъ судьбою этому Алкивіаду пополамъ съ Геркулесомъ. Въ тѣ дни „романтическихъ вѣяній" онъ невольно наводилъ мысль на сравненіе его съ мильтоновскимъ падшимъ ангеломъ. „L'ange déchu" — такъ и называли его свѣтскія женщины, которыхъ онъ, съ своей стороны, видимо избѣгалъ. На насъ, молодежь, онъ производилъ какое-то невыразимое обаяніе и наводилъ этимъ ужасъ на нашихъ матерей, которымъ представлялся онъ дѣйствительно какимъ-то дьяволомъ-искусителемъ, общество котораго должно было неминуемо повести дѣтей ихъ къ окончательной гибели. Но онъ, съ своей стороны, нисколько не расположенъ былъ вести компанію съ молокососами, а, бывая у нашихъ отцовъ, старыхъ товарищей или добрыхъ знакомыхъ своихъ, походилъ такъ мало на того „ужаснаго Самойлова", о которомъ передавались тогда на ухо другъ другу цѣлыя легенды, что намъ приходилось только недоумѣвать, какъ мо-

---

сокопоставленное лицо (дворъ былъ въ ту пору въ Москвѣ) пожелало, чтобъ Живокини выставилъ блестящаго красавца, мозолившаго ему глаза, въ карикатурномъ видѣ на сценѣ. Актеръ повиновался, и вышелъ графомъ Самойловымъ, если не ошибаюсь, въ роли Транжирина, въ комедіи этого названія. Но замышляемый уколъ непріятному человѣку не попалъ въ цѣль. Оригиналъ карикатуры сидѣлъ тутъ же на этомъ представленіи въ первомъ ряду креселъ, смѣялся и апплодировалъ больше всѣхъ и, по окончаніи спектакля, послалъ сказать Живокини, что онъ доставилъ ему искреннѣйшее удовольствіе, но что для полнаго сходства его съ нимъ, ему недоставало тѣхъ настоящихъ бриллiантовыхъ пуговицъ, которыя онъ, Самойловъ, имѣетъ привычку носить на рубашкѣ, а потому онъ и посылаетъ ихъ ему на добрую память.

жетъ человѣкъ въ одно и то же время совмѣщать въ себѣ „столько зла и столько прелести“. Дѣйствительно, внѣ своей разгульной компаніи, въ свѣтѣ или въ семейномъ домѣ, графъ Самойловъ представлялъ собою образецъ утонченнѣйшаго gentilhomme de l'ancien régime, учтиваго до конца ногтей и сдержаннаго чуть не до робости. Эта послѣдняя черта, при его блистательной наружности и циническої репутаціи, придавала ему именно ту прелесть „à la quelle aucune femme ne saurait résister“, какъ говорила одна изъ тогдашнихъ одесскихъ красавицъ. При нѣсколько внимательномъ наблюденіи нельзя было не замѣтить при этомъ тотъ оттѣнокъ какой-то будто неодолимой меланхоліи, которая то-и-дѣло ложилась на его прекрасное лицо даже въ тѣ минуты, когда онъ, повидимому, былъ наиболѣе весело настроенъ. Этотъ „ужасный“ человѣкъ, послѣ всего перелома жизни, исполненной невѣроятнѣйшихъ перипетій и приключеній, обладалъ чувствительностью, которой могъ бы позавидовать чуть не самъ Вертеръ. Я имѣлъ случай лично убѣдиться въ этомъ.

Въ театрѣ шли репетиціи спектакля, имѣвшаго быть составленнымъ изъ трехъ пьесъ: двухъ-актной комедіи-водевиля „Барышня-крестьянка“, французской комедіи съ куплетами „Dieu vous bénisse“, и стараго водевиля Хмѣльницкаго „Карантинъ“. Пользуясь правомъ ходить на эти репетиціи, такъ какъ и мнѣ иной разъ давали играть на этихъ спектакляхъ маленькія выходныя роли, я въ одинъ прекрасный вечеръ зашелъ на одну изъ нихъ. Проникнувъ въ театръ черезъ актерскій входъ, и почти ощупью, сквозь тьму, царствовавшую въ глубинѣ сцены, пробравшись къ кулисѣ, за которою привѣшенъ былъ кенкетъ, послужившій мнѣ маякомъ, я увидѣлъ за этою кулисою графа Самойлова, со шляпою на головѣ, одиноко сидѣвшаго у столика, на которомъ стоялъ стаканъ и бутылка шампанскаго. Онъ ожидалъ окончанія репетиціи водевиля, такъ какъ за нимъ должна была итти проба репетиціи французской пьесы, въ которой онъ игралъ полукомическую роль проведеннаго добродѣтельною кокеткою соблазнителя-маркиза (и какъ игралъ, какъ носилъ пудреный парикъ, кружевное жабо и шитый блестками бархатный кафтанъ временъ Людовика XV!). Я

остановился незамѣченный имъ, прислушиваясь къ глухо доносившемуся до этого мѣста діалогу репетировавшихъ у рампы актеровъ. Но вотъ послышалась музыка: струнный квартетъ заигралъ ритурнель еврейскаго мотива, на который пѣлъ куплеты свои М. П. Щербининъ, игравшій въ „Карантинѣ“ роль жида Мовши. Глаза мои въ это время машинально остановились на недвижно внимавшемъ графѣ Самойловѣ. Вижу: изъ подъ золотыхъ его очковъ явственно капаютъ на щеки крупныя слезы. Онъ вынулъ поспѣшно платокъ утереть ихъ — и увидалъ меня. Онъ видимо прочелъ на лицѣ моемъ тутъ же то впечатлѣніе, какое произвели на меня эти слезы его, и протянулъ мнѣ руку.—„Тебя удивляетъ, что я плачу, какъ бы вырвалось у него невольно,—этотъ мотивъ... мнѣ вспомнилась Сарра, — слышалъ ты про нее? Это была единственная женщина, которая меня искренно любила“. Онъ поспѣшно всталъ затѣмъ, допилъ свой стаканъ и направился быстрыми шагами вдоль кулисъ къ рампѣ, какъ бы застыдясь вдругъ этой нежданной имъ самимъ откровенности своей съ юношею и чувства, подавшаго къ ней поводъ.

Про Сарру я слышалъ, какъ и всѣ въ тѣ времена. Это была красавица—еврейка, дочь одного изъ богатѣйшихъ бердичевскихъ купцовъ, страстно влюбившаяся въ „ясновельможнаго графа“, и которую онъ увезъ изъ родительскаго дома въ бѣлый день, передъ лицомъ всего тамошняго израиля, преслѣдуемый на всемъ пространствѣ города неистовою, рвавшеюся остановить его лошадей и отбить увозимую имъ дѣвушку, толпою, отъ которой долженъ онъ былъ отбиваться съ пистолетами въ обѣихъ рукахъ... Отецъ проклялъ опозорившую его сѣдины и все еврейство дочь. Это былъ, какъ разсказывали мнѣ люди; знавшіе ее, ударъ смертельный для этой тонко развитой въ психическомъ отношеніи и нѣжной по организму натуры. Она безумно любила своего обольстителя и не въ силахъ была его покинуть, но и не въ силахъ была перенести мучительныхъ упрековъ совѣсти за попранный ею отеческій законъ. Борьба этихъ двухъ чувствъ изнурила и свела въ могилу бѣдную Сарру черезъ годъ съ чѣмъ-то послѣ увоза ея графомъ Самойловымъ. Смерть ея,

говорили, произвела на него такое потрясающее впечатлѣніе, что онъ едва былъ въ состояніи вынести его, и близкіе къ нему люди дрожали, ожидая то-и-дѣло, что онъ сойдетъ съ ума или застрѣлится...

Года полтора или два послѣ тѣхъ веселыхъ одесскихъ любительскихъ спектаклей, этотъ, Богъ вѣсть для чего и какъ, загубившій жизнь свою даровитый человѣкъ умеръ въ Петербургѣ отъ удара, въ объятіяхъ „продажной прелестницы", какъ выражались у насъ въ литературѣ въ двадцатыхъ годахъ, 43-хъ или 44-хъ лѣтъ отъ роду!

Разгульная компанія, центромъ и знаменемъ которой служилъ онъ въ тѣ дни, нашла себѣ вскорѣ послѣ его отъѣзда изъ Одессы новаго поителя и кормителя, въ лицѣ нѣкоего Кологривова, кромѣ богатства и нравственной распущенности не имѣвшаго ничего общаго съ тою блистательною личностью, но о которомъ стоитъ упомянуть, какъ о новомъ образчикѣ той едва вѣроятной для иностранцевъ нелѣпости, въ которую можетъ иной разъ складываться жизнь русскаго человѣка. Шатаніе мысли и воли, безтолковое исканіе чего-то, имѣющаго наполнить чувствуемую внутри себя пустоту, не есть что-либо присущее новой пореформенной эпохѣ въ Россіи: не мало всего этого было и въ дворянской Руси. Представьте себѣ, напримѣръ, этого самаго Кологривова. Воронежскій помѣщикъ, лишившійся лѣтъ двадцати съ чѣмъ-то отца и матери, оставившихъ ему тысячъ двѣсти (на ассигнаціи) рублей ежегоднаго дохода, отправляется онъ учиться въ Германію, и поступаетъ въ Тюбингенѣ — куда бы вы думали? Въ протестантскій богословскій факультетъ, гдѣ прослушиваетъ усидчиво и успѣшно всѣ шесть семестровъ, и по сдачѣ экзамена получаетъ дипломъ доктора теологіи. Пасторомъ затѣмъ онъ, само собою, не дѣлается, а отправляется въ Парижъ, гдѣ держитъ новый экзаменъ на поступленіе въ политехническую школу, курсъ которой точно такъ же кончаетъ отлично въ 1830 году, въ самый моментъ іюльской революціи. Извѣстно участіе, принятое школою въ этомъ событіи, и увѣнчавшееся полнымъ успѣхомъ содѣйствіе ея дѣлу инсургентовъ. Кологривовъ вмѣстѣ съ товарищами усерднѣйшимъ образомъ де-

рется на баррикадахъ за „свободу“ противъ законной монархіи, за что получаетъ даже вмѣстѣ съ другими „іюльскій крестъ“, „la croix de juillet“, отъ воцарившагося затѣмъ парламентарнаго правительства. Но вѣтеръ тутъ же перемѣняется. Въ Испаніи идетъ междоусобная война. Кологривовъ переѣзжаетъ Пиринеи и поступаетъ въ войско претендента Донъ-Карлоса, подъ предводительствомъ котораго и оказывается теперь сражающимся за легитимную, законную монархію противъ конституціонной, съ ея свободою и парламентомъ. О подвигахъ русскаго искателя приключеній доходятъ слухи до императора Николая, не любившаго, какъ извѣстно, давать повадку такимъ самовольнымъ пруссамъ своихъ подданныхъ на пользу какой бы то ни было чужеземной cause. Кологривову приказано было воротиться въ отечество, подъ угрозою отобранія имѣнія его въ казну въ случаѣ неповиновенія. Онъ повинуется, само собою: баррикады въ Парижѣ и легитимизмъ въ Испаніи — вещи, конечно, отличныя, но мѣнять на нихъ своихъ воронежскихъ мужичковъ и тысячи десятинъ чернозема — превосходило мѣру преданности его „убѣжденіямъ“. Пріѣзжаетъ въ Петербургъ и, по желанію государя, привозится въ его кабинетъ шефомъ жандармовъ. Разсказъ самого Кологривова (переданный мнѣ tout chaud однимъ изъ слышавшихъ его) объ этой „аудіенціи“ его у государя былъ чрезвычайно забавенъ:

„Что побудило васъ, спрашиваетъ онъ меня грозно, — къ тому, что вы дѣлали во Франціи и Испаніи?“ Но я не смутился; я люблю величественность, а этотъ человѣкъ величественъ, я долженъ въ этомъ сознаться; онъ подкупилъ меня этою величественностью,—я ему и говорю съ полнымъ моимъ человѣческимъ достоинствомъ: „Желалъ, говорю, ваше величество, показать иностранцамъ, какъ умѣютъ драться люди, имѣющіе счастье быть вашими подданными“. Отвѣтъ мой привелъ его въ восхищеніе. „Я узнаю въ тебѣ достойнаго сына Россіи,—поцѣлуй меня“. Мы поцѣловались. Я вышелъ изъ его кабинета, унося высокое чувство удовлетворенія и имъ, и собою... И что же? Объявляютъ мнѣ на другой день въ III отдѣленіи резолюцію,—синтезъ, такъ сказать, этого свиданія

великаго монарха съ однимъ изъ недюжинныхъ,—вѣско подчеркивалъ Кологривовъ,—сыновъ его имперіи. Коротко-съ, два слова всего: „Рядовымъ на Кавказъ“. Признаюсь вамъ, я этого не ожидалъ. Конечно, это не изъ его прямаго чувства вышло: чувство это, я видѣлъ, понималъ, побуждало его простить меня, — можетъ быть даже больше, приблизить меня къ себѣ. Тутъ видимо повліялъ на него Бенкендорфъ и вся нѣмецкая партія. Но, все равно, этого поступка его со мною исторія не проститъ ему никогда,—я тернъ въ листахъ его вѣнца!“

„Тернъ“ этотъ дѣйствительно выслали съ жандармомъ и продержали на Кавказѣ рядовымъ 7 лѣтъ невступно. Онъ произведенъ былъ затѣмъ въ офицеры и выпущенъ въ отставку. Пріѣхавъ на пароходѣ въ Одессу, съ цѣлью ѣхать къ себѣ въ имѣніе, онъ неожиданно застрялъ тутъ, найдя знакомаго ему по Кавказу Льва Сергѣевича Пушкина, черезъ котораго перезнакомился съ эпигонами бывшей самойловской компаніи. Беззавѣтная гульба воскресла опять, какъ фениксъ изъ своего пепла, подъ кологривовскою хоругвью. Для большаго удобства и полной свободы дѣйствій купленъ былъ имъ черезъ нѣсколько времени продававшійся послѣ смерти извѣстнаго друга Коцебу и ученаго православнаго писателя Александра Скарлатовича Стурдзы, хуторъ верстахъ въ $1^1/_2$ отъ города, на которомъ бывшимъ владѣльцемъ его похоронена была сестра его, графиня Эдлингъ, женщина высоконравственная, оставившая по себѣ славу чуть не святой, вслѣдствіе чего въ народѣ ходили какіе-то слухи объ исцѣленіяхъ, вымаливаемыхъ-де ею недужнымъ, приходившимъ молиться на ея могилу. Нашъ докторъ теологіи тюбингенской alma mater почелъ поэтому нужнымъ разсѣять такое „безсмысленное суевѣріе темнаго люда“ и избралъ эту самую могилу мѣстомъ, гдѣ, какъ дошло вскорѣ до начальства, совершались по ночамъ самыя возмутительныя оргіи... Въ эту пору графъ Воронцовъ состоялъ уже намѣстникомъ на Кавказѣ и жилъ въ Тифлисѣ, а новороссійскимъ генералъ-губернаторствомъ, надъ которымъ онъ сохранялъ высшую власть, правилъ на мѣстѣ генералъ Ѳедоровъ, креатура его, выведенный имъ изъ полиціймейстеровъ г. Николаева до

этого высокаго поста. При графѣ Воронцовѣ, надо полагать, то, что̀ дѣлалось на бывшемъ хуторѣ Стурдзы, повело бы къ чему-либо болѣе рѣшительному, чѣмъ объявленное его новому владѣльцу деликатное замѣчаніе: „не подавать повода ходящимъ по городу слухамъ о производящихся будто у него безчинствамъ“,—такъ какъ графъ имѣлъ достаточно уже основанія точить на него зубы. Въ бытность графа Воронцова еще въ Одессѣ Кологривовъ просилъ его о разрѣшеніи ему произвести на купленномъ имъ небольшомъ суднѣ ученое изслѣдованіе береговъ Чернаго моря. Это было еще на самыхъ первыхъ порахъ переселенія бывшаго кавказскаго разжалованнаго въ Одессу. Графъ Воронцовъ не зналъ еще, что̀ это была за птица, и весьма сочувственно, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, отнесся „къ прекрасной цѣли его предпріятія“, приказавъ даже извѣстить о немъ начальника всѣхъ прибрежныхъ мѣстъ своего генералъ-губернаторства, съ приглашеніемъ оказать всякое содѣйствіе ученому изслѣдователю. Изслѣдователь нагрузилъ судно свое огромнымъ количествомъ всевозможнаго вина и съ грузомъ этимъ отправился дѣйствительно разъѣзжать по всѣмъ портамъ крымскаго и кавказскаго побережья. Приплыветъ въ гавань, кинетъ якорь, съѣдетъ на берегъ и отправляется знакомиться со всѣми находящимися тамъ морскими и армейскими офицерами. Въ тотъ же день весь этотъ народъ плыветъ къ нему гуртомъ на яхту, и начинается питье на смерть. Споивъ здѣсь все и вся, онъ поднимаетъ паруса и плыветъ дальше, изъ Ѳеодосіи въ Керчь, изъ Керчи въ Тамань и вдоль всей кавказской береговой линіи, укладывая послѣдовательно въ лоскъ мадерою своею и коньякомъ военный персоналъ слѣдовавшихъ тамъ одно за другимъ укрѣпленій. Узнавъ о настоящемъ свойствѣ тѣхъ „ученыхъ трудовъ“, которымъ почелъ онъ нужнымъ оказать свое просвѣщенное покровительство, графъ Михаилъ Семеновичъ очень, говорятъ, гнѣвался, и даже сказалъ будто бы со своимъ англійскимъ процѣживаньемъ сквозь зубы: „Этотъ господинъ Кологривовъ совсѣмъ негодный человѣкъ“.

„Этого господина“ я встрѣтилъ разъ или два въ 1845 году, въ Одессѣ, куда пріѣзжалъ въ отпускъ изъ Петербурга,

гдѣ уже состоялъ на службѣ. Это была оригинальная фигура: роста немного ниже средняго, нѣсколько сутулый, широкоплечій, въ очкахъ, съ длинными по плечи волосами, облеченный въ длинное черное пальто и бархатную шапочку совершенно монашескаго покроя. Къ женщинамъ онъ питалъ непримиримую ненависть и обладалъ, какъ увѣряли меня лица компетентныя, огромною начитанностью... Мы видѣли, какое полезное употребленіе онъ дѣлалъ изъ нея... Проживъ нѣсколько лѣтъ въ Одессѣ этою своею назидательною и душеспасительною жизнью, онъ добился наконецъ заграничнаго паспорта, въ которомъ отказывали ему въ теченіи многихъ лѣтъ, и отправился на Востокъ, куда давно тянули его мечтанія и нравы, и попалъ, разсказывали мнѣ потомъ, въ большую милость къ тогдашнему хедиву Измаилъ-пашѣ, котораго тоже споилъ-де на смерть. Свѣдѣнія мои объ этомъ „антикѣ“, какъ назвалъ мнѣ его однажды извѣстный въ тѣ дни въ Одессѣ факторъ Мошка, засимъ прекращаются.

Хорошъ былъ также другой типъ, топтавшій въ тѣ дни одесскія мостовыя. Звали его Посниковымъ, Иваномъ Захаровичемъ. Онъ по рожденію и родству принадлежалъ къ лучшему столичному обществу. Внукъ извѣстнаго сановника александровскихъ временъ, Архарова, онъ былъ по матери родной племянникъ извѣстной Александры Ивановны Васильчиковой, весьма просвѣщенной женщины *) (тещи покойнаго князя В. А. Черкасскаго и матери автора прекрасной „Монографіи семейства Разумовскихъ“). Лишившись родителей до совершеннолѣтія, Посниковъ состоялъ одно время подъ опекою этой тетки своей и очень былъ любимъ ею, что̀ подавало поводъ къ самымъ забавнымъ эпизодамъ въ ихъ отношеніяхъ (объ одномъ изъ нихъ я разскажу ниже). Воспитанный весьма тщательно дома, онъ поступилъ затѣмъ въ петербургскій университетъ на филологическій факультетъ, гдѣ оказался лучшимъ ученикомъ извѣстнаго тогда эллиниста, профессора Грефе, и вышелъ первымъ кандидатомъ своего курса.

*) Гоголь одно время былъ наставникомъ у дѣтей ея, о чемъ весьма интересныя строки читаются въ воспоминаніяхъ покойнаго графа Соллогуба, напечатанныхъ нѣсколько лѣтъ назадъ въ „Русскомъ Архивѣ“.

Характера онъ былъ милѣйшаго, мягчайшаго, ребячески добродушнаго, что̀ имѣло какой-то особенно комичный оттѣнокъ при его огромномъ ростѣ и богатырскомъ сложеніи; это была какая-то разваренная до кашеобразности рѣпа, ростомъ въ колокольню. Воли никакой, и пьяница жесточайшій. Тетку онъ приводилъ въ отчаяніе. Боялся онъ ея ужасно и лилъ слезы, словно изъ лохани воду, какъ только начинала она наставлять его на путь истины, билъ себя въ грудь кулаками, призывая всѣхъ святителей во свидѣтели, что „больше не будетъ“,—и въ тотъ же день лежалъ гдѣ-нибудь подъ столомъ, напившись до безчувствія. Билась съ нимъ Александра Ивановна, билась, придумала наконецъ отправить его подъ начало графа М. С. Воронцова, въ Одессу. Снарядила его, раба Божія, надѣлала ему платья, бѣлья, снабдила деньгами и „погребцомъ“ на дорогу, необходимою тогда принадлежностью каждаго путешествовавшаго по Россіи, въ которомъ, между прочимъ, находились три дюжины серебряныхъ ложекъ. Деньги Иванъ Захаровичъ, не выѣзжая еще изъ Москвы, пропилъ почти всѣ, такъ что остатка отъ нихъ хватило ему едва чтобы доѣхать до Харькова. А оттуда до Одессы прогоны на станціяхъ платилъ онъ уже этими своими серебряными ложками изъ „погребца“... Графъ Михаилъ Семеновичъ принялъ его отлично, въ его двойномъ качествѣ человѣка извѣстнаго общества и классически-образованнаго юноши, и поручилъ ему заняться разборомъ, приведеніемъ въ порядокъ и составленіемъ каталога своей обширной библіотеки. Посниковъ принялся за задачу съ рвеніемъ, и каждый день аккуратно, въ положенный часъ, являлся исправлять порученное ему дѣло въ комнату, въ которой помѣщалась эта библіотека, рядомъ съ кабинетомъ его начальника. И сидитъ тутъ такимъ образомъ каждое утро Иванъ Захарычъ, корпитъ за каталогомъ,—уйти не смѣетъ, пока тотъ у себя, подлѣ, принимаетъ доклады и письма диктуетъ, между тѣмъ какъ пьяная компанія, съ которою Посниковъ, разумѣется, успѣлъ сойтись съ первыхъ же дней прибытія своего въ городъ, собралась уже гдѣ нибудь у Маттео, или у графа Самойлова, и пируетъ безъ него.

Но я лучше передамъ рѣчь о послѣдующемъ самого Ивана Захаровича, съ которымъ много лѣтъ спустя встрѣтились мы опять въ Москвѣ, гдѣ онъ жилъ въ ту пору на покоѣ, послѣ всѣхъ своихъ служебныхъ и житейскихъ невзгодъ (т.-е. пропивъ свое состояніе), у той же тетки своей, А. И. Васильчиковой.

— Сижу это, знаете, я—слегка и презабавно пришепетывалъ онъ, разсказывая это мнѣ,—въ этой библіотекѣ, и досада такая разбираетъ, особенно когда эта проклятая пушка на бульварѣ въ полдень грянетъ *), потому въ эту самую минуту барабанщики у меня въ желудкѣ начнутъ нещадно тревогу бить, ѣсть-пить захочется смерть,—а ты тутъ сиди, потому и онъ сидитъ, неравно процѣдитъ: „Come in, Posnikof dear!..“ И возымѣлъ я къ этой пушкѣ ненависть лютую; погублю тебя, шельма, рѣшилъ я это, знаете, внутренно. Вотъ я, этакъ ночью, часу въ третьемъ, и отправился на бульваръ; колъ, знаете, на которомъ она на цѣпи съ замкомъ привязана была, вытащилъ совсѣмъ изъ земли, ухватился за эту цѣпь и потащилъ на двухъ ея колесахъ, вдоль бульвара, въ биржевой садъ. А тамъ, помните, одно только названіе, что садъ: пустырь съ кое-какими акаціями, бурьяномъ да колючками поросшій. Я ее въ этотъ самый репейникъ густой-прегустой, въ самую чащу, и ткнулъ; руки даже себѣ накололъ... На другой день я въ положенный часъ, какъ всегда,—на службу. Сѣлъ, перо взялъ, и такъ и уткнулся въ каталогъ. А дверь въ его кабинетъ, по обыкновенію, отворена, и все оттуда мнѣ слышно. „Что-то будетъ?“ жду, потому сейчасъ къ нему должны полиціймейстеръ и комендантъ съ ежедневнымъ рапортомъ явиться... Дѣйствительно, слышу, загремѣла сабля: это Александръ Андреевичъ Шостакъ, полиціймейстеръ. И съ-оника доноситъ о происшествіи: „Необыкновенное, молъ, обстоятельство—пушка съ бульвара пропала“.—Какъ пропала?—„Такъ и пропала, ваше сіятельство, не могутъ отыскать...“ Тутъ ста-

*) Полдень возвѣщается и до сихъ поръ въ Одессѣ выстрѣломъ изъ пушки, стоящей противъ монумента герцога де-Ришелье. Въ ту пору знакъ къ нему подавался изъ дома графа Воронцова, по находившемуся тамъ хронометру.

рикъ мой пришелъ въ такой гнѣвъ, что я чуть со стула моего не свалился; накричалъ на Шостака самымъ ужаснѣйшимъ манеромъ, хрипитъ даже отъ злости! „Отыскать, отыскать, и узнать непремѣнно, кто позволилъ себѣ это сдѣлать и съ какою цѣлью“.—„Я ужь распорядился“, говоритъ Шостакъ совсѣмъ уже перепуганнымъ, слышу, голосомъ. А тотъ ему на это: „Я ваше распоряженіе послѣ этого происшествія въ грошъ не ставлю; я самъ наряжу слѣдствіе. Posnikof, come in!“.. Вотъ тебѣ и разъ! Однако, я ничего, обдернулся, вхожу: „Что прикажете, ваше сіятельство?“ А у него даже губы дрожатъ. „Вотъ, говоритъ,—что позволяютъ себѣ дѣлать въ городѣ, пушка съ бульвара пропала!“ Я повелъ очами къ небу, развелъ руками, и тутъ же головою поникъ: ужасно, молъ, ваше сіятельство!—„Наряжаю тебя произвести строжайшее слѣдствіе по этому безчинству... Прошу по совѣсти, не щадя никого, кому это могло бы быть не пріятно“, прибавляетъ онъ это уже по адресу Шостака. Я опять вздохнулъ изъ всей груди и приложилъ руку къ сердцу,—какъ это, молъ, ни тяжело мнѣ, но я на все готовъ для исполненія воли вашего сіятельства. — „Хорошо, отправляйся сейчасъ въ канцелярію и принимайся за дѣло. Можете итти“, и повернулся къ полиціймейстеру спиною. Полная, значитъ, немилость.

— Что же, перебилъ я на этомъ мѣстѣ Ивана Захаровича, покатываясь со смѣху,—вы такъ дѣйствительно и производили слѣдствіе, и успѣшно?

— По всѣмъ правиламъ искусства. Все начальство къ слѣдствію привлекъ: полиціймейстера, коменданта, градоначальника, начальника инвалидной роты, управляющаго таможнею и карантинное начальство; бланки себѣ особенные велѣлъ отлитографировать съ заголовкомъ: „Чиновникъ по особому порученію его сіятельства главнаго начальника края, производящій слѣдствіе по дѣлу о пропажѣ съ одесскаго приморскаго бульвара сигнальной пушки“, трехъ писарей изъ канцеляріи вытребовалъ, по шестидесяти нумеровъ исходящихъ въ день выпускалъ.

— И нашли виновнаго?

— Остался неизвѣстенъ.

— А пушку?

— Я же самъ ее дня черезъ два изъ биржеваго сада обратно притащилъ и на мѣсто поставилъ, только жерломъ не къ морю, а прямо направивъ его на ликъ бронзоваго дюка: берегись, молъ, неравно выпалю!

— Какъ же ваше слѣдствіе кончилось?

— Пришли къ графу хоромъ жаловаться власти, которыхъ я привлекъ къ дѣлу. „Не въ-терпежъ, говорятъ,—ваше сіятельство, замучилъ насъ Посниковъ вопросами своими и требованіями. Избавьте насъ отъ него“. Ну, а у того гнѣвъ успѣлъ пройти, пушка же опять на мѣстѣ стояла. Онъ и велѣлъ мнѣ прекратить: „Благодарю тебя, говоритъ, — ты, можетъ быть, слишкомъ много усердія приложилъ къ дѣлу, но въ молодомъ человѣкѣ это не дурно“. Похвалу, какъ видите, еще получилъ отъ начальства...

По назначеніи графа Воронцова намѣстникомъ на Кавказъ, Иванъ Захаровичъ послѣдовалъ за нимъ туда, — но карьеры онъ тамъ не сдѣлалъ. Очень ужь хорошо было тамъ кахетинское вино и соблазнительно общество любителей его. Онъ вернулся оттуда въ Москву въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, настоящимъ gros Jean comme devant, какъ говорятъ французы, подъ ту же руку продолжавшей радѣть о немъ, вопреки всему, „тетушки Васильчиковой“... По пути съ Кавказа „откололъ“ онъ съ нею, какъ говорится, невообразимую „штуку“. Получаетъ однажды Александра Ивановна съ какой-то станціи письмо отъ неизвѣстнаго ей лица, извѣщающаго ее, что племянникъ ея, Иванъ Захаровичъ Посниковъ, съ которымъ встрѣтился онъ на этой станціи, умеръ тамъ скоропостижно, и что при немъ не оказалось ни гроша, на что можно бы было его прилично похоронить, о чемъ онъ и считаетъ долгомъ извѣстить его родственницу. Почтенная особа, само собою, очень всполошилась, расплакалась и поспѣшила распорядиться посылкою на означенную станцію довѣреннаго слуги, вручивъ ему денегъ для перевоза тѣла племянника въ Москву, гдѣ долженъ онъ былъ быть погребенъ въ фамильномъ склепѣ. Каково же было ея удивленіе, радость, а затѣмъ и гнѣвъ, когда черезъ нѣсколько дней послѣ этого предсталъ предъ нею во плоти и

духѣ самъ мертвецъ, болѣе грузный, объемистый и блаженно улыбающійся, чѣмъ когда-либо.

— Какъ же это ты рѣшился такъ напугать меня? говорила она ему въ волненіи.

— А я дѣйствительно умеръ, отвѣчаетъ тотъ,—со страха. что у меня деньги всѣ вышли и нечѣмъ съ этой станціи дальше ѣхать; написать просто—вы пожалуй бы не дали, а тутъ я зналъ, что похоронить меня съ честью ужь вы навѣрно похороните.

И надо было видѣть, какъ наивно комично разсказывалъ это самъ Иванъ Захаровичъ!

Въ Москвѣ вздумали его женить и нашли ему дѣйствительно премилую молодую особу, единственную дочь почтеннаго отца, съ которою Иванъ Захаровичъ сочетался бракомъ... Но что изъ этого вышло, могъ бы опять-таки разсказать лишь какой-нибудь Брантомъ или ему подобный лѣтописецъ стародавнихъ facéties et histoires drolitiques... Кончилось, кажется, разводомъ, послѣ чего самъ онъ вскорѣ умеръ. Я въ ту пору перешелъ опять на службу изъ Москвы въ Петербургъ и потерялъ его изъ виду.

Къ Одессѣ временъ моей молодости, во многихъ отношеніяхъ въ ту пору дѣйствительно заслуживавшей прозваніе „Капуи“, данное ей кѣмъ-то въ насмѣшку, я возвращусь какъ-нибудь...

ИЗЪ ПРОЖИТЫХЪ ДНЕЙ *).

IV.

Бальзакъ и его женитьба.

Лѣтомъ 1843 года (я за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ поступилъ на службу въ Петербургъ), на дачѣ у С. С. Б—вой, имѣлъ я случай увидать французскаго писателя, съ произведеніями котораго познакомился, еще бывши ребенкомъ (лѣтъ 14 отъ роду прочелъ я въ первый разъ „La recherche de l'inconnu", печатавшееся въ Revue étrangère", французскомъ журналѣ, много лѣтъ издававшемся въ Петербургѣ книгопродавцемъ Бельмуаромъ, и къ которому питалъ съ тѣхъ дней самое восторженное сочувствіе). Его привезла къ хозяйкѣ дачи неожиданно, — по крайней мѣрѣ для гостей, собравшихся у нея въ тотъ вечеръ, — богатая польская дама, г-жа Ганска, на которой впослѣдствіи женился Бальзакъ и съ которою онъ пріѣхалъ въ то время въ Петербургъ изъ ея подольскаго имѣнія... Въ изящной полной цвѣтовъ и растеній гостиной сидѣло общество за чаемъ, когда они вошли въ комнату: плотная, чтобы не сказать толстая, невысокая женщина лѣтъ 40, съ широкимъ лицомъ и далеко не элегантною походкою, и за нею такой же невысокій и плотный, съ длинными русыми волосами „à la mougik", по модѣ 30-хъ годовъ, мужчина... Я въ первую минуту не повѣрилъ даже, когда,—не помню теперь, кто — сидѣвшій подлѣ меня за столомъ шепнулъ мнѣ

*) Впервые напечатано въ №№ 270 и 272 С.-Петерб. Вѣд., 30-го сентября и 2-го октября 1884 года.

на ухо: „Это Бальзакъ"... Бальзакъ, авторъ „Eugénie Grandet и Père Goriot" — этотъ грузный, съ какимъ-то спящимъ и грубымъ лицомъ человѣкъ, „похожій на пѣхотнаго маіора изъ бурбоновъ, отростившаго себѣ волосы, какъ дьяконъ", подумалось мнѣ,—и мнѣ сдѣлалось какъ-то ужасно грустно. Не такимъ представляло себѣ мое двадцатилѣтнее воображеніе великаго писателя (къ тому же перваго, котораго мнѣ суждено было видѣть), и, только внимательнѣе вглядываясь въ него, призналъ я нѣкоторое сходство оригинала съ литографированнымъ его портретомъ, который я, въ пору моего студенчества, выдралъ изъ той же „Revue étrangère" и, вставивъ его подъ стекло, повѣсилъ въ моей комнатѣ, рядомъ съ подобнымъ же портретомъ Жоржъ-Зандъ, въ мужскомъ костюмѣ и съ такою же, какъ у него, длинною прическою... Хозяйка тотчасъ же представила вошедшихъ сидѣвшимъ подлѣ нея дамамъ. Начался общій разговоръ; дамы то-и-дѣло обращались къ Бальзаку то съ тѣмъ, то съ другимъ вопросомъ. Онъ отвѣчалъ немногословными, обрывчатыми фразами, а затѣмъ и совсѣмъ замолкъ, насупившись, съ видомъ болѣе еще чѣмъ прежде соннымъ. На меня онъ произвелъ впечатлѣніе человѣка, не почитающаго нужнымъ метать перлы передъ обществомъ, неспособнымъ понимать его *), и мнѣ въ то же время стало досадно на него и обидно за всѣхъ „насъ". А у него, можетъ быть, въ это время просто голова болѣла, или ему дѣйствительно спать хотѣлось отъ утомленія цѣлаго дня, проведеннаго, какъ объясняла г-жа Ганска, въ обозрѣніи всѣхъ достопримѣчательностей Петербурга. Спутница его за то не умолкала все время; говорила она бойко, отчетливо и чрезвычайно книжно, съ удовольствіемъ, очевидно, слушая сама себя

*) Насколько это впечатлѣніе мое было не основательно, служитъ доказательствомъ отзывъ покойнаго Рамазанова, который, нѣсколько дней послѣ вечера, о которомъ я говорю здѣсь, уѣхалъ изъ Петербурга за границу въ одной почтовой каретѣ съ Бальзакомъ, возвращавшимся на родину. Въ весьма интересныхъ воспоминаніяхъ своихъ объ этомъ отъѣздѣ своемъ и пребываніи за границею, напечатанныхъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ" нѣсколько лѣтъ назадъ, художникъ не нахвалится обходительностью, веселостью и сообщительностью обращенія знаменитаго спутника своего, съ которымъ доѣхалъ до самаго Дрездена, сколько мнѣ помнится.

и какъ бы давая понимать остальнымъ слушающимъ, что она гораздо еще болѣе, чѣмъ привезенная ею знаменитость, заслуживаетъ быть центромъ общаго вниманія. Но о чемъ она говорила, я рѣшительно не помню. Глаза мои не отрывались отъ Бальзака, въ глазахъ, въ улыбкѣ котораго мнѣ упорно хотѣлось все отыскать „l'éclair du génie", какъ я выражался тогда мысленно. Но никакого éclair, кромѣ усталости или скуки, подмѣтить мнѣ было не дано... Часа черезъ полтора-два онъ повелъ какъ бы молящимъ взглядомъ на г-жу Ганску. Она вняла ему и поднялась съ мѣста. Они простились и уѣхали.

Подъ такимъ, далеко не поэтическимъ освѣщеніемъ пришлось мнѣ увидѣть этихъ двухъ лицъ, отношенія которыхъ другъ къ другу представляютъ между тѣмъ собою весьма занимательный романъ, съ перипетіями, тянувшимися на пространствѣ болѣе 20 лѣтъ.

Г-жа Ганска, рожденная графиня Ржевуская, принадлежала къ весьма древней и даровитой польской аристократической семьѣ. Изъ братьевъ ея, графъ Адамъ Ржевускій, состоящій и понынѣ генералъ-адъютантомъ Его Величества, веселый и остроумный человѣкъ, женатъ былъ первымъ бракомъ на вдовѣ Жеребцовой, рожденной княжнѣ Лопухиной (женщинѣ гораздо его старше), приходящейся бабушкою съ материнской стороны нынѣшнему нашему послу въ Берлинѣ, князю Н. А. Орлову; во второмъ — на дочери бывшаго министра юстиціи въ царствованіе императора Николая, Дашкова, которой онъ лѣтъ на 30 былъ старше, и въ третьемъ — на соплеменницѣ своей,—по фамиліи Бжозовской, если не ошибаюсь,—между которой и имъ существуетъ еще большая разница лѣтъ. Другой братъ, графъ Генрихъ, долго состоявшій въ Варшавѣ при князѣ Паскевичѣ, извѣстенъ какъ одинъ изъ даровитѣйшихъ польскихъ беллетристовъ. Изъ двухъ сестеръ ея, госпожъ Ризничъ и Собаньской, послѣдняя почиталась въ свое время одною изъ самыхъ блестящихъ красавицъ польскаго общества русскаго юга... Я помню ее еще въ тридцатыхъ годахъ въ Кіевѣ, въ домѣ отца моего, — помню, какъ теперь, пунцовую бархатную току съ страусовыми перьями,

необыкновенно красиво шедшую къ ея высокому росту, пышнымъ плечамъ и огненнымъ черным глазамъ; помню гораздо позднѣе, уже во дни студенчества моего въ Одессѣ, когда, разведясь съ мужемъ изъ-за страстной любви къ одному изъ донъ-жуановъ первой четверти нашего вѣка, графу Витту *), и послѣ разрыва съ нимъ вышла она faute de mieux замужъ за адъютанта его, Чирковича. Оставшись затѣмъ вскорѣ вдовою, она на шестомъ десяткѣ обвѣнчалась третьимъ бракомъ съ Paul Lacroix, извѣстнымъ во французской литературѣ подъ псевдонимомъ „Bibliophile Jacob“, занимательнымъ и весьма свѣдущимъ по исторіи отечества своего писателемъ. „Le salon de monsieur et madame Paul Lacroix“, престарѣлой, но отмѣнно любезной, гостепріимной четы, по нѣжной привязанности своей другъ къ другу „напоминающей собою трогательное древнее сказаніе о Филемонѣ и Бавкидѣ“, какъ говорилъ мнѣ еще лѣтъ 20 тому назадъ покойный Méry **), весьма долго (если и не до сихъ поръ, такъ какъ супруги, по свѣдѣніямъ моимъ, живы и понынѣ) почитался однимъ изъ пріятнѣйшихъ центровъ „du Paris intelligent“.

Г-жѣ Ганска суждено было закончить бракомъ съ такимъ же французскимъ писателемъ, но послѣ прошедшаго, проведеннаго при совершенно иныхъ условіяхъ, чѣмъ тѣ, которыя выпали на долю ея блестящей сестрѣ... Лѣтъ 30 послѣ встрѣчи моей съ нею и Бальзакомъ, разсказана мнѣ была родною ея племянницей, графинею К., слѣдующая достовѣрная повѣсть ихъ двадцатилѣтней любовной эпопеи.

Г-жа Ганска вышла 16-лѣтнею дѣвушкою за своего, очень богатаго, образованнаго и тогда уже почти 50-лѣтняго супруга. Эта огромная разница лѣтъ между нимъ и женою, чуть еще не ребенкомъ, возбудила въ Ганскомъ на первыхъ же порахъ справедливыя опасенія за прочность чаемаго имъ съ нею счастья. Онъ совершенно ясно сознавалъ, что рано или поздно въ этомъ ребенкѣ можетъ пробудиться женщина, съ

*) Умеръ на югѣ въ сороковыхъ годахъ инспекторомъ поселенной кавалеріи, въ званіи генералъ-адъютанта и генерала отъ кавалеріи.

**) Извѣстный поэтъ и романистъ, авторъ „La Floride“, „La guerre du Nizam“ и другихъ имѣвшихъ большой успѣхъ въ свое время произведеній.

сердцемъ, требующимъ любви, но что предметомъ ея будетъ не онъ, старый, отжившій человѣкъ и мужъ, что на тайный зовъ ея можетъ отозваться кто-нибудь другой, такой же молодой и свѣжій, какъ сама она. Слѣдовало поэтому первымъ дѣломъ отдалить это дѣвственное еще сердце отъ всякаго случая къ соблазну, не давать молодой женѣ встрѣтиться ни съ кѣмъ, кто способенъ былъ бы зажечь въ ней искру еще невѣдомой пока страсти. Надо было вмѣстѣ съ тѣмъ дать и надлежащую пищу ея духовнымъ потребностямъ, той умственной воспріимчивости и жаждѣ знанія, замѣченнымъ имъ въ ней, которыя при разумномъ развитіи могли, разсуждалъ онъ, вполнѣ замѣнить для нея обычную женщинамъ ея круга жажду свѣтскихъ развлеченій, въ омутѣ которыхъ погибаетъ такъ много супружескихъ благополучій и добродѣтельныхъ женщинъ... Всего этого пожилой супругъ счелъ возможнымъ достигнуть, запершись съ женою въ своемъ деревенскомъ „палацѣ на Подолѣ“ (т.-е. въ Подольской губерніи), откуда и онъ, и она не выѣзжали въ теченіи болѣе чѣмъ 10 лѣтъ и куда принимались лишь ближайшіе родственники и друзья владѣльца и ни единаго молодаго человѣка. Молодая жена за то была завалена книгами, приходившими къ ней со всѣхъ концовъ Европы. Ганскій самъ былъ человѣкъ начитанный и довольно многосторонній по образованію, познакомилъ жену съ нѣкоторыми отраслями знанія, въ которыхъ самъ дилеттантствовалъ довольно удачно, съ языками, съ которыми она не знакома была до тѣхъ поръ. Даровитая молодая женщина преуспѣвала въ этомъ болѣе даже, чѣмъ онъ ожидалъ. Но литература, весьма понятно, привлекала ее все сильнѣе и—что еще понятнѣе, — преимущественно литература французская, только-что вырвавшаяся въ ту пору изъ-подъ двухвѣковаго гнета своего псевдо-классицизма и смѣло водружавшая пестрое „романтическое“ знамя надъ взятыми ею приступомъ бастиліями традицій, говорившихъ во имя непререкаемаго авторитета Буало, Расина и Вольтера. Это было интересное, живое, полное горячихъ стремленій и яркихъ красокъ время. Послѣ невыносимо безцвѣтныхъ, безъидейныхъ, безпомощныхъ писакъ и сентиментальныхъ романистокъ первой имперіи и рестав-

раціи, всякихъ Фонтановъ, Арно, Лемьеровъ, госпожъ Cottin, de Genlis и de Souza, со дня на день, вдругъ, на тощей литературной почвѣ взростаетъ цѣлый коверъ цвѣтовъ, поражающихъ, ослѣпляющихъ глазъ нежданною смѣлостью, разнообразіемъ и несомнѣнною привлекательностью рисунковъ своихъ и колеровъ; густой рядъ молодыхъ дарованій, невѣдомыхъ вчера, говорятъ смѣло о себѣ сегодня, какъ о ближайшихъ властителяхъ умственнаго движенія во всемъ мірѣ. Поэтическое творчество другихъ народовъ переносится на французскую землю и становится достояніемъ всей вселенной, проходя сквозь реторту яснаго французскаго ума и всѣмъ доступной французской популяризаціи... Тридцатые годы были для Франціи повтореніемъ „великаго вѣка“ (grand siècle) Людовика XIV: остальные народы признавали въ ней вновь стоящую во главѣ интеллектуальнаго міра націю... Здѣсь не мѣсто входить въ разсужденія, въ какой мѣрѣ окружавшій ее тогда ореолъ соотвѣтствовалъ дѣйствительно принесеннымъ ею заслугамъ въ широкой области человѣческой мысли. Нельзя отрицать, во всякомъ случаѣ, что время это было для нея временемъ дѣйствительныхъ, болѣе или менѣе крупныхъ талантовъ, изъ которыхъ нѣкоторые, чрезмѣрно возвеличенные въ ту пору, отошли въ наши дни на болѣе или менѣе задній планъ; другіе же, напротивъ, только въ наши дни поднялись въ глазахъ ихъ соотечественниковъ на ту заслуженную ими степень знаменитости, въ которой отказывали имъ во время ихъ жизни. Къ этимъ послѣднимъ принадлежитъ едва-ли не величайшій изъ всѣхъ ихъ, творецъ „Человѣческой комедіи“ („Comédie humaine“). Дебютировавшій на литературной аренѣ многими годами ранѣе романтиковъ цѣлою серіею своеобразныхъ произведеній, писанныхъ подъ разными псевдонимами *), пропущенныхъ безъ вниманія читающею публикою, и которыми прежде всего былъ не доволенъ онъ самъ, онъ заставляетъ говорить о себѣ лишь послѣ появленія своей „Physiologie du mariage“, съ которой начинаетъ подписываться уже полнымъ своимъ именемъ. Вся жизнь его проходитъ затѣмъ въ неустанномъ, крѣпчающемъ

*) Изъ которыхъ всего чаще подписывался онъ „Saint-Albin“.

съ каждымъ годомъ творчествѣ, въ которомъ онъ является вполнѣ самъ и одинокъ, какъ могучій дубъ среди иныхъ древесныхъ породъ, отъ которыхъ рѣзко отдѣляется широкимъ захватомъ своихъ корней, густотою и сочностью своей зелени. Но въ самой этой силѣ захвата и своеобразности творчества, черпавшаго мотивы свои прямо изъ жизни, „aus dem frischen Menschenleben“, по выраженію Гёте, лежалъ источникъ того относительнаго равнодушія, какое встрѣчали въ самой Франціи произведенія его генія. Онъ не ослѣплялъ трескомъ бойкихъ фразъ и вычурныхъ сопоставленій, на половину мишурною колоссальностью образовъ Виктора Гюго, не умилялъ, не чаровалъ сердца и слухъ прелестью картинъ природы и любви и соловьиною рѣчью Жоржъ-Зандъ, не раздражалъ и не потѣшалъ воображеніе читательской массы, какъ Александръ Дюма; онъ никогда и не пользовался обаяніемъ и популярностью этихъ совмѣстниковъ своихъ въ предѣлахъ отечества... Можно прямо сказать, что слава Бальзака создана ему была при жизни гораздо болѣе чужеземными, чѣмъ французскими читателями. Его жадно поглощали въ образованныхъ кружкахъ Англіи, Германіи, особенно Россіи, въ польскомъ аристократическомъ обществѣ...

На далекомъ „Подолѣ“, въ одинокой жизни своего панскаго „палаца“, молодая жена стараго супруга молилась на творца „Peau de chagrin“ и „Père Goriot“, — а быть можетъ и „Physiologie du mariage“, если только допустить, что эта злобная сатира на бракъ не была конфискована ревнивымъ владыкою ея, прежде чѣмъ попасть въ ея руки... Ей вздумалось однажды выразить на бумагѣ все восхищеніе, испытуемое ею при чтеніи даровитаго писателя, и послать это ему въ Парижъ. Мужъ одобрилъ ея намѣреніе: не ревновать же было ему, въ самомъ дѣлѣ, къ незнакомому лицу, обитающему на другомъ концѣ Европы и къ которому чувство жены его могло быть, само собою, лишь чисто идеальнаго свойства. Г-жа Ганска, сильная этимъ дозволеніемъ, вылила, надо полагать, „всю душу свою“, какъ говорится, въ этомъ первомъ письмѣ къ Бальзаку, такъ какъ впечатлѣніе, произведенное имъ на него, было огромное. Онъ переживалъ въ ту пору одну изъ тѣхъ

трудныхъ минутъ, которыми полна была его жизнь, когда нужда, чрезмѣрная работа, то недовольство формою, слогомъ, съ которымъ онъ никогда справиться не могъ (что понуждало его къ неустаннымъ выправкамъ и варіантамъ цѣлыхъ листовъ написаннаго текста), и наконецъ придирки враждебной къ нему критики приводили его въ крайне угнетенное нравственное состояніе, какъ свидѣтельствуетъ это опубликованная, нѣсколько лѣтъ назадъ, переписка его съ сестрою, г-жею Сюрвиль. Нежданное посланіе изъ далекой страны отъ молодой, „очевидно прекрасной“, говорило ему воображеніе, и несомнѣнно, судя по тому, что писала она, умной и широкообразованой женщины, доставило ему невыразимое утѣшеніе, разогнало уныніе, воскресило духъ. Онъ отвѣчалъ горячо, сердечно, пространно... Завязалась корреспонденція, изо дня въ день, изъ года въ годъ принимавшая все болѣе интимный, все болѣе нѣжный характеръ. Такъ прошли три или четыре года. Ганскій хмурился, желчно иронизируя подъ часъ надъ „эпистолярною страстью“ жены, но не препятствовалъ ей. Эти безплотныя отношенія къ кому-то, не облеченному ни для нея, ни для него въ видимый, осязательный образъ, служили ему какъ бы гарантіею, что ему нечего бояться со стороны жены увлеченій болѣе положительнаго свойства. Къ этому присоединилось извѣстнаго рода тщеславіе: поклонникомъ его „пани“ былъ первостепенный писатель, „всемірная знаменитость“... Самъ онъ, между тѣмъ, начиналъ ветшать и болѣть; доктора предписали ему курсъ лѣченія въ Карлсбадѣ. Онъ отправился въ путь съ женою и единственною дочерью, дѣвочкою лѣтъ 9 (вышедшею впослѣдствіи замужъ за графа Мнишка). Изъ Карлсбада, по окончаніи его курса, Ганскіе проѣхали въ Вѣну.

Г-жѣ Ганскѣ перешло уже тогда за тридцать, и мужъ, удерживаемый часто дома плохимъ состояніемъ своего здоровья, предоставлялъ ей извѣстную внѣшнюю свободу, которою она и пользовалась для поѣздокъ по очаровательнымъ мѣстамъ гульбищъ, которыми изобилуетъ Вѣна. Ей въ особенности нравился Шёнбрунъ, и она почти ежедневно ѣздила по утрамъ туда на прогулку съ дочерью... Въ одинъ прекрасный солнечный день шла она такимъ образомъ съ нею по большой аллеѣ отъ дворца

на возвратномъ уже пути къ воротамъ, за которыми ждалъ ихъ экипажъ. Дѣвочка весело бѣжала передъ нею, подгоняя палочкою свое серсо. Вдругъ споткнулась она о какой-то камешекъ, упала и громко закричала. Перепуганная мать кинулась къ ней, но какой-то мужчина, шедшій впереди по той же аллеѣ, предупредилъ ее, подбѣжалъ къ ребенку, поднялъ его на руки и, быстро выхвативъ платокъ изъ кармана, принялся утирать струившіяся по его лицу капельки крови изъ царапины, произведенной гравіемъ, на который упала дѣвочка. Увѣчья, кромѣ этого, никакого не оказалось; дѣвочка вскорѣ перестала плакать, но поднявшій ее незнакомецъ упросилъ ея мать дозволить донести ее на рукахъ до экипажа. Та благодарила и, вся занятая дочерью, не обратила въ первое время никакого вниманія на наружность того, къ кому относилась ея благодарность. Только когда вышли они втроемъ за ворота и ожидавшій тамъ слуга крикнулъ коляску своей барыни, г-жа Ганска взглянула въ лицо своего спутника, и сердце ея внезапно забилось.

— Позвольте мнѣ еще разъ поблагодарить васъ отъ всего сердца, промолвила она, — и узнать имя того, чье участіе къ моей дѣвочкѣ я никогда не въ состояніи буду забыть.

Незнакомецъ снялъ шляпу и низко поклонился.

— On me nomme Honoré de Balzac, madame.

Молодая женщина вскрикнула и повалилась бы наземь, если бы рука Бальзака не ухватила и не поддержала ее за станъ.

Романъ, вращавшійся до сихъ поръ въ области чистой метафизики, вошелъ, какъ говорится, въ плоть и кровь съ минуты этой дѣйствительно неожиданной встрѣчи, которую влюбленные наши, съ тѣмъ суевѣріемъ, которое такъ присуще вообще страсти, объясняли себѣ какимъ-то особымъ проявленіемъ благоволящей къ нимъ судьбы. Но судьба эта готовила имъ еще много испытаній, прежде чѣмъ „увѣнчать ихъ пламень“, couronner leurs feux, какъ говорятъ французы, законнымъ торжествомъ Гименея, такъ какъ внѣ его не допускала любви молодая женщина... Она представила Бальзака мужу, который очень любезно отнесся къ знаменитому писателю и въ

числѣ другихъ учтивостей сказалъ ему, что онъ почелъ бы себя счастливымъ принять его когда-нибудь въ своемъ замкѣ на Подолѣ—приглашеніе, которое, по его мнѣнію, такъ и должно было остаться учтивостью: какъ было въ самомъ дѣлѣ предположить, что Бальзакъ приметъ его въ-серьезъ и вздумаетъ прикатить изъ Парижа въ глубь Россіи, при тогдашнихъ пространствахъ и медленныхъ способахъ передвиженія по нимъ! Но тотъ принялъ его au mot и пріѣхалъ въ слѣдующій же годъ, а затѣмъ еще разъ, если не два. Мучительныя перипетіи, черезъ которыя за все это время переходила неизсякавшая любовь его къ госпожѣ Ганскѣ, съ неустанными скачками отъ золотыхъ надеждъ къ полному отчаянію и обратно, переданы имъ весьма подробно и съ какою-то особенною страстностью изложенія въ извѣстномъ романѣ его „Le lys dans la vallée“, въ которомъ старый брюзга-мужъ и страдалица долга своего—жена, monsieur et madame de Mortsauf никто иные, какъ чета Ганскихъ. Самъ же Бальзакъ изобразилъ себя въ лицѣ молодаго дипломата Félix de Vandenesse, мучительно подавляющаго свои желанія въ силу благоговѣнія, возбуждаемаго въ немъ святымъ смиреніемъ, съ которымъ исполняетъ свой тяжелый супружескій долгъ страстно любимая имъ мужняя жена...

Не могу, кстати, не припомнить, говоря объ этомъ романѣ, объ эпизодѣ, которымъ почти начинается онъ, и который, между прочимъ, представляетъ собою образчикъ того mauvais goût, которымъ, къ сожалѣнію, нерѣдко грѣшилъ этотъ большой, очень большой писатель.

Vandenesse изображенъ тутъ въ первую минуту дебюта его въ жизни. Онъ воспитанъ въ деревенскомъ замкѣ родителей его, строгихъ легитимистовъ, въ понятіяхъ почти аскетической сдержанности и приличія. Но страстная натура вырывается неотразимо наружу изъ-подъ нравственныхъ вериг, наложенныхъ на нее. Онъ попадаетъ какъ-то вечеромъ въ департаментскомъ городѣ на какой-то большой концертъ или зрѣлище. Спиною къ нему, на ближайшей скамьѣ эстрады, на которой нашелъ онъ себѣ мѣсто, сидитъ молодая женщина въ вечернемъ декольтированномъ платьѣ, изъ котораго выступа-

ютъ восхитительныя, бѣлыя, полныя плечи. Видъ этихъ плечей возмущаетъ всю кровь молодаго человѣка. Онъ не въ силахъ противостоять своему желанію, кидается сзади на эту женщину (оказывающуюся затѣмъ героинею романа, madame de Mortsauf) и „вкусывается въ эти прекрасныя плечи, какъ въ грушу“ (et je mordis dans ces belles épaules comme dans une poire). Картина далеко не эстетичная, хотя и весьма рельефная!...

„Le lys dans la vallée“ заключаетъ, между прочимъ, цѣлый рядъ писемъ, которымъ обмѣниваются любовники въ отсутствіе другъ друга, писемъ, какъ говорятъ, прямо скопированныхъ съ дѣйствительной корреспонденціи автора и предмета его страсти.

Какъ въ романѣ, такъ и въ дѣйствительности, героиня обѣщала любимому человѣку, въ случаѣ смерти мужа, никому, кромѣ него, не принадлежать. Но Бальзаку долго пришлось еще ожидать осуществленія этого обѣта. Ганскій дряхлѣлъ, хилѣлъ, становился все брюзгливѣе и сварливѣе, но умирать все-таки не рѣшался. Прошло еще лѣтъ 7 или 8. Наконецъ...

Нѣтъ, это еще не былъ конецъ. Госпожа Ганска овдовѣла, но по одному изъ тѣхъ, повидимому необъяснимыхъ, но несомнѣнно сущихъ, психическихъ измѣненій, которымъ такъ подвержено женское,—да и одно-ли женское?—сердце, въ ту самую минуту, когда, вполнѣ свободная располагать собою, ей оставалось только протянуть руку человѣку, съ которымъ связывала ее почти 20-лѣтняя взаимная страсть,—она внезапно почувствовала отвращеніе къ нему, отклонила пріѣздъ его къ ней, въ ея „палацъ на Подолѣ“ и перестала отвѣчать на его письма. Можно себѣ представить отчаяніе Бальзака. Онъ тѣмъ не менѣе пріѣхалъ.

Къ этому времени, по всей вѣроятности, относится путешествіе его съ госпожею Ганска въ Петербургъ, куда ее призывалъ какой-то процессъ. Вернулся онъ оттуда въ Парижъ съ новыми, надо полагать, надеждами, судя по тому, по крайней мѣрѣ, что̀ спутникъ его въ ту пору, Рамазановъ, гово-

ритъ въ своихъ воспоминаніяхъ о добромъ расположеніи его духа во время пути.

Овдовѣвшая капризница, тѣмъ не менѣе, долго еще держала его le bec dans l'eau, какъ говорятъ французы. Освободившись отъ многолѣтняго гнета, подъ которымъ изныла ея молодость, она, въ зрѣлыхъ лѣтахъ, очевидно, страшилась новыхъ супружескихъ узъ и оттягивала, насколько могла, моментъ исполненія обѣта, даннаго ею своему обожателю. Вышла она, наконецъ, за него замужъ весьма незадолго (не помню вѣрно, но кажется года за полтора, не болѣе) до его смерти, а умеръ онъ въ 1850 г., на пятьдесятъ второмъ году своей жизни, то-есть въ полной еще силѣ возраста и таланта.

Женитьба на богатой польской вдовѣ обезпечивала Бальзаку матеріальное благосостояніе и почетное положеніе въ обществѣ, къ которымъ стремился онъ въ теченіи всей своей тяжелой трудовой жизни. Но судьба, бывшая ему вѣчно мачихою, не дала ему времени насладиться этими, такъ поздно давшимися ему наконецъ въ руки, благами. Онъ умеръ внезапно, отъ удара, въ прекрасномъ, пріобрѣтенномъ въ Парижѣ его женою домѣ (сохраняющемъ и до сихъ поръ свое названіе hôtel Balzac, хотя онъ, кажется, послѣ недавней кончины его владѣлицы, перешелъ уже въ чужія руки), испытывая до самаго утра, въ которое застала его смерть, передавала мнѣ моя разсказчица,—къ своей, такой же, какъ и онъ, пятидесятилѣтней супругѣ то юношески страстное чувство, съ которымъ герой его „Лиліи въ долинѣ“ „впивался зубами, какъ въ грушу“, въ прекрасныя плечи m-me de Mortsauf.

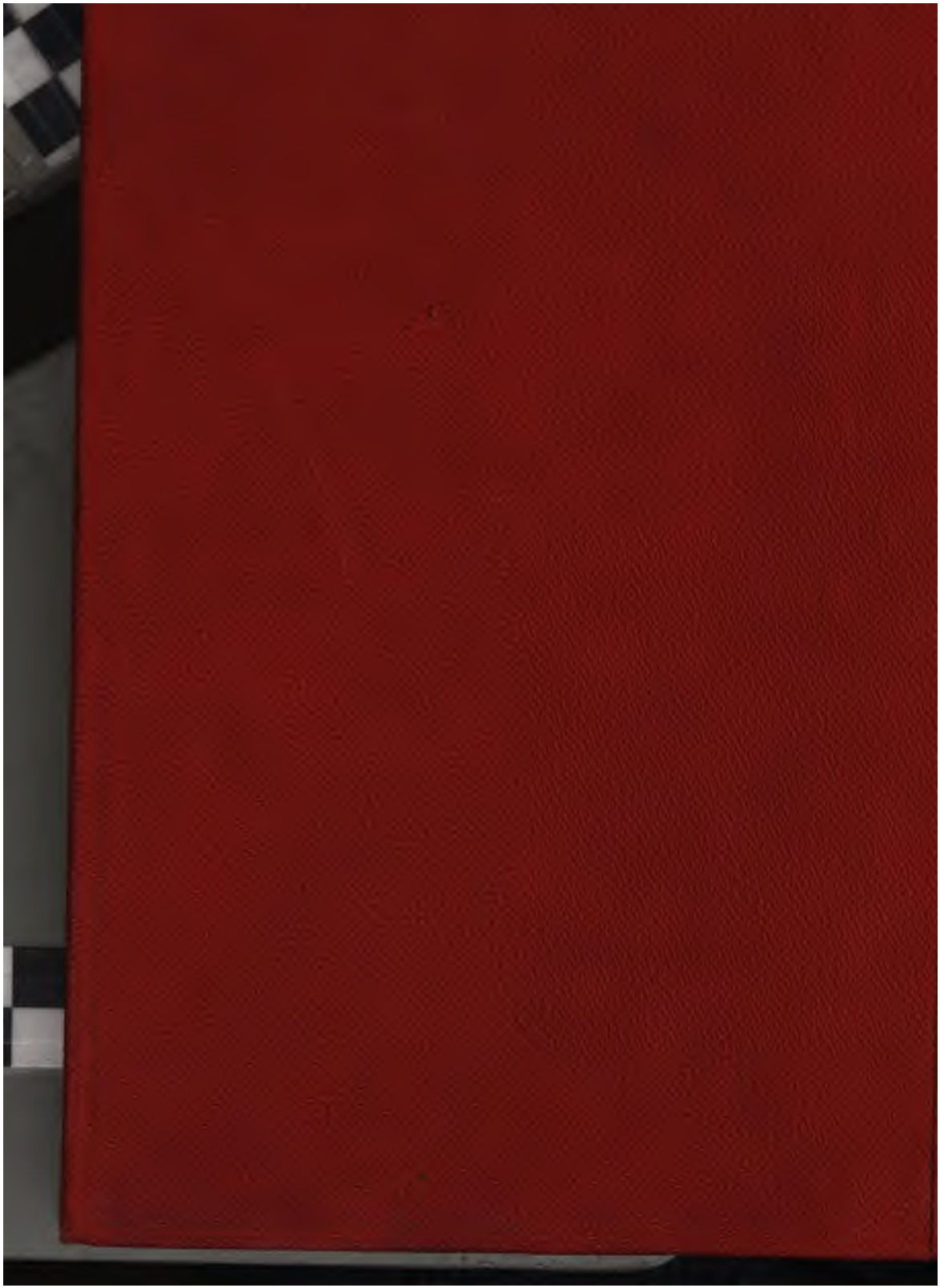
Stanford University Libraries
3 6105 015 012 565

PG
3467
.M327
1885
v.11

DATE DUE

STANFORD LIBRARIES

SEP 16 1987

I. L. L.

Stanford University Libraries
Stanford, Ca.
94305